

A woman with long, wavy blonde hair is the central figure. She is wearing a white, long-sleeved, floor-length gown with a corset-style bodice and a large, flowing skirt. She is looking directly at the camera with a serious expression. Her right hand is raised to her chin, holding a small, ornate object. The background is a dark cityscape at night, with numerous lights from buildings and streets visible. The overall mood is dramatic and mysterious.

ИЗВРАЩЁННАЯ ГОРДОСТЬ

Она должна была стать окончательным триумфом в его извращенной игре мести.

Будет ли принцесса мафии той, кто поставит монстра на колени?

Кора Рейли

Римо Фальконе не подлежит искуплению. Как Капо Каморры он управляет жестокой рукой над своей территорией — территорией, которую нарушила Чикагская семья. Теперь Римо жаждет возмездия. Свадьба священна, украсть невесту кощунственно. Серафина племянница Босса Наряда семьи, и ее рука была обещана для брака в течение многих лет, но похищенная Римо в свадебном платье по пути в церковь, Серафина быстро понимает, что она не может надеяться на спасение. И все же, даже в руках самого жестокого человека, которого она знает, она полна решимости держаться за свою гордость, и Римо скоро понимает, что девушку, находящуюся в его власти, не так легко сломить, как он думал. Безжалостный человек в стремлении, уничтожить Наряд семьи, сломав кого-то, кого они должны защищать. Девушка, намеревающаяся поставить монстра на колени. Две семьи, которые никогда не будут прежними.

- -
-
-

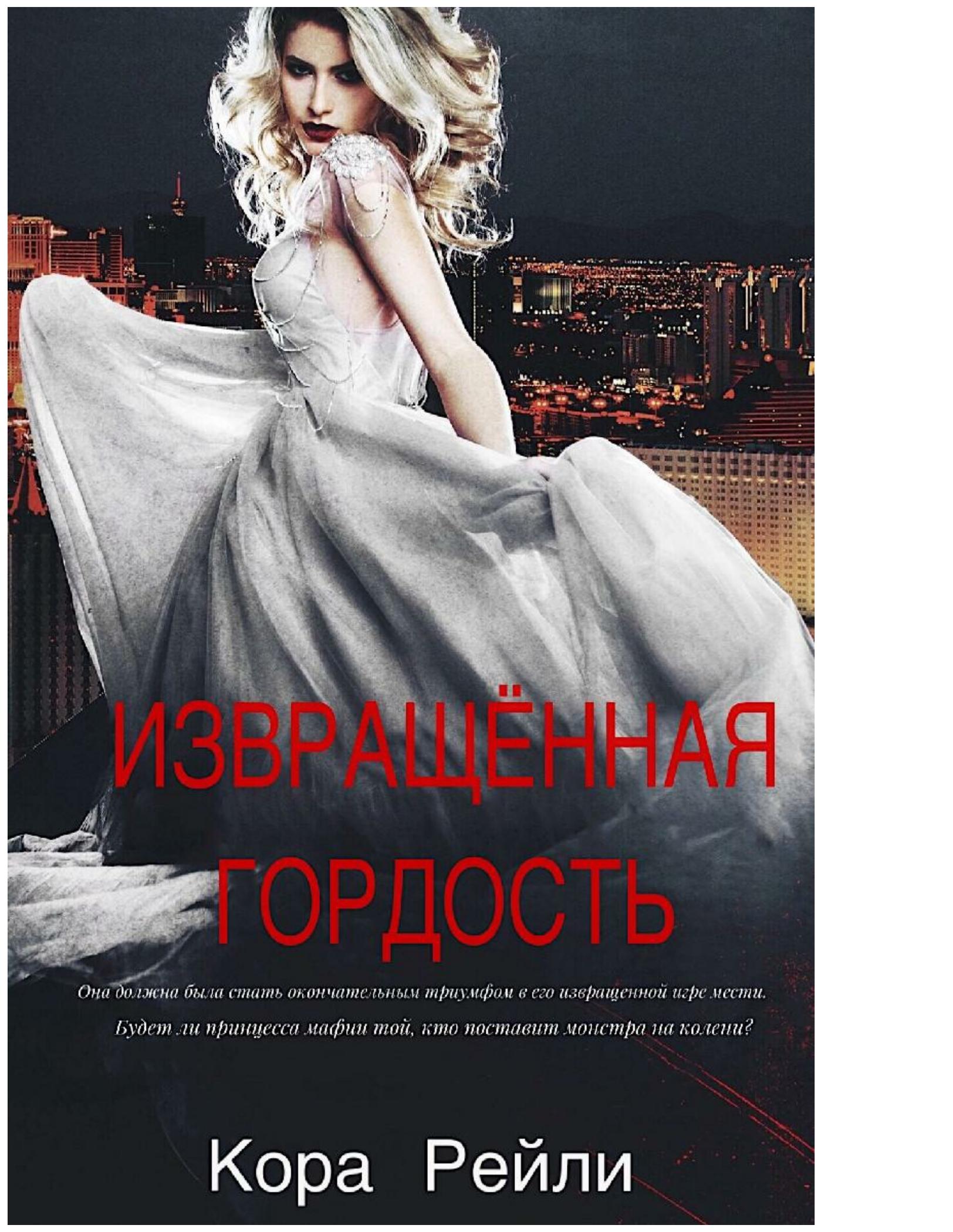
A woman with long, wavy blonde hair is the central figure. She is wearing a white, long-sleeved, floor-length gown with a corset-style bodice and a large, flowing skirt. She is looking directly at the camera with a serious expression. Her right hand is raised to her face, holding a small, ornate object. The background is a dark cityscape at night, with numerous lights from buildings and streets. The overall mood is dramatic and mysterious.

ИЗВРАЩЁННАЯ ГОРДОСТЬ

Она должна была стать окончательным триумфом в его извращенной игре мести.

Будет ли принцесса мафии той, кто поставит монстра на колени?

Кора Рейли

A woman with long, wavy blonde hair is the central figure. She is wearing a white, long-sleeved, floor-length gown with a corset-style bodice and a full, flowing skirt. She is looking directly at the camera with a serious expression. Her right hand is raised to her face, with her fingers near her cheek. The background is a dark cityscape at night, with numerous lights from buildings and streets visible. The overall mood is dramatic and mysterious.

ИЗВРАЩЁННАЯ ГОРДОСТЬ

Она должна была стать окончательным триумфом в его извращенной игре мести.

Будет ли принцесса мафии той, кто поставит монстра на колени?

Кора Рейли

ИЗВРАЩЁННАЯ ГОРДОСТЬ

Серия: Хроники Каморры #3

Автор: Кора Рейли

Аннотация

Римо Фальконе не подлежит искуплению.

Как Капо Каморры он управляет жестокой рукой над своей территорией — территорией, которую нарушила Чикагская семья.

Теперь Римо жаждет возмездия.

Свадьба священна, украсть невесту кощунственно.

Серафина племянница Босса наряда семьи, и ее рука была обещана для брака в течение многих лет, но похищенная Римо в свадебном платье по пути в церковь, Серафина быстро понимает, что она не может надеяться на спасение. И все же, даже в руках самого жестокого человека, которого она знает, она полна решимости держаться за свою гордость, и Римо скоро понимает, что девушку, находящуюся в его власти, не так легко сломить, как он думал.

Безжалостный человек в стремлении, уничтожить наряд семьи, сломав кого-то, кого они должны защищать.

Девушка, намеревающаяся поставить монстра на колени.

Две семьи, которые никогда не будут прежними.

ПРОЛОГ

• ————— ❁ ————— •

СЕРАФИНА

Всю жизнь меня учили быть честной, делать то, что от меня ожидают. Сегодня я пошла против всего этого.

Высокий и смуглый, Римо появился в дверях, чтобы взять свою добычу. Его глаза блуждали по моему обнаженному телу, и я сделала то же самое.

Он был жестоким и извращенным. *Без искупления.*

Жестокая привлекательность, запретное удовольствие, обещанная боль. Он должен был вызвать у меня отвращение, но не вызвал. Не телом и не всегда природой.

Я выключила воду в душе, испугавшись того, чего он хотел, и совершенно испугавшись того, чего хотела я. Это была его игра в шахматы; он был королем, а я пойманной в ловушку королевой, которую наряду нужно было защитить. Он переместил меня на позицию для своего последнего хода: убийства. *Шах.*

Он начал расстегивать рубашку, потом сбросил ее. Он подошел ближе и остановился прямо передо мной.

— Ты всегда смотришь на меня, как на что-то, к чему хочешь прикоснуться, но не можешь. Кто тебя сдерживает, *Ангел?*

Г Л А В А 1

СЕРАФИНА

— Не могу поверить, что ты выходишь замуж через три дня, — сказал Сэмюэль, положив ноги рядом с моими на кофейный столик. Если бы мама увидела, она бы нас задушила.

— Я тоже, — тихо сказала я.

В девятнадцать лет я уже была старше, чем многие другие девушки в нашем мире, когда они вступили в священные узы брака, и я уже долгое время была обещана Данило.

Моему жениху был всего двадцать один год, так что ранний брак был не очень желательным. Конечно же, я не возражала. Это дало мне время закончить школу и остаться дома с Сэмюэлем еще на год. Мы с ним никогда не разлучались надолго, за исключением нескольких дней, когда у него были дела в наряде.

Из-за болезни своего отца, Данило все еще был занят, завоевывая Индианаполис. Более поздняя свадьба была лучшим вариантом для него, но я была девушкой и должна была выйти замуж до моего двадцатилетия.

Я посмотрела на обручальное кольцо на пальце. Выступающий алмаз в центре. Мы должны были расширить кольцо за эти годы, так как мои пальцы росли. Через три дня Данило наденет мне второе кольцо.

Вошла мама с моей сестрой Софией, которая, заметив нас, побежала в нашу сторону и втиснулась на диван между мной и Сэмюэлем. Сэмюэль закатил свои голубые глаза, но обнял нашу младшую сестру, когда она прижалась к нему своими большими щенячьими глазами, растрепав свою коричневую гриву. Она пошла в отца и не унаследовала светлые волосы нашей матери, как Сэмюэль и я.

— Это несправедливо, что ты уезжаешь сразу после свадьбы, Фина. Я думала, у тебя будет больше времени для меня.

Я толкнула ее локтем.

— Эй. — на самом деле я не злилась на нее. Я поняла, откуда это взялось.. Будучи на восемь лет младше нас, она всегда чувствовала себя пятым колесом, так как мы с Сэмюэлем были близнецами.

София смущенно улыбнулась.

— Я тоже буду по тебе скучать.

— Я тоже буду скучать по тебе, божья коровка.

Мама прочистила горло, выпрямилась, сложив руки перед собой. На ней было приталенное, элегантное зеленое платье. Она опустила свои голубые глаза на наши ноги, покоящиеся на столе. Она пыталась бросить на нас строгий взгляд, однако ее дрожащие губы выдавали борьбу с улыбкой. Мы с Сэмюэлем одновременно сбросили ноги со стола.

— Я подумала, что должна предупредить тебя, что Данило только что звонил. Он едет сюда, потому что должен встретиться с твоим отцом и дядей.

Теперь я поняла, почему София тоже была одета в красивое летнее платье. Я даже не знала, что отец ждет его. Завтра я уезжаю Индианаполис.

Я вскочила на ноги.

— Через сколько?

— Через десять минут.

— Мама! — мои глаза расширились от ужаса. — Как я должна подготовиться за такое количество времени?

— Ты прекрасно выглядишь, — протянул Сэмюэль, ухмыляясь, его короткие светлые волосы были в беспорядке. Он мог выглядеть растрепанным, но я определенно не могла.

Я прищурилась.

— Ох, заткнись. — я выбежала из комнаты, чуть не столкнувшись с папой. Он отступил назад, глядя на меня с вопросительной улыбкой.

— Мне нужно подготовиться!

У меня не было времени объяснять, он мог спросить маму. Я перескакивала через две ступеньки. В тот момент, когда я, спотыкаясь, вошла в ванную и увидела свое отражение, я съежилась.

О Господи! Мое лицо покраснелось, а волосы растрепались вокруг плеч. Мои простые джинсы и футболка не придавали вид подобающей будущей жены. Черт подери!

Я быстро ополоснула лицо и схватилась за плойку. Мои волосы завивались от природы, но я всегда выпрямляла их, если рядом был кто-то еще, кроме моей семьи. На этот раз у меня было пять минут. Я ворвалась обратно в спальню и начала рыться в шкафу. Выбор правильного платья для такого случая занял бы не менее часа, а теперь у меня была всего минута, если я хотела успеть накраситься.

Я схватила розовое платье, которое я заказала онлайн некоторое время назад, но никогда не носила и надела его. Я тут же вспомнила, почему не надевала его раньше: оно заканчивалось на несколько дюймов выше колен, открывая больше длинных ног, чем я обычно показывала, особенно когда рядом были мужчины. Данило станет моим мужем через три дня. Было справедливо, что он видел немного больше того, чего он получал.

Нервный трепет охватил мое тело, но я оттолкнула его и быстро скользнула в соответствующие каблуки, затем поспешила к своему туалетному столику. У меня не было времени на макияж. Моя кожа была совершенно безупречной, поэтому я решила отказаться от тонального крема и только нанесла немного румян и туши, прежде чем выбежать из своей комнаты и вниз по коридору к лестнице.

Я значительно замедлила шаги, когда слышала Данило, Сэмюэля и папу в фойе внизу. Было бы неразумно делать вид, будто я спешу подготовиться к встрече с любым мужчиной, даже с моим женихом.

Они пожали друг другу руки и обменивались любезностями. Я встречалась с Данило

несколько раз. Я была обещана ему с четырнадцати лет, а он с шестнадцати, но на этот раз это чувствовалось слишком интимно.

Всего через три дня я стану его женой и разделю с ним постель. Данило был очень привлекателен и имел большой успех у девушек — дамский угодник — но для меня он всегда был идеальным джентльменом. Он был одет в белую рубашку и черные брюки, его темные волосы были безупречны.

Я сделала первый шаг, нарочно поставив ногу на скрипучую ступеньку, вытянув одну длинную ногу и высоко подняв голову.

Все взгляды обратились ко мне. Взгляд Данило остановился на моих обнаженных ногах, затем он быстро поднял свои карие глаза, чтобы встретиться со мной глазами, улыбаясь. Папа и Сэмюэль мельком взглянули на мои ноги, но их реакция была менее чем взволнованной. Папа был терпелив и любвеобилен с мамой, нами детьми, и даже с Сэмюэлем, который легко забывал, что он был младшим боссом Миннеаполиса — которого нужно бояться. Я быстро вспомнила, каким страшным он может быть, когда он положил руку на плечо Данило с жестким выражением лица.

— Я хотел бы дать тебе кое-что в моем кабинете, Данило, — сказал он холодным голосом.

Данило не был впечатлен переменой настроения моего отца. Он собирался стать самым молодым младшим боссом в истории наряда и практически уже правил Индианаполисом, потому что его отец был очень болен. Он коротко кивнул.

— Конечно, — спокойно ответил он, выходя намного старше своих лет.

Закаленный, взрослый. Он был больше мужчиной, чем я ощущала себя девушкой. Данило еще раз улыбнулся мне и последовал за отцом.

Я спустилась по оставшимся ступенькам, и Сэмюэль преградил мне путь.

— Иди переоденься.

— Прошу прощения?

Он указал на мои ноги.

— Ты показываешь слишком много ног.

Я указала на свои руки и горло.

— А еще я показываю шею и руки. — я подняла одну ногу. — И у меня красивые ноги.

Сэмюэль посмотрел на мою ногу, потом на лицо и нахмурился.

— Да, но Данило не должен этого знать.

Я фыркнула, затем быстро огляделась, обеспокоенная тем, что Данило был достаточно близко, чтобы слышать.

— В первую брачную ночь он увидит больше, чем мои ноги. — непроизвольный жар обжег мои щеки. Лицо Сэмюэля потемнело.

— Уйди с дороги, — сказала я, пытаюсь пройти мимо него.

Лицо Сэмюэля потемнело.

— Иди переоденься, Фина. Сейчас же, — приказал он голосом, который, вероятно, приберегал для деловых встреч с другими искусными людьми.

Я не могла поверить своим глазам. Неужели он думает, что я подчинюсь ему только потому, что он член мафии? Это не работало последние пять лет.

Я быстро потянулась к его животу и сильно ущипнула его, что было нелегко, учитывая, что Сэмюэль был мускулистым.

Он вздрогнул от неожиданности. Я воспользовалась его мгновенным отвлечением,

чтобы проскользнуть мимо него, затем сделала вид, что покачиваю бедрами, направляясь в гостиную. Сэмюэль догнал меня.

— У тебя невыносимый характер.

Я улыбнулась.

— У меня твой характер.

— Я мужчина. Девушки должны быть послушными.

Я закатила глаза. Сэмюэль скрестил руки на груди и прислонился к стене у окна.

— Ты всегда ведешь себя как благовоспитанная леди, когда рядом другие, но Данило получит неприятный сюрприз, как только поймет, что получил не леди, а неистовую девушку.

Вспышка беспокойства затопила меня. Сэмюэль был прав. Все, кроме моей семьи, знали меня, как ледяную принцессу. Наша семья славилась уравновешенностью и самообладанием. Единственные, кто знал меня по-настоящему, были мои родители, София и Сэмюэль.

Смогу ли я когда-нибудь быть собой рядом с Данило? Или это его отпугнет? Данило всегда держал себя в руках, и, возможно, именно поэтому дядя Данте и папа выбрали его моим мужем — и потому, что он был наследником одного из самых важных городов наряда.

Раздался стук в дверь, я обернулась и увидела Данило. Его карие глаза встретились с моими, и он слегка улыбнулся. Затем его взгляд переместился на Сэмюэля, прислонившегося к стене позади меня. Лицо Данило слегка напряглось.

Я рискнула оглянуться через плечо и увидела, что брат смотрит на моего жениха так, словно хочет стереть его в порошок. Я попыталась поймать взгляд Сэмюэля, но он был доволен, убивая Данило глазами. Я не могла ему поверить.

— Сэмюэль, — сказала я натянутым вежливым голосом.

— Почему бы тебе не дать нам с Данило минутку?

Сэмюэль оторвал взгляд от моего жениха и улыбнулся.

— Я уже даю тебе минутку.

— Наедине.

Сэмюэль покачал головой, его улыбка потемнела, глаза вернулись к Данило.

— Я обязан защищать твою честь.

Жар прилил к моим щекам. Если бы Данило не было в комнате, я бы набросилась на брата и свернула ему шею.

Данило подошел ко мне и поцеловал руку, но его глаза были прикованы к моему брату.

— Могу тебя заверить, что честь Серафины в моем обществе в полной безопасности. Я подожду до нашей брачной ночи, чтобы заявить свои права ... когда она больше не будет твоей ответственностью.

Голос Данило угрожающе понизился. Он никогда раньше не намекал на секс, и я знала, что он хотел спровоцировать моего брата. Власть играет между двумя альфами.

Сэмюэль качнулся вперед, прочь от стены, его рука потянулась к ножу. Я повернулась и подошла к своему близнецу, положив руку ему на грудь.

— Сэмюэль, — сказала я предупреждающим тоном, впиваясь ногтями в его кожу через ткань рубашки. — Данило мой жених. Дай нам минутку.

Сэмюэль опустил взгляд на мое лицо, и на этот раз выражение его лица не смягчилось.

— Нет, — твердо сказал он. — И ты не бросишь вызов моему приказу.

Я часто забывала, кем был Сэмюэль. Он был моим близнецом, моим лучшим другом,

моим первым доверенным лицом, но в течение пяти лет он был членом мафии, убийцей, и он не отступит перед другим человеком, особенно перед тем, кого ему придется встретить, как такого же младшего босса.

Если я буду продолжать в том же духе, он будет выглядеть слабаком, и через несколько лет он должен будет занять место младшего босса у отца. Хотя я ненавидела это делать и никогда не делала этого раньше, я опустила глаза, как будто подчиняясь ему.

Данило мог быть моим женихом, но Сэмюэль всегда будет моей кровью, и я не хотела, чтобы он выглядел слабым перед кем-то.

— Ты прав. — покорно согласилась я. — Мне очень жаль.

Самуэль коснулся моего плеча и слегка сжал.

— Данило. — сказал он тихо. — Моя сестра сейчас уйдет. Я хочу поговорить с тобой наедине.

Моя кровь закипела, я виновато улыбнулась Данило, прежде чем уйти. Оказавшись снаружи, моя улыбка исчезла, и я ворвалась в фойе, нуждаясь в свежем воздухе. Где же папа? Я повернула за угол и столкнулась с кем-то.

— Осторожно, — раздался хорошо знакомый мне протяжный голос, и две руки удержали меня.

Я подняла глаза.

— Дядя Данте, — сказала я с улыбкой, а потом покраснела, потому что врезалась в него, как пятилетний ребенок устроившую истерику.

Я разгладила платье, стараясь выглядеть уравновешенной. В конце концов, мой дядя был *чистым контролем*. Он был боссом наряда семьи.

Данте наклонил голову с легкой улыбкой.

— Что-то случилось? Ты выглядишь расстроенной.

Мои щеки запылали еще сильнее.

— Сэмюэль смутил меня перед Данило. Теперь он с ним наедине. Сказать пару слов. Можешь проверить их, пока Сэмюэль все не испортил?

Данте усмехнулся, но кивнул.

— Твой брат хочет защитить тебя. Где они?

— В гостиной, — ответила я.

Он сжал мое плечо, прежде чем уйти. Гнев все еще кипел у меня под кожей. Я заставлю Сэмюэля заплатить за это. Я поднялась наверх и вошла в его комнату. Несколько ножей и оружия, принадлежащих музею, украшали стены, но кроме этого они были практически меблированы. Через неделю или две Сэмюэль переедет в свою квартиру в Чикаго и пару лет будет работать непосредственно под руководством Данте, а потом вернется в Миннеаполис и сменит отца.

Я опустилась на его кровать, ожидая. С каждой секундой, что прошло, я стала более нервной. Я встала и прошлась по комнате.

Услышав его шаги, я остановилась и спряталась за дверь, осторожно выскальзывая из туфель. Дверь открылась, и вошел Сэмюэль. Я подпрыгнула, пытаюсь приземлилась ему на спину и обвила руками его шею, как я часто делала в прошлом.

Сэмюэль поймал меня, перекинул через плечо, несмотря на все мои усилия, и бросил на кровать. Потом он прижал меня к себе, взъерошил волосы и пощекотал.

— Стой! — я взвизгнула между смехом. — Сэм, стой!

Он остановился, но самодовольно улыбнулся.

— Ты не можешь победить меня.

— Мне больше нравилось, когда ты был тощим мальчиком, а не этой машиной для убийства, — пробормотала я.

Что-то темное промелькнуло в глазах Сэмюэля, я коснулась его груди и слегка толкнула, отвлекая от ужасов, которые он вспоминал.

— Как сильно ты опозорил меня перед Данило?

— Я обсудил с ним детали вашей первой брачной ночи.

Я в ужасе уставилась на Сэмюэля.

— Ты не сделал этого.

— Я сделал.

Я села.

— Что ты сказал?

— Я сказал ему, чтобы он обращался с тобой как с леди в первую брачную ночь. Никакого доминирующего дерьма или что-нибудь подобное.

Мои щеки вспыхнули, и я сильно ударила его по плечу. Он нахмурился, потирая удар.

— Что?

— Что?? Ты *смутил* меня перед Данило. Как ты можешь говорить о чем-то подобном с ним? Моя брачная ночь тебя не касается.

Все мое лицо горело от смущения и гнева. Я не могла ему поверить. Конечно, он всегда защищал меня, но это зашло слишком далеко.

Сэмюэль поморщился.

— Поверь, мне было нелегко. Мне не нравится думать, что моя младшая сестра будет заниматься сексом.

Я ударила его еще раз.

— Ты всего на три минуты старше. И ты занимаешься сексом уже много лет. Ты хоть знаешь, со сколькими девушками переспал?

Он пожал плечами.

— Я мужчина.

— Заткнись, — пробормотала я. — Как я смогу встретиться с Данило после того, что ты сделал?

— Если бы это зависело от меня, ты бы стала монахиней, — сказал Сэмюэль, и я потеряла дар речи.

У него был способ загнать меня на стену. Я снова бросилась на него, но, как и прежде, это было бесполезно. Последний раз у меня был шанс сразиться с Сэмюэлем более пяти лет назад. Сэмюэль обнял меня сзади и удержал на месте.

— Думаю, я отнесу тебя вниз вот так. Данило все еще разговаривает с Данте. Уверен, ему понравится видеть свою будущую жену такой растрепанной. Может быть, он решит не жениться на тебе, если увидит, что ты не совсем послушная леди, какой хочешь казаться.

— Ты не посмеешь! — я ляглась, но Сэмюэль нес меня, прижав к груди, как марионетку.

Вошел папа, переводя взгляд с меня, прижатой к Сэмюэлю, на моего близнеца, крепко сжимающего меня. Он покачал головой.

— Я думал, ты прекратишь эти бои, когда повзрослеешь.

Сэмюэль отпустил меня, и я встала на ноги. Он разгладил одежду, поправил кобуру с пистолетом и ножом.

— Это она начала.

Я посмотрела на него. Пригладив волосы и одежду, я прочистила горло.

— Он смутил меня перед Данилой, папа.

— Я сказал Данило, что оторву ему яйца, если он не будет хорошо обращаться с ней в первую брачную ночь.

Я нахмурилась на своего близнеца. Он не упомянул мне эту деталь. Папа грустно улыбнулся, коснувшись моей щеки.

— Моя голубка. — затем он подошел к Сэмюэлю и хлопнул его по плечу. — Ты сделал все хорошо.

Я недоверчиво посмотрела на них. Подавив раздражение и, что еще хуже, благодарность за их покровительство, я вышла из спальни Сэмюэля в свою. Я села на кровать, внезапно охваченная печалью. Я покидала свою семью, свой дом, в город, которого не знала, мужа, которого едва знала.

Услышав незнакомый стук, я встала, подошла к двери и открыла ее. Меня охватило удивление, когда я увидела высокую фигуру Данило. Я открыла дверь пошире, но не пригласила его войти. Это было бы слишком прямолинейно. Вместо этого, я вышла в коридор.

— Я не могу пригласить тебя войти.

Данило дал мне понимающей улыбкой.

— Конечно, нет. Если ты беспокоишься, твой дядя знает, что я здесь.

— О, — сказала я, ошеломленная его присутствием и воспоминаниями о том, что сделал Сэмюэль.

— Я хотел попроситься. Я ухожу через несколько минут, — продолжил он.

— Прости, — сказала я с достоинством, насколько позволяло мое пылающее лицо.

Данило улыбнулся, слегка нахмурившись.

— За что?

— За то, что сделал мой брат. Он не должен был говорить с тобой о ... о нашей брачной ночи.

Данило усмехнулся и придвинулся ближе ко мне, его пряный запах окутал меня. Он взял мою руку и поцеловал. Мой желудок затрепетал.

— Он хочет защитить тебя. Это почетно. Я его не виню. С такой девушкой, как ты, следует обращаться как с леди, и я буду обращаться с тобой так в нашу первую брачную ночь и каждую последующую ночь. — он наклонился и легонько поцеловал меня в щеку. По его глазам было ясно, что он хочет большего. Он отступил назад, отпуская мою руку. Я сглотнула. — Я с нетерпением жду свадьбы с тобой, Серафина.

— Я тоже, — тихо сказала я.

Бросив на меня последний взгляд, он повернулся и вышел. С колотящимся сердцем я вернулась в свою комнату и плюхнулась на кровать. Я не была влюблена в Данило, но могла представить, что влюблюсь в него. Это было хорошее начало и лучшее, чем многие другие девушки имели в моем мире.

Через несколько минут кто-то постучал снова. На этот раз я узнала беззастенчивый стук кулака по дереву.

— Войди, — сказала я.

Мне не нужно было поднимать голову, чтобы узнать, кто это. Я узнала шаги Сэмюэля с закрытыми глазами. Он опустился рядом со мной.

— Спасибо, что послушалась меня, когда Данило был рядом, — тихо сказал Сэмюэль.

Он взял меня за руку.

— Ты должен выглядеть сильным. Я не хотела, чтобы ты выглядел слабым.

Я подняла на него глаза, в которых стояли слезы. Его лицо напряглось.

— Ты ненавидишь это.

— Конечно, ненавижу.

Сэмюэль отвел взгляд.

— Мне ненавистна мысль, что тебе придется подчиняться Данило или кому-то еще.

— Я могла бы быть хуже, чем Данило. Он джентльмен рядом со мной.

Сэмюэль мрачно рассмеялся.

— Фина, он ничем не хуже младшего босса Индианаполиса и, несмотря на возраст, держит своих людей под контролем. Я видел его в действии. Он такой же человек, как мы с папой. Он ожидает послушания.

Я с любопытством посмотрела на него.

— Ты никогда не ожидал от меня послушания.

— Я хотел этого, — шутливо пробормотал он и снова стал серьезным. — Ты моя сестра, а не жена. Это другое дело.

— Будешь ли ты ожидать послушания от своей жены?

Сэмюэль нахмурился.

— Понятия не имею. Возможно.

— Как ты относишься к девушкам, с которыми встречаешься?

Я никогда не встречала никого из них. Члены мафии были с чужими в свои постели до свадьбы, а этих девушек не пускали в наши дома. Быстро и неожиданно лицо Сэмюэля стало нечитаемым.

— Это не имеет значения. — он встал. — И не важно, как Данило обращается со своими шлюхами. Ты принцесса мафии, моя сестра, и я клянусь честью, что выслежу его, если он не будет обращаться с тобой, как с леди.

Я улыбнулась своему близнецу.

— Мой защитник.

Сэмюэль улыбнулся в ответ.

— Всегда.

Г Л А В А 2

• ————— * ————— •

РИМО

— Ты готов? Мы должны сорвать свадьбу, — сказал я, ухмыляясь.

Возбуждение шипело под моей кожей, низкий огонь, который горел ярче с каждой секундой, когда я приближался к своей цели.

Фабиано вздохнул, проверил пистолет и сунул его обратно в кобуру.

— Я готов, к этому безумию, как никогда.

— Гениальность и безумие часто взаимозаменяемы. И то и другое привело к величайшим событиям в истории человечества.

— Мне кажется, ты раздражаешь меня больше всего, когда говоришь, как Нино, со своим собственным безумием, — сказал Фабиано. — Не могу поверить, что нахожусь всего в нескольких милях от отца и не могу разорвать его в клочья.

— Ты его получишь. Мой план приведет к нему в конце концов.

— Мне не нравится эта часть. У меня такое чувство, что этот план нечто большее, чем убийство моего отца и наказание отряда.

Я откинулся на спинку сиденья.

— И про что же это будет?

Фабиано встретился со мной взглядом.

— Про то, что ты получишь племянницу Данте по какой-то безумной причине.

Мои губы растянулись в мрачной улыбке.

— Ты прекрасно знаешь, почему я хочу ее.

Фабиано откинулся на спинку сиденья, лицо его напряглось.

— Не думаю, что даже ты точно знаешь, зачем она тебе нужна. Но я знаю, что девушка заплатит за то, что не несёт ответственности.

— Она часть нашего мира. Рождена и воспитана, чтобы быть матерью для большего количества ублюдков. Рождена и воспитана, чтобы повиноваться, как безмозглая овца. Она была воспитана, чтобы следовать за своим пастухом без колебаний. Он повел ее к стае волков. Это его ошибка, но она будет разорвана на части.

Фабиано покачал головой.

— Черт, Римо. Ты сумасшедший ублюдок.

Я крепко обхватил пальцами его предплечье, его татуировку Каморры — клинок и глаз.

— Ты один из нас. Мы истекаем кровью и умираем вместе. Мы калечим и убиваем вместе. Не забывай свою клятву.

— Не забуду. — просто ответил он.

Я отпустил его. Мой взгляд переместился на фасад отеля, где родители Серафины, Инес и Пьетро Мионе, только что вышли за дверь с молодой темноволосой девушкой между ними. Одетая в вечернее платье на свадьбу года, Инес была удивительно похожа на своего брата. Высокая, светловолосая и гордая. Такая чертовски гордая и сдержанная.

— Теперь уже недолго, — сказал я, глядя на улицу, где ждала машина с двумя моими солдатами.

Фабиано вставил ключи в зажигание, пока мы смотрели, как отъезжают Мионе.

— Ее близнец останется с ней. — сказал он. — А еще есть телохранитель.

Мои глаза отыскивали мужчину средних лет за рулем лимузина Бентли, припаркованного на подъездной дорожке к отелю. Чертова цветочная композиция на капоте. Белые цветочки. Мне хотелось раздавить их ногами.

— Они слишком упрощают поиск машины невесты, — сказал я со смехом.

— Потому что они не ожидают нападения. Это никогда не происходило раньше. Похороны и свадьбы священны.

— Кровавые свадьбы бывали и раньше. Они должны знать лучше.

— Но эти свадьбы стали кровавыми, потому что гости дрались друг с другом. Я не думаю, что кто-то когда-либо нападал на свадьбу, особенно на невесту, специально. Честь запрещает это.

Я усмехнулся.

— Мы Каморра. Мы имеем наш собственный набор правил, наше собственное представление о чести.

— Думаю, сегодня они это поймут, — натянуто произнес он.

Мой взгляд скользнул по фасаду отеля. Где-то за окнами Серафина готовилась к

свадьбе. Она будет ухожена до совершенства, призрак в белом. Я не мог дожидаться, когда смогу дотронуться до нее, окрасить идеально белую ткань в кроваво-красный цвет.

СЕРАФИНА

— Ты не должна бояться, милая, — тихо сказала мама, чтобы София не услышала ее.

Моя младшая сестра была занята тем, что дергала шпильки, удерживая волосы на макушке, и гримасничала.

— Я не боюсь. — быстро ответила я, что было ложью.

Не то чтобы я слишком боялась переспать с Данило, но я нервничала и боялась смутить себя. Мне не нравилось быть плохой в вещах, но я буду плохой, если у меня не было опыта.

Она понимающе посмотрела на меня.

— Это нормально нервничать. Но он порядочный человек. Данте всегда говорит о Данило восторженно.

Мама пыталась говорить небрежно, но безуспешно. Она гладила мои волосы, как она делала, когда я была маленькой.

Мы обе знали, что есть разница между порядочным человеком и верным солдатом. Дядя Данте, вероятно, основывал свое суждение о Данило на последнем. Впрочем, это не имело значения. Данило всегда был джентльменом, и через несколько часов он станет моим мужем. Мой долг подчиниться ему, и я сделаю это.

Мой парикмахер занял мамино место и начала закалывать мои светлые волосы, укладывая в них жемчужины и нити белого золота. Мама заметила, что София борется с прической, и быстро подошла к ней.

— Прекрати, София. Ты уже распутала несколько прядей.

София опустила руки с покорным видом. Потом ее голубые глаза встретились с моими. Я улыбнулась ей. Избегая дергающих рук мамы, она подошла ко мне и посмотрела на меня.

— Не могу дождаться, когда стану невестой.

— Сначала тебе нужно закончишь школу, — поддразнила я ее.

Ей было всего одиннадцать, и она еще никому не была обещана. Для нее свадьба это выглядеть красивой и выйти замуж за рыцаря. Я завидовала ее невежеству.

— Готово, — объявил парикмахер и отступила на шаг.

— Спасибо, — сказала я. Она кивнула и быстро выскользнула, давая нам время.

Платье было совершенно ошеломляющим. Я не могла перестать любоваться собой в зеркале, поворачиваясь налево и направо. Вышитые жемчугом и серебром нити красиво отражали свет, а юбка была мечтой, состоящей из нескольких слоев тончайшего тюля. Мама покачала головой, слезы застилали ей глаза.

— Не плачь, мама, — предупредила я ее. — Ты испортишь макияж. И если ты начнешь плакать, я тоже заплачу, и тогда мой макияж тоже будет испорчен.

Мама кивнула, моргая.

— Ты права, Фина. — она промокнула глаза уголком салфетки.

Мама не относилась к эмоциональному типу. Она была похожа на своего брата, моего дядю Данте. София просияла взглянув на меня.

Раздался стук в дверь, и папа заглянул. Он замер и медленно шагнул внутрь, не сказав ни слова. Я видела эмоции, плывущие в его глазах, но он никогда не показывал этого открыто. Он подошел ко мне и коснулся двумя пальцами моих щек.

— Голубка, ты самая красивая невеста, которую я когда-либо видел.

Мама подняла брови в притворном шоке. Папа рассмеялся, взял ее за руку и поцеловал

костяшки пальцев.

— Ты, конечно, была потрясающей невестой, Инес.

— Что насчет меня? — спросила София. — Может быть, я буду еще красивее?

Папа поднял палец.

— Я всегда буду считать тебя своей маленькой дочерью. Никакого брака для тебя.

София надулась, а папа покачал головой.

— Нам нужно идти в церковь.

Он поцеловал меня в щеку и взял Софию за руку. Все трое вышли. Мама снова повернулась ко мне и гордо улыбнулась. Сэмюэль появился в дверях, одетый в черный костюм и синий галстук.

— Ты выглядишь щеголевато, — сказала я ему и почувствовала волну тоски. Он будет в сотнях миль от меня, как только я перееду на виллу Данило в Индианаполисе.

— А ты прекрасно выглядишь, — тихо сказал он, окидывая меня взглядом с головы до ног.

Он оттолкнулся от косяка и двинулся ко мне, засунув руки в карманы.

— Без тебя будет странно.

— Я скажу Софии, что она должна держать тебя в тонусе.

— Это не будет то же самое.

— Через несколько лет ты женишься. И скоро ты будешь еще больше занят мафиозными делами. Ты даже не заметишь, как я уйду.

Сэмюэль вздохнул и посмотрел на свои часы Ролекс, которые отец подарил ему пять лет назад.

— Нам тоже нужно идти. Церемония начнется через сорок пять минут. Дорога до Церкви займет не меньше тридцати минут.

Церковь находилась за пределами города. Я хотела, чтобы празднование состоялось в отреставрированном сарае в сельской местности, в окружении леса, а не в городе.

Я кивнула, затем еще раз посмотрела на свое отражение, прежде чем взять его протянутую руку. Взявшись за руки, мы вышли из номера и спустились в вестибюль. Люди поглядывали в мою сторону, и я должна была признать, что наслаждалась их вниманием. Платье обошлось в целое состояние. Это было справедливо, так как больше людей увидят меня в нем. Эта свадьба была самым большим светским событием в наряде за многие годы.

Сэмюэль открыл для меня дверцу черного Бентли, и я скользнула на заднее сиденье, пытаясь запахнуть юбку платья. Сэмюэль закрыл дверь и сел на переднее сиденье рядом с водителем, моим телохранителем.

Мы отстранились, и мой желудок взорвался бабочками. Меньше чем через час я стану женой Данило. Это все еще казалось невозможным. Вскоре высокие здания уступили место редким полям и деревьям.

Сэмюэль поерзал на переднем сиденье, вытаскивая пистолет.

— Что случилось? — спросила я.

Мы прибавили скорость. Сэмюэль оглянулся через плечо, но не на меня. Я тоже обернулась и увидела машину с двумя мужчинами. Сэмюэль достал телефон и поднес к уху. Прежде чем он успел что-то сказать, сбоку появилась еще одна машина и столкнулась с нашим багажником. Мы развернулись. Я вскрикнула, вцепившись в сиденье, когда ремень впился мне в кожу.

— Ложись! — закричал Сэмюэль.

Я отстегнула ремень и бросилась вперед, закинув руки за голову. Мы столкнулись с чем-то еще, затем остановились. Что происходит?

Сэмюэль распахнул дверь и начал стрелять. Мой телохранитель последовал за ним. Я закричала, когда осколки стекла посыпались на мою кожу. Мужчина вскрикнул, и я вскинула голову.

— Сэмюэль? — закричала я.

— Беги, Фина!

Я протиснулась в щель между передними сиденьями и обнаружила Сэмюэля, прислонившегося к машине, кровь текла по руке, которую он прижимал к боку. Я выбралась из двери и опустилась на землю рядом с ним, прикасаясь к нему.

— Сэм?

Он натянуто улыбнулся.

— Со мной все будет в порядке. Беги, Фина. Они хотят тебя. Беги.

— Кто меня хочет?

Я непонимающе уставилась на него. Он снова выстрелил в нападавших.

— Беги!

Я вскочила на ноги. Если я им понадобится, они последуют за мной, если я уйду и оставлю Сэмюэля одного.

— Вызови подкрепление.

Я сбросила туфли, схватилась за платье и побежала так быстро, как только могла. Белые лепестки из разрушенной цветочной композиции прилипли к пальцам ног. В меня никто не стрелял. Это означало, что я нужна им живой, и я знала, что это не может быть хорошо. Я повернула направо, где передо мной раскинулся лес. Это был мой единственный шанс от них уйти. Мое дыхание стало прерывистым. Я была в хорошей форме и хорошо бегала, но тяжелая ткань моего платья замедляла меня. Ветки рвали платье, заставляя меня спотыкаться.

Позади послышались тяжелые шаги. Я не осмеливалась оглянуться через плечо, чтобы увидеть, кто преследует меня. Шаги приблизились ко мне. Боже. Это платье делало меня слишком медленной. Сэмюэль уже вызвал подкрепление?

И тут худшая мысль прогнала мою последнюю. Что, если Сэмюэль не выживет? Я повернула направо, решив бежать обратно к машине.

К одним шагам присоединились еще дополнительные. Два преследователя. Страх пульсировал в моих венах, но я не замедлила шаг. Тень появилась в углу моего глаза, и внезапно высокая фигура появилась с моей стороны.

Я вскрикнула за секунду до того, как чья-то рука обхватила меня за талию. От силы удара я потеряла равновесие и упала на землю. Тяжелое тело раздавило мое. Воздух вырвался из моих легких, и мое зрение почернело от удара о землю.

Я начала брыкаться, дергаться, царапаться и кричать во всю глотку. Но несколько слоев тюли закрывали мое лицо и затрудняли движение. Если папа и Данте прибыли с подкреплением, им нужно было услышать меня, чтобы найти.

Чья-то рука зажала мне рот, и я прикусила ее.

— Блять!

Рука отдернулась, и голос показался мне отдаленно знакомым, но я не могла понять, откуда он взялся. Тюль по-прежнему закрывал мне обзор. Я различила над собой две фигуры. Высокий. Один темный, другой блондин.

— Нам нужно спешить, — прорычал кто-то. Я вздрогнула от абсолютной жестокости голоса.

Тяжесть легла на мои бедра, и две сильные руки схватили меня за запястья, опуская их на землю. Я попыталась вырваться, но чья-то рука потянулась к моему лицу. Я снова попыталась укусить, но не смогла. Мой диапазон движений был ограничен руками над головой. Тюль с моего лица сняли, и я наконец-то увидела нападавших.

У человека, сидевшего у меня на бедрах, были черные волосы, черные глаза и шрам на лице. Взгляд, который он бросил на меня, послал волну ужаса по моему телу.

Я видела его раньше, но не знала где. Мой взгляд метнулся к другому мужчине, держащему мои руки, и я замерла. Я знала блондина и его голубые глаза.

Фабиано Скудери, мальчик, с которым я играла, когда была маленькой. Мальчик, который сбежал и присоединился к Каморре.

Наконец он щелкнул. Мой взгляд метнулся обратно к черноволосому мужчине. Римо Фальконе, Капо Каморры. Я резко дернулась, новая волна паники придала мне сил. Я выгнулась дугой, но Римо не сдвинулся с места.

— Успокойся, — сказал Фабиано. Одна из его рук кровоточила там, где я его укусила.

Успокоиться? Успокоиться? Каморра пыталась похитить меня!

Открыв рот, я снова попыталась закричать. На этот раз Римо закрыл мне рот, прежде чем я успела причинить ему боль.

— Дай ей транквилизатор, — приказал он.

Я отчаянно затрясла головой, но что-то укололо меня в локоть и пронзило кожу. Мои мышцы стали тяжелыми, но я не потеряла сознание полностью. Меня отпустило, и Римо Фальконе просунул руки под меня и выпрямился.

Мои конечности безвольно свисали по бокам, но глаза оставались открытыми и смотрели на моего пленителя. Его темные глаза на мгновение остановились на мне, прежде чем он побежал. Деревья и небо пронеслись мимо, когда я посмотрела вверх.

— Fiina! — я слышала Сэмюэля издалека.

— Сэм, — едва слышно прохрипела я.

Потом Папа.

— Fiina? Fiina, где ты?

Снова раздались мужские голоса, спешащие спасти меня.

— Быстрее! — закричал Фабиано.

— Направо!

Ветки хрустели под ногами. Римо дышал тяжелее, но его хватка оставалась крепкой. Мы выскочили из леса на улицу.

Внезапно завизжали шины, и меня наполнила надежда, но она разбилась, когда меня посадили на заднее сиденье, и Римо скользнул рядом со мной.

— Поехали!

Я уставилась в серый потолок машины, мое дыхание было прерывистым.

— Боже, какая ты красивая невеста, — сказал Римо.

Я подняла глаза и встретила с ним взглядом, жалея об этом, потому что кривая улыбка на его лице прожгла меня, как гроза ужаса.

Потом я потеряла сознание.

РИМО

Серафина упала в обморок рядом со мной. Я внимательно посмотрел на нее. Теперь,

когда она не брыкалась и не кричала, я мог восхищаться ею, как заслуженной невестой. Пятна крови, словно рубины, забрызгали ее платье и испортили кремовую кожу декольте. Чистое совершенство.

— Кажется, мы от них избавились, — пробормотал Фабиано.

Мои глаза были прикованы к заднему окну, но в данный момент за нами никто не гнался. Мы ранили, а не убили двух охранников Серафины, так что часть их сил и времени уйдет на лечение их ран.

— Она хороший кусочек, — прокомментировал Симеоне из-за руля.

Я наклонился вперед.

— И ты никогда больше не посмотришь на нее, если не хочешь, чтобы я вырвал твои глаза и засунул их тебе в задницу. Еще одно гребаное неуважительное слово, и твой язык составит тебе компанию, понял?

Симеоне отрывисто кивнул. Фабиано поймал мой взгляд с любопытством. Я откинулся назад и снова посмотрел на девушку, свернувшуюся рядом со мной на сиденье.

Ее волосы были плотно прижаты к голове, как будто даже эту часть ее нужно было приручить и контролировать, но одна непослушная прядь высвободилась и дико завилась вокруг ее виска. Я обернул ее вокруг пальца. Я не мог дождаться, чтобы узнать, насколько ручна Серафина на самом деле.

• — * — •

Я отнес обмякшую Серафину в номер мотеля и положил ее на одну из двух кроватей. Потянувшись за веточкой, запутавшейся в ее волосах, я убрал ее, прежде чем распустить прическу, позволяя волосам рассыпаться по подушке. Я выпрямился.

Фабиано вздохнул.

— Кавалларо будет искать возмездия.

— Он не нападет на нас, пока она у нас. Она уязвима, и он знает, что не сможет вытащить ее из Вегаса живой.

Фабиано кивнул и перевел взгляд на Серафину, которая безвольно лежала на кровати, склонив голову набок и выставив напоказ длинную изящную шею.

Мой взгляд опустился на тонкое кружево над мягкой выпуклостью ее груди. Платье с высоким горлом. Скромное и элегантное, ничего вульгарного или слишком сексуального в племяннице Данте, и все же она поставила бы многих мужчин на колени.

Белокурые волосы и бледная кожа делали ее похожей на ангела, а белое платье только подчеркивало это впечатление. Воплощение невинности и чистоты. Мне пришлось сдерживать смех.

— О чем ты думаешь? — осторожно спросил Фабиано, проследив за моим взглядом.

— Что они не смогли бы еще больше подчеркнуть ее невиновность, даже если бы попытались. — я придвинулся ближе, мой взгляд скользнул по ее узким бедрам. — Я предпочитаю пятна крови на ее платье.

— Это была ее свадьба. Конечно, они подчеркнут ее чистоту. Ты же знаешь, как это бывает. Девушки в наших кругах защищены до тех пор, пока не выйдут замуж. Они должны потерять невинность в первую брачную ночь. Кавалларо и ее жених, вероятно, сделают все, чтобы она вернулась к ним нетронутой. Данило младший босс. Ее отец младший босс. Данте Кавалларо ее дядя. Независимо от того, что ты просишь их, они доставят. Если ты попросишь их отдать моего отца сейчас, они сделают это, и мы избавимся от нее.

Я покачал головой.

— Я пока ничего не прошу. Я не сделаю это таким простым для них. Они напали на Лас-Вегас. Они пытались убить моих братьев, пытались убить нас с тобой. Они принесли войну в мой город, и я принесу войну в их среду. Я уничтожу их изнутри. Я их сломаю.

Фабиано нахмурился.

— Как?

Я посмотрел на него. Намек на настороженность в его голосе был едва заметен, но я хорошо его знал.

— Сломав кого-то, кого они должны защищать. Если я что и знаю, так это то, что даже такие люди, как мы, редко прощают себя за то, что позволили причинить боль людям, которых они должны защищать. Ее семья сойдет с ума от беспокойства за неё. Каждый день они будут гадать, что с ней происходит. Они представят, как она страдает. Ее мать обвинит мужа и брата. И они будут винить себя. Их вина распространится среди них, как рак. И я буду подпитывать их беспокойство. Я разорву их на части.

Фабиано перевел взгляд на Серафину, которая слегка пошевелилась. Разорванное свадебное платье сдвинулось, обнажив длинную голую ногу. На ней была белая кружевная подвязка. Фабиано потянулся к подолу ее платья и прикрыл ногу. Я склонил голову набок.

— Она невинна. — сказал он нейтрально.

— Она не вернется к ним невинной, — мрачно сказал я.

Фабиано встретился со мной взглядом.

— Если ты причинишь ей боль, это не сломает Наряд. Они сблизятся, что уничтожить тебя.

— Посмотрим, — пробормотал я. — Давай позвоним Нино и посмотрим, какой маршрут выбрать.

• — * — •

Мы с Фабиано подошли к столу и включили громкую связь.

Мы как раз закончили разговор, когда Серафина застонала. Мы повернулись к ней. Она вздрогнула и проснулась, сбитая с толку. Она медленно моргнула, глядя на стену, потом на потолок. Ее движения были медленными, вялыми. Ее дыхание участилось, и она посмотрела вниз на свое тело, ее руки ощупали ребра, затем ниже, остановившись на животе — как будто она думала, что мы трахнули ее, пока она была без сознания. Я предположил, что это имеет смысл. Ей было бы больно.

— Если ты продолжишь так себя трогать, я не буду отвечать за свои действия.

Ее взгляд метнулся к нам, тело напряглось.

— Мы не трогали тебя, пока ты была без сознания, — сказал ей Фабиано.

Она переводила взгляд с него на меня. Было очевидно, что она не уверена, можно ли ему верить.

— Ты бы знала, если бы Фабиано или я трахнули тебя, поверь мне, Серафина.

Она сжала губы, страх и отвращение вспыхнули в ее голубых глазах. Она начала извиваться, как будто пыталась встать с кровати, но не могла контролировать свое тело. Наконец она закрыла глаза, ее грудь тяжело вздымалась, пальцы дрожали на одеяле.

— Она все еще под действием, — сказал Фабиано.

— Я принесу ей колу. Может быть, она отрезвит ее. Мне не нравится, что она такая слабая и безразличная. Это не проблема.

СЕРАФИНА

Я проводила Римо взглядом и заставила себя сесть.

— Фабиано, — прошептала я.

Он подошел ближе и опустился передо мной на колени.

— Фина, — просто сказал он.

Только брат называл меня этим именем, но Фабиано всегда играл с нами, когда мы были маленькими, и знал меня по прозвищу.

Мать не учила меня умолять, но я была в отчаянии. Я коснулась его руки.

— Пожалуйста, помоги мне. Ты был частью наряда. Ты не можешь этого допустить.

Он отдернул руку, его взгляд был жестким.

— Я часть Каморры.

Он стоял и смотрел на меня без тени эмоций.

— Что со мной будет? Чего хочет от меня твой Капо? — хрипло спросила я.

На секунду его взгляд смягчился, и это был самый страшный ответ, который он мог дать мне.

— Отряд напал на нас на нашей собственной территории. Римо жаждет возмездия.

Ледяной ужас сковал меня изнутри.

— Но я не имею никакого отношения к вашим делам.

— Нет, но Данте твой дядя, а твой отец и жених высокопоставленные члены Наряда.

Я посмотрела на свои руки. Костяшки пальцев побелели как мел от того, что я вцепилась в ткань платья. Потом я заметила красные пятна и быстро освободила тюль.

— Значит, он заставит их заплатить, причинив мне боль?

Мой голос сорвался. Я прочистила горло, изо всех сил стараясь сохранить самообладание.

— Римо не раскрывал мне своего плана, — сказал он, но я не поверила ему ни на секунду. — Он может использовать тебя, чтобы подкупить твоего дядю и заставить передать часть его территории ... или его советника.

Дядя Данте никогда не отдаст часть своей территории, даже ради семьи, как бы ни умоляла его моя мать, и не отдаст одного из своих людей, *своего советника*. Он не мог, не ради одной девушки. Я в тупике.

Мое зрение снова поплыло, и я рухнула обратно на матрас.

Сквозь туман я услышала голос Римо.

— Изменение планов. Пусть она выспится, пока мы едем. Мы провели слишком много времени в этом месте. Нино снова звонит. Он предлагает нам отправиться прямо сейчас. Он послал за нами вертолет в Канзас. Он слышал от Григория, что Кавалларо призвал всех солдат искать его племянницу, и мы все еще находимся на краю его территории.

Данте пытался спасти меня. Папа и Данило тоже будут искать меня. И Сэмюэль, мой Сэмюэль, будет искать меня. Если бы мы все еще были на территории Наряда, не вся надежда была потеряна.

Г Л А В А 3

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Я проснулась в машине, свернувшись калачиком, наполовину запутавшись в платье. Фабиано сидел на заднем сиденье рядом со мной, но не смотрел на меня. Вместо этого он проверил заднее стекло. За рулем сидел еще один человек, рядом с ним — Римо.

Я не была уверена, дали ли мне еще один транквилизатор или мое тело испытывало

трудности с последствиями первой инъекции. Я не ела весь день и почти ничего не пила. Низкий стон сорвался с моих губ.

Фабиано и Римо посмотрели на меня сверху вниз. Темные глаза Римо заставили меня содрогнуться от страха, но и взгляд Фабиано не принес утешения. Я снова закрыла глаза, ненавидя себя за то, что чувствую такой уязвимой.

Я не знаю, как долго мы ехали, но в следующий раз, когда я проснулась, мы были в вертолете. Я с трудом приняла сидячее положение. Внизу расстилалась полоса с отелями и казино, и мой желудок сжался, когда вертолет начал снижаться над Лас-Вегасом. Я не сказала ни слова ни Фабиано, ни Римо, и они тоже не разговаривали со мной. В вертолете все еще чувствовалось напряжение, но они сбежали от Наряда, и теперь я была в Лас-Вегасе. На территории Каморры. В их власти.

Как только мы приземлились, Фабиано помог мне выйти из вертолета, а Римо разговаривал с кем-то по телефону. Мне нужно было умыться и проветрить голову, чтобы снова собраться с мыслями.

Я была в свадебном платье почти двадцать четыре часа. Я чувствовала себя липкой, вялой и измученной. И под всем этим страх, который я с трудом сдерживала, пульсировал внутри меня.

Меня втокнули в другую машину, и в конце концов мы остановились перед обшарпанным стрип-клубом под названием Сахарница.

Фабиано снова схватил меня за руку, а Римо пошел вперед, даже не взглянув на меня.

— Фаби, — попыталась я, но он крепче сжал меня. — Мне нужно в туалет и умыться. Я чувствую себя не очень хорошо.

Он провел меня через пустынный стрип клуб в дамскую комнату и последовал за мной, чтобы подождать у умывальников. Римо почти не обращал на меня внимания, но у меня было предчувствие, что скоро все изменится.

Я пошла в туалет, ненавидя себя за то, что Фабиано меня слышит. Не было ничего, что я могла бы использовать в качестве оружия, и даже если бы было, как бы это помогло мне в окружении членов Каморры? Закончив, я опустила юбку и глубоко вздохнула, пытаюсь скрыть свои эмоции.

— Серафина, — послышался предостерегающий голос Фабиано.

— Не заставляй меня вытаскивать тебя оттуда. Тебе это не понравится.

Расправив плечи, я вышла, чувствуя дрожь от обезвоживания. Я наклонилась над умывальником, умылась и выпила несколько глотков воды.

— Можешь взять кока-колу из бара, — предложил Фабиано.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он схватил меня за руку и вытащил наружу. Мои босые ноги болели. Должно быть, я повредила их в лесу. Мои глаза обежали комнату. Она больше не была пустынной. Словно привлеченные суматохой, к бару подошли несколько скудно одетых девушек.

Они избегали смотреть на меня, и я поняла, что не могу надеяться на их помощь. Ни один человек в Лас-Вегасе не рискнул бы мне помочь.

— Кока-Кола, — рявкнул Фабиано темнокожему мужчине за стойкой, который схватил бутылку, открыл ее и протянул Фабиано. Мужчина намеренно не смотрел на меня.

Господи. Куда они меня забрали? Что за адским местом был Лас-Вегас?

— Пей, — сказал Фабиано, протягивая мне бутылку. Я взяла ее и сделала несколько больших глотков. Холодная, сладкая жидкость, казалось, оживила мой мозг и тело. —

Заходи.

Фабиано провел меня через дверь и по коридору с голыми стенами к другой двери. Когда он открыл ее и вошел вместе со мной, мой желудок взбунтовался.

Внутри находились двое неизвестных, оба, как я предположила, Фальконе. Все они были высокими, с жесткими выражениями лиц и тем видом необузданной жестокости, которым они славились.

У одного из них были серые глаза, и он выглядел старше другого. Я попыталась вспомнить их имена, но тут мои глаза встретились с глазами Римо, и в голове у меня помутилось.

Капо Каморры сбросил рубашку. На левом боку виднелась свежая рана, зашитая, но вокруг все еще была кровь. При виде его мускулов и шрамов мой пульс участился.

— Твой близнец чуть меня не прикончил, — мрачно усмехнулся Римо. — Но не настолько, чтобы помешать мне схватить его любимую сестру.

Он сказал "Любимую", как будто это было что-то грязное, что-то ничего не стоящее.

Фабиано отпустил меня и присоединился к другим мужчинам, оставив меня стоять посреди комнаты, как кусок мяса, который нужно проверить. Ужас поселился в моих костях, потому что, возможно, именно этим я и была для них. Мясом.

Римо указал на сероглазого.

— Это мой брат Нино. — затем он указал на молодого человека рядом с собой. — И мой брат Савио.

Римо подошел ближе, каждый мускул его тела напрягся, словно он был хищником, готовым к прыжку. Я стояла на своем. Я не дала бы ему и дюйма. Я бы ему ничего не дала. Не мой страх и не одной слезинки. Он не мог заставить меня. Я не обманывала себя, думая, что смогу помешать ему взять что-нибудь еще.

— Серафина Кавалларо.

Мое имя было лаской на его губах, когда он медленно обошел меня. Он остановился позади меня, чтобы я не могла его видеть.

Я подавила дрожь.

— Не Кавалларо. Это фамилия моего дяди, не моя.

Дыхание Римо оведало мою шею.

— В каждой области, что имеет значение, ты Кавалларо.

Я впиалась ногтями в ладони. Серые глаза Нино следили за этим движением без тени эмоций на лице. Фабиано сидел на столе, глядя на человека позади меня, но не на меня. Савио смотрел на меня со смесью любопытства и расчета.

Я ничего не сказала, только упрямо смотрела вперед. Римо обошел меня и остановился передо мной. Он был высоким мужчиной, и я пожалела о своих каблуках. Я была не совсем маленькой, но босиком доходила ему до подбородка. Я слегка приподняла голову, пытаюсь казаться выше.

Губы Римо дрогнули.

— Я слышал, вчера ты должна была выйти замуж за своего жениха, Данило Манчини, — сказал он с кривой усмешкой.

— Поэтому я лишил тебя брачной ночи.

Я вспомнила мамины слова утешения. Что Данила будет добр ко мне. Что я не должна бояться, что он заявит свои права после нашей свадьбы. И слова Сэмюэля, что он выследит Данило, если тот не будет обращаться со мной как с леди.

Когда я смотрела в лицо Римо Фальконе, мое беспокойство о сексе с Данило казалось смешным. Каморра не будет добра ко мне. Имя их Капо было произнесено приглушенным, испуганным шепотом даже среди девушку в наряде. И ужас, не похожий ни на что, с чем я когда-либо сталкивалась, охватил меня, но я подавила его. Гордость была моим единственным оружием, и я буду держаться за нее до самого конца.

— Интересно, позволишь ли ты своему жениху попробовать что-нибудь перед свадьбой, — пробормотал Римо низким вибрирующим голосом, в котором слышалась угроза.

Меня охватило негодование. Как он смеет предлагать такое?

— Конечно, нет, — холодно ответила я. — Первый поцелуй почтенной девушки происходит в день ее свадьбы.

Его ухмылка стала шире, как у волка, и я поняла свою ошибку. Он заманил меня в ловушку. Моя собственная гордость оружие, которое он использовал против меня.

РИМО

Она держала голову высоко, несмотря на свою ошибку. Ее длинные светлые волосы ниспадали на спину. Холодные голубые глаза оценивали меня, как будто я не стоил ее внимания. *Идеальная.*

Высокородная и собирается глубоко пасть.

— Такая гордая и холодная, — сказал я, проводя пальцем по ее щеке и шее. — Совсем как старый добрый дядя Данте.

Она отвернулась с отвращенным выражением. Я рассмеялся.

— Ах да, эта дурацкая гордость. Не могу дождаться, когда избавлю тебя от неё.

— Я унесу эту гордость с собой в могилу, — надменно сказала она.

Я наклонился еще ближе, мое тело слегка прижалось к ее.

— Поверь мне, убить тебя последнее, о чем я думаю. — я позволил своим глазам исследовать ее тело. — Есть гораздо более занимательные вещи, о которых я могу думать.

Ужас мелькнул на ее лице, но тут же исчез. Но я видел. Так что смерть не беспокоила девушку, по крайней мере, она так думала, но мысль о том, что я прикоснусь к ней, добавила щели в эту гордую внешность.

— Значит, ты никогда раньше не целовала мужчину, — задумчиво произнес я, наклоняясь так близко, что наши губы почти соприкоснулись.

Она стояла на своем, но легкая дрожь пробежала по ее телу. Она сжала губы, отказываясь отвечать.

— Это будет весело.

— Моя семья и жених разрушат Лас-Вегас, если ты причинишь мне боль.

— О, я надеюсь, что они это сделают, чтобы я мог искупаться в их крови, — сказал я.

— Но я сомневаюсь, что ты стоишь их хлопот, когда я закончу с тобой. Или твой жених согласится на останки другого мужчины?

Наконец она сделала шаг назад.

Моя улыбка стала шире. Ее взгляд метнулся к чему-то позади меня. Кому-то. Я проследил за ее взглядом на Фабиано. Его глаза встретились с моими, выражение его лица было жестким и безжалостным, но я знал его насквозь. Он знал Серафину с детства, играл с ней. В его глазах мелькнуло напряжение, но он не пришел ей на помощь, как и Нино с Савио.

Я повернулся к ней.

— Никто тебя не спасет, так что лучше перестань надеяться на это.

Она прищурилась.

— Я решаю, на что надеяться. Ты можешь править Лас-Вегасом и этими людьми, но не мной, Римо Фальконе.

Никогда и никто не выплевывал мое имя так, и это вызывало во мне гребаный трепет.

— О, Серафина, — сказал я мрачно. — Вот тут ты ошибаешься, и я докажу тебе это.

— И я докажу, что ты ошибаешься.

Ее голубые глаза удерживали меня, возвращая контроль, возвращая к ее гордости. Но она дала мне возможность раньше, показала мне трещину в своей маске, и она не могла ее отменить. Я знал, как проникнуть ей под кожу.

— Как бы мне ни нравилось болтать с тобой, я должен помнить, зачем ты здесь. И это чтобы отплатить твоему дяде Данте.

Вспышка страха в этих гордых глазах. Я позволил взгляду скользнуть по ее телу, по разорванному и окровавленному свадебному платью.

— Мы должны послать твоему дяде сообщение, хорошее видео с тобой, — пробормотал я. Я кивнул в сторону Фабиано. — Отведи ее в подвал. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

Я хотел посмотреть, как он отреагирует.

Челюсть Фабиано напряглась, но он коротко кивнул. Он схватил Серафину за запястье, и она напряглась, но не сопротивлялась ему, как, несомненно, сопротивлялась бы мне. Он потянул ее за собой. Она не умоляла его, как я думал. Вместо этого она бросила на меня еще один полный отвращения взгляд. Она думала, что сможет бросить мне вызов, что сможет удержать свою гордость и гнев. Я покажу ей, почему стал Капо Каморры.

— Что ты собираешься с ней сделать? — спросил Савио, стараясь казаться невозмутимым, но он не был похож на нас с Нино. В нем осталось немного человечности.

— То, что я сказал. Она передаст сообщение дяде Данте ... и запишет некоторые дополнительные материалы.

— Так ты собираешься трахнуть ее перед камерой? — спросил Савио.

Я взглянул на Нино, который наблюдал за мной, прищурившись, как будто тоже не был уверен в моих мотивах. Я улыбнулся.

— Не порти мне сюрприз. Мы все вместе посмотрим видео, как только это будет сделано.

Я кивнул им и направился вниз. Как только я вошёл в коридор в подвале, Фабиано вышел из последней двери и закрыл ее. Его взгляд остановился на мне. Он встретил меня на полпути и схватил за руку.

Я поднял брови.

— Девственность Серафины может быть использована как рычаг против Данте и Данило.

Я прищурился, глядя на него.

— Спасибо за помощь, Фабиано. Я Капо. Я продумал свой план. Не волнуйся.

— Неужели? — пробормотал Фабиано, и мы оказались нос к носу.

— Осторожно. Однажды ты предал меня ради девушки. Не делай это привычкой.

Фабиано покачал головой.

— Блять. Я не предаю тебя. Я поехал с тобой в Индианаполис и похитил Серафину. Я не выслеживал отца, как хотел. Я посадил ее в твою гребаную камеру. Я верен тебе, Римо.

— Хорошо, — сказал я, отступая назад. — Серафина моя пленница, и я решаю, что с

ней делать, понятно?

— Понятно, — сказал Фабиано, стиснув зубы. — Теперь я могу пойти к Леоне?

— Иди. Я попрошу Симеоне присмотреть за ней сегодня ночью.

— Он чертов извращенец, Римо.

— Он также знает, что я отрежу ему член, если он пойдет против моих приказов. А теперь иди развлекайся со своей девушкой, пока я позабочусь о своей.

Г Л А В А 4

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Фабиано потащил меня вниз по лестнице в подвал.

— Фаби, — умоляюще сказала я, дергая его за руку.

— Фабиано, — прорычал он, даже не взглянув на меня, и потащил по узкому голому коридору. Он казался разъяренным.

Прежде чем я успела произнести еще хоть слово, он открыл тяжелую дверь и вошел со мной в комнату. Мои глаза метнулись по сторонам. Клетка.

Мой желудок сжался, когда я увидела туалет и душ в углу, но еще хуже, когда я увидела грязный матрас на полу напротив них. С красными и желтыми пятнами. Меня охватил ужас, и я вдруг поняла, что здесь должно произойти.

Мои глаза метнулись к камере в углу справа от меня, затем обратно к Фабиано. Он был силовиком Каморры, и пока мои родители пытались защитить меня, Сэмюэль был более откровенен с информацией. Я знала, что делают силовики, особенно в Лас-Вегасе.

Фабиано посмотрел мне в лицо и со вздохом отпустил. Я отшатнулась и чуть не потеряла равновесие, когда мои ноги зацепились за платье.

— Ты не мог бы? .. — я надавила.

Фабиано покачал головой.

— Римо сам с тобой разберется.

Я замерла.

— Фабиано, — снова попыталась я. — Ты не можешь этого допустить. Не позволяй ему причинить мне боль. Пожалуйста.

Это слово показалось мне горьким. Меня не учили просить милостыню, но к такой ситуации я никогда не была готова.

— Римо не ... — Фабиано замолчал и поморщился.

Преодолев страх, я придвинулась ближе к Фабиано и схватила его за руки.

— Если ты не хочешь мне помочь, скажи хотя бы, что я могу сделать, чтобы Римо не причинил мне боли. Чего он от меня хочет?

Фабиано отступил, и мне пришлось его отпустить.

— Римо ненавидит слабость. А в его глазах девушки слабы.

— Значит, я во власти человека, который ненавидит девушек.

— Он ненавидит слабость. Но ты сильная, Серафина.

Он повернулся и вышел, закрыв за собой тяжелую дверь и заперев меня.

Я резко обернулась, оглядываясь в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать против Римо, но ничего не увидела, а он был не из тех, кого можно победить в бою. Сильный? Был ли я сильной? Сейчас я этого не чувствовала. Страх стучал в моей груди, и в каждой клеточке моего тела.

Мой взгляд снова метнулся к матрасу. Вчера Данило должен был заявить на меня права на атласных простынях в священных узах брака. Сегодня Римо ломает меня на грязном матрасе, как обыкновенную шлюху.

Я прислонилась к грубой каменной стене, борясь с растущей паникой. Всю жизнь меня воспитывали гордой и благородной и воспитанной, и это не защищало меня.

Скрип двери заставил меня напрячься, но я не обернулась, чтобы посмотреть, кто вошел. Я знала, кто это, чувствовала на себе его жестокий взгляд.

Я снова посмотрела в камеру. Все, что произойдет, будет записано и отправлено моему дяде, жениху и отцу. И еще хуже ... Сэмюэлю. Я сглотнула. Они увидят меня в худшем виде. Я не позволю этому случиться. Я буду держать голову высоко, что бы ни случилось.

— Ты меня игнорируешь? — спросил Римо у меня за спиной, и легкая дрожь пробежала у меня по спине.

— Это когда-нибудь срабатывает? — сказала я, желая, чтобы мой голос звучал сильнее, но это уже была борьба, выталкивающая эти четыре слова из моего сжатого горла.

— Нет, — ответил Римо. — Меня трудно игнорировать.

Невозможно игнорировать.

— Повернись, — приказал Римо.

Я не двигалась, сосредоточившись на сером камне передо мной. Это был не просто акт неповиновения. Ноги отказывались двигаться. Страх сковал меня, но Римо не нужно было этого знать.

Его горячее дыхание коснулось моей шеи, и я закрыла глаза, зажав нижнюю губу между зубами, чтобы заглушить звук.

— Открытое неповиновение? — спросил он, понизив голос. Его ладони надавили на мои лопатки, и я чуть не рухнула под их весом, хотя он не слишком давил на меня. — С другой стороны, — мягко сказал он. — Эта поза тоже хорошо работает.

Мягкий звон обнажаемого клинка заставил меня подпрыгнуть. Римо прижался ко мне с обеих сторон, сжимая в руке длинный нож. Его грудь прижалась к моей спине.

— Я дам тебе выбор, Серафина. Ты можешь сама снять платье, или я сделаю это с помощью ножа. Что выберешь?

Я сглотнула. Я ожидала другого выбора, которым славился Вегас. Порыв облегчения наполнил меня, но он был недолгим. Я переместила руку и накрыла лезвие ладонью, затем сжала пальцами холодную сталь.

— Если ты отдашь мне свой нож, я вырежу себя из платья, — выпалила я.

Римо усмехнулся. Темный, безрадостный звук.

— Тебе нужен мой нож?

Я кивнула, и, к моему величайшему изумлению, Римо отпустил рукоятку, а я взяла его нож за лезвие, и острое вонзилось в мою плоть. Римо отступил назад, тепло покинуло мое тело. Я уставилась на смертоносное оружие в своей руке.

Медленно, глубоко вздохнув, я выпрямилась и потянулась к ручке. Я знала, что Римо не дал мне шанса. Он играл со мной, пытаясь сломить мой дух, показывая мне, что даже нож не изменит того факта, что я была в его власти.

Чего он не знал, так это того, что мы с Сэмюэлем всю жизнь боролись друг с другом, как это всегда делают братья и сестры, но когда он стал настоящим мужчиной, он начал работать со мной над моими боевыми навыками, потому что знал, как наш мир относится к девушкам. Он пытался сделать меня сильной, и я была сильной. Я знала, как обращаться с

ножом, как побеждать противника. Но я никогда не выигрывала у Сэмюэля, и он всегда старался не навредить мне. Римо был сильнее, чем Сэмюэль, и он сделает мне больно, будет наслаждаться этим. Я не могла победить Римо в бою, даже когда у меня был нож, а у него нет.

Слова Фабиано промелькнули у меня в голове.

Римо ненавидит слабость.

Даже если я не смогу победить Римо, я смогу показать ему, что я не слаба.

— Может, мне забрать нож, раз ты не знаешь, что с ним делать? — разочарованно спросил Римо. Он подошел ближе.

Плавным движением я повернулась и вонзила нож в Римо, а другой рукой задрала платье. Римо блокировал мою атаку ударом по запястью. Годы тренировок с Сэмюэлем не позволили мне уронить нож, несмотря на острую боль в запястье.

Улыбка скользнула по лицу Римо, я растегнула платье и ударила его кулаком в живот, одновременно нанося еще один удар ножом. Лезвие задело его руку, и по ней потекла кровь, но Римо даже не поморщился. Его улыбка стала шире, когда он сделал шаг назад, совершенно невозмутимый.

Я бросилась на него, но запуталась в своём длинном платье. Я налетела на Римо и попыталась нанести еще один смертельный удар. Мы упали, и Римо приземлился на спину, а я на него. Я оседлала его и ударила в живот, но он схватил меня за запястье с кривой усмешкой на лице. Я попыталась опустить нож, но Римо не сдвинулся с места.

И вдруг он показал мне, каково это, когда он на самом деле пытается сопротивляться. Он дернул бедрами, и прежде чем я успела среагировать, я приземлилась на спину, а Римо оказался сверху. Я сопротивлялась, но он задрал мою юбку и встал на колени между моих ног, придвигаясь ближе, пока его таз не уперся в меня, и я не смогла использовать ноги, чтобы оттолкнуть его.

Его пальцы обвилились вокруг моих запястий, и он вдавил их в матрас над моей головой, нож все еще был в моей руке и совершенно бесполезен. Он прижал меня своим сильным телом, полностью в его власти, обе мои руки были прикованы к матрасу.

В его темных глазах светились возбуждение и восхищение. На мгновение я почувствовала гордость, но потом меня осенило. Я лежала на спине, на грязном матрасе, под Римо. Он держал меня там, где хотел с самого начала.

Страх пересилил мою решимость, тело напряглось, глаза метнулись к отвратительному матрасу подо мной. Я сделала глубокий вдох, пытаясь сдержать панику. Римо внимательно посмотрел на меня.

— Отпусти нож, — пробормотал он.

Я даже не колебалась. Будь сильной. Я сглотнула, напоминая себе о камере. Я унесу свою гордость с собой в могилу.

— Просто покончи с этим, Римо, — сказала я с отвращением.

— изнасилуй меня. Я больше не играю в твою большую игру. Я не шахматная фигура.

Темные глаза Римо блуждали по моему лицу, волосам, вытянутым над головой рукам. Он наклонился, его жестокое лицо приблизилось. Он остановился, когда наши носы почти соприкоснулись. Его глаза не были черными, они были самыми темно-карими, которые я когда-либо видела. Он выдержал мой взгляд, а я его. Я не отвернусь, что бы он ни сделал. Я хотела, чтобы он увидел меня такой, какая я есть. Не слабость, не пешка, а человек.

— Не так, Серафина, — сказал он. Его голос был низким и темным, завораживающим,

но именно его взгляд держал меня в плену. — Не как шлюху на грязном матрасе. — он улыбнулся, и это было хуже, чем любой взгляд или угроза. Он опустил свой рот вниз, пока его губы не коснулись моих слегка, едва едва, и все же поток пронзил меня. — Я еще не начал играть, а ты не просто шахматная фигура. Ты королева.

Он взял нож и выпрямился, отпустив меня. Он медленно встал, выпрямился во весь рост и посмотрел на меня.

— А кто ты в этих шахматах? — прошептала я хрипло, все еще лежа на матрасе.

— Я король.

— Ты не непобедим.

Его глаза прошлись по мне, пока не вернулись к моему лицу.

— Посмотрим. — он вложил нож в чехол. — А теперь снимай платье. Оно тебе больше не понадобится.

Я села.

— Я не буду раздеваться перед тобой.

Римо усмехнулся.

— О, это будет весело. — он ждал, и я твердо выдержала его взгляд. — Тогда это будет нож, — сказал он, пожимая плечами.

— Нет, — твердо сказала я, с трудом поднимаясь на ноги.

Я посмотрела на него и потянулась назад, расстегивая молнию с громким шипением. Не сводя с него глаз, я тянула ткань, пока она, наконец, не упала на пол, пушистым ореолом вокруг моих ног.

— Белая и золотая, как ангел, — мрачно размышлял Римо, изучая каждый дюйм моего тела.

Даже сила воли не могла остановить мои щеки, пылающие от жара, когда я впервые оказалась перед мужчиной. Оставшись в одной белой подвязке, белых кружевных трусиках и корсете, я почувствовала, как по коже побежали мурашки.

Он преодолел расстояние между нами, и я затаила дыхание. Он остановился рядом со мной, темные глаза скользнули по моему лицу, и он поднял руку, заставляя меня напрячься. Уголок его рта дернулся. Затем он провел большим пальцем по моей скуле. Я отстранилась от его прикосновения, и он снова улыбнулся.

— Девственная застенчивость, как мило, — насмешливо сказал Римо. — Не волнуйся, *Ангел*, я никому не скажу, что я первый мужчина, который увидел тебя такой.

Я уставилась на него, борясь со слезами смущения и ярости, когда он наклонился, чтобы взять платье.

— Сделай шаг назад.

Я быстро вылезла из платья, и Римо выпрямился, зажав под мышкой испачканную ткань.

Он посмотрел на меня.

— На тебя стоит посмотреть. Бьюсь об заклад, у Данило бы появился стояк от одного взгляда на тебя. Я могу только представить, что он чувствует сейчас, зная, что ты в моих руках, зная, что он никогда не получит обещанного.

Я покачала головой.

— Что бы ты ни взял, это всегда будет меньше того, чего получил бы он, потому что я бы отдалась ему добровольно, телом и душой, и ты ничего не можешь с этим поделать. Тебе придется довольствоваться утешительным призом, Римо Фальконе.

Римо медленно отступил назад со странным выражением на лице.

— Тебе нужно принять душ, Серафина. Одна из шлюх принесёт тебе свежую одежду.

Он повернулся и исчез с тихим щелчком двери. Воздух со свистом покинул мои легкие.

Я обхватила себя руками, дрожа, пытаюсь держать себя в руках. Пришлось приложить немало усилий, чтобы противостоять Римо, и теперь меня захлестнула волна эмоций. Я напряглась, вспомнив о камере, но потом решила, что это не имеет значения. Римо знал, что я его боюсь. Мой храбрый вид его не обманул.

РИМО

Серафина была всем, на что я надеялся, и даже больше. Королева в моей шахматной партии. Благородная и гордая, как королева, и высокомерная и избалованная, как одна из них. Она заставила меня захотеть сломать ее. Сломать эти белые крылья. Ангел на вид, но с подрезанными крыльями, счастлива быть приземлённой, счастлива никогда не бродить по небу. Довольствоваться тем, что стала прекрасной прирученной птицей в позолоченной клетке Данило.

Я допил виски и пошел в бар. Джерри снова наполнил мой бокал. Шлюхи собрались в другом конце бара, как можно дальше от меня. Как обычно.

— Она такая красивая, — сказала шлюха, которая принесла Серафине одежду.

Она была красивой. Серафина была шедевром, даже слишком красивой. Ее золотистые волосы и безупречная кожа на грязном матрасе казались мне святотатством, и я совершил почти все мыслимые грехи.

Я выпил еще виски, подумывая о возвращении в подвал, к Серафине.

Что бы ты ни взял, это всегда будет меньше того, чего получил бы он, потому что я бы отдалась ему добровольно, телом и душой, и ты ничего не можешь с этим поделать. Тебе придется довольствоваться утешительным призом.

Ее слова настойчиво стучали у меня в затылке. И черт, я знал, что она права. Отнять у Серафины то, что я хотел, было бы не победой. В этом не было ничего сложного. Она была слабее, и находилась в моей власти. Я мог бы заполучить ее к утру и покончить с этим, но это было бы похоже на гребаное поражение. Это было не то, чего я хотел. Отнюдь нет. Я никогда не соглашался на утешительный приз. Я не хотел меньше того, чего она дала бы Данило. Я хотел большего. Я хотел от нее всего.

Я со стуком поставил стакан на стойку и повернулся к ближайшей шлюхе.

— В моем кабинете. Сейчас.

Она кивнула и убежала. Я последовал за ней, уже с мучительной болью. Чертовски отчаянный с тех пор, как я увидел Серафину в нижнем белье. Чертовски отчаянный, чтобы похоронить себя в ее киске и вырвать из неё невинность. Я всегда получал то, чего хотел. Я ничего не ждал. Но если я хочу окончательного триумфа, мне придется приложить все свои силы в терпении, и это будет самым большим испытанием в моей жизни.

Шлюха взгромоздилась на мой стол, но встала, когда я вошел. Я расстегнул молнию на брюках и спустил трусы. Она знала свой намек. Мы трахались и раньше. Я часто выбирал ее.

Она опустила на колени, когда я запустил руку в ее рыжие волосы и начал трахать ее рот. Она взяла меня целиком, когда я вонзился в нее, ударив сзади по горлу, вызывая рвотный позыв, но на этот раз это не помогло утолить жгучий голод в моих венах.

Я хмуро посмотрел ей в лицо, пытаюсь представить, что это Серафина, но шлюха смотрела на меня с этой гребаной покорностью, с этим отвратительным почтением. Ни

гордости, ни чести. У них у всех был выбор, и они выбрали легкий путь, а не тяжелый и болезненный. Они никогда не поймут, что ничего нельзя получить без боли. Слабости. Отвращения.

Я сильнее сжал ее волосы, заставляя ее вздрогнуть, когда я кончил ей в горло. Отступив назад, мой сочащийся член выскользнул из ее рта. Она посмотрела на меня, облизывая губы, как будто я сделал ей гребаный подарок. Мои пальцы чесались схватить нож и перерезать ей горло, избавить ее от жалкого существования. Она опустила глаза.

— Вставай, — прорычал я, теряя терпение. Она поднялась на ноги.

— Рабочий стол.

Она повернулась и наклонилась над столом, выставив свою задницу, затем потянулась назад и задрала юбку, открывая свою голую задницу. Она раздвинула ноги и оперлась о стол. Никакой гордости. Никакой чести.

Я встал позади нее, дроча свой член, но я уже снова становился твердым. Я потянулся за презервативом, разорвал его зубами и раскатал по члену. Сплюнув в ладонь, я смазал свой член, затем прижался к ее заднице и начал толкаться в нее. Костяшки пальцев шлюхи побелели от ее хватки на столе.

Когда я погрузился по самые яйца в ее задницу, я наклонился вперед, пока моя грудь не оказалась на одном уровне с ее спиной, и впервые она напряглась. Я никогда не был так близко к ней. Я приблизил свой рот к ее уху, когда мои пальцы сжали ее бедра.

— Скажи мне, Иден, — хрипло прошептал я.

Она затаила дыхание, услышав свое имя. Я никогда раньше не произносил ее имя. Они думали, что я не знаю их имен, но я знал каждого ублюдка, который у меня был, солдата и шлюху.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы послать меня к черту?

— Конечно, нет, хо ...

— Как ты хотела меня называть? Хозяин? — я врезался в нее один раз, заставив задохнуться. — Скажи мне, Иден, я твой гребаный хозяин? — она колебалась. Она даже не знала, как ответить на этот вопрос, и это взбесило меня. — Я не твой гребаный хозяин, — прорычал я.

— Да, — быстро согласилась она.

Я повернул ее лицо так, чтобы она посмотрела мне в глаза.

— Есть ли у тебя хоть капля чести в этом изношенном теле? — мягко спросил я.

Она заморгала. Мой рот скривился в рычании.

— Нет. Ни одной чертовой унции. — я схватил ее за шею и начал входить в нее. Она поморщилась, и это вывело меня из себя. Все-таки врезавшись в нее, я пробормотал в ее ухо, — Ты когда-нибудь задумывалась, где Динара? — она напряглась подо мной, но я не сдался. — Ты вообще о ней думала?

Она всхлипнула. Она не имела права плакать, не имела права, потому что плакала не из-за дочери, а только из-за себя. Гребаный позор матери.

— Ты когда-нибудь задумывалась, делаю ли я с твоей маленькой девочкой то, что делаю с тобой сейчас?

Она ничего не ответила. Я выпрямился и продолжал трахать ее, пока, наконец, не кончил. Я отступил назад, бросил презерватив на пол и вытерся полотенцем, которое держал под рукой, прежде чем натянуть трусы и брюки.

Она повернулась, тушь размазалась у нее под глазами, и я бросил в нее полотенце.

— Очисти себя. И избавься от гребаного презерватива. Моя сперма капает на пол.

Она подняла с пола полотенце и сначала вытерла пол, а потом протерлась сама. Грязная шлюха.

— Убирайся с глаз моих, пока я тебя не убил, — сказал я.

Она пронеслась мимо меня, открыла дверь и чуть не столкнулась с Савио, который с отвращением отступил назад. Он поднял бровь, когда вошел.

— Ты все еще трахаешь эту сучку? Почему бы тебе просто не убить ее, как она заслуживает?

— Она не заслуживает смерти. Было бы слишком любезно убить ее.

И я дал Григорию слово, что сука будет страдать. Савио кивнул.

— Возможно. Но я думал, что ты будешь с девственной киской, а не с этим использованным куском мусора.

— Я не в настроении для девственной киски.

Савио заинтересовался.

— Я представляю, что там будет очень тесно и жарко, зная, что ты первый.

— Никогда не был с гребаной девственницей, так что не могу тебе сказать. Есть причина, по которой ты беспокоишься о моей неистовой ярости после секса?

— В чем разница между этой яростью и твоей яростью до секса? Или твоём настроением вообще?

— Ты чертовски умная задница, как Нино.

Савио неторопливо вошел и прислонился бедром к столу.

— Я хотел сказать тебе, что Симеоне ушёл в подвал с подносом еды для твоей девушки и еще не вернулся.

Я оттолкнул Савио, так чертовски разъяренно, что с трудом удержался, чтобы не убить всех до единого в этом гребаном баре. Я побежал вниз по лестнице, услышав хихиканье Симеоне, и увидел его в дверях камеры Серафины, а не внутри нее. Я замедлил шаг, зная, что спешить некуда. Он не был настолько глуп. Достаточно глуп, но не настолько, чтобы пытаться прикоснуться к чему-то, что было моим.

— Убирайся, мерзкий извращенец, — услышал я голос Серафины.

— Заткнись, шлюха. Ты не в Чикаго. Здесь ты ничто. Я не могу дождаться, чтобы похоронить свой член в твоей киске, как только Римо закончит ломать тебя.

— Я не буду принимать душ перед тобой. Убирайся!

— Тогда я позвоню Римо и скажу, чтобы он наказал тебя.

Так он мне позвонит? Интересно. Я подошел ближе, не издавая ни звука. Спина Симеоне дернулась, как будто он был занят дробкой, что, вероятно, так оно и было.

Мой рот скривился в рычании, но я сдержал свой гнев. Снова наступила тишина, и я приблизился, не издав ни звука. В моем поле зрения появился профиль Симеоне, прислонившегося к дверному косяку и яростно потирающего свой уродливый член. Я остановился в нескольких шагах от него, и Серафина была в душе, стояв спиной к нему.

Симеоне практически истекал слюной на пол и дробил, наблюдая, как Серафина принимает душ. Она была зрелищем, не спору. Ее кожа была бледной, как мрамор. Ее задница два белых шара, в которые я хотел вонзить зубы. На ее теле не было ни единого изъяна, ни единого несовершенства, столь непохожего на мой собственный. Она была защищена всю свою жизнь, защищена от опасностей этого мира, и теперь она была в моей власти.

— Обернись. Я хочу видеть твои сиськи и киску. — приказал Симеоне, его рука двигалась быстрее на его члене.

Симеоне был так поглощен наблюдением за ней и дрочкой, что не заметил меня.

— Если ты не повернешься, я позову Римо.

— Я не повернусь, свинья! — прошипела она. — Тогда позови Римо. Мне все равно!

— Ах ты, маленькая шлюха! Я сам тебя разверну.

Симеоне сделал движение, как будто хотел оттолкнуться от двери, когда Серафина обернулась, одной рукой прикрывая грудь, а другой прикрывая киску. Вода, стекавшая по ее лицу, почти скрывала слезы.

Она посмотрела на Симеоне с самым отвращением, которое я когда-либо видел, ее голова была высоко поднята ... и затем она заметила меня.

— Видишь, это было не так уж трудно, правда? — проскрежетал Симеоне.

Мои губы скривились. Я вытащил нож из кобуры, просунул пальцы в держатель, наслаждаясь ощущением холодного металла на коже.

Она неподвижно смотрела, как я подошел к Симеоне. Ее идеальные гордые губы не произнесли бы предупреждения.

Я схватил его за горло и прижал нож к нижней части живота. Он вскрикнул от удивления и отпустил член.

— Ты собирался позвонить мне? — спросил я.

Его расширенные от ужаса глаза моргнули, когда его лицо покраснело от моей хватки. Я ослабил хватку, чтобы он мог говорить.

— Римо, я убедился, что она не валяет дурака. Все не так, как кажется.

— Хм. Знаешь ли ты, что ни один мужчина никогда не видел того, что ты только что увидел?

Он отчаянно замотал головой. Я поднял взгляд на Серафину, которая смотрела на меня с застывшим выражением лица.

— Видишь ли, теперь ты увидел то, чем я не собирался делиться, — объяснил я приятным голосом.

Я всадил нож ему в живот, всего на пару дюймов. Он закричал, размахивая руками. Я крепко держал его, не сводя глаз с Серафины. Кровь стекала по моей руке. Его грязная кровь.

Серафина опустила руки. Я не думал, что она заметила. Она смотрела на меня с нескрываемым ужасом. На этот раз ее гордая маска соскользнула и открыла ее истинную природу: мягкосердечная, хрупкая девушка.

И я увидел ее упругие груди и золотистые кудри на вершине бедер, идеально подстриженные в треугольник. Для первой брачной ночи. Как жаль, что бедный Данило никогда не увидит ее. Она была моей для взятия.

— Римо, — пробормотала Симеоне. — Я никому не скажу, что видел. Пожалуйста, умоляю тебя.

— Я верю тебе, — мягко сказал я. — Но ты будешь *помнить*. — я вонзил нож глубже в его плоть, двигаясь медленно, позволяя ему наслаждаться каждым дюймом лезвия. — Ты представлял, каково это погрузить свой грязный член в ее киску?

Он булькнул. Нож был по рукоять вонзен ему в живот.

— Ты что, вообразил, что погрузишься в нее по самую длину?

Его глаза вылезли из орбит, дыхание участилось. Я повернул нож, и он снова закричал.

Затем я вытащил его так же медленно, как и вонзил. Его ноги подкосились, и я позволил ему упасть на пол. Он схватился за рану и заплакал, как трус. Пройдет еще десять или пятнадцать минут, прежде чем он умрет. Он хотел бы меньше времени.

— Помнишь, что я говорил тебе о твоих глазных яблоках и языке? Твой член присоединится к ним.

Я опустил нож на его член, и Серафина резко обернулась.

СЕРАФИНА

Мои руки лежали на белых плитках душа. Я не могла дышать. Ужас сдавил мне горло. Ничто в моем воспитании не подготовило меня к этому. Ничего не могло подготовить. Я быстро разваливалась на части. Быстрее, чем я когда-либо думала.

Гордость и честь были столпами нашего мира, столпами моего воспитания. Мне нужно было держаться за них. Он мог забрать у меня все, но не это. Никогда.

Симеоне кричал, и я прижала ладони к ушам, пытаюсь отгородиться от него — безрезультатно.

Ледяной принцессы больше нет.

Мои глаза затуманились от слез и воды. Но образ Римо, вонзающего нож в человека с кривой улыбкой на лице, врезался мне в память. Как я могла оставаться гордой? Как я могла держать голову высоко и не показывать ему свой страх? Ничто не пугало меня больше, чем Римо Фальконе.

— *Монстры ненастоящие.* — сказала мне мама давным давно, когда я боялась спать в темноте и забиралась в постель к Сэмюэлю.

Тогда я ей не поверила, и это было до встречи с Римо.

Крики прекратились.

Я вздрогнула и медленно опустила руки. Что-то красное попало мне на глаза. Я посмотрела на пол душа, где красная вода собиралась вокруг моих ног. Я заморгала. И тут что-то щелкнуло. Душ на уровне пола. Римо вонзил нож в мужчину ... мои ноги казались еще бледнее на красном фоне. Мое зрение изменилось, и что-то сломалось во мне.

Я стояла в чьей-то крови.

Я услышала свой крик и попыталась выбраться из крови, но пол был скользким. Я повернулась, держась за стены душа. А потом я увидела остальную часть камеры. Весь пол был залит кровью, а посреди всего этого стоял Римо, высокий и смуглый, с ножом в руке.

Его грудь и руки были в крови. Красный. Красный. Красный. Повсюду.

Я все кричала и кричала, пока не перестала кричать, потому что в легких не осталось воздуха. И я не могла дышать.

Римо убрал нож в чехол и направился ко мне.

Я замахала руками, пытаюсь убежать от него, от крови, от мертвеца за спиной Римо.

Мои ноги соскользнули на пол, и я упала. Мои колени погрузились в кровь, руки последовали за ними.

Римо поднял меня, прижал к себе, и запах крови заполнил мой нос. Я схватила его за плечи, чтобы не упасть. А потом я отдернула руку, и она стала красной. И один взгляд вниз. Красная. Моя кожа. Красная. Все красное.

Мои глаза нашли окровавленное тело Римо. Красный. Красный. Красный.

Я начала бороться с его хваткой. Я боролась изо всех сил.

— Пожалуйста, — выдохнула я.

Римо поднял меня на руки, и у меня не осталось сил сопротивляться. Он пронес меня

босиком через камеру, перешагнув через мертвеца. Когда он избавился от ботинок? Истерический смех вырвался из моего горла, но перешел в рыдание. Это было уже слишком.

Римо прошел в другую камеру и опустил меня на пол. Я опустилась на пол, свернувшись калачиком на боку, не в силах оставаться в сидячем положении. Моя грудь тяжело вздымалась, но я не дышала. Сквозь туман я видела, как Римо вылезает из окровавленной одежды и идет ко мне. Голый. Больше я ничего не заметила.

Он просунул руки мне под колени и снова поднял. Затем на меня плеснула холодная вода, и я сделала глубокий вдох, открыв глаза. Римо пошевелился, держа меня на руках, наклонился вперед, прижался лбом к плитке и посмотрел на меня. Его тело защищало меня от холодной воды, льющейся на нас, а его темные глаза не отпускали меня.

— Пройдет некоторое время, прежде чем вода здесь нагреется, — спокойно сказал он.

Такой спокойный. Мои глаза изучали его лицо. Жутко спокойный. Никаких признаков того, что он только что убил человека варварски.

Я вздрогнула, стуча зубами. Даже когда вода стала теплой, мои зубы продолжали лязгать, и они не остановились, даже когда Римо вышел из душа, все еще держа меня на руках.

Римо вышел из камеры и понес меня по коридору. Паника сдавила мне грудь.

— Черт, — сказал кто-то. Мужчина.

— Принеси мне чертово одеяло, Савио, — прорычал Римо.

Он крепче обнял меня и понес наверх. Я закрыла глаза, слишком потрясенная, чтобы сопротивляться. Что-то мягкое и теплое накрыло меня, а потом меня положили на теплую кожу.

— Ты не можешь ездить по городу голышом. И на твоём теле все еще кровь.

— Ты можешь сесть за руль, — сказал Римо, и его тело опустилось рядом со мной.

— Куда, черт возьми, мы ее везем?

— Домой.

— Нино это ни хрена не понравится. Ты знаешь, как он защищает Киару.

— Мне насрать. А теперь заткнись и езжай.

Я сосредоточилась на дыхании, на воспоминаниях о том, что делало меня счастливой.

Сэмюэль. Мама. Папа. София.

• — * — •

Я не была уверена, сколько времени прошло. Минуты, казалось, слились воедино, когда Римо снова поднял меня и в конце концов опустил на что-то мягкое. Мои глаза открылись, тяжелые веки горели от слез.

Первое, что я заметила, была кровать, на которой я лежала. Мягкие атласные простыни, кроваво-красные. Величественная кровать с балдахином, сделанная из черного дерева, столбы изгибались, как будто две ветви обвивали друг друга, образуя каждую. Тяжелые кроваво-красные шторы свисали с балдахина, закрывая яркий солнечный свет, струящийся в спальню.

Я положила дрожащую руку на гладкую простыню, белый против красного, как в душе. Я вздрогнула и снова начала задыхаться.

Римо подошел к кровати и опустился на нее, так что матрас прогнулся под его весом. На нем не было ничего, кроме кобуры с ножом, пристегнутой к груди. Мышцы, шрамы и едва сдерживаемая сила.

Я отвела глаза, мои зубы снова начали стучать. Римо перегнулся через меня.

— Не надо, — слабо сказала я. Потом тверже. — Не трогай меня.

Темные глаза Римо пристально смотрели на меня. Он низко наклонился, пока его лицо не заполнило мое поле зрения.

— После того, что я сделал сегодня, ты все еще бросаешь мне вызов? Ты не думаешь, что подчинение мне сделает вещи менее болезненными для тебя? — его голос был мягким, низким, почти любопытным.

— Да, — прошептала я, и что-то изменилось в его глазах ... это было разочарование? — Но я лучше приму боль, чем подчинюсь твоей воле, Римо.

Он мрачно улыбнулся и снова потянулся ко мне. Прежде чем я успела среагировать, он натянул одеяло на мое тело, прикрывая мою наготу. Мои глаза расширились.

— Как ты можешь знать, что предпочитаешь, если никогда не испытывала ни того, ни другого? Ни боли ... — он слегка коснулся губами моего рта, не для поцелуя, а для угрозы. — Ни удовольствия.

— дрожь пробежала по моей спине. В горле пересохло, руки и ноги отяжелели. — Я хочу показать тебе оба, *Ангел*. — он замолчал, его темные глаза впились в меня. — Но я боюсь, что ты скорее убьешь себя, чем отдашься мне. — он вытащил нож и положил его рядом со мной. — Ты должна закончить свою жизнь, выбрать легкий путь, потому что никто не придет, чтобы спасти тебя, и я не остановлюсь, пока не сломаю тебя, тело и душу.

Я ему поверила. Как я могла не заметить решительности и холода в его темных глазах?

Я потянулась за ножом, села и приставила лезвие к горлу Римо. Он не вздрогнул, только посмотрел на меня тревожными глазами.

— Я никогда не убью себя. Я не поступлю так со своей семьей. Но ты никогда не сломишь меня. Я тебе не позволю.

Римо склонил голову набок, снова с намеком на любопытство.

— Если ты хочешь убить меня, сделай это сейчас, потому что у тебя не будет другого шанса, *Ангел*.

Моя рука с ножом дрожала. Римо, не сводя с меня глаз, придвинулся ближе, встал на одно колено, потом на другое и склонился надо мной. Я надавила сильнее, и кровь хлынула на поверхность. Мои глаза сфокусировались на красном покрытии лезвия на коже Римо.

Римо придвинулся ко мне и я еще сильнее вонзила нож в его плоть. Я уступила, сосредоточившись на крови, стекающей по его горлу, на ее запахе, ее ярком цвете.

Римо опустил на меня сверху, зажав нож между нашими горлами, и накрыл мое тело только одеялом. Он смотрел на меня, темными глазами, защитные стены, которые я пыталась возвести отслаивались слой за слоем.

Истерика закружилась в моей груди, воспоминания о подвале царапали края моего сознания. Римо обхватил меня за руку, затем медленно оторвал ее от моих рук и забрал у меня нож. Он бросил его на кровать рядом с нами.

Я чувствовала каждый дюйм его сильного, мускулистого тела, но мои глаза не могли сфокусироваться ни на чем, кроме крови на его коже, капающей из пореза, который я нанесла. Он прижал два пальца к моему горлу, чувствуя мой неровный пульс.

— По-прежнему в тисках паники, а? — я сглотнула. Он отстранился и встал. Потом склонился надо мной. — В минуты слабости ты в безопасности, *Ангел*. Мне не нравится ломать слабых. Я сломаю тебя, когда ты сильная.

Он схватил нож и повернулся ко мне спиной. Мои глаза проследили татуировку коленопреклоненного падшего ангела. Так вот каким Римо видел себя? Падший ангел со сломанными крыльями? Темный ангел, восставший из ада?

И кем была я?

Прежде чем выйти из комнаты, он оглянулся на меня.

— Не пытайся сбежать, *Ангел*. Есть еще люди, подобные Симеоне, которые ждут, чтобы добраться до тебя. Мне бы не хотелось посылать их за тобой и причинять тебе боль.

Как будто кто-то может причинить мне боль хуже, чем Римо.

Я заставила себя улыбнуться.

— Мы оба знаем, что ты лжешь. Ты никому не позволишь причинить мне боль.

Римо приподнял темную бровь.

— Не позволю?

— Ты не сделаешь этого, потому что хочешь сломать меня, заставить кричать.

Губы Римо растянулись в улыбке, от которой волоски на моей коже встали дыбом. Улыбка, которая будет преследовать меня вечно.

— О, я заставлю тебя кричать, *Ангел*. Я клянусь.

подавив дрожь, я впиалась ногтями в ладони и выдавила еще несколько слов из сдавленного горла.

— Не трать попусту время. Убей меня сейчас же.

— Мы все должны позволить части себя умереть, чтобы стать сильнее. А теперь спи спокойно. Я вернусь позже для надлежащего видеозаписи для твоей семьи.

— Почему ты спас меня от Симеоне? Почему не позволил ему начать пытку, которую ты задумал для меня? Зачем ты привез меня в свой особняк?

Римо посмотрел на меня так, словно и он задавался тем же вопросом, и его молчание подсказало мне, что моя догадка верна: это действительно особняк Фальконе. Меня удивило, что он рискнул привести меня в дом своей семьи.

— Как ты и сказала, я заставлю тебя кричать, и никто другой.

Он закрыл дверь. Я закрыла глаза и плотнее закуталась в одеяло.

Игра власти. Запутанная игра в шахматы.

Я не буду пешкой или королевой, а Римо не будет королем.

Г Л А В А 5

• ————— * ————— •

РИМО

Я схватил спортивные штаны, чтобы их надеть, прежде чем спуститься вниз в нашу игровую комнату, где сидели Савио, Нино и Адамо. С тех пор, как Киара присоединилась к нашей семье, мои дни прогулок по дому голым, когда я был чертовски доволен, теперь закончены. Братья смотрели на меня, как на бомбу, готовую взорваться.

Я одарил их улыбкой. Адамо покачал головой, но ничего не сказал. Он не пытался скрыть свое отвращение ко мне или его нежелание стать членом Каморры.

Нино медленно поднялся.

— Тебе не следовало привозить ее сюда.

Я схватил меню пиццы.

— Савио, закажи пиццу для нас и еще одну для Серафины.

Нино пришел в себя на диване. Мои глаза скользнули по напряжению в его конечностях.

— Римо, отведи ее в другое место.

— Нет, — ответил я. — Она останется здесь, под этой крышей, где я смогу присматривать за ней.

Мой брат остановился передо мной, нахмутив брови. Это было равносильно вспышке гнева.

— Эта ситуация может вызвать еще один эпизод с Киарой.

— Киара твоя жена, а не моя. Убедись, что она не видит ничего, чего она не должна видеть. Где она вообще?

— В нашем крыле. В тот момент, когда Савио сказал мне, что ты привезешь Серафину, я сказал ей оставаться там.

— Видишь? Нет проблем.

Я прошел мимо него к бару и взял пиво. Нино последовала за Савио, который заказывал пиццу.

— Это огромная проблема. Твоя пленница наверху, может бродить по дому, как ей заблагорассудится. Она может обойти вокруг дома и перейти дорогу Киаре.

— Сомневаюсь, что Серафина сделает это прямо сейчас. Она слишком потрясена и, вероятно, спит красивым сном, пока мы говорим. Она не может убежать из комнаты, и один из вас должен будет охранять ее, чтобы убедиться, что она не сделает что-то глупое.

Нино оценивающе посмотрел на меня.

— Я действительно надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. Это должно сбить наряд. Не

забывай об этом, Римо.

Мой рот широко раскрылся.

— Это раздавит их. Они будут истекать кровью медленно, болезненно, даже не чувствуя моего ножа. Это их уничтожит.

Нино кивнул, потому что, хотя ему все еще было трудно улавливать эмоции, он знал, какой эффект оказывают игры разума на войне.

— Ты мне отвратителен, — пробормотал Адамо.

— Четыре дня, — напомнил я ему.

Он встал, выпятив подбородок.

— А если я скажу нет?

Савио толкнул его.

— Ты был бы гребаным позором, предателем. Что бы ты сделал? Куда бы ты пошел?

Адамо оттолкнул его.

— Мне насрать. Все что угодно лучше, чем стать такими, как вы.

Я направился к нему. Он вздернул подбородок.

— Ты говоришь это, потому что со дня своего рождения ты был защищен. Ты никогда не подвергался настоящей жестокости. Ты Фальконе, Адамо, и однажды ты будешь гордиться этим.

— Жаль, что я Фальконе. Лучше бы ты не был моим братом.

— Адамо, — предупредил Нино, глядя мне в лицо.

— Пошел ты! — Адамо закричал и побежал вверх.

— Рано или поздно он придет в себя, — протянул Нино.

— Сколько времени до прибытия пиццы? — спросил я Савио.

Он обменялся взглядом с Нино, прежде чем ответить.

— Двадцать минут.

— Время для телефонного звонка, — сказал я, кивнув Нино, который немного поколебался, но затем достал свой мобильный и пролистал его.

Нино протянул мне телефон с незнакомым номером.

— Это номер Данте, если он не изменил его с нашего последнего звонка много лет назад.

— Хорошо. Возьми некоторую одежду Киары. Белую ночнушку, если она у нее есть.

Нино нахмурился, но прошел мимо меня и исчез в своем крыле.

— Как ты собираешься держать ее в узде? Убедиться, что она не попытается сбежать или покончить с собой?

— Ее всю жизнь защищали. Она далеко от дома, далеко от мужчин, которые защищали ее. Свобода пугает ее больше, чем плен.

Савио рассмеялся.

— Похоже, ты в этом уверен.

Я усмехнулся. Нино вернулся, выглядя близко к ярости, как никогда. Он протянул мне одежду. Серебристую атласную ночнушку. Идеально.

— Киара подозревает, что что-то случилось.

Я взял одежду, не утруждая себя комментариями, и прошел мимо него в свое крыло, где ворвался в комнату Серафины без стука.

Я перевел взгляд с пустой кровати на стену за ней, где Серафина пыталась открыть окно, что она не могла сделать без необходимых ключей.

Она обернулась, кроваво-красные простыни обернулись вокруг ее тела, ее светлые волосы дикой гривой скользили по плечам. Ее кожа светилась такой невинной белизной на фоне красной ткани. Мне захотелось провести по ней языком, чтобы убедиться, что она на вкус такое же чистая, как она выглядела.

Не съездившись в постели, как я ожидал, а пытаюсь убежать. Эта маленькая птичка, казалось, отчаянно пыталась сбежать из моей клетки, только чтобы порхнуть прямо к Данило. Ее глаза и лицо хранили остатки прежней паники, но она вздернула подбородок и прищурилась на меня. Решила поиграть с большими мальчиками.

Я вошел в комнату. Ее плечи дерзко расправились, но рука взлетела вверх, прижимая простыню к телу, пальцы растопырились на красном, заметно дрожа. Не сводя с нее глаз, я положил одежду на кровать, уловив ее сладкий запах. Я заметил это раньше, как будто ее обмазали ванильным маслом перед первой брачной ночью. Мои ноздри раздулись.

— Пытаешься сбежать из клетки, птичка?

Она бросила на меня надменный взгляд.

— Ты ужасно любишь существ с крыльями.

— Мне нравится их ломать.

Ее губы скривились, и все же она умудрялась быть совершенно красивой. Я мог догадаться, какие образы проносились у нее в голове: я мучаю крошечных животных. Это было для трусов, для людей, не способных противостоять достойному противнику.

— Я не такой психопат.

— Какой же ты?

Я улыбнулся.

— Ты не сможешь открыть окно. Не трать свою энергию, пытайся вырваться.

— Ты установил замки специально ради меня или у тебя вошло в привычку запираť девушек в спальне, чтобы насиловать и пытаться их для собственного развлечения?

Я подошел к ней, прижал ее спиной к подоконнику, затем прислонился к стеклу, глядя на нее сверху вниз.

— Нет, — ответил я. — Мой отец установил их для моей матери.

На лице Серафины промелькнуло отвращение.

— Вы, Фальконе, все чудовища.

Я наклонился, вдыхая ее запах.

— Мой отец был чудовищем. Я хуже.

Пульс бешено колотился в венах. Я видел, как ее страх пульсирует на безупречной коже горла. Я отступил на шаг и кивнул на одежду.

— Это тебе. Завтра утром ты наденешь серебристую ночнушку.

Серафина боком подошла к кровати, чтобы не спускать с меня глаз, затем хмуро посмотрела на кучу на своей кровати.

Я поднес телефон к уху и нажал кнопку вызова. После второго гудка раздался холодный голос Данте.

— Кавалларо.

— Данте, рад слышать твой голос.

Голова Серафины дернулась в мою сторону, и она опустилась на кровать, ее гордая маска треснула, когда ее пальцы сжались в кулак, сжимая простыню.

На другом конце провода воцарилась тишина, и я улыбнулся. Хотел бы я видеть выражение лица Кавалларо, когда он столкнулся с последствиями своих действий, и

осознание того, что его племянница заплатит за его грехи.

— Римо.

Я услышал мужские голоса на заднем плане и истеричный женский. Мать Серафины.

— Я хотел бы поговорить с тобой, как Капо с Капо. От одного человека, который вторгся на его территорию, к другому. Два человека чести.

— Я человек чести, Римо. Я не знаю, кто ты, но это не благородно.

— Давай согласимся не соглашаться на это.

— Серафина жива? — тихо спросил он.

Я обвел взглядом сверкающую девушку, прижимающую красные одеяла к ее обнаженному телу.

Я услышал яростный голос на заднем плане.

— Я сломаю каждую чертову кость в твоём теле!

— Это ее близнец?

Боль отразилась на ее лице, и она сглотнула.

— Она жива? — повторил Данте дрожащим от гнева голосом.

— А ты как думаешь?

— Да, потому что живая она стоит больше, чем мертвая.

— Действительно. Мне не нужно говорить тебе, что я убью ее самым болезненным способом, который я могу придумать, если один солдат Наряда нарушит мою территорию, чтобы спасти ее, и я могу быть очень изобретательным, когда дело доходит до причинения боли.

Даже издали я видел, как кровь бешено стучит в ее жилах, когда она смотрела на свой кулак.

— Я хочу поговорить с ней.

— Пока нет.

— Римо, ты перешел черту и заплатишь за это.

— О, я уверен, что ты так думаешь.

— Чего ты хочешь?

— Сейчас не время для таких разговоров, Данте. Не думаю, что ты к этому готов. Завтра утром у нас будет еще одно свидание. Установи камеру. Я хочу, чтобы ты, ее брат, отец, и жених были в комнате перед камерой. Нино даст вам инструкции, как все настроить. Я сам установлю камеру, чтобы мы могли видеть и слышать друг друга.

Глаза Серафины встретились с моими.

— Римо ... — в голосе Данте прозвучало предупреждение, но я убрал трубку от уха и закончил разговор.

Серафина уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Я придвинулся ближе, и она напряглась, но не показала своего страха, несмотря на усталость на лице.

— Завтра мы начнем играть, *Ангел*.

Я ушел, желая, чтобы она обдумала мои слова. Нино ждал в коридоре, пока я закрывал дверь. Проходя мимо, я поднял брови.

— Пицца прибыла?

Нино последовал за мной и схватил меня за плечо.

— Про какой завтрашнее видео ты имеешь в виду?

Я посмотрел на него, пытаясь оценить его настроение, но даже сейчас это было трудно.

— Я дам ей выбор.

Нино еще раз покачал головой, почти осуждающе.

— Эта девушка невиновна. Она не должница. Не шлюха, которая крадет деньги. Она ничего не сделала.

— Киара изменила тебя.

— Не в этом смысле. Мы никогда не охотились на невинных, Римо. Мы никогда не поднимали руку на того, кто этого не заслуживал, и эта девушка, эта девушка ... она не сделала ничего, чтобы заслужить этот выбор.

Я выдержал его взгляд.

— Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо другой, — пробормотал я.

— И все же мы здесь.

Нино наклонил голову, его серые глаза сузились.

— Ты играешь в опасную игру. Ты недостаточно хорошо знаешь свою соперницу, чтобы быть уверенным в ее выборе.

— Она выберет то, что они все сделают, Нино. Она девушка. С ней нянчились всю жизнь. Она пойдет легким путем. Я хочу услышать, как она скажет это перед гребаной камерой, хочу, чтобы Данте услышал, как его племянница предлагает мне свое гребаное тело, хочу, чтобы все это услышали, и она скажет.

• — * — •

Спустившись вниз, я схватил одну из коробок с пиццей и вернулся в гостевую спальню в своем крыле. На этот раз Серафина села на кровать и не подняла глаз, когда я вошел. В руках она держала серебристую ночнушку.

— А если я откажусь ее надеть?

— Ты можешь надеть ночнушку для шоу или быть голой. Твоя кровь будет так же соблазнительно смотреться на твоей белой коже, как и на ночнушке.

Легкая дрожь пробежала по ее телу, и она позволила одежде упасть на пол у своих босых ног. Я подошел ближе.

— Держи. Ты не ела больше суток. — я поставил коробку с пиццей на тумбочку.

Она подозрительно посмотрела на пиццу. Я ждал, что она оттолкнет ее, чтобы наказать меня голодом, как моя мать всегда пыталась сделать с нашим отцом. Это не сработало ни с ним, ни со мной.

— Надеюсь, она отравлена, — пробормотала она, и потянулась за куском и откусила большой кусок. Она пожевала и подняла на меня глаза. Она с вызовом сглотнула. — Ты будешь смотреть, как я ем?

Может быть, сломать ей крылья будет не так просто, как я думал.

• — * — •

Рано утром следующего дня пришел Фабиано. Я пинал боксерскую грушу в нашей игровой комнате, чтобы высвободить накопившуюся энергию.

Он прислонился к дверному косяку, оценивая меня на пару ударов сердца.

— Говори, что хочешь, — прорычал я и нанес сильный удар.

— Джерри вызвал меня в Сахарницу пару часов назад, чтобы я мог разобраться с беспорядком, который ты создал. Я нашел Симеоне с членом во рту. Я не уверен, что хочу знать, что произошло.

Я прищурился.

— Если бы ты не хотел знать, тебя бы здесь не было.

Он оттолкнулся от косяка и двинулся ко мне.

— Он прикасался к ней?

Я прекратил удары.

— Нет. Ему показалось, что он может смотреть, как Серафина принимает душ.

Фабиано изучал мое лицо.

— Где она?

— В постели.

Его брови поползли вверх.

— В твоей постели?

Я ничего не сказал, но встретился с ним взглядом. Он вздохнул.

— Итак, ты ... — он подыскал подходящее слово и сдался. — Я думал, ты хочешь использовать ее девственность как рычаг против Кавалларо и ее жениха?

Я пытался понять чувства Фабиано, но он слишком хорошо их скрывал. Если бы он приложил столько усилий, чтобы скрыть свои чувства, он бы только не одобрил моего насильственного захвата Серафины.

Я направился к нему.

— Ты питаешь к ней чувства?

Он поморщился.

— Серьезно? У меня есть Леона. Меня не интересует Фина.

— Но тебе не нравится, что я причиняю ей боль?

— Ты Капо. Ты можешь делать с ней все, что захочешь, но нет, мне не нравится, что ты наказываешь ее за то, что сделал наряд.

Я уважал Фабиано за его честность. Большинство мужчин были слишком трусливы, чтобы сказать мне правду в лицо.

— Тогда тебе лучше уйти сейчас, потому что через два часа у меня назначена встреча с Данте и ее семьей, и Серафина будет играть главную роль.

Он отвернулся, мускул на его щеке дернулся.

— Я должен вернуться к Леоне.

— Сделай это. Иди к своей девушке. А я пойду к своей.

— Она не твоя, Римо. Она не выбирала тебя. Это большая разница, — сказал Фабиано, прежде чем повернуться и уйти.

Я вернулся к боксерской груше и пнул ее сильнее, чем раньше.

СЕРАФИНА

Даже на следующее утро пицца тяжелым грузом лежала у меня в животе, но, по крайней мере, сейчас мой желудок скрутило по другой причине, чем ужас. Я подумала, не съесть ли еще кусочек на завтрак. Мне нужна была вся энергия, которую я могла получить, если бы я хотела найти способ победить Римо в его собственной игре, потому что независимо от того, насколько я была защищена, я знала, что Римо не стал бы устанавливать видеозвонок с моей семьей, если бы он не знал, что у него есть что-то, что может причинить им боль.

Я почти не спала всю ночь. Римо не запирали мою дверь после того, как ушел, но я и не пыталась выйти наружу, опасаясь, что это ловушка. Я все еще была слишком потрясена, чтобы планировать свой полет так, чтобы гарантировать его успех.

Я натянула через голову атласную ночнушку, хотя и не хотела отдавать Римо даже эту маленькую победу, но, чтобы выжить, я должна была выбирать.

Шаги перед дверью заставили меня напрячься, и я встала с кровати, предпочитая стоять лицом к Римо, но вошел не тот страшный Капо. Савио Фальконе стоял в дверях, его карие

глаза изучали меня. Я обхватила себя руками, прежде чем успела подумать.

— Пойдем, — приказал он, кивнув в сторону открытой двери.

Я подошла к нему, и он сделал движение, чтобы схватить меня за руку.

— Не смей прикасаться ко мне, — прошипела я.

Его брови взлетели вверх, и он нагло улыбнулся.

— Тогда шевели своей хорошенькой попкой. И послушай моего совета, никогда не разговаривай так с Римо, а то пожалеешь, что родилась на свет.

Я бросила на него уничтожающий взгляд, следуя за ним через дом, осматривая окрестности. Это было просторное, искривленное место, которое быстро привело меня в замешательство. Иногда я чувствовала на себе взгляд Савио, скорее любопытный, чем сексуальный, но все же его присутствие заставляло меня нервничать. Он был высокий, мускулистый и слишком самоуверенный.

В итоге он повел меня вниз по крутой лестнице в подвал.

— Конечно, у вас, Фальконе, есть своя подземная камера пыток, — пробормотала я, но даже я могла слышать скрытую панику в моем голосе.

В воздухе висел запах заброшенности. К счастью, ни экскрементов, ни крови. Савио ничего не сказал, но жестом пригласил меня войти в комнату справа. Римо был уже внутри.

— Вот она. У меня встреча с Диего. Расскажешь, как все прошло, — рассмеялся Савио.

— Ты увидишь запись, — сказал Римо, не сводя с меня темных глаз. — Встань вон там, — приказал он, указывая на точку в центре комнаты.

Я последовала его команде, мой мозг гудел. Комната была пуста. Ни матраса, ни стула, ничего, кроме стола с камерой, направленной на меня.

Римо обошел вокруг меня, изучая мой наряд. Серебристая атласная ночнушка прилипла к моему телу, и когда мои соски сморщились в холодном подвале, взгляд Римо был прикован к ним. Я вздрогнула.

Нино тоже вошел, и мой ужас усилился, когда я увидела, как он перенастроил камеру и поставил большой экран на стол в углу. Он повернул экран в нашу сторону.

— Римо, — сказал он, и брат подошел к нему.

Нино нахмурился, но Римо тронул его за плечо и посмотрел на меня. Ногти впились в мягкую плоть ладони.

Экран ожил, и на нем я увидела свою семью и Данило, и мои ноги почти подкосились.

Сэмюэль дернулся, его глаза были так полны отчаяния, что разрывали меня, а у папы были темные круги под глазами. Данте и Данило лучше контролировали свои эмоции, но они тоже не выглядели обычно собранными.

— Я так рад, что вы смогли присоединиться, — сказал Римо с британским акцентом. Неправильный. Такой человек, как он, окутанный атмосферой насилия и жестокости, был кем угодно, только не Английским джентльменом.

Римо жестоко улыбнулся им, затем повернулся ко мне, и его темные глаза вспыхнули от возбуждения.

— Серафина, в Лас-Вегасе у девушки есть выбор ... — его голос вернулся к нормальному, низкому, угрожающему.

— Не смей! — кричал Сэмюэль, бросаясь к камере, как будто это был Римо.

Данте схватил его за руку, чтобы остановить, но даже мой дядя оказался на грани самообладания.

Римо не обратил на них внимания, только скривил губы. Он вытащил нож, которым

убил Симеоне, и показал его мне.

— Они могут заплатить за свои грехи болью или удовольствием.

Меня передернуло.

— Ты не имеешь права осуждать чужие грехи, — резко прошептала я.

Римо медленно шел позади меня, слишком близко, его горячее дыхание касалось моей шеи. Мой взгляд упал на экран и встретился с отчаянным взглядом Сэмюэля. Он выглядел на грани срыва. Я должна быть сильной ради них, ради него и папы, и даже ради Данте и Данило. Ради наряда.

— Что ты выберешь, Серафина? Ты сдашься на пытки или заплатишь своим телом?

Я выдержала взгляд Сэмюэля. Я унесу свою гордость с собой в могилу. Девушки были созданы чтобы рожать. Эти люди могли выдержать боль, и я тоже.

Римо снова оказался в поле моего зрения.

— Если ты не выберешь, я сделаю выбор за тебя.

Его глаза и лицо говорили, что он знает мой выбор, уверен в нем, потому что я девушка, слабая и незначительная.

Я высокомерно улыбнулась.

— В любой день я предпочту укус холодной стали, чем прикосновение твоих недостойных рук, Римо Фальконе.

Его глаза вспыхнули удивлением, уважением ... и ужасающим возбуждением.

— Я буду наслаждаться твоими криками.

— Римо, хватит, — приказал Данте.

Римо уставился на меня, бормоча.

— У нас только все начинается.

Без предупреждения он схватил меня, развернул, и прижал к своему телу — груди, *каждый дюйм его*, прижимался к моей спине и заднице. Его рука обхватила мой подбородок, приподнимая мою голову так, что я была вынуждена посмотреть на него. Он хотел видеть мои глаза, выражение моего лица, мой страх и ужас, когда он заставит меня кричать.

Я ответила на его взгляд со всей ненавистью и отвращением, на который была способна. Я надеялась, что у меня хватит сил лишить его моих криков, молилась об этом.

— Где бы ты хотела почувствовать мой нож?

Он держал сверкающую сталь прямо перед моими глазами, позволяя мне увидеть ее острый край. Я видела, что татуировки Каморры Римо и Нино скрывали шрамы на предплечьях. Может, это что-то значило, а может, и нет. Мне нечего было терять.

— Или ты передумала насчет своего выбора? Будешь ли ты платить своим телом в конце концов?

Я не доверяла своему голосу, потому что ужас сдавил мне горло, и Римо это видел. Я схватила его за запястье и направила нож к своей руке, пока холодное лезвие не коснулось мягкой кожи предплечья, близко к венам.

Что-то промелькнуло в глазах Римо, и меня наполнило торжество, потому что это место почему-то его задело. Я держала свою руку на его, когда лезвие коснулось моей чувствительной кожи.

Римо надавил, и я напряглась от легкого ожога, но он еще не резал — как будто не мог заставить себя сделать это. Я не могла поверить, что это из-за того, что у него были сомнения насчет причинения мне боли; в конце концов, это был самый жестокий человек на

Западе. И это определено не потому, что он не мог уничтожить мою безупречную кожу. Я была уверена, что он хотел бы первым, чтобы оставить след. Что-то еще удерживало его, что-то темное и сильное.

Я оттолкнула его руку, опустила ее на свою, и лезвие рассекло мне кожу, но Римо сопротивлялся. Я всматривалась в его темные глаза, гадая, что происходит в их глубине, боясь когда-нибудь узнать. Глаза Римо ожесточились, стали суровыми, грубыми, и, наконец, он нажал на лезвие, и оно пронзило мою кожу.

Острая боль пронзила меня, и я задрожала под ее силой, моя рука все еще была на его руке, когда он провел ножом по моей коже, но не остановил его. Почему-то его глаза отражали мою боль, как будто он чувствовал ее глубже, чем я.

Римо отпустил мой подбородок, его рука обвилась вокруг моей талии, чтобы удержать меня в вертикальном положении, но я продолжала держать голову поднятой, мои глаза горели в его глазах.

Я прикусила нижнюю губу, когда крик вырвался из моего горла. Медь заполнила мой рот. Потом она потекла по моей губе, вниз по подбородку.

Римо остановил нож, что-то в его глазах заставило меня замереть.

— Хватит! — взревел папа. — Останови его. Прекрати сейчас же!

Брови Римо сошлись на переносице, когда наши взгляды встретились. Он отпустил мою талию и отошел назад. Мои ноги подкосились, и я упала на пол, мои колени столкнулись с твердым полом. Я едва замечала боль.

Я села на корточки и положила руку на колени. Порез был не таким глубоким, как я думала, но кровь пропитала мое серебристую атласную ночнушку и кровь с моей губы быстро присоединилась к ней.

Я подняла глаза и увидела, что Римо выключил камеру, потом экран. Отчаявшееся лицо Сэмюэля исчезло из виду.

Нино стоял у стены, не сводя глаз с моего запястья, и на его лице застыло тревожное выражение. Римо стоял ко мне спиной, лицом к брату, но плечи его тяжело вздымались.

Я заставила себя встать, несмотря на дрожь в ногах, и позволила кровоточащей руке повиснуть передо мной.

Нино отвел взгляд и уставился на Римо. Я не была уверена, что между ними произошло, не была уверена, что когда-нибудь захочу это узнать.

Римо медленно повернул голову, его жестокие глаза встретились с моими, темные лужи ярости заставили меня затаить дыхание. На этот раз он не ухмыльнулся и не улыбнулся, не выглядел высокомерным или разъяренным. Он выглядел почти сбитым с толку в своей ужасающей, потусторонней манере.

И я поклялась себе, что, чего бы мне это ни стоило, однажды я стану той, кто поставит Римо Фальконе на колени, той, кто сломает самого жестокого человека, которого я знаю.

Г Л А В А 6

• ————— * ————— •

РИМО

Выражение лица Нино было напряженным, но он не собирался снова терять самообладание. Он смотрел мне в глаза, а не Серафине. Он сглотнул, затем холодная маска накрыла его лицо, и он выпрямился.

Мой взгляд упал на шрамы на его запястье, перекрытые нашей татуировкой, затем на

такие же шрамы на моей коже, не такие прямые, не такие сосредоточенные. Я почти коснулся гребаного шрама над бровью, как делал это неделями позже....

— Тебе придется защитить ее самому. Ты играл в эту игру и проиграл. Ты недооценил своего противника, — протянул он и ушел, оставив меня стоять там, чертовски разъяренным и чертовски восторженным.

Я медленно обернулся. Серафина покачивалась, но старалась держаться прямо. Ее подбородок был в крови от раны на губе, от того, что она прикусила ее, чтобы остановить крик. Она не дала мне ни одного. Мой взгляд опустился ниже. Ее ночнушка была в пятнах крови, все еще сочащейся из пореза на руке, которую она прижимала к груди.

Она должна была выбрать другой вариант, как и все остальные девушки. Вместо этого, она застала меня врасплох, выбрала болезненный путь, вынудила мою гребаную руку. Она не подарила мне триумфа, предложив свое тело на серебряном блюде перед Данте, гребаным Кавалларо и ее женихом. Нино был прав. Я недооценил свою соперницу, потому что сравнивал ее с девушками, с которыми имел дело до сих пор, но Серафина не была похожа на них. Гордая и благородная. Я бы не стал снова ее недооценивать. И я получу этот гребаный крик. Я получу гораздо больше, чем это.

Мой взгляд был прикован к ее руке. Почему она выбрала именно это место? Когда я поднял глаза, Серафина встретила мой взгляд с торжеством. Она знала, что победила.

Я подошел к ней, гнев кипел под моей кожей. Она напряглась, снова покачнулась, но не упала. Я взял ее за руку и осмотрел рану. Она была неглубокой. Я недостаточно надавил на лезвие, чтобы сделать глубокий надрез. Мне совсем не хотелось резать ее, что было для меня новым опытом. Вид крови на ее идеальной коже не доставил мне такого глубокого удовлетворения, как обычно.

— Каково это причинить мне боль? Тебя это возбуждает? — яростно спросила она.

Я наклонился ближе, обхватив ее подбородок. Она затаила дыхание, когда я провел языком по ее нижней губе, пробуя ее кровь. Я мрачно улыбнулся.

— Не так сильно, как сейчас.

Она дернулась назад и споткнулась, но я поймал ее, потому что это было не то падение, которое она могла бы принять.

— Нам нужно обработать твою рану.

Она не протестовала и молча последовала за мной на второй этаж, и я крепко держал ее за руку. Я провел ее в спальню, потом в ванную, где хранил единственную аптечку в своем крыле. Нино был единственным, кто, как правило, занимался подобным дерьмом. Она прислонилась к раковине.

— Ты должна сесть, — сказал я ей.

— Я предпочитаю стоять.

Я отпустил ее, и она ухватилась за край раковины, чтобы не упасть. Я наклонился, чтобы поднять аптечку, но мой взгляд был прикован к высокому разрезу ее ночнушки, открывающему длинную стройную ногу. Она сместилась так, что ее передняя часть смотрела на меня. Я ухмыльнулся ей, но ее кожа была бледной, и прекрасный блеск покрывал ее лицо.

Я схватил аптечку и выпрямился, пристально вглядываясь в нее, чтобы понять, упадет ли она в обморок или нет. Она прищурилась и с видимым усилием расправила плечи.

Уголок моего рта дернулся. Я достал тканевый клей. Рана была недостаточно глубокой, чтобы наложить швы. Я не мог вспомнить, когда в последний раз порез не приводил к наложению швов или похоронам.

Я достал дезинфицирующий спрей, и она напряглась, но не издала ни звука, когда жалеющая струя попала ей в рану, но она снова прикусила нижнюю губу.

— Если ты будешь продолжать это делать, результат будет вдвое болезненный.

Она бросила на меня уничтожающий взгляд, но отпустила нижнюю губу.

Я начал накладывать пластырь на ее рану, испытывая странное отвращение при виде пореза, который нанес. Я не мог точно определить это чувство, оно было мне чуждо.

— Так вот как это будет? Ты вскрываешь меня и сшиваешь обратно? — она кипела.

— Я не буду тебя зашивать. Я склеиваю тебя воедино.

Она ничего не сказала, но я чувствовал на себе ее взгляд. Она постучала по моему предплечью татуировки Каморры, задевая пересекающиеся шрамы.

— Интересно, кто нанес эти порезы, — задумчиво произнесла она.

Я замер и вскинул голову. Она выдержала мой взгляд с тем же торжеством, которое я видел в подвале.

— Интересно, кто тебя потом зашил? Вы с Нино порезали друг друга в какой-то извращенной братской церемонии и зашили друг друга, когда закончили? У тебя такие же порезы. Может, мне стоит спросить его.

Я прижал ее к раковине всем телом, мои руки вцепились в мраморную стойку, когда я дрожал от ярости ... и других эмоций, которые я никогда себе не позволю.

Серафина посмотрела на меня, несмотря на страх, овладевший ее совершенным лицом.

— Никогда больше не упоминай об этих шрамах. И ты не будешь говорить с Нино об этом, ни единого слова, поняла? — прорычал я.

Она сжала губы, не говоря ни слова. Капелька крови сорвалась с ее губ и потекла по подбородку.

Выдохнув, я отступил назад, схватил полотенце и намочил его теплой водой. Я схватил ее за подбородок, но она схватила меня за запястье.

— Стой спокойно, — приказал я, и она опустила руку, позволяя мне вытереть подбородок. Затем я присмотрелся к ее губам. Ее зубы поцарапали только верхний слой кожи. — Тебе повезло. Заживет само по себе.

Я был так близко к ней, ее запах ударил в меня снова. Ее голос вывел меня из задумчивости.

— Как долго ты будешь держать меня здесь?

— Кто сказал, что я тебя отпущу? — спросил я тихим голосом, прежде чем отстранился и вывел ее из комнаты.

• — * — •

Вернув Серафину в комнату для гостей, которую я на этот раз запер, я уже собирался начать ежедневные тренировки, пиная боксерскую грушу, когда Киара ворвалась в игровую комнату. Нино шел за ней по пятам и пытался остановить, но она вырвалась из его хватки и с разъяренным видом направилась ко мне.

Я повернулся к ней, подняв брови. Она не останавливалась, пока не оказалась прямо передо мной и сильно толкнула меня, ее глаза наполнились слезами. Я схватил ее за запястья, потому что она выглядела так, будто сейчас даст мне пощечину, а этого мы оба не хотели.

Секунду спустя стальная хватка сомкнулась вокруг моего предплечья.

— Отпусти ее сейчас же, — приказал Нино.

Я встретился с ним взглядом, мне совсем не понравился его тон. Его хватка стала еще

крепче. Предупреждение. Угроза. Мы никогда по-настоящему не воевали друг против друга, и я скорее отдам свою гребаную жизнь, чем позволю этому случиться. Но Киара могла быть причиной, по которой Нино мог рискнуть.

Савио медленно поднялся, и даже Адамо отложил пульт.

Я отпустил ее запястья, и Нино отпустил мою руку. Он склонил голову в знак благодарности, безмолвной благодарности.

— Что ты делаешь с этой девушкой? — настойчиво спросила Киара.

Я прищурился.

— Не понимаю, какое тебе до этого дело.

— Это мое дело, если ты принуждаешь девушку, — прошипела она, но голос ее дрожал.

— Я Капо. Я правлю этим городом. Я решаю, что происходит с людьми на моей территории.

Я повернулся лицом к боксерской груше, но Киара втиснулась перед ней. Ярость обожгла меня, но я запихнул ее в горло, несмотря на чертовски горький вкус. Она принадлежала Нино. Она была чертовой Фальконе.

Я схватил ее за талию и отшвырнул в сторону, как долбаную куклу, прежде чем снова оказаться лицом к лицу с боксерской грушей. Она замерла под моими прикосновениями, как обычно. К сожалению, это длилось всего одну гребаную секунду. Она снова встала передо мной.

— Киара, — предупредил Нино, но она сердито посмотрела на него.

— Нет! Никто не защитил меня. Я не буду стоять в стороне, когда то же самое происходит с кем-то еще.

— Уйди с дороги, — сказал я тихим голосом, чувствуя, как растет мой собственный гнев.

— Или что? — резко прошептала она.

— Я сказал, уйди с дороги, Киара.

Она сделала шаг ко мне, прижимая нас почти грудь к груди.

— А я сказала нет. На этой горе я готова умереть. Меня не волнует твоя вендетта с нарядом или то, что произошло в твоём прошлом. Невинная девушка не пострадает из-за этого.

Я не мог поверить, что она упомянула наше гребаное прошлое. Нино не должен был говорить ей об этом!

Нино придвинулся ближе, наблюдая за мной, а не за Киарой. Гребаный ужас мелькнул в его глазах — то, к чему я все еще должен был привыкнуть, потому что мой брат всегда был бесчувственным, пока не встретил Киару.

Я попытался пройти мимо его жены, но она схватила меня за запястье. Мой взгляд метнулся к ее тонким пальцам, затем вернулся к ее лицу. Нино слегка пошевелился, мышцы напряглись.

Я криво улыбнулся ему. Он думал напасть на меня? Выражение его лица оставалось настороженным. Я встретился с ним взглядом и повернул свободную руку так, чтобы он увидел мою татуировку и пересекающиеся шрамы под ней. Он должен знать, что как бы меня не бесила его жена, я никогда не причиню ей вреда.

Его брови сошлись на переносице, и он расслабился, слегка кивнув. Киара крепче сжала запястье.

— Ты защитил меня от дяди, когда он хотел унижить меня, танцуя со мной на моей

свадьбе. Ты помог Нино убить его....

Я прервал ее, устав от ее эмоциональности.

— Ты можешь успокоиться. Я хочу, чтобы Серафина пришла ко мне в постель добровольно, а не силой. Так что можешь отпустить меня прямо сейчас.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Она не захочет. Зачем ей это? Ты похитил ее.

— И тебя насильно выдали замуж за моего брата. Какая разница?

Она убрала пальцы с моего запястья. Нино обнял ее за плечи.

— Это не одно и то же, — прошептала она.

— Разница только в том, что в твоём случае твоя семья решала, кому ты достанешься, а семья Серафины не имела права голоса. Ни у кого из вас не было выбора.

Она покачала головой и посмотрела на Нино с такой любовью, что я знал, что никогда не смогу повредить ни одному волоску на ее теле. Она снова посмотрела на меня.

— Дай мне поговорить с ней, — сказала она, не спрашивая, а *приказывая*.

— Это гребаный приказ, Киара? — спросил я угрожающим голосом.

Возможно, ей нужно было напомнить, что я ее Капо. Нино сжал ее плечо, но она выдержала мой взгляд, затем шагнула вперед и приблизилась ко мне.

— Нет, — тихо ответила она, глядя на меня своими большими карими глазами, как будто это могло согреть мое сердце. — Я прошу у тебя разрешения, как твоя золовка и как Фальконе.

— Черт, — прорычал я и уставился на Нино. — Разве ты не мог выбрать себе легкомысленную жену? Она так же хороша в манипуляциях, как и ты.

Губы Нино дрогнули, он выглядел гордым. Чертовски гордым.

— Не знаю, почему я терплю вас всех, — пробормотал я.

— Значит ли это, что мне разрешено с ней поговорить? — с надеждой спросила Киара.

— Да. Но я должен предупредить тебя ... Серафина не такая послушная, как ты. На твоём месте я бы прикрывал спину. Она может напасть на тебя, чтобы спасти себя.

— Я рискну, — сказала она, повернулась на каблуках и направилась прямо к моему крылу. Нино последовал за ней, потому что был явно обеспокоен ее безопасностью.

Я резко выдохнул и пнул боксерскую грушу с такой силой, что крюк оторвался от потолка, и груша рухнула на пол.

Савио усмехнулся, подходя ко мне.

— Сначала мне была ненавистна сама мысль о том, что Киара будет жить под нашей крышей, но с каждым днем я все больше наслаждаюсь ее присутствием.

— Почему бы тебе не позвонить кому-нибудь и не починить эту чертову грушу, вместо того чтобы действовать мне на нервы.

Савио усмехнулся.

— Будет сделано, Капо. Я знаю кое-кого, на ком ты можешь высвободить свою сдерживаемую энергию. Я должен был тренироваться с Адамо. Почему бы тебе не занять мое место? Парню нужен хороший пинок под зад.

— Почему бы мне просто не повесить тебя на крючок и не использовать как боксерскую грушу?

Савио рассмеялся и ушел. Уставившись на беспорядок на полу, я повернулся к Адамо, который скрестил руки на груди и свирепо смотрел.

— Давай, ребёнок. Потренируйся со мной.

Мы с Адамо никогда не тренировались вместе, если не считать притворных боев, которыми я развлекал его, когда он был маленьким ребенком и еще не ненавидел меня.

На мгновение показалось, что он собирается отказаться, но затем он поднялся на ноги. Он тащился за мной в той раздражающей манере, которую он недавно перенял, просто чтобы свести меня с ума.

Я схватил ключи и бросил их Адамо.

— Лови. — он, нахмурился. — Ты отвезешь нас туда.

— Серьезно? — спросил он и на этот раз не смотрел на меня.

— Серьезно. Теперь двигайся. У меня нет времени на весь день.

Адамо поспешил мимо меня, не тащась, как было до, и я последовал за ним, качая головой и улыбаясь. Ничто не возбуждало этого ребенка так, как вождение автомобилей или, скорее, гонки на них.

Когда я подошел к дому, он уже сидел за рулем моего нового неоновозеленого Ламборгини Авентадор и ухмылялся, как кот, которому достались сливки. Как только моя задница коснулась пассажирского сиденья, он завел двигатель, и мы помчались по дороге.

— В конце есть ворота. Ты ведь помнишь это? — пробормотал я, пристегиваясь.

Адамо нажал на кнопку, ворота открылись, и мы промчались через них примерно в дюйме между боковыми зеркалами и безжалостной сталью ворот.

Я покачал головой, но Адамо не замедлил ход. Мы лавировали между машинами, и гудки преследовали нас повсюду. Из переулка выскочила полицейская машина и погналась за нами с воем сирен и мигалками.

— О боже, — простонал Адамо, нажимая на тормоза и съезжая на обочину.

Офицер вышел, держа руку на пистолете, и направился к нам, в то время как его коллега остался позади, держа пистолет на боку. Вот в чем проблема с новой машиной.

Адамо опустил стекло, и офицер посмотрел на него.

— Вылезай из машины.

Я наклонился вперед, прислонив руку с татуировкой к приборной доске, и мрачно улыбнулась мужчине.

— К сожалению, офицер, у нас есть место, в котором мы должны быть.

Полицейский заметил татуировку и посмотрел на мое лицо и отступил на шаг.

— Это недоразумение. Счастливого пути.

Я кивнул и откинулся на спинку сиденья.

— Поехали.

Адамо посмотрел на меня с оттенком восхищения в глазах. Затем он выехал с обочины, но все же слишком быстро. Его настроение испортилось, как только мы вышли из машины перед заброшенным казино, которое служило нам тренажерным залом.

• — * — •

Я ждал Адамо в клетке, но он не торопился готовиться. Когда он, наконец, подошел ко мне, я действительно хотел, чтобы он был кем-то другим, потому что я хотел злобно уничтожить своего противника.

Адамо забрался внутрь и закрыл дверь, прежде чем повернуться ко мне.

За последние несколько месяцев он вырос. Он все еще был намного худее, чем мы с Нино и даже Савио, но, несмотря на свое нежелание драться, быстро поправлялся. Его руки безвольно повисли вдоль тела, когда он с опаской наблюдал за мной.

— Давай, малыш. Покажи, что у тебя есть.

— Не называй меня малышом, — проворчал он.

Я вызывающе улыбнулся.

— Заставь меня. До сих пор ничто из того, что я видел, не намекало на то, что ты больше, чем дутый ребенок.

Он сжал руки в кулаки и прищурился.

Лучше.

— По крайней мере, мне не нравится причинять боль девушкам.

Так вот что было в его трусиках.

— Тебе тоже не нравится делать с ними что либо, — поддразнил я, пытаюсь, наконец, заставить его действовать на свой гнев. Я не мог меньше трахаться, если Адамо был девственником или нет. Я ничего не понимал, но он мог трахать кого угодно, когда угодно, как ему заблагорассудится.

— Мне нравятся девушки.

— Очевидно, не их киски. — он покраснел. У нас было еще много работы. — Ты хотя бы девушку целовал? — я сделал шаг ближе к нему. Он отвел взгляд и моя улыбка расширилась. — Кто это был? Девочка из школы? Или все-таки шлюха?

Его глаза вспыхнули гневом, и он бросился на меня. Его удар оказался на удивление удачным, но я заблокировал его обеими руками, а затем сильно ударил Адамо в бок— хотя и не так сильно, как хотелось бы. Он ахнул, но все же послал несколько ударов в мою сторону.

Мы нашли хороший ритм, и я видел, как Адамо входит в него, как будто это была одна из его раздражающих видеоигр. Должен признаться, мне понравился спарринг. Но не более того, потому что, если бы я действительно сражался с Адамо, парень был бы на полу. В конце концов мы прислонились к клетке, потягивая воду и обливаясь потом.

— Я не думал, что ты сдержишься. Я думал, ты хочешь надрать мне задницу, потому что я ебаное разочарование в твоих глазах.

Я опустил бутылку.

— С чего ты взял, что я сдерживаюсь?

Он фыркнул.

— Ты самый сильный боец, которого я знаю. У меня нет ни единого шанса против тебя.

— Пока нет. Может быть, когда-нибудь. И ты не разочарование.

Он покачал головой.

— Я никогда не буду таким, как ты, Нино или даже Савио.

— Я не хочу, чтобы ты был таким, как мы. Я только хочу, чтобы ты был Фальконе и гордился этим.

Адамо хмуро посмотрел на меня, потом опустил взгляд на бутылку.

— Мы можем провести еще один раунд?

— Конечно, — ответил я, хотя мне не терпелось вернуться к Серафине.

— На этот раз не сдерживайся, — сказал Адамо.

Мои губы широко раскрылись, и я поставил бутылку. Я должен был биться с Адамо раньше.

СЕРАФИНА

Я лежала на кровати, глядя в потолок, беспокоясь о своей семье, особенно о Сэмюэле. Он так защищал меня, что если он сделает что-нибудь глупое, например, нападет и погибнет? Я хотела спастись, но если что-то случится с Сэмом, я не выживу. Я лучше буду страдать от боли и терпеть присутствие Римо, чем видеть, как страдает мой брат.

Тяжесть легла мне на живот, когда я вспомнила выражение его глаз, когда Римо приставил нож к моей коже. Этот взгляд ранил гораздо сильнее, чем неглубокая рана. Но порез дал мне важную информацию о Римо. У него была слабость, и это было как-то связано с теми шрамами и его братьями.

Перед моей дверью послышались шаги, и кто-то постучал. Я удивленно села. Никто раньше не утруждался стучать в дверь.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла молодая девушка с темными волосами и темными глазами, одетая в красное летнее платье. Она была ниже меня ростом и, должно быть, являлась источником одежды, которую принес мне Римо; это объясняло, почему мое макси платье заканчивалось на середине икр.

Я никогда не встречала ее, но знала, кто она. Ни один человек в нашем мире не не знал ее.

— Киара Витьелло, — сказала я.

Бедная девушка Фамильи, брошенная на съедение волкам Фальконе. Все слышали об этом союзе. Это была сплетня года среди девушек и женщин Наряда. Я испытывала только жалость к девушке, но она не выглядела так, будто нуждалась или хотела этого.

— Киара Фальконе сейчас, но да, это я.

Она оглянулась через плечо, слегка нахмурившись, и я проследила за ее взглядом, обнаружив стоящего позади нее Нино Фальконе.

— Тебе не обязательно оставаться. Мы с Серафиной поговорим. Она не представляет для меня опасности.

Он боялся, что я нападу на его жену? Возможно, использование ее в качестве защитного щита помогло бы мне выбраться из особняка, но я не была настолько храброй. Если я потерплю неудачу, я знаю, что это будет означать, потому что взгляд Нино заставил меня похолодеть.

— Я останусь, — твердо сказал он, глядя прямо на меня, когда вошел, закрыл дверь и прислонился к стене. — И если ты сделаешь шаг в сторону моей жены, последствия будут очень неприятными.

Щеки Киары покраснели. Она одарила меня извиняющейся улыбкой, прежде чем подойти к нему и коснуться его груди. Я не слышала, что она говорила, но выражение лица Нино оставалось стоическим. Он покачал головой, и она вздохнула.

Она подошла ко мне. Я настороженно посмотрела на нее. Она была не только Витьелло, но и Фальконе. Ни одна из фамилий не успокаивала меня.

— Мне очень жаль. Он очень заботливый, — сказала она с легкой улыбкой.

Я посмотрела на Нино.

— Это очевидно.

Выражение его лица оставалось холодной маской. Римо одарил бы меня своей кривой улыбкой или пугающим взглядом, и я должна была признать, что предпочла бы его непроницаемому лицу Нино, потому что не сомневалась, что он был таким же жестоким и испорченным, как его брат, но еще более трудным для чтения.

Киара протянула руку.

— Меня зовут Киара.

Поколебавшись, я взяла ее.

— Серафина.

Ее взгляд упал на мою руку.

— Мне очень жаль.

— Ты не должна извиняться, — сказала я ей, вернувшись к кровати и опустившись на нее.

— Боюсь, это единственное, что ты получишь, — сказала она с оттенком неодобрения.

По крайней мере, она казалась потрясенной тем, что ее сумасшедший деверь причинил мне боль.

— Мне не нужны извинения Римо. Я хочу, чтобы он лежал у моих ног в луже собственной крови.

Я послала Нино улыбку, оценивая его реакцию, но выражение его лица не изменилось. С таким же успехом он мог быть вырезан из льда. Если он не поддастся на насмешки, то мои шансы пройти мимо него равны нулю. Если я когда-нибудь попытаюсь сбежать, мне придется убедиться, что его нет рядом.

Глаза Киары слегка расширились, когда она присела на край моей кровати, разглаживая платье.

— Думаю, тебе придется встать в конец очереди. Мир полон людей, которые хотят того же.

О, она мне нравилась. Подавив улыбку, я спросила.

— Ты одна из них?

Она поджала губы.

— Вовсе нет.

— Значит, это он сделал тебе больно, — сказала я, кивнув в сторону ее бесчувственного мужа, только теперь что-то опасное мелькнуло в его глазах. Он определенно не был равнодушен к своей жене.

Киара взглянула на Нино, и улыбка на ее губах удивила меня.

— Нино никогда не причинит мне вреда. Он мой муж.

Она казалась честной и более ... она казалась влюбленной. До меня доходили слухи о том, что случилось с ней и что Фальконе сделали с ее дядей. Может быть, она просто была благодарна.

— Почему ты здесь? — я спросила в конце концов.

— Я думала, тебе понравится женская компания.

— Я хотела бы вернуться в свою семью, в свой дом. Я хочу, чтобы Римо прекратил свои извращенные игры. Вот чего бы мне хотелось, — хрипло прошептала я, чувствуя себя виноватой за то, что накинулась на нее, но ничего не могла с собой поделать.

Она кивнула.

— Я знаю.

— Сомневаюсь, что ты пришла предложить свою помощь. Ты верна Фальконе.

Она снова перевела взгляд на Нино.

— Так и есть. Они моя семья. — я отвернулась, думая о своей семье, о Сэмюэле, и мое сердце сжалось. Она испугала меня, когда наклонилась ближе, и Нино тоже напрягся и выпрямился. Несмотря на мои явные опасения, она приблизила губы к моему уху и прошептала. — Эти люди жестоки и грубы, но это не все. Я думаю, ты можешь проникнуть под кожу Римо. Я желаю этого вам обоим.

— она отстранилась и выпрямилась. — Я посмотрю, что можно сделать, чтобы тебе разрешили проводить дни вне этой комнаты. Мы могли бы посидеть в саду. Нет никаких причин, почему твое пленение должно быть более неприятным, чем абсолютно

необходимым.

Я уставилась на Киару. Она удивила меня, но если она действительно думала, что кто-то может проникнуть под кожу Римо Фальконе, то жизнь в Вегасе исказила ее мозг.

Г Л А В А 7

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

В комнате не было часов, но, должно быть, уже перевалило за полдень. Кроме холодной пиццы и воды из-под крана, я ничего не ела и не пила. Возможно, это еще одна часть игры Римо.

Выглянув в окно, я попыталась найти конец помещения, но с моего наблюдательного пункта сады, окружающие особняк Фальконе, казались бесконечными.

Что сейчас делает Сэмюэль? Я закрыла глаза. Он обвинит себя в том, что случилось. Я знала его. Он всегда считал себя моим защитником. Мне хотелось услышать его голос, сказать ему, что это не его вина. И маму с папой...

Я надеялась, что они, по крайней мере, нашли способ скрыть правду от Софии. Она была слишком молода, слишком невинна, чтобы обременять себя жестокостью нашего мира.

Стук, за которым последовал поворот замка, заставил меня повернуться лицом к двери. Я вздрогнула от тупой боли в предплечье. В комнату вошел подросток в спортивных шортах и футболке. У него были чуть более длинные вьющиеся каштановые волосы, он был худощав, но мускулист.

— Привет, — сказал он нерешительно, карие глаза были добрыми.

— Римо послал меня за тобой.

Я не сдвинулась с места у окна.

— Ты что, его слуга?

Мальчик улыбнулся неосторожной, честной улыбкой. Улыбки мало кто мог себе позволить в наших кругах.

— Я его младший брат, но в глазах Римо это одно и то же.

Его доброта смутила меня. Он не казался фальшивым. Я перевела взгляд на его предплечье, на котором не было отметин Каморры, ножа и глаза.

— Тебя еще не призвали.

Улыбка исчезла.

— Через два дня.

— Но ты не хочешь, — с любопытством сказала я.

Осторожность сменила открытое дружелюбие.

— Мы не должны заставлять Римо ждать.

Он открыл дверь пошире и жестом пригласил меня выйти. Интересно, что он сделает, если я откажусь следовать за ним? Он был выше меня и определенно сильнее, но у меня сложилось впечатление, что ему будет трудно дотронуться до меня. Будь он моим единственным противником, я бы рискнула, но Римо был внизу.

Наконец я подошла к нему и последовала за ним по длинному извилистому коридору.

— Кстати, меня зовут Адамо, — сказал он.

Я взглянула на него.

— Серафина.

— Я знаю.

— Полагаю, вы, братья Фальконе, были замешаны в похищении, — пробормотала я.

Он сдвинул брови, но промолчал. На его лице был намек ... на смущение и неодобрение.

Через несколько минут, мы пришли в нижнюю часть особняка, в какой-то развлекательный центр с баром, диванами, телевизором, и боксерской рингом. Среди обломков валялась боксерская груша, и Римо смотрел на нее так, словно она лично оскорбила его. Он тоже был в боевых шортах и больше ни в чем.

Воспоминание о том, как он держал меня под душем, как я прижималась к нему совершенно голая, всплыло на поверхность. В то время я мало что заметила, и даже сразу после этого, но сейчас мой взгляд скользнул по показавшимся твердым мускулам, многочисленным шрамам, которые говорили о его жестоком прошлом и настоящем. Каждый дюйм Римо кричал об опасности. Его рост, мускулы, шрамы, но еще хуже глаза.

Они нашли меня, и, как всегда, было трудно встретиться с ними. Рядом с Римо чувствуешь себя омегой в стае волков. Твои глаза хотели избежать его взгляда из-за глубоко скрытого *первобытного* импульса, потому что Римо *являлся* альфой. Ошибки быть не могло.

Адамо отошел от меня, подошел к дивану, плюхнулся на него и взял контроллер. На кофейном столике перед ним лежал пистолет.

Римо подошел ближе.

— Адамо, — отрезал он, указывая на пистолет. Черт подери!

Адамо схватил его и сунул под ногу.

— Я даже не знаю, как им пользоваться, — солгала я.

Римо мрачно улыбнулся.

— Ты хорошая лгунья.

Его кожа блестела от пота, как будто он не потрудился принять душ после тренировки.

— Почему ты позвал меня? У тебя запланирована еще одна пытка для меня?

Римо взглянул на мою рану, его лицо застыло, острые скулы и сжатые челюсти.

— На кухне есть еда и что-нибудь выпить, если только ты не предпочитаешь крепкие напитки.

Он кивнул в сторону бара слева от меня, где ожидало потребление множество бутылок, большинство из которых были наполовину полны. Скотч, бурбон, виски, джин ...

Я определенно не напьюсь, пока меня держит в плену Каморра.

— Я могу свободно ходить по дому? — спросила я.

Римо ухмыльнулся.

— Не думаю, что мы достигли такого уровня доверия.

— Мы не достигнем никакого уровня доверия, Римо.

В коридоре за моей спиной раздалась шага, и я обернулась, но не настолько, чтобы потерять Римо из виду. Я предпочитала держать его в поле зрения. Как будто он точно знал, что я делаю, уголок его рта дернулся вверх.

Савио вошел с надменным видом.

— Есть кое кто, кто починит боксерскую грушу.

Римо оторвал от меня взгляд.

— И это заняло у тебя четыре часа?

— Уладил кое-какие дела, пока я был там. — сказал Савио, пожимая плечами.

Римо неодобрительно покачал головой.

— Однажды я всерьез потеряю на тебе свое дерьмо.

Савио не выглядел обеспокоенным, и я сомневалась, потому, что он был таким же

бесчувственным, как Нино. Савио знал, что ему нечего бояться старшего брата. Осознание этого удивило меня, и я отложила его для последующего использования.

— Теперь, когда ты здесь, присматривай за нашей гостьей, пока она ест на кухне. Я приму душ, а потом сменю ее.

Мой рот скривился.

— Я не твой гость. Я пленница.

— Семантика, — ответил Римо.

Может быть, в его извращенном сознании.

— Я бы тоже мог за ней присмотреть, — проворчал Адамо со своего места на диване.

Савио и Римо переглянулись. Либо они боялись, что их младший брат поможет мне, либо они боялись, что он не сможет остановить меня от побега. Интересно.

Римо, прищурившись, посмотрел на меня и прошел мимо, его рука коснулась моей, заставив меня отпрянуть.

— Пошли, — приказал Савио.

Мой взгляд задержался на Адамо, который хмуро смотрел вслед удаляющемуся Римо. Возможно, у Фальконе было слабое звено.

Оторвав взгляд, я последовала за Савио в заднюю часть первого этажа и через дверь, которая открыла огромную кухню.

Он указал на кастрюлю на плите. Я подошла к ней и подняла крышку, найдя кремовый суп оранжевого цвета.

— Что это?

— Откуда мне знать? — протянул Савио, опускаясь на стул у кухонного стола.

— Наверное, что-нибудь без мяса. Киара вегетарианка.

Я нахмурилась, пытаюсь расшифровать эмоции в его голосе. Мне показалось, что я уловила намек на покровительство, когда он произнес ее имя. Включив плиту, я понюхала.

— Тыквенный суп, — сказала я.

Савио пожал плечами.

— Я тоже буду.

Я уставилась на надменного ублюдка. Он думал, что я наложу ему обед?

— Почему бы тебе не поднять свою ленивую задницу со стула и не взять тарелку.

Он оторвал свою задницу от стула и двинулся на меня. Он прижался к плите по обе стороны от моей талии, загоняя меня в угол.

— Я не Римо, — тихо сказал он, — Но я Фальконе, и я люблю кровопролитие. Лучше следи за языком.

Я ничего не сказала. Савио был по-своему страшен. За моей спиной булькнул суп, и Савио, наконец, отвернулся.

Я открыла ящик в поисках половника, когда план обрел форму. Римо был наверху, принимал душ. Я нигде не видела Нино, только Адамо был в гостиной и, возможно, рабочий, который, зная Вегас, не придет мне на помощь. Это была лучшая возможность, которая у меня была до сих пор.

Я схватила тяжелую кастрюлю за ручки и отскочила назад, чтобы набрать скорость, но прежде, чем я успела ослабить хватку, Савио обернулся. Я швырнула в него кастрюлю с кипящим супом. Демонстрируя впечатляющие рефлексy, он бросился в сторону, избегая кастрюли и большей части его содержимого. Брызги желтого супа покрывали его с головы до ног.

Я рискнула и попыталась проскочить мимо него. Его рука метнулась вперед, сжимая мое запястье, и он оттолкнул меня с возмущительным высокомерием. Развернувшись, я ударила бедрами о край стола. Я упала вперед, мои локти ударились о твердую древесину, моя задница выпятилась недостойным образом.

— С этой точки мне нравится твоя задница, — заметил Савио.

— Только на расстоянии, — предупредил Римо Я резко обернулась. Стоя в открытой двери, Римо оглядел беспорядок на полу и брата. — Что тут произошло?

Савио поморщился, глядя на свою рубашку, затем нахмурился.

— Эта сука пыталась сварить меня живьем.

Я выпрямилась, стараясь скрыть страх перед наказанием за нападение, но тут Римо рассмеялся, и по коже у меня побежали мурашки.

— Я рад, что ты находишь это забавным, — пробормотал Савио.

— Я закончил. В следующий раз, когда будешь занят, сделай одолжение и попроси Нино присмотреть за ней.

Он вышел, даже не взглянув на меня.

— Убери это, — приказал Римо, кивнув в сторону пола.

Я осталась на месте.

Римо обошел вокруг оранжевого озера и остановился прямо передо мной, заставив меня запрокинуть голову. Он взял меня за подбородок.

— Позволь дать тебе совет, Ангел. Выбирай битвы с умом, — угрожающе пробормотал он. — А теперь ты помоешь пол. Мне насрать, если твои высокородные руки не должны пачкаться.

Я опустила глаза от его сурового взгляда, но попыталась скрыть его, когда отстранилась от его прикосновения.

— Где швабра?

Римо повернулся и направился к двери.

— Я вернусь ровно через две минуты, и ты не сдвинешься ни на дюйм, поняла?

Я сжала губы в маленький акт неповиновения — если это вообще можно было так назвать, — потому что Римо знал, что я подчинюсь. Мало кто осмелился бы бросить Римо вызов в этот момент. Я надеялась однажды окажусь среди них.

РИМО

Я направился к кухонному шкафу. Савио прислонился к барной стойке, потягивая напиток и измученное самолюбие.

— В следующий раз тебе следует быть повнимательнее.

Он сверкнул глазами.

— Я думаю, что у нас двоих больше причин для беспокойства. Она твоя, не моя. Подожди, пока она попытается вскипятить твой член.

— Я могу контролировать Серафину. Не волнуйся.

Я достал из шкафа швабру и ведро и вернулся на кухню. Серафина стояла на том же месте, хмуро глядя в пол.

Она продолжала удивлять меня. Фотографии, которые я видел в интернете, и сопутствующие статьи предполагали, что она была ледяной принцессой. Холодная, гордая, хрупкая. Ее легко раздавить, как свежий снег, но Серафина была как вечный лед. Сломать ее силой было трудно, не невозможно, потому что я знал, как это сделать, но это был бы неправильный подход. Даже вечный лед поддавался жаре.

Я протянул ей ведро и швабру, которые она взяла без возражений. Стараясь не смотреть мне в глаза, она наполнила ведро водой и поставила его на землю. Довольно быстро стало ясно, что Серафина никогда в жизни не держала в руках швабру. Она использовала слишком много воды, заливая пол.

Прислонившись к стойке, я молча наблюдал за ней. Ей следовало взять тряпку, встать на колени и как следует вымыть пол, но я знал, что гордость не позволит ей встать на колени в моем присутствии. Гордая, сильная и невероятно красивая, даже потная и вся в супе.

Когда она наконец сдалась, пол все еще был залит супом.

— Швабра работает неправильно.

— Швабра тут ни при чем. Доверься мне.

— Меня не учили мыть полы, — отрезала она, и непослушные пряди волос прилипли к ее щекам и лбу.

— Нет, тебя вырастили, чтобы согреть постель мужчины и раздвигать для него ноги.

Ее глаза расширились, гнев исказил ее прекрасные черты.

— Я была воспитана, чтобы заботиться о семье, быть хорошей матерью и женой.

— Ты не умеешь готовить, не умеешь убирать и, наверное, никогда в жизни не меняла подгузник. Быть хорошей матерью, кажется, не в твоём будущем.

Она оттолкнула швабру так, что та с грохотом упала на пол, подошла ближе и резко остановилась на полпути.

— Что ты знаешь о том, как быть хорошей матерью? Или порядочным человеком?

Моя грудь на мгновение сжалась, но я протолкнулся сквозь нее.

— Я знаю, как сменить подгузник на другой, и я обеспечил своих братьев защитой, когда они в ней нуждались. Это больше, чем ты можешь сказать о себе.

Она нахмурилась.

— Когда ты менял подгузники?

— Когда Адамо был младенцем, мне было уже десять, — сказал я. Это было больше, чем я хотел показать в первую очередь. Мое прошлое не касалось Серафины. — Теперь иди. Я сомневаюсь, что ты можете сделать лучше, чем это. Уборщики придут утром в любом случае.

— Ты позволяешь мне убирать, хотя у тебя есть люди?

— Твоя гордость погубит тебя, — сказал я.

— И твоя ярость будет твоей.

— Тогда мы упадем вместе. Разве это не начало каждой трагической истории любви?

Мой рот скривился при этом слове. Какая трата энергии. Наша мать любила нашего отца. Она тоже ненавидела его, но любовь помешала ей сделать то, что было необходимо. Она позволила отцу избивать и насиловать себя, позволила ему избивать нас, потому что это означало, что он и пальцем ее не тронет. Она никогда не противостояла ему. И еще хуже ... обратила свой гнев на нас, чтобы защитить себя. Ее единственным актом дерзкого неповиновения было наказать нашего отца, убив его сыновей. Она пыталась отплатить ему, убивая собственную плоть и кровь, потому что была слишком слаба, чтобы отомстить другим способом. В доме, полном оружия, она не могла найти в себе мужества вонзить нож в спину отца, как следовало сделать в первый раз, когда он поднял на нее руку. Она выбрала легкий путь.

— У нас не будет любовной истории. Не трагическая, не печальная и уж точно не счастливая. Можешь забрать мою ненависть, — яростно сказала Серафина.

— Я возьму, — пробормотал я. — Ненависть намного сильнее любви.

• — * — •

Вечером Нино присоединился ко мне на террасе.

— Савио рассказал мне, что случилось.

— Она очень решительная.

— От нее одни неприятности, — поправил он. — Держать ее под этой крышей большой риск.

Я криво улыбнулся ему.

— Только не говори мне, что ты боишься девушки.

Выражение лица Нино не изменилось.

— К счастью, страх не входит в число эмоций, которые я открыл.

— Тогда продолжай в том же духе, — сказал я.

Страх был так же бесполезен, как и любовь — и еще более разрушителен.

— Меня беспокоит Адамо. Его посвящение через два дня. Держать Серафину пленницей в особняке могло усилить его нежелание давать клятву.

Я повернулся к нему.

— Думаешь, он откажется от татуировки?

Нино вздохнул.

— Понятия не имею. Он ускользает. Я не могу заставить его поговорить со мной больше. Киара единственная, с кем он проводит время.

— Адамо бунтует, но он все еще Фальконе. Стоит ли давить на него сильнее?

Нино покачал головой.

— Думаю, это заставило бы его отстраниться еще больше. Мы должны надеяться, что он придет в себя в конце концов.

— Посвящение перед нашими младшими офицерами и капитанами. Если он откажется ... — я замолчал.

Нино кивнул, потому что понял. Отказ Адамо от татуировки был бы позором, предательством. Было только одно наказание за отказ от татуировки: смерть.

— Полагаю, нам не в первый раз придется убить значительное количество Каморристов, — сказал я.

— Эти люди верны. Было бы неудачно избавиться от них, и мы столкнулись бы со слишком многими противниками сразу.

— До этого не дойдет.

Нино снова кивнул и тихо встал рядом со мной.

— Ты дал Серафине что-нибудь от боли?

— Боли? — эхом отозвался я.

— Ее рана может причинять боль.

— Порез неглубокий. Это не может вызвать у нее ничего, кроме легкого дискомфорта.

Нино покачал головой.

— Именно так я думал, когда лечил рану Киары, но она была удивительно чувствительна к боли. И Серафина не будет отличаться. Может, даже хуже. Возможно, это первый порез, который она получила, возможно, это вообще первый акт насилия, Римо. Она будет чувствовать боль глубже, чем мы с тобой.

Я обдумал его слова и понял, что он, вероятно, прав. Из того, что я узнал, Серафину, вероятно, никогда не били ее родители. Первый акт насилия ... я не заикливался на этих

МЫСЛЯХ.

— У нас есть что-нибудь от боли?

— У меня в комнате есть Тайленол. Я могу принести его ей после ужина. Киара снова готовит лазанью с сыром.

— Нет, я отдам ей, когда принесу кусочек лазаньи.

— Хорошо, — пробормотал Нино, внимательно глядя на меня.

— Что? — прорычал я, его молчаливое осуждение действовало мне на нервы.

— Первоначально план состоял в том, чтобы держать Серафину в Сахарнице.

— Сначала я не знал, что она за девушка. И здесь она в большей безопасности. Я не хочу, чтобы кто-нибудь до нее добрался. Это разрушит мои планы.

— Я принесу Тайленол, — сказал Нино, оборачиваясь и оставляя меня стоять.

Я вошел в дом и прошел на кухню, где пахло травами и чем-то еще более пряным. Киара оторвала взгляд от разделочной доски. Она нарезала помидоры и бросила их в тарелку с салатом.

— Здесь никто не ест салат, — сказал я, направляясь к ней. Напряжение ее тела было едва заметным.

— Я ем, и Нино тоже, и, возможно, Серафина тоже предпочитает оставаться здоровой, — сказала Киара.

Я остановился рядом с ней и заглянул в духовку, где на большой сковороде плавился сыр.

— У Серафины есть более насущные проблемы.

Глаза Киары взлетели вверх, и я схватил ее за руку прежде, чем она успела отрубить пальцы.

— Нино должен показать тебе, как правильно держать нож, — потребовал я и отпустил ее.

Она положила нож.

— Когда ты отправишь ее обратно — я уставился на нее. Она заправила прядь за ухо и отвернулась. Киара все еще была готова подчиниться. — Ты *ведь* отошлешь ее обратно?

Вошел Нино с тайленолом, переводя взгляд с меня на жену. Он нахмурился, но ничего не сказал.

— Когда лазанья будет готова? — спросил я.

— Сейчас все должно быть готово. — она схватилась за ручку, и я отступил назад, чтобы она могла открыть духовку. Она кивнула.

— Идеально.

Нино взял рукавицы и осторожно оттолкнул жену в сторону.

— Позволь мне.

Он поставил кипящую сковороду на плиту, и Киара улыбнулась ему, коснувшись его руки.

— Спасибо тебе.

Выражение его лица смягчилось, и я все еще не мог сосредоточиться. Мой брат любил — или на что он был способен — Киару. Достав из кармана Тайленол, он протянул его мне.

— Дай мне кусочек лазаньи для Серафины.

Кьяра поджала губы, но сделала, как ей сказали.

— Почему она не может поужинать с нами?

— Она пленница, — пробормотал Савио, входя. Он все еще злился из-за инцидента с

супом.

— Она может быть пленницей и ужинать с нами, как ты думаешь? — она обратилась за помощью к Нино. Он коснулся ее талии, и они обменялись взглядами, которые я не смог прочесть.

Устав от их молчаливых разговоров, я ушёл с лазаньей и тайленолом. Когда я вошел в спальню, Серафина сидела на подоконнике, обхватив руками ноги. Интересно, какую одежду она носила в Миннеаполисе? Я не мог представить, что она выбирала платья до пола, как Киара. Серафина не повернулась ко мне, когда я вошел, даже когда я пересек комнату и поставил тарелку на тумбочку.

— Скажи Киаре, что я сожалею, что потратила впустую ее суп.

— Ты сожалеешь? — спросил я, останавливаясь перед ней. Ее голубые глаза все еще смотрели в окно.

— Прости, что потратила его впустую, а не бросила в твоего брата. Я сожалею, что промазала. Ты можешь сказать ему это.

Я подавил улыбку и внимательно посмотрел на нее, на ее изящно изогнутые губы, на ее безупречную кожу. Мой взгляд опустился на ее предплечье. Она держала руку под неудобным углом, чтобы не прижимать ее к ноге. Я протянул Тайленол.

— От боли.

Ее взгляд упал на мою ладонь. Потом она подняла глаза. Я мог бы сказать, что она хотела отказаться, но она снова удивила меня, приняв таблетки, ее пальцы коснулись шрамов на моей ладони. Ее светлые брови нахмурились.

— Это следы ожогов, не так ли?

Я убрал руку и сжал ее в кулак.

— Кушай. У меня есть завтра на тебя планы. — я повернулся на ботинках и запер за ней дверь.

Г Л А В А 8

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

На следующее утро я быстро приняла душ, держа руку вне кабинки, чтобы она не промокла. Обезболивающие помогли справиться с болью. Я не ожидала такого внимания со стороны Римо и подозревала, что у него были скрытые мотивы для этого жеста, но это дало мне еще один кусочек головоломки. Шрамы на его ладонях имели особое значение. У меня было чувство, что они были связаны со шрамами, которые покрывала его татуировка.

Звук замка испугал меня, и я быстро надела еще одно длинное летнее платье Киары, прежде чем выйти из ванной, мои волосы все еще были влажными, а ноги босыми.

Римо стоял перед окном, скрестив руки на груди, высокий, смуглый и задумчивый, как любитель любовных фильмов. Он повернулся и осмотрел мое тело. Было тревожно, как физически его взгляд ощущался на моей коже.

— Я выведу тебя погулять в сад.

Я подняла брови.

— Зачем?

— Ты бы предпочла провести в плену здесь?

— Нет, но я опасюсь твоих мотивов.

Римо мрачно улыбнулся.

— Я хочу, чтобы ты была в здравом уме и теле. Было бы грустно, если бы эти четыре стены сломали тебя раньше, чем я. — я уставилась на него, радуясь, что он не слышит моего пульса. — А теперь пошли, — приказал он, кивнув в сторону двери, его глаза задержались на моем теле.

Я последовала за ним и почти столкнулась с ним, когда он остановился в коридоре, глядя на мои ноги.

— Ты не хочешь обуться?

— Я бы так и сделала, если бы у меня были подходящая обувь. У Киары размер обуви шесть, а у меня семь с половиной.

Римо внимательно посмотрел на меня, прежде чем прикоснуться к пояснице, и я удивленно подалась вперед. Он указал мне идти вперед, уголки его рта приподнялись, темные глаза оценивающе смотрели на меня.

Мое тело покалывало от его прикосновения, а сердце колотилось в груди. Близость Римо пугала меня, и он мог это сказать. Я старалась держаться на расстоянии, но Римо следовал за мной, его взгляд обжигал мне шею, а его высокая фигура отбрасывала тень на мою спину.

Мне удалось расслабиться, когда мы вышли на яркий солнечный свет. Римо повел меня через обширные сады с различными бассейнами, мишенями для стрельбы и идеально ухоженной зеленью. Теплая трава казалась чудесной под моими босыми ногами, но я не позволяла ей отвлекать меня от моей главной цели: разведать окрестности.

Римо был странно спокоен, и это тревожило, потому что означало, что что-то происходит за этими темными жестокими глазами.

— Ты можешь попытаться сбежать, но тебе не убежать, — твердо сказал Римо, когда я осмотрела границу участка.

Высокие стены вокруг здания были увенчаны колючей проволокой, и когда мы подошли достаточно близко, я услышала жужжание электричества.

— Ты ищешь слабое место в наших мерах безопасности? — спросил он с оттенком мрачного веселья. — Ты ничего не найдешь.

— У всего, у *каждого* есть слабость. Вопрос только в том, чтобы найти это, — тихо сказала я, останавливаясь.

Римо встал передо мной, его темные глаза торжествующе скользили по мне.

— А ты слабость Данте, Серафина.

— Я всего лишь его племянница. Данте приговорил так много мужчин к смерти в своей жизни, ты действительно думаешь, что он заботится о жизни одной девушки?

Римо взял меня за затылок, удерживая на месте, и приблизил наши лица. Я позволила ему, смягчилась в его объятиях, зная, что это не та реакция, которую он хотел. Его темные глаза впилась в мои, и я с трудом удержалась, чтобы не отвести взгляд.

— Я задаюсь вопросом, действительно ли ты веришь в это или ты надеешься, что я верю в это. — сказал он, понизив голос.

— Это правда.

Его губы растянулись в жесткой улыбке.

— Правда в том, что ты девушка, нечто драгоценное, нечто, что они должны защищать. Это укоренилось в них, выжжено в них безвозвратно со дня их рождения. Их честь требует, чтобы они оберегали тебя, и каждую секунду, пока ты в моих руках, они подводят тебя, подводят себя. С каждой секундой, которая проходит, стыд их неудачи съедает их честь. Как

люди, мы живем честью и гордостью. Они колонна нашего мира, нашего гребаного "я", и я собираюсь сносить их колонну за колонной, пока каждый гребаный член Наряда не будет раздавлен под тяжестью их гребаной вины.

Мое дыхание застряло в горле, и я не могла ничего сделать, кроме как смотреть на человека передо мной. Может быть, он недооценил меня, но я — и я боялась, что даже этот наряд — недооценила и Римо Фальконе.

Его действия говорили о едва сдерживаемом насилии и наводили на мысль, что у него нет ни капли самообладания, что его можно толкнуть на необдуманные поступки. Но Римо был опасно умен. Безжалостный человек с силой и остроумием, чтобы отомстить.

— Может быть, они будут чувствовать себя виноватыми, но они не дрогнут. Они не станут рисковать частью Наряда ради меня. Ни за здоровье моего тела, ни за мою жизнь, и меньше всего за мою невинность, Римо. Так что бери либо то, либо все. Ты не ослабишь Данте или его Наряд.

Римо провел большим пальцем по моей шее. Я не была уверена, сделал ли он это нарочно или не заметил, и не прикосновение, а выражение его глаз заставило меня вздрогнуть.

— Они защитят твою невинность любой ценой, потому что это единственная чистая вещь в их гребаной жизни. Они думают, что твоя невинность смывает их грехи, но они дышат грехом. Как и все мы. Сто девственниц не могут смыть грех с наших вен. Определенно не от меня.

— Даже ангелом? — пробормотала я, поднимая голову и глядя на него сквозь ресницы. Мой пульс бился в венах, зная, на какой риск я иду. Но я была вынуждена вступить в игру Римо, желая того или нет, и я могла быть либо пешкой, либо игроком.

Что-то промелькнуло в темных глазах Римо, что-то голодное и смертельно опасное. Он наклонился ближе, его горячее дыхание коснулось моих губ.

— Ты играешь в опасную игру, *Ангел*.

Я улыбнулась.

— Ты тоже.

Его губы прижались к моим. Я этого не ожидала. Почти поцелуй, как угроза, скользящая по моей коже, была его тактикой ... до сих пор. Это не было прикосновением призрака. Это было осязаемо, и все же казалось обещанием поцелуя, угрозой того, что ждет впереди.

Ошеломленная действиями Римо, я выдержала его взгляд. Наконец, я вырвалась и подняла ладонь, чтобы ударить его, но он схватил меня за запястье. Он снова притянул меня к себе.

— Именно такой поцелуй Данило подарил бы тебе в церкви, а может, и позже, в первую брачную ночь. Вежливый. Контролируемый. Благоговейный. — его голос понизился. — Это не поцелуй.

Гнев захлестнул меня.

— Ты...

Римо прижался губами к моим губам, его пальцы царапали мое бедро, а другая рука сжимала мое запястье между нашими телами. Его губы завладели моими, его язык пробовал рубец моего рта, посасывая мою нежную нижнюю губу, требуя входа. Меня обдало жаром, и мои губы слегка приоткрылись. Едва. Вспышка покорности, и Римо погрузил свой язык в мой рот, пробуя меня на вкус, поглощая меня. Его вкус опьянял, жар его тела подавлял. Его большой палец прижался к моему запястью, ладонь скользнула от бедра к пояснице.

Маленькие электрические искры последовали за его прикосновением.

У меня кружилась голова, я не могла отодвинуться, вообще не могла двигаться. Наконец, Римо отпустил меня. Я отчаянно втянула воздух, голова кружилась, тело покалывало с головы до ног.

Римо вздохнул.

— Это, *Ангел*, был поцелуй. Это единственный поцелуй, который ты когда-либо получишь от меня, и этот поцелуй ты будешь использовать, чтобы измерить каждый последующий поцелуй.

Дрожа, я отшатнулась от Римо.

— Что ты наделал? — я запнулась.

Я прижала дрожащие пальцы к губам, ужас обрушился на меня, как молния. Это должно было быть привилегией Данило. Мой первый поцелуй.

Римо взял его.

Нет.

Я отдала его.

Римо сердито покачал головой.

— Я порезал тебя своим ножом, и ты не проронила ни слезинки, но поцелуй заставляет тебя плакать?

Я отвернулась, пытаюсь взять себя в руки. Всю свою жизнь я была воспитана, чтобы быть идеальной женой, чтобы подарить себя мужу. И вот так я позволила Римо украсть часть моего подарка. На мгновение мне захотелось зарыдать. Потом я почувствовала тепло Римо на своей спине, не касаясь, но задерживаясь между нами.

— Ты боишься гнева Данило, если он узнает, что его Ангел прячет несколько черных перьев под сияющим белым оперением?

Я оглянулась через плечо на его поразительное лицо.

— Ты ничего не знаешь ни о Данило, ни обо мне.

— Я знаю твою слабость и знаю его.

Я снова повернулась к нему.

— У тебя тоже есть слабость, и в один прекрасный день твои враги используют ее против тебя с той же жестокостью, что и ты.

— Может быть, — проворчал он. — Возможно, они восстанут после того, как я сожгу их гордость, но не все созданы, чтобы восстать из пепла.

Я усмехнулась.

— Ты говоришь, как мученик. Что ты знаешь о сжигании?

Римо ничего не сказал, только посмотрел на меня с жестоким намерением, с тем же выражением, которое я видела, когда он порезал меня. Мой взгляд метнулся к ране на руке, и Римо проследил за ним. Кирпич за кирпичом я разрушала стену, которую Римо не собирался опускать.

Римо схватил меня за руку и повел к особняку. Я ничего не сказала, даже не посмотрела в его сторону. Я знала, когда отступать, знала, когда сдаваться, потому что эта битва только началась.

• — * — •

Оставшись одна в своей комнате, я направилась в ванную и плеснула холодной водой в лицо, чтобы прояснить голову. Подняв глаза, я съежилась от состояния своих губ. Красные и опухшие.

Я все еще чувствовала прикосновение Римо, все еще ощущала его вкус. Как я могла позволить этому случиться? Я должна была оттолкнуть его, но не сделала этого. Римо остановился. Я не только позволила ему украсть мой первый поцелуй, я наслаждалась им извращенным, всепоглощающим способом.

Я вернулась в спальню и опустилась на кровать, глядя на темный балдахин. Что-то в Риме ошеломило меня. У него был способ втянуть меня в это. Я подняла руку, чтобы посмотреть на рану. Она все еще чувствовалась болезненной, но казалась заживала. Он не только позволил мне заглянуть под жестокую маску Риме, но и послужил напоминанием о том, кем он был: монстром.

Один поцелуй ничего не изменит. Я не могла позволить его манипуляциям добраться до меня. Риме был Капо. Он знал, как заставить людей действовать так, как ему хотелось.

Я закрыла лицо ладонями, делая глубокие, успокаивающие вдохи. Мне хотелось поговорить с Сэмюэлем, увидеть его лицо, оказаться в его объятиях. Без него я чувствовала себя потерянной. Он что-нибудь придумает.

Мой желудок сжался при мысли о брате. Если бы Сэмюэль узнал, что я позволила Риме поцеловать себя, даже пальцем не пошевелила, чтобы оттолкнуть его, что бы тогда подумал обо мне мой брат? А как же Данило? Он был моим женихом. Этот поцелуй был обещан ему.

Сэмюэль оставался в центре моего внимания. Он был человеком, о котором я действительно заботилась. И моя семья. Боже, моя семья. Мне хотелось, чтобы они никогда не узнали о поцелуе, но я чувствовала, что Риме расскажет им все.

РИМО

Гребаный поцелуй, когда я хотел гораздо большего. Но поцелуй Серафины был как первый удар от крэка. Это подсаживает тебя с самого первого вкуса. Я хотел поцеловать ее снова, хотел украсть каждую частичку ее невинности.

Звук шагов заставил меня поднять голову. Нино направился ко мне и опустился на диван напротив. Он оценивал меня так, как оценивал всегда.

— Что случилось?

— Попробовал Серафину.

Нино кивнул, задумчиво прищурившись.

— Ты поцеловал ее?

— Да, но это будет не последний раз, когда я попробую ее на вкус.

— Как она отреагировала?

— Она не сопротивлялась, если ты об этом, — тихо сказал я.

Он нахмурился.

— Я пришел не для того, чтобы говорить с тобой о Серафине. Очевидно, ты не позволишь мне урезонить тебя.

— Тогда о чем ты хочешь со мной поговорить?

— Думаю, нам следует поговорить с Адамо. Завтра его день, поэтому я хочу убедиться, что он на той же странице, что и мы.

Я кивнул.

— Наверное, это к лучшему. Где он?

Поскольку он не играл в свои игры, он мог только дуться или дрочить наверху. Вероятно, последнее, учитывая, что он не получил никаких действий.

— У меня есть кое-что, чтобы подсластить ему сделку, — сказал я.

Нино поднял брови.

— Только не говори, что ты купил ему машину.

Я усмехнулся.

— Ему исполняется четырнадцать, так почему бы и нет? Я устал от того, что он разбивает мои машины. Может быть, он будет более бережно относиться к своему

имуществу.

— В Неваде законный возраст водителя пятнадцать лет.

— А наркотики и убийства противозаконны. К чему ты клонишь?

— Он погибнет в одной из наших гонок, — протянул Нино. — Ты собираешься обсудить с ним проблему наркотиков?

— Обязательно. Почему бы тебе не позвать его? Мы возьмем его на тест-драйв и поговорим с ним.

— Кто будет присматривать за Киарой и Серафиной? Савио снова отправился на встречу с Диего.

— Я позвоню Фабиано, пока ты найдешь нашего младшего брата.

Нино встал и исчез, а я быстро набрал номер Фабиано.

— Римо, что тебе нужно? Я занят с этим засранцем Мейсоном.

— Сделай это быстро. Мне нужно, чтобы ты присмотрел за Серафиной и Киарой, а мы с Нино поговорим с Адамо.

— О завтрашнем дне, я полагаю, — сказал Фабиано. Я слышал, как на заднем плане плачет мужчина.

— Да. Будь здесь как можно быстрее.

— Пятнадцать минут.

Фабиано повесил трубку. Наверху послышался шум. Адамо топал ногами, а Нино спокойно с ним говорил.

Я встал и пошел в прихожую, схватив ключи от первой машины Адамо. На лестнице появился Нино с неодобрительным выражением лица. Адамо следовал за ним с хмурым выражением на своем детском личике. Нино остановился рядом со мной, и я видел, что его не впечатлили выходы Адамо, поэтому он поднялся наверх, а я нет. Сорваться на нем сегодня не поможет делу.

Адамо остановился на последней ступеньке, скрестив руки на груди.

— Чего ты хочешь? Я занят.

— Спокойно, — прошептал мне Нино. После совместных тренировок я думал, что мы с Адамо пришли к своему роду перемирию. Очевидно, он снова передумал.

Я схватил его за рубашку и притянул к себе. Я дал ему поблажку, потому что он был ребенком, но мое терпение имело свои пределы.

— Почему бы тебе не стереть эту хандру с лица, малыш, или я предоставлю тебе причину, чтобы это сделать.

Он выпятил подбородок.

— Сделай это. Тогда завтра у меня будет еще одна причина отказаться от татуировки.

— Адамо, — предупредил Нино.

Мои пальцы сжались, и я долго и пристально смотрел ему в глаза.

— Ты думаешь, что сможешь выжить сам?

— У меня есть друзья, — пробормотал он.

— Друзья, которые держат тебя рядом, потому что ты даешь им травку и крэк бесплатно. Им плевать на тебя. Если ты не сможешь обеспечить их бесплатными наркотиками, они бросят тебя, — прорычал я.

Адамо побледнел.

— Кто тебе сказал?

— Думаешь, я не заметил, что кто-то ворует наше дерьмо уже несколько месяцев?

Фабиано за тобой присматривает.

— Наказание за кражу у Каморры: смерть, — с вызовом сказал он.

— Да, — сказал я. — Но не для тебя.

Входная дверь была не заперта, и вошел Фабиано, закатав рукава рубашки и покраснев.

Кровь трудно смыть.

Глаза Адамо расширились.

— Что ты сделал?

Фабиано кивнул нам с Нино в знак приветствия.

— Фабиано поговорил с одним из твоих друзей, с этим бесполезным куском дерьма

Мейсоном.

— Ты убил его? — в ужасе спросил Адамо. Фабиано поднял бровь.

Я покачал головой. Еще не время разглашать информацию. Адамо мог все разболтать.

— Не трогай Харпер, — прошептал Адамо.

Я нахмурился от тона его голоса.

— Та девушка из твоей наркоманской группы?

Фабиано поморщился.

— Она была с Мейсоном, когда я пришел за ним, сосала его член.

— Ты врешь!

Адамо вырвался из моих рук и бросился на Фабиано, пытаясь нанести апперкот. Фабиано преградил ему путь и толкнул на пол, но Адамо вскочил на ноги и снова бросился на него. Я не вмешивался. Адамо нужно было понять, что его действия имеют последствия, и это дало мне время перевернуть гребаную правду о том, что мой брат влюбился в бесполезную суку, которая, вероятно, шептала ему на ухо сладкие пустяки в обмен на наркотики.

Фабиано схватил Адамо за руку и толкнул лицом к стене.

— Прекрати это дерьмо, — предупредил он, — Или я буду защищаться по-настоящему.

Он отпустил Адамо, и тот сразу же повернулся к нему с покрасневшей головой и глазами, полными ужаса.

— Что ты сделал с Харпер?

Фабиано взглянул на меня. Нино покачал головой, явно опасаясь, что я сорвусь.

— Только не говори мне, что эта маленькая шлюха дала тебе в обмен на наркотики, Адамо. Ты должен знать лучше.

У нас было так много гребаных шлюх, которые могли сосать члены, почему он должен был найти девушку, которая использовала его?

Адамо сверкнул глазами.

— Мы с Харпер любим друг друга. Ты не поймешь.

— Она сосала член другого парня. Как это значит, что «я люблю тебя»? — прорычал я.

— Она не станет! Ты пытаешься все испортить.

Фабиано вздохнул.

— Я не лгу. Мейсон засунул свой член по самые яйца ей в рот.

— Заткнись, — яростно сказал Адамо.

— Я говорил тебе, что трудно найти то, что ты ищешь, — сказал Нино нашему брату.

— Люди всегда будут пытаться что-то получить от тебя.

Адамо покачал головой с упрямым блеском в глазах.

— Что ты с ней сделал?

Я кивнул Фабиано.

— Ничего. Я отослал ее, прежде чем вразумить твоего друга.

— Он жив.

— Сломал несколько костей, но жив, да, — ответил Фабиано

Я должен был убить его. Если бы я знал точные детали, я бы отдал приказ убить.

Адамо вздохнул с облегчением.

— Ты сохранил им жизнь, чтобы я сделал татуировку завтра, верно?

— Это не входило в мои планы, — сказал я. — Я думал, ты захочешь стать Фальконе.

Адамо отвернулся.

— Ты никогда никого не щадишь без причины.

— Сделай тест на наркотики, Нино, — приказал я.

Нино скрылся в своем крыле.

— Я чист, — выпалил Адамо, но его голос дрожал.

Я повернулся к нему спиной, мои пальцы сжались в кулаки. Почему Адамо все усложняет? Я не знал, как справиться с его дерьмом, особенно с наркотиками. Ему нужно было понять, что он идет по опасному пути.

— Я сказал правду, — сказал Фабиано Адамо.

— Может, Мейсон ее заставил. Ты ничего не знаешь, — пробормотал Адамо.

Нино вернулся и жестом пригласил Адамо следовать за ним в ванную комнату для гостей, чтобы пописать на тест-полоску. Когда они вышли и я увидел выражение лица Нино, я сорвался. Я схватил Адамо за воротник и швырнул на пол.

— Что я говорил тебе о наркотиках? Ты хочешь, чтобы в конечном итоге, как все потерянные неудачники бродить по нашим улицам? Да что с тобой такое?

Адамо пожал плечами.

— Мы с друзьями берем их время от времени, чтобы расслабиться.

Я тяжело вздохнул. Адамо лежал подо мной совершенно неподвижно. Я сделал глубокий вдох, подавляя ярость, сжигающую меня, затем поднялся на ноги.

— Ты больше ничего не возьмешь, или я убью всех твоих так называемых друзей. Богатые родители или нет. А теперь ты отвезешь свою новую машину на тест-драйв к Харпер домой и скажешь ей, что больше не будешь давать ей бесплатные наркотики. Если ей нужны наркотики, она может прийти ко мне и заплатить обычную цену. Понятно?

Адамо заморгал на меня.

— Понятно, — медленно сказал он, садясь. — Моя новая машина?

Я бросил ключи на пол рядом с ним.

— Купил тебе Форд-мустанг-Лимген в красно-черных тонах, который уже несколько месяцев служит тебе заставкой.

Адамо взял ключи.

— На мой день рождения?

— На твой день рождения и посвящение. А теперь поговори с Харпер и возьми с собой Нино, — сказал я и направился в гостиную, прямо к боксерской груше. Я начал пинать и бить, но мой гнев не уменьшился.

Через мгновение ко мне присоединился Фабиано.

— Полагаю, мне больше не нужно присматривать за девочками?

Я ничего не сказал. Я не хотел думать о Серафине сейчас, потому что если я начну думать о ней, то могу разрушить свой гребаный план.

В поле моего зрения появился Фабиано.

— Эта девушка его обманула.

— Я знаю, — прорычал я и отправил грушу в полет. Крюк затрещал, но держался на потолке. — Как насчет спарринга?

— Не похоже, что ты хочешь драться. Ты выглядишь так, будто хочешь кого-то уничтожить, — прокомментировал Фабиано, но начал расстегивать рубашку.

Я одернул футболку и стянул ее через голову, затем спустил штаны и вышел на боксерский ринг в одних трусах.

Фабиано сделал то же самое и встал напротив меня. Я жестом подозвал его, и он сразу перешел в атаку.

Мы сильно и быстро били и пинали. Удары Фабиано говорили о подавленном гневе, а мои собственные были наполнены яростью. Я толкнул его в канаты, но он удержался.

— Это из-за Серафины? — усмехнулся я.

— Нет, — отрезал он. — Мне всегда нравилось надирать тебе задницу, Римо.

Он снова бросился на меня.

— Что здесь происходит? — спросила Киара с порога. Мы проигнорировали ее.

— Если никто не потрудится ответить, я поднимусь наверх и поговорю с Серафиной.

— Ты не поднимешься, — приказал я, и Фабиано сильно ударил меня в бок.

Зарывав, я сделал выпад и попал ему в плечо.

— Киара! — я протянул руку к Фабиано, чтобы остановить бой. Она замерла.

— Я подумала, что она могла бы поужинать с нами. Я готовлю макароны с сыром в духовке.

— Ты и близко к ней не подойдешь без присмотра, поняла?

Наконец она кивнула. Потом перевела взгляд на Фабиано.

— Почему бы тебе не позвонить Леоне. Я приготовила достаточно еды, чтобы вы могли присоединиться к нам.

— Хорошая идея, — сказал я и выскочил из ринга. Было очевидно, что сегодня я не смогу избавиться от гнева.

— Так ты приведешь Серафину?

— Нет, — коротко ответил я.

— Почему нет? — спросила Киара, и я направился к ней. Она не отступила, когда я остановился прямо перед ней.

— Потому что я не доверяю себе рядом с ней сегодня, ладно?

Киара кивнула, и между ее бровями появилась глубокая морщинка беспокойства.

— Ладно.

— Я могу принести ей поесть позже, — предложил Фабиано.

Я бросил на него тяжелый взгляд.

— Да, почему бы и нет? — мой голос звенел предупреждением.

Он долго смотрел мне в глаза, пока не выхватил телефон из кармана брюк и не поднес к уху. Я снова оделся, не обращая внимания на то, что вспотел. Киара последовала за мной, когда я опустился на диван. Она не знала, что для нее хорошо. Теперь, когда она больше не была полностью напугана моим присутствием, она начала чертовски раздражать меня.

— Это из-за Адамо?

— Что?

— Твое кислое настроение.

Я мрачно улыбнулся.

— Ты еще не видела меня в кислом настроении, и если я могу помочь, то не увидишь.

Она поджала губы.

— Он в конфликте с самим собой. Он не хочет разочаровывать тебя, но он также не хочет убивать и пытаться во имя тебя.

Я ничего не сказал, только смотрел ей в глаза, пока она не отвела взгляд. Ей было труднее удерживать мой взгляд, чем Серафине.

— Он убивал и раньше.

— И он чувствует себя виноватым.

Я упёрся руками в бедра.

— Тогда его никто не заставлял. Он мог спрятаться, как и все остальные зрители боя. Он мог убежать. Он мог выстрелить в ногу или руку ублюдка, но Адамо выстрелил ему в голову. Может быть, Адамо не хочет быть убийцей, но он им является. Это в нашей природе, Киара. Он может бороться с этим, сколько захочет, но в конце концов тьма просачивается сквозь него. Это то, что есть.

— Может быть, — согласилась она.

— Когда-то Фабиано был хорошим мальчиком. Златовласка с раскаянием в скрипучей чистой белой рубашке, но теперь он мой силовик.

Фабиано фыркнул.

— Я никогда не был хорошим и определенно не являлся златовлаской.

— Мне нужно приготовить ужин. Поможешь мне с банкой горчицы на кухне? Я не могу ее открыть, — сказала Киара.

Я кивнул в сторону Фабиано.

— Он может тебе помочь.

Киара нервно переступила с ноги на ногу, ее глаза скользнули к Фабиано, потом обратно ко мне. Мои брови взлетели вверх. Я поднялся на ноги. Фабиано слегка пожал плечами.

— Леона будет здесь через пять минут.

Я последовал за Киарой на кухню и взял банку горчицы, которую она протянула мне.

— Я не думал, что доживу до того дня, когда кто-то будет бояться меня меньше, чем Фабиано или кого-то еще.

Киара покраснела.

— Я знаю, что с тобой я в безопасности, — тихо сказала она.

Черт, так оно и было. Я протянул ей открытую банку.

— Держи.

— Спасибо.

— С Фабиано ты тоже в безопасности, — сказал я ей.

— Я знаю, — сказала она. — Но требуется немного больше времени, чтобы сообщение дошло до моего мозга.

— Ты должна остерегаться мозга, который заставляет тебя любить моего брата и доверять мне, Киара, — пробормотал я.

Она рассмеялась.

— Дело не в мозге, а в сердце.

Я сузил глаза, повернулся на ботинках и вышел, не в настроении для эмоциональной ерунды.

СЕРАФИНА

Я не была уверена, что Римо собирался сломить меня, позволив целый день мучиться собственными мыслями. Мне ничего не оставалось делать, кроме как заново пережить сегодняшний поцелуй, разрываясь между чувством вины и вспышкой ужасающего возбуждения, потому что этот поцелуй был не похож ни на что, что я когда-либо чувствовала раньше. И каждый раз, когда я это осознавала, моя вина удваивалась. Не только потому, что Данило был мужчиной, которого я должна была целовать, но и потому, что Римо был последним мужчиной, которого мне разрешили поцеловать.

Всякий раз, когда Сэмюэль возвращался с вечеринки с друзьями, пока я торчала дома, меня захлестывала волна тоски и завести. Я хотела быть свободной, чтобы веселиться с ним, но это было бы моей гибелью — даже если бы Сэмюэль был на моей стороне, чтобы защитить мою честь. Я не могла быть замечена в клубе, и танцевать всю ночь напролет. У нас было несколько тайных домашних вечеринок, которые были волнующими, даже если Сэмюэль был приклеен ко мне каждую секунду, поэтому никто из его друзей не приближался ко мне. Не то чтобы кто-то из них осмелился бы. Все они были членами мафии или на пути к тому, чтобы стать одними из них. Мой отец был младшим боссом. Мой дядя был боссом. Мой жених ничем не хуже босса Индианаполиса, а брат членом мафии. Ни один парень никогда не смотрел на меня дважды, по крайней мере, те, кому позволяли находиться рядом со мной.

Я могла бы быть голой и броситься на этих парней, а они бы и глазом не моргнули ... из за страха поддаться этому — и потерять свою жизнь.

И я была согласна с этим, приняла это, потому что мы были связаны правилами нашего мира. Не то чтобы я хотела спать с кем попало, как Сэмюэль, даже если несколько историй, которыми он поделился со мной в начале, когда был слишком взволнован потерей девственности, пробудили во мне любопытство.

Замок щелкнул, и я быстро села, собираясь с силами. Я не позволю Римо снова застать меня врасплох.

Мои глаза расширились, когда Фабиано вошел внутрь, неся тарелку. Я встала. Почему он здесь? Он поможет мне? Фабиано посмотрел мне в лицо и покачал головой, словно читая мои мысли.

— Я принес тебе ужин. — он вошел, но оставил дверь приоткрытой, и я удивилась, почему он это сделал. Я сомневалась, что это для того, чтобы я могла бежать. Он волновался, что был один в комнате со мной? — Вот, — он протянул мне тарелку с дымящимся макаронами и сыром.

Я сверкнула глазами.

— Помнишь, как мы с Сэмюэлем играли вместе? Помнишь, как вы с ним притворялись моими защитниками? Ты помнишь это?

Какое-то мгновение мы просто смотрели друг на друга, но он не позволил мне заглянуть за его бесстрастную маску.

Вздыхнув, он прошел мимо меня и поставил тарелку на прикроватную тумбочку.

— Ты должна поесть, — твердо сказал он.

Я повернулась к нему лицом.

— Зачем? Чтобы я оставалась здоровой, чтобы Римо мог сломать меня?

Фабиано посмотрел на мою руку и схватил ее, внимательно осматривая рану.

— Это дело рук Римо?

— Кому еще нравится резать людей?

Губы Фабиано растянулись в кривой усмешке.

— Почти всем мужчинам в мафии, Фина. — он слегка коснулся раны. — Она неглубокая.

— Мне жаль, что моя рана не соответствует вашим высоким стандартам. Может, в следующий раз ты порежешь меня?

Фабиано покачал головой.

— Римо режет глубоко. Бьет сильно. Убивает жестоко. Он не делает таких прорезов.

Я высвободила руку.

— Ну и что? Может, он хочет приберечь это чертово веселье на потом.

Голубые глаза Фабиано изучали мое лицо, слегка нахмурившись.

— Возможно.

По какой-то причине его пристальный взгляд раздражал меня.

— Когда люди говорили, что ты предатель, который убежал, поджав хвост, я не хотела им верить, но теперь я вижу, что они были правы.

Фабиано наклонился, и взгляд был один, которого я не видела на его лице прежде, тот, который напомнил мне, что он теперь был исполнителем.

— Я не убегал. Я был верным. — я фыркнула. Он сделал шаг ближе, и я попятилась. — Так и есть. Мой гребаный отец послал одного из своих людей убить меня. Этот человек не смог сделать это и высадил меня на территории братвы, чтобы они могли закончить работу за него. Без Римо им бы это удалось. Я жив из-за моего Капо, из-за тех четырех братьев Фальконе, которые стояли вместе, когда мир был против них и против меня.

Я моргнула, потрясенная его словами.

— Твой отец пытался убить тебя? Почему ты не сказал Данте?

Он сверкнул глазами.

— Я не стукач. А Кавалларо слишком сильно застрял с моим ублюдком отцом. Мне насрать, что твой дедушка о нем высокого мнения. Мой отец позор.

— Мой дед очень болен. Вероятно, он долго не проживет.

— Хорошо, — яростно сказал Фабиано.

Я сглотнула.

— Даже если мой дед больше не будет защищать твоего отца, Данте не отдаст его Каморре. Он с ним разберется.

Фабиано грустно улыбнулся.

— Данте выдаст моего отца. Доверься мне. — он сделал шаг назад.

— Я только хотел, чтобы причиной была не ты.

Я коснулась руки Фабиано.

— Я знаю, ты не можешь помочь мне сбежать, но, по крайней мере, позволь мне поговорить с Сэмюэлем, Фаби. Я ужасно по нему скучаю.

— Это не его решение, — тихо сказал Римо, входя в комнату.

Фабиано коротко кивнул, обменявшись взглядом со своим Капо, который я не смогла прочитать. Потом он вышел, даже не взглянув на меня.

— Пытаешься уговорить моего силовика предать меня?

— К сожалению, все, кого я встречала до сих пор, верны тебе.

Это была правда, и они не могли винить в этом даже страх. Несмотря на его репутацию, люди, близкие к Римо, казалось, терпели его, возможно, даже любили.

Римо тоже оставил дверь открытой и держал нас на расстоянии вытянутой руки. Что-то в нем было не так, и это заставило меня забить тревогу.

— Позволь мне поговорить с братом, — сказала я. Я не могла заставить себя сказать "пожалуйста".

Римо склонил голову набок, оценивающе глядя на него.

— А как же Данило? Ты не хочешь поговорить со своим женихом? В конце концов, если бы не я, он уже был бы твоим мужем.

— Сэмюэль. Я хочу поговорить с Сэмюэлем.

Его глаза на мгновение сузились, прежде чем прощлись по мне.

— Что я получу за то, что позволю тебе поговорить с ним?

— Я не шлюха, — отрезала я. — Я не дам тебе *этого* в обмен на звонок.

Римо приближался медленно, как хищник.

— Ты отдашь мне это бесплатно?

— Ад замерзнет прежде, чем это произойдет.

Он прижал меня к стене. Яростная вибрация, которую он испускал, была даже сильнее, чем обычно, и это начинало нервировать меня. Я не была уверена, что заставило его так нервничать, но я знала, что нужно быть осторожной.

— Разве твой брат не стоит поцелуя? — он насмехался.

— Мой брат не хотел бы, чтобы я отдавала поцелуй.

— Ты уже отдала свой первый поцелуй, Ангел. Что еще так важно?

Его темные глаза скользнули по моему лицу, задержавшись на губах.

Я нахмурилась.

— Один поцелуй, и ты позволишь мне поговорить с братом? Завтра?

— Один поцелуй, — согласился он с мрачной улыбкой.

Я приподнялась на цыпочки, схватила его за шею, чтобы притянуть еще ниже, и на секунду прижалась губами к его губам, прежде чем отодвинуться.

— Всё. Один поцелуй.

Римо покачал головой, его лицо все еще было близко к моему.

— Это был не поцелуй.

— Ты не уточнил детали поцелуя. Я поцеловала тебя. Теперь выполняй свою часть сделки.

Римо обхватил мое лицо ладонями и прижал к себе.

— Я показал тебе то, что считаю поцелуем. На меньшее я не соглашусь. — я нахмурилась, но пытаться смотреть на Римо было нелепо. — Недостаточно храбра? — пробормотал он.

Я вздрогнула от низкого вибрато его голоса. Схватив его за рубашку, я резко потянула его вниз. Наши губы соприкоснулись, но Римо не шевельнулся, ожидая, что я сделаю следующий шаг.

В порыве негодования мой язык коснулся его губ, и, несмотря на жар, поднимающийся к моим щекам, я выдержала его темный взгляд. Момент самоконтроля был сорван с меня, как только Римо углубил поцелуй. Он взял инициативу на себя, требуя ртом и языком, чтобы я сдалась. Я с трудом поспевала за ним. Его запах и жар поглотили меня, заставили мое тело

ожить самым ужасающим образом.

Рука Римо коснулась моей талии, а затем двинулась вверх, ближе к груди. Моя реакция была инстинктивной, привитой тренировками защиты с Сэмюэлем; я дернула коленом вверх.

Римо отреагировал быстро, его рука метнулась вниз, но импульс все равно заставил мое колено задеть его пах. Он зарычал, и я замерла, застыв от страха из-за его взгляда. Он тяжело дышал, его взгляд обжигал меня своей интенсивностью. И все же я почувствовала облегчение, потому что сомневалась, что нашла бы в себе силы прервать поцелуй.

— Ты не должен прикасаться к кому-то без их явного разрешения, иначе они могут попытаться защитить себя, — сказала я, потому что, очевидно, не знала, когда заткнуться.

— Я не спрашиваю разрешения, — резко ответил Римо.

Несмотря на дрожь в руках, я прижала ладони к груди Римо и толкнула его. Он не сдвинулся с места, приподняв темную бровь. Я выдержала его взгляд, и он сделал осторожный шаг назад, наконец отпустив меня. Мой взгляд метнулся к его рукам, сжавшимся в кулаки так, что побелели костяшки пальцев, потом снова к его лицу.

Я вздрогнула от резкости его выражения и, не думая об этом, отвернулась и пошла к окну, освобождая пространство между нами.

Он последовал за мной, и его дыхание обдало мое ухо, когда он наклонился.

— Мне лучше уйти. Сегодня не лучшее время, чтобы быть рядом с тобой. Спокойной Ночи, Ангел.

Его пальцы откинули мои волосы, и он поцеловал меня в шею, чувствительное место между плечом и шейей, заставив меня подпрыгнуть от удивления. Я хлопнула рукой по месту, ошеломленная покалыванием.

Дверь закрылась с тихим щелчком, затем замок повернулся. Я вздрогнула, перевела дух и прижалась к подоконнику.

Позволит ли мне Римо поговорить с Сэмом? Мне следовало спросить, но присутствие Римо слишком ошеломило меня.

Эта игра становилась опасной более чем в одном смысле. Вопрос только в том, кто потеряет контроль первым?

РИМО

Я стоял перед дверью Серафины, мертвой хваткой вцепившись в ручку. Мне хотелось вернуться и посмотреть, что еще можно вытянуть из Серафины с ее братом, но я подавил желание. Глубоко вздохнув, я прислонился лбом к дереву. Так Нино нашел меня.

Краем глаза я видел его ноги и, даже не поднимая глаз, мог представить, какое оценивающее выражение он мне придавал.

— Как все прошло с Адамо и Харпер?

Я выпрямился, и, как и было предсказано, Нино смотрел на меня с тем спокойным вниманием, которое заставляло меня взбираться на стену.

— Данте звонил. Он хочет поговорить с тобой. Он, кажется, потерял терпение. — сказал он.

— Он не станет рисковать, если это означает, что я могу убить Серафину.

Нино наклонил голову.

— И все же ... мы должны начать выдвигать требования.

— Может, ты и прав. Подумай о каком-нибудь нелепом требовании, на которое он, возможно, не согласится; я еще не закончил играть. Спроси у него про Индианаполис или

Миннеаполис. Меня не волнует.

Мускул на челюсти Нино напрягся, явный признак его раздражения на меня.

— Хорошо. Я пошлю ему сообщение.

— Скажи ему, что завтра я разрешаю Серафине видеозвонок с ее братом. Ему лучше быть готовым к восьми утра.

— Ты слишком близко к этому подходишь. Посвящение Адамо начинается в одиннадцать.

— Достаточно времени, — сказал я и нахмурился. — Ты не сказал мне, что случилось с Харпер.

— Как и ожидалось, она использовала Адамо, чтобы снабжать ее наркотиками. В тот момент, когда он сказал ей, что ничего не может ей дать, она бросила его и призналась, что трахалась с другим парнем. Адамо раздавлен. Он принимает все это слишком близко к сердцу.

— Он сердится?

— Зол на Мейсона, а не на девушку.

Я улыбнулся.

— Этого достаточно. Нам все еще нужен кто-то, с кем Адамо сможет разобраться завтра. Скажи Фабиано, что я хочу, чтобы он привел Мейсона на посвящение.

Нино задумался.

— Может, это сработает. Ревность и разбитое сердце хорошие мотиваторы для жестоких действий.

— Где он?

— На улице, курит. Я дал ему одну сигарету.

— Пойду поговорю с ним.

— Я не уверен, что он лучший партнер по диалогу на данный момент.

— Я тоже.

— В этом-то и проблема, — сказал Нино с кривой улыбкой.

— Иди трахни свою жену и перестань меня бесить.

— Ты не был в Сахарнице с тех пор, как привез сюда Серафину.

Я вздохнул.

— Может быть, я не в настроении для шлюх. Я беру несколько дней безбрачия.

— Ты не делал этого с тех пор, как начал трахаться.

— Прекрати все анализировать, Нино, — прорычал я и зашагал прочь, прежде чем ударить его.

Адамо сидел в шезлонге у бассейна, хмуро глядя в темноту, сигарета свисала изо рта, придавая его лицу зловещее сияние. Он не поднял глаз, когда я опустился рядом с ним.

Он глубоко затянулся сигаретой, и мне потребовалось все мое почти несуществующее самообладание, чтобы не вырвать эту чертову шгуку у него изо рта.

— Ненавижу, — пробормотал он.

— Ненавидишь что?

— Ненавижу, что с нашей фамилией люди всегда чего-то от нас хотят.

— Тебе не следовало пытаться завести друзей, давая им наркотики, — сказал я. — Мы не Санта Клаус. Мы продаем дерьмо, а не раздаем его бесплатно, и мы никогда не трахаемся с дерьмом сами.

— Когда же люди полюбят меня за себя, а не за то, что я могу им дать? Они видят

только мою фамилию. Это все, что их волнует.

— У тебя есть люди, которые заботятся о тебе, — сказал я грубо.

Адамо взглянул на меня.

— До сих пор ты стоил мне миллионы из-за машин, которые разбил, и наркотиков, которые позволил исчезнуть. Что я сделаю с тем, кто что-то у меня украл?

— Ты пытаешь и убиваешь их, — тихо сказал Адамо.

— Да. — я сделал паузу. — Но ты здесь, целый и невредимый, и ты знаешь, что останешься таким до того дня, когда я сделаю свой последний гребаный вдох.

Адамо опустил голову.

— Завтра ты поклянешься в верности Каморре. Ты примешь присягу и сделаешь татуировку, — приказал я.

— Мне плевать на Каморру, — прошептал Адамо, и мой гнев усилился, но потом он снова заговорил. — Но я поклянусь тебе в верности, потому что даже если я ненавижу то, что ты, Нино и Савио делаете, вы моя семья.

Я выпрямился и еще мгновение смотрел на брата.

— Не трать силы на мысли об этой девушке. Она ничего не стоит. Там еще много девушек. Она использовала тебя. Может быть, теперь ты начнешь использовать их.

Адамо нахмурился.

— Я ничего не могу с собой поделаться. — он громко сглотнул.

— Она трахалась с ним все это время.

— Ну и что? Ты трахнул ее. Он трахал ее. Ты двигаешься дальше.

— Нет, — тихо ответил он. — Мы не зашли так далеко.

— Пожалуйста, скажи мне, что она, по крайней мере, дала тебе в рот, — пробормотал я.

На лице Адамо промелькнуло смущение. Я снова опустил на пол.

— Могу я задать тебе вопрос? — тихо сказал он.

У меня было чувство, что это превращается в сексуальный разговор, которого я избегал с Савио, бросив ему на халяву двух шлюх; он с радостью согласился.

— Сколько времени нужно, чтобы взять в руки контроль?

— Контроль? — эхом отозвался я.

Я не пытался контролировать себя во время секса, но у меня было чувство, что Адамо не имел в виду такой контроль.

Адамо бросил сигарету на землю.

— Чтобы сдерживаться, понимаешь? Я вроде как ...

— Кончил в ту же секунду, как она прикоснулась к тебе ртом, — подсказал я.

Адамо поморщился и отвернулся.

— Да.

Я усмехнулся. Адамо нахмурился.

— Не смейся надо мной.

— Я не смеюсь, — ответил я. — Ты никогда не был с девушкой, так что это вполне нормально.

— С тобой тоже это случалось?

— Нет, но я трахался от злости. Это дает мне лучший контроль.

— Держу пари, Мейсон и Харпер посмеялись у меня за спиной, — сказал он несчастным голосом, а затем добавил, понизив голос. — Я хочу убить его. Мейсона.

— Я знаю.

Глаза Адамо расширились.

— Ты заставишь меня убить его завтра.

— Тебе придется убить кого-нибудь на глазах у наших солдат. Либо он, либо кто-то, кого ты не ненавидишь. Мейсон в любом случае покойник. Он может умереть от твоей руки или руки Фабиано.

Я посмотрел на брата. Он закусил губу, глядя на бассейн.

— Я сделаю это.

Я дотронулся до его плеча, и на этот раз он не попытался стряхнуть ее.

Г Л А В А 10

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Я все еще лежала в постели, когда замок повернулся, и не успела сесть, как в комнату вошел Римо.

Чувствуя себя уязвимой, лежа в кровати, я приняла сидячее положение. Римо внимательно посмотрел на меня. Я была только в сорочке и шортах и остро ощущала, как мало ткань прикрывает. Нервничая, я встала с кровати, не желая показывать слабость. Глаза Римо следили за каждым моим движением, задерживаясь на груди. Мое тело предало меня, когда мои соски затвердели на холодном воздухе.

— Я совершенно уверен, что Бог создал твое тело, чтобы сводить людей с ума, — мрачно сказал Римо.

— Ты веришь в Бога? — переспросила я, стараясь подавить волнение, охватившее меня от слов Римо.

— Нет. Не знаю. Но глядя на тебя, я мог бы стать верующим.

Я фыркнула.

— В аду есть уютное теплое местечко, предназначенное только для тебя.

— Я и раньше обжигался. — я искоса взглянула на него. Он и раньше говорил то же самое, и мне стало интересно, что именно он имел в виду. — Через пять минут у тебя видеосвязь с братом, так что поторопись.

У меня не было халата, поэтому я потянулась за платьем, но Римо покачал головой.

— Оставайся, как есть.

Он схватил меня за руку и остановился, его темные глаза блуждали по мне.

— Я думала, мы торопимся.

— Ты да. Я нет. Мне плевать, разговариваешь ты со своим братом или нет.

Несмотря на свои слова, он вывел меня из комнаты, провел по коридору и вниз.

— Опять в камере пыток? — спросила я, дрожа всем телом, когда мои босые ноги коснулись первой каменной ступеньки, ведущей в подвал. Я не понимала, как пол может быть таким холодным, когда снаружи светит солнце.

— Не хочу, чтобы ты простудилась. Это было бы позором. Мне придется попросить Киару купить одежду и обувь, которая подходит тебе.

Я застыла в его объятиях.

— Ты можешь отправить меня обратно в Миннеаполис. У меня там достаточно одежды.

— Я думаю, Данило хочет, чтобы ты была в Индианаполисе, ангел, или ты забыла?

Я поняла, что да. Моя свадьба казалась такой далекой, и это было последнее, о чем я думала.

Римо невесело усмехнулся. Его глупые манипуляции действовали мне на нервы. Как он это делает?

Я не ответила на его вопрос, потому что он знал. Мое предательское тело оплакивало потерю его тепла, когда он поставил меня на ноги в камере, где он записал последнее сообщение моей семье.

Я обхватила себя руками, внезапно ошеломленная воспоминаниями. Мой взгляд метнулся к ране. С тайленолом я едва замечала ее существование, и она была покрыта корочкой. Меня беспокоили не боль и не порез. Это было воспоминание о выражении лиц Сэмюэля и отца, когда они увидели меня в руках Римо. Они страдали больше, чем я, и это было хуже всего.

Римо подошел ко мне, его теплое тело было у меня за спиной, он взял меня за запястье и поднял его, чтобы осмотреть рану. Его большой палец легко провел по моей коже. Он наклонился.

— Я не порежу тебя снова, Ангел. Не бойся.

Это было не то, чего я боялась больше всего.

— Ты не порежешь? — с любопытством спросила я, наклонив голову, чтобы рассмотреть его лицо. Почему Римо сказал что-то подобное?

Римо режет глубоко. Бьет сильно. Убивает жестоко.

Римо отпустил мое запястье, что-то изменилось в выражении его лица, его защита соскользнула на место.

— Время для твоего звонка с Сэмюэлем.

Он подошел к экрану на столе и включил его и динамики. Я подошла ближе, когда появилось лицо Сэмюэля. Мое сердце сильно сжалось при виде него.

Его волосы были в беспорядке, лицо искажено страхом, а под глазами залегли темные круги. Вероятно, он вообще не спал с момента моего похищения.

Меня охватило чувство вины за то, что я не так плоха, как они все себе представляли. Я могла сказать, что Сэмюэль изо всех сил пытался держать выражение лица под контролем. Он не проявит слабости перед врагом.

— Сэм, — тихо сказала я дрожащим голосом.

— Фина, — выдавил он. Его глаза изучали меня и скудный наряд, в котором я была. Он сглотнул, мускул на его челюсти напрягся. — Как ты?

— Я в порядке, — сказала я. Он недоверчиво сдвинул брови.

— Как долго она тут пробудет, зависит от готовности твоего Капо ответить на мои требования, — добавил Римо.

Какие требования?

Сэмюэль начал трястись. Я прижала ладонь к груди, давая ему понять, что он в моем сердце. Он повторил этот жест, затем его глаза ожесточились, когда остановились на моем предплечье.

— Насколько все плохо?

— Неплохо, — сказала я.

Я видела, что он мне не верит. Он думал, что я пытаюсь защитить его. Я все время чувствовала на себе взгляд Римо, но старалась не обращать на него внимания.

— Как поживают мама с папой?

Выражение лица Сэмюэля было настороженным. Он не мог рассказать мне всего, когда рядом был Римо.

— Они беспокоятся о тебе.

— Как дела у Софии? — прошептала я, борясь со слезами.

Сэмюэль перевел взгляд на Римо, и я тоже напряглась. Мне не следовало упоминать мою сестру при нем.

Римо нетерпеливо фыркнул.

— Я не похищаю детей, не волнуйся.

— Ты похищаешь только невинных девушек, — прорычал Сэмюэль.

Римо прижался ко мне сзади, и выражение лица Сэмюэля сменилось с ярости на страх.

— Кто сказал, что она все еще невинна?

Сэмюэль вздрогнул. Римо предостерегающе сжал мое бедро, но мне было все равно.

— Все не так, как кажется. — яростно возразила я.

Глаза Сэмюэля нашли мои, и на его лице промелькнуло облегчение.

Римо схватил меня за подбородок, повернул голову и крепко поцеловал. Я застыла в шоке, не в силах поверить, что он делает это на глазах у моего брата. Он резко отпустил меня.

— Насколько невинной она станет, зависит от вашего сотрудничества. Скажи это своему дяде, Сэмюэль.

Я вывернулась из рук Римо и посмотрела на Сэмюэля, мои щеки вспыхнули от смущения.

— Возьми меня вместо нее. Я обменяю себя на нее.

— Нет! — закричала я в отчаянии, но Сэмюэль не смотрел на меня. Я повернулась к Римо, широко раскрыв глаза. Жестокая улыбка играла на его лице. Я поймала его взгляд. — Нет, — твердо сказала я.

Его глаза задержались на моих губах, затем опустились ниже, прежде чем снова встретились с моими, и облегчение пронзило меня. Римо не променял бы меня на моего близнеца. Он не отпустит меня. Не раньше, чем он получит то, чего хочет. Я не была уверена, что это было, но у меня было ужасное чувство, что это не то, что мой дядя мог дать ему.

— Боюсь, Серафина стоит слишком дорого. Пора прощаться.

Я повернулась к своему близнецу.

— Я люблю тебя, Сэм, — прошептала я. Слова, которые я никогда не говорила ему, когда вокруг были другие люди, потому что эмоции не принадлежали публике, но меня это больше не волновало. Пусть Римо увидит, как сильно я люблю свою семью.

На лице Сэмюэля появилось затравленное выражение, и он удивил меня хриплым голосом.

— Я спасу тебя.

Если он произнес эти слова в присутствии другого человека, своего врага, значит, он беспокоится за мою жизнь даже больше, чем я думала.

Слезы полились из глаз. Римо прошел мимо меня и выключил экран. Я не сдерживала их. Я позволила слезам течь свободно, не заботясь о том, видит ли их Римо. Римо смотрел на меня, прищурившись. Возможно, мои эмоции раздражали его. Мне было все равно.

— Я думал, что Данило тот, кому принадлежит твое сердце, но теперь вижу, что ошибался..

Я вытерла глаза.

— Он мой близнец. Я никогда не была без него. Я пройду через огонь ради него.

Римо медленно кивнул.

— Я верю тебе.

РИМО

Нино, Адамо, Савио и я поехали на посвящение вместе. Мои мысли все время возвращались к Серафине. Я снова запер ее в спальне, и Фабиано будет присматривать за ней и Киарой, пока нас не будет. Я бы предпочёл, чтобы он тоже присутствовал при посвящении, но кто-то должен был защитить Киару и убедиться, что Серафина не наделала глупостей. Я сомневался, что она найдет выход из спальни, но если кто и мог это сделать, то только она.

Нино вел машину, а Савио и Адамо сидели сзади. Это напомнило мне о прошлом, о месяцах, которые мы провели в бегах от Русских, части Каморры и других семей мафии. Мы были в дороге почти постоянно, нигде не задерживаясь надолго, и все же наши преследователи почти добивались до нас пару раз.

Нино покосился на меня, словно тоже вспоминал те дни.

Мы остановились перед одним из наших казино на окраине Вегаса, где должно было состояться посвящение. Парковка была забита лимузинами. Мои солдаты уже были там.

Я вышел первым, не дожидаясь, пока коридорный откроет дверь, и вошел в казино вместе с братьями. Заведение было закрыто со вчерашнего дня. Внутри меня приветствовали знакомые лица. Кое-кто из моих людей сидел в баре и потягивал напитки. Другие были заняты разговором друг с другом. Никто из них не играл ни в покер, ни в рулетку, хотя крупье были на всякий случай. Они знали, что это испытание. Алкоголик не должен управлять баром. А моим подчиненным и капитанам лучше не играть в азартные игры и не употреблять наркотики. Солдаты ниже по должностям имели больше свободы действий.

Одиннадцать младших боссов и их советников были приглашены на посвящение. Большинство из них были едва старше меня. Когда я пришел к власти, я убрал большинство старых младших боссов и выбрал их молодых амбициозных наследников или бастардов. Подобно мне и моим отношениям с отцом, лишь немногие из них были опечалены уходом своих отцов. Только три города попали под власть старших младших боссов, которые были верны до мозга костей.

Я пожимал им руки, прежде чем мы собрались в центре комнаты. Я положил руку на плечо Адамо. Он стоял прямо, на этот раз выражение его лица не выдавало его эмоций, но я чувствовал его напряжение под своей ладонью.

— Сегодня мы пришли сюда, чтобы посвятить моего брата Адамо.

Мужчины кивнули ему в знак приветствия. Все они были одеты по этому случаю в костюмы, и мы с братьями следовали традиции наряжаться.

— Как и каждый посвящённый, он должен заплатить кровью.

Нино потащил к нам сопротивляющегося Мейса. Фабиано запер его в кладовке. Адамо напрягся под моей рукой, и я слегка сжал его плечо.

Нино бросил мудака на землю. Он больше не ходил в школу. Бросивший учебу, сумевший собрать вокруг себя группу состоятельных, гораздо более молодых ребят и приобщить их к наркотикам. Его отец был членом мафии до того, как я избавился от него, претендуя на власть, но сын был еще более бесполезен, чем отец.

Рот его был заклеен скотчем, а глаза широко раскрыты от ужаса. Я протянул Адамо один из своих пистолетов. Как посвященному, ему не разрешалось брать с собой оружие.

Адамо направил дуло в голову Мейсона. Я был достаточно близко, чтобы видеть легкую

дрожь его рук. Я снов сжал его плечо, поощряя, как напоминание не показывать слабость, а затем он нажал на курок.

Мейсон упал замертво. Адамо вздрогнул под моей рукой и медленно опустил пистолет, выражение его лица было жестким, но в его глазах я видел намек на конфликт. Со временем станет легче. Мужчины одобрительно кивнули, и Адамо встретился со мной взглядом.

— Пора делать татуировку.

Нино вышел вперед с татуировкой, а Савио пододвинул стул. Адамо сел, закатал рукав и протянул руку.

— Думаю, пришло время развлечься, пока мы ждем, когда Нино закончит татуировку.

Я хлопнул в ладоши, и один из барменов открыл другую дверь. В комнату ворвались наши самые красивые полуголые шлюхи. Большинство моих мужчин приняли мое предложение, но некоторые предпочли напитки женским развлечениям.

Я подошел к братьям. Нино все еще обрисовывал нож. Он был живым и метким. Я не хочу, чтобы наши татуировки делал кто-то другой. Даже Савио остался рядом с Адамо, но его глаза блуждали по комнате в поисках шлюхи на потом.

Адамо стиснул зубы, наблюдая, как Нино делает ему тату. Убийство беспокоило его больше, чем Савио, Нино или меня, но, как и все мы, он в конце концов справится с этим.

— Хочешь выпить, Адамо? — спросил Савио.

Адамо удивленно посмотрел на него.

— Конечно.

— Виски?

Адамо кивнул и поморщился, когда Нино начал заполнять зрачок. Савио вернулся с четырьмя стаканами на подносе и вручил по одному каждому из нас. Я поднял бокал.

— Мы против всего мира.

— Мы против всего мира.

Мы выпили виски, и Адамо закашлялся, не привыкший к крепким напиткам. Нахмурившись, Нино поднял иглу.

— Я все испорчу, если ты продолжишь двигаться.

Он поставил пустой стакан и подождал, пока Адамо успокоится, прежде чем продолжить.

Когда татуировка была сделана, Нино встал, и я подозвал своих людей. Шлюхи остались сзади. Они знали, что им здесь не рады.

Адамо уставился на свою испачканную чернилами руку. Я протянул руку с татуировкой. Адамо сомкнул на нем свои пальцы, а я сомкнул свои, заставив его зашипеть от боли.

— Ты будешь моим глазом?

— Буду.

— Ты будешь моим ножом?

— Буду.

— Ты будешь истекать кровью и умрешь за наше дело?

— Буду. — твердо сказал Адамо.

— Сегодня ты отдаешь мне свою жизнь. Это мое решение, пока смерть не освободит тебя. Добро пожаловать в Каморру, Адамо.

Я отпустил его и отступил назад. Нино хлопнул его по плечу, и Савио сделал то же самое. Тогда мои солдаты поприветствовали моего брата в нашем мире. Никто не обратил внимания на труп, лежащий на полу в собственной крови. Уборщики уберут его позже.

Алкоголь потек более свободно. Савио и Адамо сидели за стойкой бара. Редкое зрелище. Вскоре к ним подошли две шлюхи, одна вцепилась в Савио, другая прижалась к Адамо.

Адамо покачал головой, и через мгновение Савио исчез вместе с двумя шлюхами за дверью бара.

Нино присоединился ко мне, когда я прислонился к рулеточному столу. Я обменялся несколькими словами с каждым из моих младших боссов. Большинство из них очень скоро вернутся в свои города, опасаясь нападения Данте.

— Я удивлен, что ты не трахаешь шлюху.

Я посмотрел на собравшихся девушек, но ни одна из них не привлекла моего внимания.

— Я трахал их всех раньше. Становится скучно.

Нино поднял брови, но ничего не сказал.

— Мы должны отправить к Адамо.

Я кивнул, но мы оба остановились, когда одна из шлюх, Кейджей, села рядом с ним в баре, и они начали говорить.

— Может, ей удастся уговорить его потерять девственность, — пробормотал я.

Нино пожал плечами.

— Она порядочная девушка. Он может быть не очень в свой первый раз.

Я посмотрел на него.

— Ты можешь прекратить это сочувственное дерьмо?

Он ухмыльнулся.

— Это не имеет ничего общего с состраданием. КейДжей хороший, логичный выбор для Адамо. Она опытна и постарается угодить ему. Плюс, она будет притворяться, что он хороший в сексе. Чистая логика.

— Тебе нравится выводить меня из себя своей логикой.

— Да, это вполне удовлетворяет.

Я покачала головой, глядя на брата.

— Однажды ты, Савио и Адамо станете моей смертью.

— Единственное, что убьет тебя, это отсутствие контроля.

Мои мысли вернулись к Серафине, к ее виду в скудном ночном белье, к тому, как ее соски сморщились от холода. К черту контроль. К черту терпение. Я никогда не хотел ничего так сильно, как Серафину, и все же я не мог получить ее.

Нино покачал головой.

— Обменяй девушку на Скудери, пока не слишком увяз.

— Я обменяю ее, как только она впустит меня глубоко в себя.

— Сказать тебе "я же говорил" когда-нибудь будет так же приятно, как раздражать тебя своей логикой.

— Это моя игра, Нино. Я лучший игрок на поле. Я выиграю.

— Победителей не будет, Римо.

Г Л А В А 11

СЕРАФИНА

Было около обеда, когда кто-то постучал. Я не видела Римо с тех пор, как он привел меня в мою комнату после вчерашнего разговора с Сэмюэлем. Утром Савио молча принес

мне завтрак. Наверное, он все еще был зол.

Киара открыла дверь с застенчивой улыбкой и двумя пакетами в руках.

— Я купила тебе одежду. Надеюсь, они подойдут.

Она вошла следом за Нино. Я спрыгнула с подоконника. Мои конечности начали чувствовать себя вялыми от недостатка физической активности. До похищения я тренировалась почти каждый день, а теперь только и делала, что сидела без дела.

— Полагаю, это означает, что мое пребывание здесь не закончится в ближайшее время, — с горечью сказала я.

Киара вздохнула.

— Я не знаю.

Я перевела взгляд на Нино, который выглядел, как обычно, стоически, не то чтобы я ожидала от него ответа.

Киара протянула мне пакеты.

— Я принесла тебе сандалии и кроссовки. Несколько пар шорт, топов и платьев. И нижнее белье. Я действительно надеюсь, что я выбрала правильный размер.

Я взяла у нее все и пошла в ванную переодеться. Одежда была мне впору, хотя и не в моем обычном стиле. Я вышла из ванной в шортах, топе и сандалиях.

— И? — с надеждой спросила Киара.

— Все подошло.

— Почему бы тебе не присоединиться ко мне в сад? Снаружи красиво, и я уверена, что ты больше не выдержишь этих стен.

Я нахмурилась.

— Терпеть не могу этот город, но я бы с удовольствием присоединилась к тебе. — мой взгляд метнулся к ее мужу, лицо которого напряглось от ее предложения. — Если он позволит.

Нино быстро кивнул, но было очевидно, что он этого не одобряет.

Я последовала за Киарой наружу, в то время как Нино шел позади нас, чтобы следить за мной.

— Давай я приготовлю салат, чтобы мы могли пообедать, — сказала Киара, когда мы спустились на первый этаж.

Я сделала движение, чтобы последовать за ней на кухню, но Нино схватил меня за запястье, останавливая.

— Ты останешься здесь.

Я вырвала запястье из его хватки, прищурившись.

— Не прикасайся ко мне.

Нино даже не дернулся.

— Если ты хочешь что-то попробовать, не надо. Я не хочу причинять тебе боль, но если ты причинишь боль Киаре, я сделаю очень больно тебе.

— Я не ее хочу причинить ей боль. Она не может не быть замужем за тобой.

— Действительно, — согласился Нино.

Киара вернулась с чем-то похожим на салат Цезарь, ее взгляд метался между мужем и мной.

— Все в порядке?

— Да, — ответила я, потому что, даже если я ненавидела Фальконе, я уважала покровительство Нино.

Вскоре мы уже сидели за столом в саду и ели салат. Мои глаза снова начали блуждать по территории, но я знала, что не было легкого способа сбежать от сюда. К моему удивлению, Нино дал нам больше пространства. Он устроился на стуле в тени с ноутбуком, который захватил на выходе из дома.

— Не могу себе представить, в каком ужасе ты была, когда тебе сказали, что Нино Фальконе станет твоим мужем.

Киара медленно прожевала и проглотила.

— Сначала был шок. У Каморры не самая лучшая репутация.

Я фыркнула.

— Они чудовища.

— Монстры в моей семье причиняли мне боль. Я не испытывала никакого унижения или причинения мне боли в Лас-Вегасе, — твердо сказала она.

— Еще. Я ужасно нервничала в день свадьбы. Не представляю, каково было тебе.

Киара пожала плечами.

— А как же твой жених? Что он за человек?

— Он младший босс Индианаполиса.

— Это не ответ на мой вопрос ... а может и ответ.

— Я не очень хорошо его знала, — сказала я, когда Римо вышел на улицу. — Но я намерена узнать Данило получше, как только выйду за него замуж.

Римо пристально посмотрел на меня.

— Уверен, он будет в восторге.

Я прищурилась.

— Он будет..

— Мы с Серафиной прогуляемся по поместью, — сказал он Киаре. Она кивнула, и он повернулся ко мне. — Пошли. — несмотря на раздражение от его повелительного тона, я встала, радуясь возможности пошевелить ногами. Римо обвел меня взглядом с головы до ног и повел мимо бассейна. — Киара принесла тебе одежду.

— Мне нужно размяться, — сказала я, игнорируя его комментарий.

— Я не могу сидеть здесь целый день. Я схожу с ума. Если это то, чего ты хочешь, ты должен позволить мне бегать на беговой дорожке.

Римо покачал головой.

— Нет необходимости в беговой дорожке. Я бегаю каждое утро в семь часов. Ты можешь присоединиться ко мне.

Я позволила себе быстро осмотреть его тело. Конечно, он работал над своим телом. Все его тело было мускулистым. Я знала, что он и его братья сражались в клетке, и бег был хорошим способом улучшить выносливость.

— Звучит разумно.

Губы Римо дрогнули.

— Рад, что ты так думаешь.

— Что ты потребовал от моего дяди за мою свободу? — я спросила его через некоторое время.

— Миннеаполис.

Я резко остановилась.

— Это смешно. Мой дядя не отдаст тебе ни кусочка своей территории. Даже мой отец не отдал бы свой город, чтобы спасти меня.

Улыбка Римо потемнела.

— Думаю, твой отец с радостью отдал бы мне свой город, если бы это зависело от него.

Я сглотнула. Я не хотела думать о своей семье. Не тогда, когда Римо пристально наблюдал за мной. Я достаточно плакала перед ним вчера.

— Ты же знаешь, Данте не удовлетворит твоих требований. — Римо кивнул. — Тогда зачем их выдвигать?

— Это игра в шахматы, Ангел, как ты и сказала. Мне нужно расставить свои фигуры, прежде чем я нанесу удар.

Голос Римо звучал так самоуверенно, что я забеспокоилась: а вдруг он действительно победит?

Я отвернулась от него и пошла дальше.

— Я удивлена, что Лука Витьелло согласился с твоим планом. Раньше я думала, что семья благородна, но теперь они, очевидно, опустились так же низко, как Каморра.

Римо тронул меня за плечо и остановил.

— Скажи мне, Серафина, какая разница между браком по договоренности с Данило и тем, чтобы быть моей пленницей?

Я недоверчиво уставилась на него, но прежде чем успела ответить, он снова заговорил.

— Ты не выбирала Данило. Ты будешь отдана ему, как невольная пленница, и кольцо на твоём пальце будет твоими оковами, а брак твоей клеткой.

В его темных глазах светился триумф, как будто я не могла спорить. Мой взгляд метнулся к кольцу на пальце. В его взгляде не было прежней гордости и возбуждения.

— Тебе придется сдаться его телу, хочешь ты этого или нет, и твое тело и душа в его власти. Скажи мне еще раз, чем твой брак отличается от того, чтобы быть моей пленницей?

Римо наклонился, не сводя с меня глаз, и я не отступила. Его губы коснулись моего подбородка, затем щеки и, наконец, рта.

— Твое "нет" ничего не значит в браке. Ты называешь это свободой?

Сжав губы, я уставилась на него, слишком гордая, чтобы признать, что его слова имели смысл. У Римо был способ все переделывать так, как он хотел, пока ты не согласишься, что это правда.

— Ты когда-нибудь фантазировала о Данило? Ты хочешь его?

Я сверкнула глазами.

— Это не твое дело.

Римо покачал головой и погладил меня по шее, потом по ключице.

— Ты не фантазировала. Твой разум сказал ему "да", и ты надеялась, что твое тело последует за ним. — его пальцы на моей коже мешали мне думать, но я не хотела доставлять ему удовольствие, отстраняясь. — Интересно, сколько времени потребуется твоему разуму, чтобы сказать мне "Да", потому что твое тело кричало "Да" с самого первого момента.

Я вырвалась от него.

— Ты сумасшедший. Ни мое тело, ни мой разум не говорят "Да" ни одной части тебя, Римо. Я думаю, что быть бесспорным правителем Лас-Вегаса сделало тебя манией величия.

От темных глаз Римо у меня по спине снова пробежала дрожь, и я зашагала прочь, убегая не столько от его ужасающего выражения, сколько от тяжести правды. Несмотря на мою ненависть к Капо Каморры, его поцелуи и близость сеяли во мне хаос.

Я подозревала, что это из-за моего плена, одной из форм Стокгольмского синдрома. Я старалась держаться на расстоянии, пока Римо вел меня в мою комнату, и он больше не

пытался прикоснуться ко мне. Прежде чем он запер меня, я спросила.

— Чего ты действительно хочешь, Римо?

Он смотрел на меня с тревожащим напряжением.

— Ты знаешь, чего я хочу.

— Тело и душу, — пробормотала я.

Уголок его рта приподнялся.

— Тело и душу.

Он закрыл дверь и я осталась с вихрем мыслей в голове. Мне нужно было найти способ сбежать. Возможно, моя семья уже планировала какое-то безумное спасение. Сэмюэль, конечно планировал. Если не открыто, то определенно в голове. Никто не выживет после нападения на территорию Каморры. И я не обманывала себя, думая, что Римо освободит меня в ближайшее время. Он выдвигал требования, но не хотел их выполнять. Пока.

РИМО

Как и обещал, я зашел за Серафиной в семь, чтобы она могла побегать со мной. Обычно я предпочитал утреннюю пробежку в одиночестве, но не мог устоять перед ее присутствием.

Серафина надела шорты, футболку и кроссовки. Она тихо прошла за мной через дом, но остановилась, когда я повел ее к подъездной дорожке.

— Куда мы идем?

— Мы собираемся побегать, как я и сказал. Ты думаешь, я делаю вокруг сада?

Я открыл для нее дверцу своего внедорожника Бугатти, и она села, не сказав больше ни слова. Я сел за руль и поехал по подъездной дорожке, чувствуя на себе ее взгляд. Я наслаждался ее замешательством.

Я вывел нас на тропу в соседнем каньоне, где я бегал раньше. Скоро станет слишком жарко, но ранним утром температура была идеальной для бега.

Серафина вышла вслед за мной из машины и оглядела гравийную стоянку. Мы были единственными людьми вокруг. Ее глаза были оценивающими и внимательными. Она что-нибудь предпримет, и я должен признать, что не могу дождаться этого.

Мы немного побегали рядом, прежде чем она заговорила.

— Ты не боишься, что я сбегу?

— Я поймал тебя однажды.

— Я была в подвенечном платье, поэтому двигалась слишком медленно.

— Я всегда буду ловить тебя, Ангел.

После тридцати минут, мы остановились, чтобы попить и немного отдохнуть. Я видел, что Серафина осматривает местность. Сделав большой глоток воды, я наблюдал, как она опустила на корточки и снова зашнуровала кроссовки. Когда она выпрямилась, я понял по напряжению в ее руках и ногах, что она собирается что-то сделать.

Она швырнула песок мне в лицо и даже умудрилась засыпать им глаза. Сквозь расплывчатое зрение я видел, как она умчалась. Посмеиваясь, несмотря на горящие глаза, я бросился в погоню. Мне приходилось иметь дело и с худшим.

Серафина была быстрее, чем в прошлый раз, и она не осталась на тропе, что было огромным риском с ее стороны. Если она заблудится здесь, то умрет от обезвоживания, прежде чем найдет дорогу к цивилизации. Я набрал скорость. Серафина прыгала, избегая камней, и практически летела над землей. Это было прекрасное зрелище. Гораздо красивее, чем запереть ее в комнате.

В конце концов, я догнал ее. Ее ноги были намного короче, и она была менее

мускулистой. Когда я был достаточно близко, я обнял ее за талию, как в прошлый раз. Мы оба потеряли равновесие от удара и упали. Я приземлился на спину, Серафина сверху.

Она ударила меня коленом в живот и попыталась вырваться. Прежде чем она успела нанести реальный ущерб, я перевернулся и прижал ее к земле своим весом, ее запястья были подняты над головой.

— Попалась, — пробормотал я, задыхаясь и обливаясь потом.

Грудь Серафины тяжело вздымалась, глаза горели негодованием и яростью.

— Тебе нравится погоня.

— На самом деле, нет, — сказал я низким голосом, приближая наши губы. — Но с тобой да.

— Ты знал, что я убегу, — пробормотала она.

— Конечно. Ты предназначена, чтобы быть свободной. Что заставляет меня задуматься, почему ты позволяешь кому-то вроде Данило держать тебя в клетке.

Она извивалась подо мной.

— Отпусти меня.

— Мне нравится быть на тебе и между твоих гибких ног.

Я слегка покачал тазом. Она напряглась.

— Не надо.

Я слизнул капельку пота с ее горла, прежде чем оттолкнуть ее и встать. Серафина проигнорировала мою протянутую руку и поднялась на ноги. Ее волосы выбились из конского хвоста, и она была покрыта грязью и потом.

— Я предпочитаю, чтобы ты была такой.

Она нахмурилась.

— Грязной?

— Дикой. Видеть тебя в этом белом злодеянии не может сравниться. Слишком идеально, слишком ухоженно, слишком фальшиво. Держу пари, Данило бы это понравилось.

Она ничего не сказала, и я знал, что часть моих слов дошла до нее. Мой взгляд упал на ее предплечье, которое она рассеянно потирала. Небольшая часть пореза снова открылась и кровоточила.

Вспышка вины застала меня врасплох. Я не часто испытывал подобные эмоции. Я взял ее за руку и осмотрел рану. В неё попала грязь.

— Мы должны очистить ее, чтобы предотвратить инфекцию.

Ее голубые глаза изучали мое лицо, но мне было трудно прочитать выражение на ее лице. Я повел ее обратно к машине. Становилось все жарче, и после погони нам обоим нужно было принять душ. Я достал из багажника новую бутылку воды и вылил ее на рану Серафины, тщательно промывая ее кончиками пальцев. Иногда она вздрагивала, но ничего не говорила.

— Молчание не в твоём стиле, — заметил я.

— Ты меня не знаешь.

Я ухмыльнулся.

— Я знаю тебя лучше, чем большинство людей. Лучше, чем Данило. — она не стала мне возражать. — Ненависть может освободить тебя, — сказал я.

— Как и любовь, — сказала она. — Но я сомневаюсь, что ты поймешь.

На обратном пути в особняк Серафина молчала, глядя в боковое зеркало.

Я отвел ее в комнату, зная, что ей есть о чем подумать, прежде чем я отправился в свою

комнату, чтобы принять душ. Когда я позже спустился в игровую комнату, Савио развалился на диване и печатал на телефоне. Заметив меня, он положил его и усмехнулся.

— Нино не в восторге от того, что ты взял эту суку на пробежку.

Я опустил рядом с братом.

— Это оскорбляет его логику.

Савио рассмеялся.

— Но, честно говоря, Римо, он прав. Эта девушка непредсказуема.

— Это делает ее еще веселее, — сказал я.

Савио с любопытством посмотрел на меня.

— Ты наслаждаешься этим больше, чем я думал. И ты даже не трахнул ее ... или трахнул?

— Нет, не трахнул. Серафина удивительный вызов.

— На мой вкус, слишком много работы, — пожал плечами Савио.

— Я предпочитаю девушек, которые затыкаются, когда я им это говорю, которые сосут мой член, когда я этого хочу. Меньше хлопот.

— В конце концов, у тебя было все. Ты трахался во всех возможных позах, делал все извращенное дерьмо, которое только мог придумать. Становится все труднее получить острые ощущения с самого начала.

Он наклонился вперед, стоя на коленях.

— Ты же не думаешь оставить ее ... правда?

— Нет.

• — * — •

Днем я позвонил Данте. Он снял трубку после второго гудка, его голос был холодным и жестким, но с скрытым напряжением, которое вызывало во мне дрожь.

— Данте, я хотел спросить, когда ты собираешься выполнить мое требование.

— Не собираюсь, как ты и хотел. У меня нет времени на твои игры, Римо. Это между нами, между тобой и мной. Почему бы нам не встретиться лично, как Капо с Капо, и решить это как мужчины.

— Ты хочешь сразиться со мной на дуэли? Как архаично с твоей стороны, Данте. Ты не показался мне примитивным типом.

— Я с удовольствием убежу тебя в обратном.

Я почти согласился, потому что идея снова и снова совать нож в холодную рыбу была чертовски соблазнительной. Борьба с Данте была бы изюминкой. Поскольку о том, чтобы разрезать Луку на кусочки, пока не могло быть и речи, Данте был противником, которого я жаждал. Было только одно, чего я хотел больше, чем убить Данте: взять Серафину всеми возможными способами и уничтожить наряд через нее.

— Нам придется отложить дуэль на потом, Данте. А сейчас я хочу, чтобы ты выполнил мои требования, если хочешь, чтобы твоя племянница вернулась в семью целой и невредимой.

— Я не буду вести с тобой переговоры, Римо. Ты не получишь и дюйма моей территории. А теперь скажи, чего ты на самом деле хочешь. Мы оба знаем, что это.

Я сомневался, что он знает, чего я на самом деле хочу. Может быть, только Нино.

— А чего я хочу?

— Тебе нужен мой советник. Фабиано твой исполнитель, и я полагаю, что сделка, которую ты заключил с Витьелло, повлекла за собой твоё обещание доставить Скудери,

чтобы вы все могли расчленивать его вместе.

— Сомневаюсь, что Лука станет частью развоплощения Скудери. Он скорее разрубит тебя на куски, Данте.

— Витьелло не тот союзник, за которого ты его принимаешь. Его семья склонна к предательству. С твоей стороны неразумно делать меня своим врагом.

— Данте, мы были врагами с того момента, как я захватил власть. И в тот момент, когда твои гребаные солдаты вторглись на мою территорию, это стало личным. Мне не нужен Лука в качестве союзника, пока я знаю, что его ненависть к тебе превосходит его ненависть ко мне.

— Однажды его и твоя опрометчивость погубят тебя.

— Очень может быть, — проворчал я.

— Но пока этого не произойдет, твоя совесть будет жить с постепенным падением Серафины.

Я повесил трубку.

С каждым днем, когда Серафина была в моих руках, мое положение укреплялось.

Г Л А В А 12

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Следующие несколько дней после моей попытки убежать, я попала в странную рутину. Утром Римо зашёл за мной на пробежку. Иногда я спрашивала себя, не хочет ли он, чтобы я снова рискнула убежать, потому что погоня вызывала у него трепет, но я не тратила на это свою энергию. Римо был слишком силен и быстр. Мне пришлось побить его остроумием. К сожалению, он был так же умен, как и жесток. Он мог исказить мои слова быстрее, чем я думала, и иногда я ловила себя на том, что наслаждаюсь нашими странными спорами.

Мне не нужно было сдерживаться, когда я была рядом с Римо. Я не пыталась представить ему свою лучшую сторону, как это было с Данило, потому что меня не волновало его одобрение. Я была сама собой, без фильтра, беспечной, и, как ни странно, Римо, казалось, получал от этого большое удовольствие. Капо был для меня загадкой. Он не пытался пытаться меня или насиловать, как я ожидала, и я не могла не насторожиться, потому что мотивы Римо были жестокими.

— Как только я освобожу тебя, ты вернешься к Данило, как хорошо обученный почтовый голубь.

Сказал Римо, как-то раз, когда мы бежали трусцой по каньону.

— Твои птичьи аналогии начинают стареть, — пробормотала я.

Я была рада, что Римо не знал, что папа зовет меня голубкой. Он использует это только в своих интересах.

— Но они так подходят друг другу, Ангел.

Я искоса взглянула на него. На его лице появилась странная улыбка. Футболка прилипла к телу от пота, обнажая мускулы и кобуру пистолета.

— Что у тебя в орнитологической схеме? Стервятник ждет бедную голубку, когда та упадет с неба, чтобы ты мог разорвать ее?

Римо издал глубокий смешок, от которого у меня по спине пробежала дрожь. Я ускорила, пытаюсь заставить свое тело подчиниться.

— Не думаю, что ты когда-нибудь упадешь с неба. Мне придется схватить тебя в воздухе, как Орла.

Я фыркнула, не заботясь о том, что это несолидно звучит.

— Ты сумасшедший.

Он замолчал, легко следуя за моим быстрым шагом. Римо был на грани восхищения, надо отдать ему должное. После того, как мы вернулись к машине, мы разделили бутылку воды.

— Зачем ты это делаешь?

Он приподнял бровь.

— Даю тебе воды?

— Относишься ко мне хорошо.

Он мрачно улыбнулся.

— Почему у тебя такой разочарованный голос?

Отчасти потому, что я знала, что мужчина передо мной был безжалостен и жесток до глубины души. Скорее чудовище, чем человек. Более слабая часть испытывала облегчение и не хотела подвергать сомнению его мотивы.

— Когда начнутся пытки?

Римо оперся рукой о крышу машины и уставился на меня.

— Кто сказал, что пытки еще не начались? То, что я не мучаю тебя, не означает, что я не мучаю других через тебя.

Я вздрогнула. Моя семья. Они страдали, потому что воображали ужасы, через которые я проходила, ужасы, которые еще не происходили.

— Ты чудовище, — выпалила я.

Римо наклонился еще ближе, излучая тепло и силу, запах свежего пота и его собственного запретного аромата окутал меня.

Я посмотрела ему в глаза. Темные глаза. Чудовищные глаза, но помоги мне Бог, они всегда держали меня замороженным их интенсивностью.

— Знаешь, ангел, я думаю, тебе нравится мое чудовище больше, чем ты хочешь признать.

У меня не было шанса вернуться. Губы Римо сомкнулись на моих, его язык скользнул внутрь, и мое тело отреагировало волной жара. Я схватила его за плечи, встречая его язык с тем же пылом.

И тут меня осенило. Я попыталась оттолкнуть его, но Римо не сдвинулся с места. Он обнял меня, прижимая наши тела друг к другу.

Захватывающе, пугающе, опьяняюще.

Я прикусила его нижнюю губу, но Римо не отстранился. Он зарычал мне в рот и крепче сжал меня, его поцелуй стал еще крепче. Вкус его крови закружился у меня во рту, и я отстранилась с одинаковым отвращением и тошнотворным восхищением. Рот Римо был залит кровью. Тогда он действительно выглядел монстром.

Темная улыбка тронула его губы, и я открыла дверь и села в машину, пытаюсь отдышаться, пытаюсь избежать его ошеломляющего присутствия. Я увидела свое отражение в зеркале заднего вида и съежилась. Мои губы тоже покраснели от крови Римо. В тот момент я выглядела не менее чудовищно, чем он.

• — * — •

Как только Римо заехал за мной на следующее утро, я поняла, что это не для пробежки. Во-первых, он пришел слишком рано, а во-вторых, был в одних трусах. Я оторвала взгляд от его тела.

— Нам нужно записать дополнительную мотивацию для твоего дяди, — объяснил Римо. — Пошли.

Я присела на кровать, не двигаясь ни на дюйм. Еще одна запись? Когда я не последовала его команде, Римо поднял брови.

— Пойдем, — сказал он с большей силой, и ему потребовалось значительное усилие, чтобы остаться неподвижным. Я упрямо выдержала его взгляд. Он подошел ко мне и склонился надо мной.

— Может быть, я слишком снисходителен к тебе, — пробормотал он, подталкивая пальцами мой подбородок.

Я улыбнулась и ахнула, когда Римо рывком поставил меня на ноги и перебросил через плечо. Его большая теплая рука лежала на моей заднице, когда он нес меня, и на несколько мгновений я застыла в шоке. Больше из-за реакции моего тела на прикосновение ладони Римо, чем из-за моей головы, свисающей с его плеча. Я начала ерзать, и Римо предупреждающе сжал мою ягодицу.

Я ударила его локтем в бок, но Римо не дрогнул, только резко выдохнул.

— Отпусти меня, — прохрипела я, ужаснувшись тому, как напрягся мой центр от ощущения руки Римо. Если он узнает, я умру на месте.

Однако Римо не отпустил меня, пока мы не вернулись в камеру. На мгновение у меня закружилась голова, но когда зрение прояснилось, я заметил кандалы, свисающие со стены. Римо подтолкнул меня вперед.

— Руки вверх, — приказал он.

— Что? — ахнула я.

Он не стал ждать, пока я подчинюсь. Он схватил меня за запястья. Замешательство, затем ужас пронзил меня. Может быть, ему наконец надоело мучить других, когда он развлекался со мной.

Римо наклонился, и я вздрогнула. Его темные глаза блуждали по моему лицу, и он покачал головой.

— Успокойся. Мы должны устроить шоу для твоей семьи. Я сделаю на этом идеальной шее засос за несколько убедительных фотографий, ничего больше. Не собирай свои трусики в кучу из-за пустяков, Ангел.

— Ты хочешь, чтобы моя семья поверила, что я заперта в камере?

— Помимо всего прочего, — пробормотал он.

Его руки потянулись к подолу моей сорочки и сильно дернули. Ткань разорвалась, пока

только шов выреза не удерживал ее вместе. Мои соски затвердели, и Римо молча наблюдал за мной, потом тяжело вздохнул.

Я сглотнула.

— Эти фотографии фальшивые. Я не болтаюсь на цепях весь день, и ты не срываешь с меня одежду, — пробормотала я.

Он улыбнулся мне.

— Ты бы предпочла, чтобы мне не пришлось их подделывать, Ангел? — я снова сглотнула, по коже побежали мурашки. — Я так и думал, — сказал он немного хриплым голосом, затем осторожно убрал волосы с моей шеи. Я затаила дыхание, когда его губы почти коснулись моей кожи. — Ты так чертовски сладко пахнешь. Обладание тобой однажды станет самым сладким триумфом в моей жизни.

— Я никогда не буду твоей.

Римо прижался губами к моей коже. Затем он высунул язык, облизывая мою пульсирующую точку. Он сосал и покусывал мою шею, его пальцы обхватили мою голову, наклоняя ее в сторону. Мои глаза закрылись. Ощущения были чуждыми и заворачивающими.

Губы Римо на моей шеи, казалось, посылали ударные волны по моему телу, создавая ощущения, которых я никогда не испытывала раньше. Его теплое тело прижалось ко мне, его запах заполнил мой нос.

Я была неподвижна, ошеломлена, сбита с толку реакцией своего тела. Как могла моя шея быть таким чувствительным местом моего тела? Как это могло наполнить меня таким запретным желанием?

Он отстранился, но не сразу выпрямился, его лицо все еще было близко к моей шеи, когда он выдохнул. Когда он, наконец, встал, его темные глаза послали новую рябь по моему телу. Его пальцы скользнули по моей нежной шее, и мои губы приоткрылись в легком выдохе. Наши глаза встретились, и уголок его рта приподнялся.

— Тебе понравилось?

— Конечно, нет, — отрезала я.

— Я думал, ты хорошая лгунья.

Мои щеки пылали, я свирепо смотрела, но ничего не сказала, потому что не была уверена, что моя следующая ложь будет более убедительной.

— Все в порядке, Ангел, — тихо сказал Римо. — Есть вещи и похуже удовольствия.

Я хотела наброситься на него, но он даже не был главной причиной моего гнева. Я злилась на себя, злилась на свое тело за его реакцию.

— Я принадлежу Данило, — твердо сказала я.

Римо прищурился.

— Ты напоминаешь мне или себе?

— Я обещана ему. Я хочу его, а не тебя.

— У тебя может быть помощник босса, тот, кто научился выслеживать других, или Капо, человек, у которого люди подчиняются его приказам.

— Я могу иметь монстра или человека.

— Ты действительно думаешь, что Данило не монстр.

— Он не такой монстр, как ты.

Римо кивнул.

— Он меньшее чудовище. Кто захочет довольствоваться меньшим?

— Ты даже не хочешь меня, Римо. Все, что ты хочешь, это держать мою судьбу над

головой моей семьи. Хватит играть.

Он отступил назад, повернулся и взял телефон.

— На мгновение выгляди разбитой. — я сверкнула глазами. — Это не тот взгляд, который нам нужен. — он ждал. Потом его челюсть сжалась, и он снова подошел ко мне, держа меня за подбородок. — Я уже говорил, выбирай битвы с умом. Я не терпеливый и не порядочный человек.

Он отступил и, наконец, удовлетворившись моим выражением лица, сделал несколько фотографий. Чувство вины оставляло горький привкус во рту, но я не была уверена, сколько времени потребуется моей семье, чтобы освободить меня, если они вообще преуспеют, и я должна была думать о самосохранении, даже если я ненавидела себя за это.

Он снял с меня наручники, и я потеряла запястья, затем коснулась своего нежной шеи. Римо наблюдал за мной.

— Мне нравится видеть на тебе свою метку.

Я ничего не сказала.

Позже, я долго смотрела на свое отражение в зеркале ванной комнаты. Римо оставил свои следы, как и говорил. Они были красными и фиолетовыми, и заставили меня почувствовать волну стыда из-за того, как мое тело отреагировало. Я не была уверена, что со мной случилось.

Стук в дверь вывел меня из задумчивости. Оторвавшись от зеркала, я прошла в спальню, где нашла самого младшего Фальконе. Он выглядел немного потерянным посреди моей комнаты.

— У меня есть для тебя несколько книг и мороженое. Это один из самых жарких дней лета. Я подумал, что тебе не помешает остыть, — сказал он, держа в руках четыре книги и тарелку с мороженым.

Его взгляд переместился на мою шею, и его брови сошлись на переносице. Он прошел мимо меня и положил все на тумбочку, прежде чем засунуть руки в карманы, выглядя неловко. Мой взгляд задержался на свежей татуировке на его предплечье.

— Теперь ты член мафии.

Он посмотрел вниз и медленно кивнул.

— Я Фальконе.

Я подошла к тумбочке, чтобы все осмотреть.

— Это шоколадная крошка. Это все, что у нас есть. Савио любит сладкое. Остальные не так сильно.

— Так ты принес мне мороженое Савио? Он явно будет в восторге после супа, который я в него бросила.

Адамо расхохотался.

— Жаль, что меня там не было. Он такой самовлюбленный. Держу пари, выражение его лица было веселым.

Он протрезвел, потом откашлялся. Я улыбнулась.

— Он был потрясен.

Трудно было поверить, что Адамо родственник Римо. Было небольшое сходство, но волосы Адамо были выющимися и не такими темными, а глаза-более теплыми. Но самым большим отличием была их индивидуальность.

Я взяла тарелку и положила ложку сладкого в рот, прежде чем опуститься на кровать.

Адамо подошел поближе и прислонился к одной из колонн.

— Я не знал, какие книги тебе нравятся, поэтому взял с собой мемуары, триллер, роман и фэнтези. У нас не так много новых книг. Я не думаю, что мне позволено отдать тебе свою электронную книгу. Ты могла бы использовать ее для других вещей..

Я улыбнулась.

— Все в порядке — несмотря на мое намерение ненавидеть каждого Фальконе, было трудно не любить Адамо. — Хотя я воздержусь от триллера. Мне хватает его в жизни.

— Я знаю, — тихо сказал Адамо. Он указал на мою шею. — Что произошло?

Жар ударил мне в щеки, и я позволила себе еще раз попробовать мороженое, чтобы собраться с мыслями. Адамо внимательно наблюдал за мной.

— Он сделал тебе больно?

Я хотела солгать, сочинить жестокую историю, чтобы вбить клин между братьями, но почему-то не смогла.

— Нет. Он причиняет боль моей семье, заставляя их поверить, что он причиняет боль мне.

Облегчение промелькнуло на лице Адамо, и на секунду это меня разозлило, но потом я подумала о Сэмюэле и поняла.

— Скоро ты с ними воссоединишься, — сказал он. Я сглотнула и кивнула. Адамо легонько тронул меня за плечо и отстранился.

— Прости, нужно было спросить, прежде чем прикоснуться к тебе.

Я покачала головой.

— Как получилось, что ты стал таким вежливым и добрым, когда ты родственник Римо? Вас воспитывали разные родители?

— Римо и Нино воспитывались нашими родителями, но Савио и я в основном воспитывались Римо и Нино.

Я уставилась на него.

— Они вырастили тебя?

Он кивнул и потер затылок, как будто понял, что не должен был говорить мне.

— Я должен идти.

Я попыталась представить, как Римо воспитывает ребенка. Это взорвало мой разум, тем более, что все они, должно быть, были в бегах в то время.

• — * — •

Наступила ночь, и я читала в постели, когда внезапно погас свет. Я моргнула в неожиданной темноте и вылезла из кровати, положив книгу на тумбочку.

Следуя за серебристым лунным светом, я выглянула в окно. Свет в саду и во всех остальных окнах особняка, которые я видела, тоже не горел. Вдалеке виднелись огни других домов.

Мой пульс участился. Что происходит? Я вгляделась в тени по периметру и увидела две фигуры, бегущие через лужайку к дому.

Наряд. Это должно быть они.

Они пришли спасти меня.

Эйфория пульсировала во мне, сопровождаемая страхом. Это была территория Римо. Фальконе знали каждый дюйм своей собственности, а Наряд нет. Что, если Сэмюэль был среди нападавших?

Я вцепилась в подоконник, оцепенев от ужаса. Данте и папа никогда бы не позволили моему брату приехать сюда. Он был наследником Миннеаполиса. Он был слишком важен

для такого рискованного мероприятия.

Возможно, темнота давала Наряду преимущество. Возможно, это застало Римо и его братьев врасплох. Кто знает, сколько их было в особняке?

Замок в моей комнате повернулся, и я оказалась лицом к двери. Это был мой шанс сбежать. Они не знали, где в доме меня держат. Они, вероятно, ожидали найти меня в подвале. Я должна была найти их первой. Им потребуется слишком много времени, чтобы обыскать каждую часть особняка.

В комнату вошла высокая фигура. Было трудно что-то разобрать, и не имело значения, кто вошел. Я атаковала без колебаний, бросаясь на противника, надеясь ударить его локтем в живот. К сожалению, при лунном свете я была легкой мишенью. Мой противник обошел меня, схватил за плечо и толкнул вперед. Я ударилась о стену, и твердая грудь прижалась к моей спине.

— Сегодня нет супа? — усмехнулся Савио, но голос его был полон напряжения. Я попыталась оттолкнуться от стены, но Савио не сдвинулся с места. — Мне вырубить тебя или ты прекратишь эту чертову борьбу?

Я дернула головой, надеясь ударить его по носу, но он оказался выше, чем я помнила, и мой затылок столкнулся с его подбородком.

— Черт, — прорычал он. Он обхватил меня руками за грудь и талию, как Сэмюэль не так давно в шутку, и, несмотря на мои удары, пронес меня через комнату и втолкнул в ванную. — Я не понесу тебя в нашу комнату страха в таком виде. Блять.

Я повернулась к нему лицом.

— Не двигайся, мать твою, — прорычал он.

— Наряд надерет вам задницы. Держу пари, ты обосрался, когда погас свет, — прошипела я.

Савио усмехнулся.

— Это Нино выключил свет. Мы знаем каждый дюйм этого гребаного дома наизусть. Нам не нужен свет. Кстати, наша камера наблюдения показала парня со светлыми волосами. Интересно, кто его убьет. Римо или Нино?

Я замерла. Сэмюэль?

Савио закрыл дверь ванной. Я бросилась вперед и забарабанил кулаками по дереву.

— Выпусти меня! Выпусти меня!

— Кричи сколько хочешь. — сказал Савио. — Может, это привлечёт какого-нибудь придурка из Наряда, так чтобы я тоже мог повеселиться.

Я прижала ладони к двери и медленно опустилась на колени. Савио, должно быть, лжет. Сэмюэля здесь не было. Если Римо или Нино возьмут его в свои руки ...

Г Л А В А 13

• ————— * ————— •

РИМО

Мы с братьями смотрели, как в клетке сражается следующий противник Савио. Киара, как обычно, уже заснула рядом с Нино. Я сомневался, что она когда-либо смотрела больше, чем несколько секунд боя. Насилие просто не было в ее природе.

— Я не могу дождаться, чтобы сразиться с ним. — сказал Савио, когда его следующий противник ударил другого бойца в клетку. Не плохо.

Загорелся мой телефон и телефоны моих братьев. Мгновение никто из нас не двигался.

Я потянулся к нему. Была поднята тревога. Какого хрена? Я открыл тревогу. Кто-то или что-то прикоснулось к колючей проволоке на стене.

Нино оказался проворнее. Он поднял телефон с записью пораженного участка. Четверо мужчин перебросили через забор лестницу, положили на электрические провода деревянную доску и перелезли через стену.

Я встал, достал пистолет и нож. Нино разбудил Киару и повернулся к Адамо.

— Отведи Киару в подвал. Стреляйте на поражение, не задавая вопросов.

— В чем дело? — прошептала Киара. Нино покачал головой, поцеловал ее и подтолкнул к Адамо, который схватил ее за руку и потащил за собой.

— Я собираюсь выключить свет в доме, — сказал Нино. — Так нам будет легче устроить им засаду.

Я кивнул.

— Савио, иди к Серафине. Я хочу, чтобы она тоже находилась в подвале.

Савио нахмурился.

— Я хочу надрать задницу Наряду.

— Савио, — прорычал я.

Я не мог поверить, что они действительно осмелились напасть на наш особняк. Это не в стиле Данте. Слишком рискованно.

Свирепо сверкнув глазами, Савио взбежал по лестнице. Нино ввел код в свой телефон, подключенный к нашей центральной системе управления, и на нас обрушилась тьма. Моим глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Лунный свет струился в окна, и вскоре мой брат и все вокруг превратились в нечто большее, чем абстрактные фигуры. Я подошел к Нино.

— Они направляются в северное крыло, — сказал он.

Камеры были ночного видения, так что мы без труда отслеживали продвижение нападавших. Среди них была белокурая голова, и мне показалось, что я знаю, кто это. Сэмюэль пришел спасти своего близнеца, возможно, без приказа Капо. Если бы они были здесь по плану Данте, то отступили бы, как только погас свет. Что они все равно продолжали это означало, что кто-то, кто не заботился о своей жизни был лидером.

— Пошли, — сказал я. Мы с Нино прокрались в сад, мимо бассейна, туда, куда направлялись нападавшие. — Сэмюэль мой, — тихо сказал я.

Нино ничего не сказал, только выключил телефон, чтобы свет на экране не выдал нас.

Мы дошли до угла северного крыла и присели на корточки. Я огляделся и увидел двух мужчин, один из них блондин, работавших над дверью террасы во владения Савио, в то время как двое других осматривали местность, направив оружие вперед. Они перевернули стол и наполовину скрылись за ним. Это было массивное дерево. Может быть, это задержит пули.

— Двое живых, Сэмюэль и еще один, — приказал я.

Нино коротко кивнул. Он прочитает мне лекцию позже. Он злился, что на нас напали из-за того, что я привез сюда Серафину, что я подверг опасности его жену.

Мы с Нино подняли ружья и начали стрелять. Кем бы ни были наши противники, они не были лучшими стрелками.

Первый упал почти сразу. Двое у двери на террасу спрыгнули за стол и тоже начали стрелять. В конце концов у нас кончились патроны. Веселье вот вот начнется.

Нино вытащил нож. Сжимая свой нож, я побежал к оставшимся трем нападавшим. Двое

пошли за мной, один за Нино.

Сэмюэль полоснул меня ножом, и я заблокировал его своим. Другой ублюдок ткнул меня в живот. Я уклонился от этой атаки и вонзил клинок ему в бедро. Он упал с криком, но я схватил его за воротник и дернул вверх, чтобы заблокировать следующую атаку Сэмюэля. Его нож вонзился прямо в живот товарища. Прежде чем Сэмюэль успел снова напасть, Нино схватил его сзади, одной рукой схватив за горло, а другой за руку с ножом. Я бросил ублюдка и прыгнул вперед, ударив Сэмюэля по запястью и сломав его, чтобы он выронил нож.

Он хмыкнул, но нож не выронил. Он бился как сумасшедший, и Нино потерял равновесие. Блять. Они оба приземлились на землю, Сэмюэль на Нино. Схватив пистолет, я бросился на Сэмюэля, схватил его за горло и ударил прикладом в висок. Со стоном он обмяк. Нино оттолкнул его от себя. Я дотронулся до горла Сэмюэля, чтобы убедиться, что он жив.

— Ты оставил своего противника в живых?— задыхаясь, спросил я Нино.

— Конечно. Я знал, что вряд ли ты не убьешь хотя бы одного из них.

Я усмехнулся. Нино подошел ко мне.

— Если мы будем мучить его медленно, отправим кусочки его родителям и Данте, отряд сделает все возможное. Не думаю, что они рискнут потерять и Серафину, и Сэмюэля.

— Не думаю, что он действовал по приказу Данте.

— Скорее всего, нет. Но Данте не бросит своего племянника, потому что он пытался спасти своего близнеца.

Я кивнул.

— Отведи второго выжившего в камеру и разбуди его. Узнай все, что он знает. Я пошлю к тебе Савио, иначе он не перестанет скулить.

— А как же Сэмюэль?

— Я отведу его в другую камеру. Тогда я поговорю с Серафиной.

— Мы будем иметь с ним дело вместе?

Я посмотрел на блондина на земле.

— Да. Если он хоть немного похож на Серафину, его будет весело сломать.

СЕРАФИНА

Снова зажегся свет. Мои глаза горели от яркого света. Я все еще стояла на коленях на полу ванной, когда раздался голос Римо.

— Иди в подвал и помоги Нино пытать этого придурка.

Я почувствовала, как краска отхлынула от моего лица. Я слышала стрельбу, молилась, чтобы Наряд победил. ...

Я заставила себя встать, когда замок повернулся. Римо вошел весь в крови, и я задрожала, испугавшись, что мои самые большие ужасы сбылись. Несколько мгновений Римо смотрел на меня.

— Твой брат пытался спасти тебя.

Ужас сжал меня, как тиски. Я не могла дышать. Я не хотела в это верить.

— Ты лжешь, — выдохнула я срывающимся голосом.

Его губы изогнулись в мрачной улыбке.

— Он храбрый человек.

Я бросилась к Римо, вцепившись в его окровавленную рубашку.

Темные глаза Римо встретились с моими. Хищный блеск в них заставил мое сердце забиться еще быстрее.

— Нет. — повторила я. — Сэмюэля здесь нет. Он не станет рисковать. Данте этого не допустит.

— Я думаю, твой близнец с радостью отдал бы за тебя жизнь, Ангел. Я сомневаюсь, что он пришел по приказу твоего дяди. Это означает отсутствие подкрепления.

Я сглотнула. О, Сэмюэль. Мой защитник. Как ты мог быть таким глупым? Если Сэмюэль мертв, я не смогу жить дальше, зная, что он умер, чтобы спасти меня. Слезы побежали горячими дорожками вниз по моим щекам.

— Если ты ... если ты ... — я не могла даже произнести это.

— Тогда убей меня сейчас.

— Он еще не умер, — прошептал Римо, изучая меня темными глазами. — Посмотрим, как долго он продержится.

Сэмюэль не умер. Ещё нет. Мои глаза расширились.

— Дай мне взглянуть на него.

Римо прикоснулся к моему горлу, подходя ближе.

— Зачем? Так ты сможешь попрощаться?

Я прикусила губу.

— Чтобы увидеть правду.

Римо улыбнулся.

— Я не лгу.

Он схватил меня за запястье и потащил из комнаты. Он повел меня в подвал и, держа за руку, чтобы я не могла ворваться внутрь, открыл одну из камер. Внутри лежал Сэмюэль, весь в крови, и не двигался, если не считать неглубокого вздымания и опускания груди. Его светлые волосы слиплись от крови. Моя грудь сжалась так сильно, что я была уверена, что потеряю сознание в любую секунду.

— Что ты сделал?

— Пока немного, — сказал он, закрывая дверь. — Ударил его по голове. Как только он проснется, мы с Нино займемся им.

Я знала, что это значит. Ужасающий, мучительный крик эхом разнесся по подвалу. Я вздрогнула.

— Это дело рук Нино. Он разговаривает с другим выжившим.

Скоро это будут крики Сэмюэля. Скоро он подвергнется ужасам, от которых хотел меня спасти. Ужасы, от которых я была избавлена. К горлу подступила желчь. Мой близнец будет страдать и умрет за меня.

Я схватила Римо за руку, глаза мои умоляли, хотя я знала, что у него нет сердца, которое я могла бы смягчить.

— Пожалуйста, не надо. Вместо этого пытай меня.

Римо мрачно улыбнулся, обхватив ладонями мое лицо.

— Я не хочу тебя мучить. И я сказал тебе, что никогда больше не порежу тебя, Ангел.

Конечно. Я знала, чего он хочет, чего он хотел с самого начала, и сегодня он это получит.

Проглотив свою гордость, потому что это не стоило жизни Сэмюэля, я опустилась на колени прямо перед Римо. Я подняла лицо, слезы жгли глаза.

— Я стою на коленях. Я умоляю тебя пощадить его. Что бы ты ни хотел, это твое, Римо. Прими это. Возьми все.

Его темные глаза вспыхнули с чувством, которое я не могла прочесть.

— Ты не умоляла о пощаде. Ты не предлагала мне свое тело, чтобы избежать боли, но ты сделала это ради своего брата?

— Я знаю. Я сделаю ради него все, — прошептала я. — Я предлагаю тебе все. Ты можешь взять все это. Я отдам это тебе добровольно, если ты пощадишь моего брата.

Римо схватил меня за руку и поднял на ноги. Не говоря ни слова, он потащил меня наверх, в свою спальню. Он отпустил меня и закрыл дверь. Его дыхание было резким.

Мои пальцы дрожали, когда я потянулась за платьем и стянула его через голову.

Глаза Римо обожгли мою кожу, когда я потянулась за лифчиком и расстегнула его, позволив упасть на пол. С трудом сглотнув, я спустила трусики вниз по бедрам, пока они не присоединились к лифчику на полу.

— Это твоё. — тихо сказала я.

Все, о чем я могла думать, это о Сэмюэле в подвале, лежащем в собственной крови, и о пытках, которые ожидали его в руках Римо и Нино. До меня доходили слухи о том, что они сделали с дядей Киары.

Не отрывая глаз от моего лица, Римо двинулся на меня. Его руки коснулись моей талии, и я задрожала.

— Такая сильная, — пробормотал Римо. — Так трудно сломать.

— Ты выиграл. Ты сломал меня. Я умоляю тебя. Я предлагаю тебе свое тело. Пожалуйста, пощади Сэмюэля.

Его глаза прошлись по всему моему телу, прежде чем снова остановились на мне.

— Ты не сломана, Ангел. Жертвовать собой ради того, кого любишь, это не слабость.

— Пощади моего брата, Римо.

Дрожащими руками я потянулась к его поясу, но он остановил меня. И мой мир рухнул, потому что если он не примет мое предложение, что еще я могу дать ему в обмен на жизнь моего брата? Что еще ему нужно?

Римо наклонился к моему уху.

— Такое соблазнительное предложение. — он выдохнул. — Ты возненавидишь меня.

— Я могла бы, — прошептала я.

— Ты возненавидишь. Значит, ты еще не ненавидишь меня?

Меня передернуло. Я не могла вынести его мысленных игр, не сейчас, не тогда, когда от этого зависела жизнь Сэмюэля.

Римо поцеловал меня в ушко.

— Я *пощажу* твоего брата, Ангел, — сказал он тихим голосом, и я застыла, потому что не могла в это поверить. — Я отошлю его обратно с сообщением. Это должно быть громко и ясно, чтобы они поняли, что я не хочу, чтобы мою территорию нарушали.

Я молча кивнула. Я соглашусь на все, чтобы спасти брата. Я ничего не понимала.

— Ты пойдешь со мной в камеру рядом с камерой Сэмюэля. Я поговорю с ним. — я напряглась в объятиях Римо. — *Просто поговорю* с ним и скажу, что его действия имеют последствия, а потом я вернусь в твою камеру, и ты будешь кричать и умолять, как будто я причиняю тебе боль. Ты заставишь его поверить в это. Затем я отпущу его, чтобы он мог вернуться домой с останками другого солдата и знанием того, что ты будешь жестоко страдать за каждую из их ошибок.

Я кивнула. Сэмюэль возненавидит себя за это. Он будет страдать хуже, чем раньше, но это лучше, чем альтернатива. Я должна спасти его любой ценой. Я смогу сказать ему правду, как только вернусь домой.

— Хорошо, — тихо сказал Римо. Он поднял мою одежду с пола, его глаза на мгновение оказались на одном уровне с моим центром, прежде чем он выпрямился. — А теперь одевайся.

Я не понимаю, почему он не взял меня, когда было очевидно, как сильно он хотел меня. Он мог заполучить меня любым способом. Я бы не стала с ним бороться. Он мог послать предупреждающее сообщение, записав пытки Сэмюэля и мои крики и отправив видео моей семье. Ему не нужно было оставлять Сэмюэля в живых, чтобы доставить его.

Что еще ему нужно?

РИМО

Серафина предложила себя мне, но сделала это из за отчаяния, из за любви к брату. Не потому, что хотела. Она горячо любила своего брата, хотела защитить его любой ценой, как и я своих братьев. Я мог бы уважать это. Я никогда не восхищался девушкой на коленях больше, чем Серафиной.

Она тихо прошла за мной через особняк. Я мог бы попросить ее о чем угодно, но я не хотел, чтобы все так вышло. Отнюдь нет. Я открыл дверь камеры рядом с камерой Сэмюэля, и Серафина вошла.

Дверь в третью камеру распахнулась, и из нее вышел Нино, весь в крови, нахмутив брови при виде Серафины. Я закрыл дверь и посмотрел на него.

— Что происходит? — спросил он. Его глаза изучали мое лицо.

— *Римо.*

Я ухмыльнулся.

— Изменение планов.

Он придвинулся ближе.

— Мы его не отпустим.

— Отпустим.

Савио присоединился к нам в коридоре, его одежда тоже была залита кровью. Он ничего не сказал, только внимательно посмотрел на нас.

Нино покачал головой.

— Ты теряешь себя в игре.

— Вовсе нет. Я точно знаю, что делаю, Нино. Пытки и убийство Сэмюэля не произведут такого эффекта, как мой план. Он стал мучеником. Его смерть сблизит Данте и его семью. Они объединятся в своей потере. Но стыд и вина разорвут их на части.

— Так это не из-за Серафины?

— Конечно, это так. Она центр моей игры.

Нино снова покачал головой.

— Мы обещали Фабиано его отца, и я хочу, чтобы эта игра закончилась. Я хочу, чтобы она убралась из нашего особняка. Ускорь процесс.

— Некоторые вещи требуют времени.

— Твоя игра сильно изменилась с тех пор, как мы ее похитили. Ты уверен, что это потому, что ты думаешь, что это необходимо или потому, что она заставляет тебя?

— Она не заставляет меня ничего делать. Ты меня знаешь. Я не могу быть принужден чтобы что-либо делать.

— Я пошел к Киаре. Адамо отвел ее в наше крыло. У меня нет для тебя сегодня необходимого терпения.

Нино удалился. Савио поднял брови.

— Что сказал этот ублюдок из Наряда? — пробормотал я.

— Он был одним из молодых солдат. Член мафии из группы Сэмюэля. Судя по всему, у белокурого мудака уже есть довольно верные последователи в наряде Миннеаполиса.

— Полагаю, Данте и Пьетро Мионе не знали?

— Именно.

— Можешь идти. Я справлюсь один.

Савио колебался.

— Ты действительно уверен, что твой план сработает? Нино логический гений.

— Он не принимает во внимание эмоции. Эмоциональная война в данном случае гораздо эффективнее открытого насилия.

— Не так весело, если хочешь знать мое мнение.

Я покачал головой.

— О, мне весело, поверь мне.

Савио фыркнул.

— Пойду приму душ. У тебя есть все, что ты предпочитаешь для веселья.

Он неторопливо удалился, а я вошёл в камеру Сэмюэля. Его запястья и лодыжки были связаны, но глаза на окровавленном лице были открыты и полны ненависти.

— Ты гребаный ублюдок, — прохрипел он.

Я улыбнулся.

— На твоём месте я бы поостерегся оскорблений.

— Пошел ты, — выплюнул Сэмюэль. — Как будто все, что я говорю, имеет значение.

Ты все равно замучаешь меня до смерти.

Я опустился на колени рядом с ним.

— Не думаю, что это подходящее наказание для тебя, Сэм.

Ненависть в его глазах сменилась страхом. Он выгнулся.

— Не надо! Не смей к ней прикасаться.

Я выпрямился.

— Кто-то должен пострадать за это. И я знаю, что ты будешь страдать вдвое больше, если я причиню боль твоему близнецу.

— Нет! Пытай меня. Убей меня.

— К сожалению, это не вариант. Ты вернешься в наряд с воспоминанием о криках твоей сестры.

Сэмюэль замер.

— Нет, — выдохнул он. Я обернулся. — Римо! — он зарычал, но я закрыл дверь камеры.

Я вошел в камеру Серафины. Она была бледна и все еще так старательно горда и красива, что я позволил себе на мгновение восхититься ею.

Она наклонила голову ко мне, ее голубые глаза горели от волнения.

— Сэмюэль будет в безопасности?

— Клянусь честью.

Ее губы скривились, но она ничего не сказала.

— Надеюсь, ты сможешь меня убедить. Я хочу твои лучшие крики.

Ее глаза на мгновение сузились, давая мне гребаный пинок, как обычно. Это было намного лучше, чем ее отчаянная капитуляция.

Она закрыла глаза, грудь вздымалась, изящное горло сжималось.

Я хотел владеть этой девушки. Телом, душой и всем остальным, что она могла

предложить. Я чертовски горел желанием обладать ею всеми возможными способами.

Наконец Серафина закричала, и это было так чертовски реально, что мое тело отреагировало на звук, но не так, как обычно, не с волнением и трепетом охоты. Было что-то близкое к отвращению, наполняющему мое тело, слыша ее мучительные крики и воображая, что они были реальны.

Мои руки сжались в кулаки, мои мышцы напряглись, потому что глубоко скрытый инстинкт хотел, чтобы я защитил ее от того, что вызвало эти крики. К сожалению для нее, ничто не могло защитить ее от меня.

Я больше не мог этого выносить. Я подошел к ней и схватил за руку.

— Хватит, — прорычал я, тяжело дыша.

Серафина резко открыла глаза. Они изучали мое лицо, и на секунду позже, чем следовало, я понял, что она проникла глубже, чем кому-либо позволялось.

— Хватит, — повторил я дрожащим от ярости и смущения голосом.

— Хватит? — так тихо прошептала она. Звук был похож на гребаную ласку.

Может быть, я должен закончить это сейчас. Сделать, что сказал Нино, закончить эту гребаную игру. Избавиться от Серафины и Сэмюэля.

Я обхватил ее голову и прижался лбом к ее лбу. Она дрожала, ошеломленная.

— Может, мне убить тебя?

— Может быть, — выдохнула она. — Но ты этого не сделаешь. — я должен был возразить ей, но она была права и знала это. — Ты обещал.

Я отстранился от нее.

— И я сдержу свое обещание. Я отпущу твоего брата. Один из моих людей отвезет его и трупы в Канзас-Сити. Как он вернется на территорию Наряда оттуда его собственная проблема.

Она кивнула.

— Пошли, — приказал я.

Не прикасаясь к ней, я повел ее в спальню. Она подошла к окну и села на подоконник, прижав ноги к груди. Я остановился, держа пальцы на выключателе, затем опустил их, оставив комнату в темноте.

Серафина повернула голову и уставилась на меня. Она сидела на подоконнике, освещенная серебряным лунным светом. Она никогда не была так похожа на ангела, как в этот гребаный момент, и я понял, что нахожусь на опасном пути.

Ее шепот нарушил тишину.

— Интересно, чья игра опаснее, твоя или моя, Римо?

Г Л А В А 14

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Следующие пару дней Римо держался на расстоянии. Мы не ходили на пробежки, и Киара или один из его братьев приносили мне еду. Выражение его глаз, когда я кричала в подвале, было трудно описать, но я знала, что по какой-то причине это беспокоило его.

Сегодня утром Нино сообщил мне, что Сэмюэль вернулся в Миннеаполис. Я ему поверила. Римо обещал, и, несмотря на мои чувства к Капо, я знала, что он сдержит свое обещание. Я также знала, что Сэмюэль и моя семья страдали каждый день, когда я была здесь.

Нино обращался со мной еще холоднее, чем раньше — если это вообще было возможно.

У меня было чувство, что отношения между ним и Римо были напряженными из-за Сэмюэля. Нино, наверное, убил бы моего брата. Это было очевидное решение, которое выбрал бы Данте. Но Римо ... он непредсказуем. Жестокий. Свирепый. Я не понимала его.

Если бы он пытал и убил Сэмюэля, я бы возненавидела его, сделала бы все, чтобы убить его. Но он этого не сделал. Я боялась его мотивов, но больше ... я боялась, потому что извращенная часть меня была благодарна. Не знаю почему, но Римо сделал это из-за меня.

• — * — •

Было далеко за полночь, когда я услышала, как открылась дверь. Я не могла уснуть, в голове шумело от мыслей.

Лежа на боку, я смотрела, как высокая фигура входит в комнату. Я поняла, что это Римо, по тому, как он двигался, по его высокой фигуре, по копне черных волос.

— Ты проснулась, — тихо сказал он.

— Хочешь посмотреть, как я сплю?

Он придвинулся ближе. Его лицо было в тени, и мой пульс участился. Он опустился на край кровати, а я перевернулась на спину.

— Нет, — сказал он странным тоном. — Я предпочитаю, чтобы ты не спала.

Он склонился надо мной, одной рукой обхватив мое бедро.

— Чего ты хочешь? — пробормотала я.

— Я хочу, чтобы ты ушла.

Мои глаза расширились.

— Тогда отпусти меня.

— Боюсь, это не так просто.

Он наклонился ниже, а затем его ладонь коснулась моего живота и медленно соскользнула вниз. Я затаила дыхание, замерев в смеси шока и предвкушения. Он обхватил меня через одеяло и одежду. Прикосновение было легким, почти вопросительным, и я полностью застыла. Я ощутила покалывание в центре, и это пронзило меня ужасом, чем прикосновение Римо. Я хотела, чтобы он прикасался ко мне без барьера между нами, хотела ощутить вкус чего-то совершенно запретного, чего мне не позволялось хотеть.

Никто из нас ничего не сказал. Я знала, что парализует меня, но что удерживало Римо?

Он медленно выдохнул и встал. Не сказав больше ни слова, он исчез.

Господи, что происходит? С ним. Со мной. С нами обоими.

Этот ночной визит, похоже, как-то повлиял на Римо, потому что он вернулся к нашей прежней привычке водить меня на пробежки и прогулки по саду. Я не знала, радоваться мне или волноваться. Я почти скучала по нашим ежедневным спорам, потому что он воспринимал меня всерьез и был странно взволнован моим возвращением. Он не хотел, чтобы я была сдержанной леди. Отнюдь нет. Римо наслаждался хаосом и конфликтами. От его присутствия у меня перехватило дыхание.

Я искоса взглянула на Римо, который молча шел рядом со мной. Выражение его лица было суровым, темные глаза угрожающими. Я остановилась и через мгновение он тоже. Он прищурился.

— Почему ты на самом деле отпустил Сэмюэля? Я хочу знать правду.

Римо посмотрел на меня сверху вниз.

— Я думаю, ты забываешь, кто ты. Я не обязан говорить тебе правду. Я даже не должен тебе этих гребаных прогулок по саду. Ты моя пленница, Серафина.

Серафина?

— Как насчет Ангела? — возразила я.

Римо схватил меня за плечи.

— Осторожно. Я думаю, что обращение с тобой, как с ребенком дало тебе неверное представление.

— Думаю, у меня есть совершенно правильное представление.

Пальцы Римо сжались. Я подняла руки и прижала их к его груди. Мышцы напряглись от моего прикосновения. Римо опустил взгляд на мои руки и медленно поднял глаза. Выражение его лица оставило яростный след в моем теле. Ярость и желание.

Римо рывком притянул меня к себе, выбивая из меня воздух. Одной рукой он схватил меня за шею, а губами прижался к уху.

— Я не помню, чтобы ты отталкивала меня, когда я касался твоей киски несколько ночей назад, *Ангел*, — прорычал он.

Стыд нахлынул на меня, но хуже, намного хуже ... тоска.

— С каждым гребаным днем ты хочешь меня все больше. Я вижу это в твоих глазах, вижу в них борьбу. Тебе не позволено иметь меня, как мне не позволено иметь тебя.

— Ты Римо Фальконе. Ты Капо. Ты правишь Западом. Кто может помешать тебе заполучить меня?

Пробормотала я. Мой Бог. Что со мной не так?

Его пальцы скользнули по моей шее, ослабляя хватку, и он отстранился, чтобы встретиться со мной взглядом, и я пожалела об этом, потому что ярость в его глазах была как первый глоток воздуха после слишком долгой задержки дыхания.

— Единственная сила на земле, которая может остановить меня это *ты*. Ты единственная, кому я позволил бы это сделать, — сказал он мрачным голосом. Он поцеловал меня, скользя губами по моим.

— Сколько ты еще будешь?

Я хотела углубить поцелуй. Мои пальцы дрожали на груди Римо. Мне хотелось отвернуться от его темных глаз и в то же время утонуть в их власти. Я так много хотела, когда он был рядом. Вещи, которые мне всегда было запрещено хотеть.

Человек беспрецедентной жестокости. Мой похититель. Мой враг. Я отшатнулась, хрипя.

— Хочешь снова бежать? — мрачное веселье в его голосе было не таким убедительным, как обычно. Его голос звучал напряженно.

Я не хотела бежать, и в этом была проблема, потому что я должна была хотеть бежать от желания. Я сделала еще шаг назад.

Римо мрачно улыбнулся.

— Не думаю, что когда-либо видел, чтобы ты боялась меня так, как сейчас.

Напуганная. Я была в ужасе. Я повернулась и побежала к особняку. На террасе я столкнулась с Киарой, и нам пришлось схватиться друг за друга, чтобы сохранить равновесие.

Мои глаза встретились с глазами Нино — он стоял позади нее, как всегда — и на мгновение я была уверена, что он нападет на меня, но Киара отстранилась от меня.

— Эй, ты в порядке? — спросила она, касаясь моей руки и выглядя обеспокоенной.

Я отрывисто кивнула.

— Ты уверена? Римо что-то сделал?

Он? Или я? Линии становились размытыми. Римо был прав. С каждым днем все

усложнялось. Плен сломил меня, только не так, как я думала.

Взгляд Нино скользнул мимо нас. Я знала, кого он ищет.

— Нет, — прошептал я в ответ на ее вопрос.

Киара нахмурилась.

— Давай. Пойдем внутрь.

— Киара, — предупредил Нино.

— Нет, — твердо сказала она. — Это становится смешным. Серафина не причинит мне вреда.

Она взяла меня за руку и повела в дом, где толкнула на диван. Римо и Нино остались снаружи. Я слышала низкий гул их голосов. Это звучало так, словно они спорили.

Киара протянула мне стакан воды и села рядом.

— Это из-за твоего брата? Нино сказал, что ему разрешили вернуться в Наряд. Это хорошо, не так ли?

Я кивнула. Было хорошо. Мой брат. Моя семья. Наряд. Мой жених. Я была обязана всем им верностью. Я была обязана им сопротивлением и борьбой.

— Серафина?

Киара коснулась моего бедра. Я встретила ее сочувственный взгляд и коснулась ее руки.

— Я теряю себя.

Ее глаза расширились, а затем метнулись к французским окнам.

— Знаешь, я с самого начала ужасно боялась Римо. Но я увидела в нем черты, которые заставили меня понять, что он больше, чем жестокий и грубый.

— Римо самый жестокий человек из всех, кого я знаю. Он вне искупления.

Она грустно улыбнулась.

— Может быть, ему просто нужен кто-то, кто укажет ему путь к искуплению.

Я хрипло рассмеялась.

— Надеюсь, ты не думаешь, что это буду я. Единственный путь, который я ему покажу это дорога в ад. Я ненавижу его.

Киара сжала мое бедро, но ничего не сказала.

Я вздохнула с облегчением, когда Нино отвел меня в мою комнату, а не Римо.

Я провела пальцем по зажившему порезу на предплечье, желая, чтобы он был еще свежим, желая, чтобы Римо снова причинил мне боль. Более того, я жалела, что нуждаюсь в подобном напоминании, потому что Римо Фальконе был безнадежен. Мне не нужно напоминать.

• — * — •

На следующий день мы с Римо проделали самый долгий путь, несмотря на исключительно жаркое августовское солнце. Казалось, нам обоим нужно было сбросить накопившуюся энергию. Мы почти не разговаривали. Я старалась не думать о своей семье, которая страдала из-за того, что Римо отказался выдвигать новые требования. Чувство вины с каждым днем становилось все тяжелее. Чувство вины за то, что я не страдаю так, как должна.

Мои глаза заметили тень над нашими головами. Большая черно-белая птица с красной головой.

— Смотри, — выдохнула я. — Вот твое тотемное животное. Стервятник.

Римо остановился и рассмеялся. Настоящий смех. Не темный, насмешливый или жестокий.

— Приятно знать, что ты находишь меня таким отталкивающим.

Хотелось бы. Он достал из рюкзака бутылку воды и протянул мне. Боже, как бы мне хотелось найти тело Римо отталкивающим. Я сделала глоток воды и вернула ему бутылку.

— Когда ты собираешься попросить у моего дяди - Рокко Скудери? — я спросила отвлекая его и себя.

Лицо Римо окаменело, взгляд вернулся к небу.

— Стервятники ждут, когда их добыча упадет замертво. Я думаю, наряд почти на месте.

— Ты не можешь выиграть эту игру. Как только ты вернешь меня, наряд поднимется и нанесет ответный удар. Начнется бесконечная спираль насилия.

— Почему ты так говоришь, Ангел? Ты не хочешь, чтобы тебя вернули? Данило с нетерпением ждет, чтобы жениться и переспать с тобой.

Я следила за полетом большой птицы, гадая, каково это чувствовать себя свободной. Брак с Данило казался таким нереальным в тот момент, так далеко, когда я была уже меньше чем в сорока минутах от того, чтобы выйти за него замуж. Эта девушка в красивом белом свадебном платье с каждым днем чувствовала себя все более чужой.

Мой взгляд был прикован к руке, но кольца там не было. Впервые после помолвки с Данилой я забыла надеть кольцо утром.

• — * — •

— Один месяц, — напомнил мне Римо, ведя меня через сад.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что он имел в виду.

— С тех пор, как ты украл меня, — тихо сказала я.

Один месяц. Иногда казалось, что прошло так много времени, а иногда, как будто это было только вчера. Я никогда не думала, что переживу хоть один день в руках Каморры, в руках Римо Фальконе, а теперь пережила еще столько. Римо оказался терпеливее, чем я думала. Я была почти уверена, что моя семья и наряд уже достигли того момента, когда они передадут Скудери, даже если мой дед не одобрит. Он был стариком, близким к смерти.

Я устала на свои босые ноги в траве. В детстве я любила бегать босиком, но в конце концов прекратила, потому что мне сказали, что это недостойно. Ледяная Принцесса. Мне нравилось быть с ней на людях, даже если она не была отражением моего истинного "я". Это была та, кем я должна была быть как племянница Данте, как жена Данило.

Контролируемая. Величественная. Изящная.

Я поймала на себе взгляд Римо. Не контролируемый. Необузданными эмоциями. Яростной страстью.

Один месяц.

Я отвела глаза. Римо подвел меня ближе к особняку.

— Я хочу знать, что творится у тебя в голове, — сказал Римо.

Я была рада, что он не знал.

— Может быть, я скажу тебе, если ты расскажешь мне, что происходит в твоей.

Римо остановился.

— Сейчас я представляю, каково это спрятать лицо между твоих ног, Ангел.

Я замерла. Римо явно понравился мой шок, если судить по его ухмылке. У меня не было возможности возразить, потому что над нами раздался низкий стон.

Мои глаза метнулись к открытому окну, брови сошлись на переносице. Римо встал за моей спиной очень близко и слегка наклонился вперед, так что его лицо оказалось рядом с моим. Он кивнул на окно.

— Это спальня Нино и Киары.

Девушка снова застонала, покинутая, не контролируя звуки, полного удовольствия.

Я сделала шаг назад, но наткнулась на Римо, который не сдвинулся с места.

— Это звук, который издает девушка, когда мужчина ест ее.

— Ты отвратителен, — процедила я сквозь зубы, пытаюсь вырваться, но руки Римо обхватили меня сзади, удерживая на месте.

— Пожалуйста, — выдохнула Киара. — Пожалуйста, еще.

— Хочешь знать, почему я знаю, что Нино сейчас лижет киску? Потому что ты его не слышишь. Его лицо погружено в нее.

Стоны Киары стали громче, отчаянные, а затем она закричала.

Я хотела почувствовать отвращение, но мое тело отреагировало, услышав эти звуки. Тепло собралось у меня между ног.

— Ты когда-нибудь издавала этот звук, Ангел? — пробормотал он.

— Никогда. Но разве тебе не интересно, каково это быть переполненной таким удовольствием, чтобы заставить эти стоны сорваться с твоих губ?

Я перестала сопротивляться, но Римо не ослабил хватки. Его твердая грудь, теплая и сильная, все еще прижималась к моей спине.

— Язык между твоих бедер, облизывающий, сосущий. Разве ты не хочешь знать, каково это?

Я сжала губы, но ничего не могла поделать с струйкой влаги между бедер. Над нами раздались новые стоны. Киара, сопровождаемая более глубоким, более сдержанным стоном.

— Ты взрослая девушка, и все же ты никогда не кончала так сильно, чтобы потерять себя. У тебя никогда не было мужчины, похороненного между твоих бедер, пожирающего тебя.

Римо коснулся губами моего уха. Затем его язык скользнул по внешнему краю, пока не достиг мочки моего уха. Он обхватил ее, затем втянул между губ и слегка пососал, и я почувствовала это между ног. Он отпустил мочку моего уха и выдохнул. Что-то твердое впилося мне в поясницу. Я должна была отпрянуть с отвращением, но я была совершенно заморожена.

— Ты мокрая, Серафина? Мокрая для меня? — прошептал Римо мне на ухо, и легкая дрожь пробежала по моему предательскому телу, когда я услышала его голос.

— Я никогда не подчинюсь твоей воле, Римо, — хрипло прошептала я.

— Кто сказал, что я хочу, чтобы ты подчинилась, Ангел? Я хочу, чтобы ты отдала мне себя свободно, потому что ты хочешь, потому что это твой выбор. Ты когда-нибудь выбирала что-то только потому, что хотела? Не обращая внимания на последствия? Независимо от того, что от тебя ожидается? Всю свою жизнь ты подчинялась воле родителей, дяди, наряду и как только я тебя отпущу, ты подчинишься воле Данило.

Я ненавидела Римо, ненавидела его за то, что он имел смысл, ненавидела за то, что он пробрался мне под кожу. И я ненавидела себя за то, что позволила ему.

— Однажды ты поймешь, что никогда не была свободнее, чем в то время, когда была со мной. Что бы ты ни делала, никто из наряда не должен знать, и даже если они узнают, они не будут винить тебя, Ангел.

Я закрыла глаза, стараясь не обращать внимания на то, как приятно ощущать тело Римо рядом со мной, пытаюсь заблокировать стоны, нарастающие в крещендо, но про мой пульсирующий центр было трудно забыть.

Руки Римо, обнимавшие меня, двигались, пока его большой палец не коснулся нижней части моей груди. Я замерла, но не оттолкнула его, не произнесла ни слова протеста. Его рот нашел мое горло, покусывая, облизывая, кусая, и его рука скользнула под мою рубашку. Шершавые пальцы скользили по моей коже, все выше и выше, пока не достигли соска через кружево лифчика.

Мои губы приоткрылись от этого ощущения.

— Ты не прикажешь мне остановиться? — прошептал Римо мне на ухо, прежде чем его язык провел влажный след по моему горлу. Его свободная рука обхватила мою щеку и повернула мое лицо так, чтобы он мог атаковать мой рот всепоглощающим поцелуем. Его язык облизывал каждую щель моего рта, пробуя, поглощая, овладевая моими губами. — Лучше скажи мне остановиться, Ангел, потому что, если я не остановлюсь сейчас, боюсь, я вообще не остановлюсь.

Я едва слушала его слова, слишком захваченная ощущением его пальцев на моем соске, слишком ошеломленная стонами, раздающимися над нами.

Римо отпустил мое лицо и сосок, схватил меня за бедра и опустился на колени. Оглянувшись через плечо, я с ужасом увидела, что Капо стоит передо мной на коленях.

Он задрал мою юбку и укусил меня за ягодицу, затем скользнул языком по этому месту. Его ладонь обхватила мою другую щеку, крепко, собственнически разминая, прежде чем он скользнул вверх и просунул пальцы под ткань моих стрингов. Он сильно потянул, и промокшая ткань дернулась к моему центру и клитору. Я ахнула от удивления и удовольствия.

Римо усмехнулся, уткнувшись мне в ягодицу, потом провел языком по мягкой коже, продолжая тереть мои стринги. Как это могло быть так хорошо, так всепоглощающе прекрасно? Как могло ощущение ткани, трущейся о мою чувствительную плоть, вот так сбить меня с ног?

Римо потянул сильнее, и я выгнулась, прикусив губу, чтобы удержать звуки. Он засосал кожу моей ягодицы в рот и несколько раз сильно дернул за стринги. Волны тепла и покалывания распространились от моего центра к каждому нервному окончанию в моем теле. Я приближалась к чему-то невозможному, чудесному, умопомрачительному. Что-то, чего я никогда не чувствовала, даже близко.

Потом Римо опустил руку и выпустил мою кожу изо рта. Мне пришлось сдержать звук протеста. Схватив меня за бедра, Римо развернул к себе. Я уставилась на него. Он опустился передо мной на колени, его глаза были темными и властными, опасная улыбка играла на его губах.

Даже стоя на коленях у моих ног, Римо источал доминирование, контроль, власть. Глядя на него, я все еще чувствовала себя той, которую он поставил на колени.

Я сузила глаза, желая отойти от него. От его насилия и тьмы, которая, казалось, притягивало меня, как подводное течение.

Словно почувствовав мое сопротивление, Римо крепче сжал мои бедра и наклонился вперед, нежно целуя мои белые трусики прямо над пульсирующим бугорком. Моя рука полетела вперед, сжимая его мускулистые плечи, чтобы не упасть.

Его глаза пронзили меня насквозь своей интенсивностью, когда он прислонился своей шершавой щекой к моему бедру, его рот был близко к моему центру.

— Я чувствую запах твоего возбуждения, Ангел, — сказал он хриплым голосом, который прошел по моему телу, как электрический разряд.

Пока я смотрела, он ухмыльнулся, приоткрыл рот, высунул язык и провел им по маленькой ложбинке, где мои трусики прилипли к моим складкам. Я начала дрожать.

— Ты позволишь мне стянуть с тебя трусики и попробовать твою киску?

Я ничего не сказала. Не да, но хуже. Хуже того ... я не сказала "нет". Потому что я хотела. Я хотела Римо, никогда не хотела ничего большего.

РИМО

Серафина смотрела на меня с ненавистью, но не сопротивлялась, когда я зацепился пальцами за пояс ее стрингов. Я подождал пару ударов сердца, наслаждаясь ее молчанием, купаясь в ее капитуляции.

Я стянул с нее трусики. Она вздрогнула, но подняла ноги, чтобы снять трусики. Я задрал ей юбку.

— Подними ее, Ангел.

Ее изящные пальцы обхватили подол юбки, и она прижала ее к своему плоскому животу.

Я был на уровне глаз с ее киской. Подстриженные волосы над клитором блестели от сока, а губы распухли от возбуждения. Я наклонился, вдыхая ее пьянящий аромат. Прежде чем похитить Серафину, я обдумывал различные сценарии того, как покорю ее, сломаю, но этого среди них не было. Должен признаться, мне это очень понравилось.

Я провел шершавыми ладонями по ее гладким бедрам. Она дрожала, но не от страха, а черт ... с Серафиной я предпочитал любые эмоции, кроме страха.

Мои большие пальцы погладили ее мягкие складки и раздвинули их, открывая ее маленький бугорок. Она судорожно вздохнула, лицо ее выражало одновременно страх и ожидание.

— Мой рот будет первым, кто попробует твою киску, я буду очень внимательным, Ангел.

Я наклонился и легонько лизнул ее клитор. Она прикусила губу, подавляя звук. Она закрыла глаза, ее щеки пылали. Я отодвинулся на пару дюймов.

— Да, не смотри, мой ангелочек. Может, тебе удастся притвориться, что я кто-то другой.

Ее глаза яростно распахнулись, и она посмотрела мне в глаза. Она больше не отворачивалась.

Я нырнул с маленькими, нежными облизываниями, проверяя, как она отреагирует. Поток ее сока был моей наградой. Я никогда не был с девственницей или с кем-то неопытным, и я не опускался вниз к девушки годами, тем более никогда не был нежен ни с одной. Это был новый опыт, но я обнаружил, что мне нравится.

Мой член пульсировал каждый раз, когда мой язык погружался между ее губ, от ее входа до клитора. Я пробовал на вкус каждую часть ее сладкой киски, прослеживал гладкую внутреннюю поверхность ее губ, ее входа, зная, что мой член скоро потребует эту часть ее.

Серафина задрожала, ноги начали подгибаться.

— Держись за стену, — приказал я, и она подчинилась без возражений, наклонившись вперед, ее руки упирались в грубый фасад, золотые волосы закрывали ее лицо, когда она смотрела на меня, пока я ел ее киску. Мои зубы слегка задели ее клитор, и она дернулась, издав тихий стон.

Я коснулся внутренней стороны ее колена и раздвинул. Она раздвинула ноги, пока они не оказались в форме V надо мной.

Я наклонил голову вверх, мои руки обвились вокруг ее бедер и крепко притянули ее к моему рту и слегка пососали каждую складочку, прежде чем я сомкнул губы вокруг ее клитора. Она начала раскачиваться у моего лица почти отчаянно, и я выполнил ее молчаливое требование, практически зарывшись в ее киску, лаская ее, погружаясь в ее напряженность.

Затем ее губы приоткрылись, брови сошлись на переносице от шока и удивления, и она напряглась.

Мои глаза упивались выражением ее лица, дикой страстью на ее идеальных чертах, шоком, покорностью, восторгом. Собственничество не было одной из моих черт характера, потому что я владел всем, что имело значение, но, видя Серафину в муках ее оргазма и зная, что я был первым мужчиной, который дал ей это, я чувствовал себя чертовски собственником. Она была моей душой и телом, и будет, пока я не решу освободить ее.

Я ухмыльнулся, когда ее киска пульсировала. После еще одного долгого облизывания, я прислонился головой к шершавому камню и облизал губы. Понимание наполнило глаза Серафины, и ее лицо исказилось от ужаса и стыда.

Я мрачно улыбнулся. Она покачала головой, отступая назад, дергая юбку, пока она снова не накрыла ее киску.

Я остался на земле, мой член пульсировал в штанах, мой подбородок был покрыт ее соками, и мое тело распухло от сладкого триумфа.

— Беги, *Ангел*. Беги от того, что ты сделала, — пробормотал я с мрачной улыбкой, и Серафина сделала это. Она развернулась, светлые волосы взметнулись в воздух, и умчалась.

Никто лучше меня не знал, что ты не можешь убежать от того, что сделал.

Я поднялся на ноги, вытер подбородок тыльной стороной ладони и отправился на поиски Ангела. Она получила удовольствие; теперь пришло время что-то вернуть.

Я не хотел меньшего, чем каждую ее частичку. Ее невинность, ее сердце, ее душу, ее тело. Ее чистоту и ее тьму.

Я бы взял все.

Г Л А В А 15

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Я никогда раньше не испытывала такого острого чувства стыда. Я не останавливалась, пока не добежала до спальни и не закрыла дверь, но даже тогда я продолжила бежать в ванную, хватая свою одежду, нуждаясь в ней. Я бросила их на пол, все, кроме моих стрингов, которые все еще были с Римо.

Что я наделала?

Я включила душ и скользнула под струи теплой воды, протирая себя, протирая между ног, но теплое, влажное, пульсирующее ощущение осталось. Это никуда не делось. Я прислонилась к стене. Я позволила Римо прикоснуться ко мне губами, проникнуть языком внутрь, и мне это понравилось.

Мое тело гудело от остатков удовольствия, далекое воспоминание, которое мое тело жаждало освежить. Я никогда не испытывала подобных ощущений. Хуже того, слова Римо оказались правдой.

Никогда еще я не чувствовала себя так свободно, как в тот момент, когда Римо был у меня между ног и доставлял мне удовольствие. Это было потрясающе, освобождающе и совершенно неправильно. Всю жизнь меня учили быть честной, делать то, что от меня

ожидают, сегодня я пошла против всего этого.

Высокий и смуглый, Римо появился в дверях, чтобы забрать свою добычу. Его глаза блуждали по моему обнаженному телу, и я сделала то же самое.

Он был жестоким и извращенным. Без искупления. Жестокая привлекательность, запретное удовольствие, обещанная боль. Он должен был вызвать у меня отвращение, но не вызвал. Не телом и не всегда природой.

Я выключила воду, испугавшись того, что он хотел, совершенно испугавшись того, что хотела я. Это была его игра в шахматы; он был королем, а я пойманной в ловушку королевой, которую нужно было защитить. Он переместил меня на позицию для своего последнего хода — убийства. Шах.

Он начал расстегивать рубашку, потом сбросил ее. Он подошел ближе и остановился прямо передо мной.

— Ты всегда смотришь на меня, как на что-то, к чему хочешь прикоснуться, но не можешь. Кто тебя сдерживает, *Ангел*?

— Меня ничто не сдерживает. Я не хочу, — пробормотала я с фальшивой бравадой, ложь звучала громко и ясно.

— Неужели это так? — тихо спросил Римо. Он потянулся к моей руке, и я позволила ему. Пусть он положит мою ладонь на свою сильную грудь, пусть опустит ее ниже, по твердым линиям мышц, по грубым шрамам. Он положил мою ладонь себе на пояс и отпустил.

— Разве ты не хочешь хоть раз освободиться от оков общества? Сделать что-то запретное?

Больше всего на свете мне хотелось, чтобы его кривая улыбка исчезла. Я схватила его за пояс и потянула к себе, сердито, отчаянно, потому что я падала, уже потерянная, довольная тем, что потеряла себя.

Его губы обрушились на мои, язык доминировал над моим ртом, руки грубо прижимались к моей заднице. Он рывком поднял меня и прижал к себе так, что его эрекция прижалась к моему центру.

Я ахнула, и он проглотил мой звук губами.

Мои пальцы вцепились в его пояс, испуганные и любопытные. Римо поймал мой взгляд, полный голода и жестокости. Он оторвался от моих губ, прижимая меня к стене.

— Будь храброй, Ангел.

Я вцепилась пальцами в его ремень и, не сводя с него глаз, расстегнула пряжку. Звон был звуком падения моей последней стены. Схватив его за молнию, я медленно потянула ее вниз, испуганная и возбужденная. Затем я сделала паузу. Римо наклонился, его губы коснулись моего уха.

— Я не терпеливый человек. Ты играешь с огнем.

Заставив себя успокоиться, я повернула лицо, приблизив губы к его уху.

— О, Римо, я буду твоим первым ангелом. Терпение это добродетель, и ты будешь вознагражден за это.

Я поцеловала его в ухо и провела языком по краю.

Он выдохнул и отстранился, чтобы посмотреть мне в лицо, и от его взгляда у меня чуть не подкосились колени. На секунду я его поймала. Я держал вожжи самого жестокого, самого могущественного человека на Западе, и это было захватывающе. Но Римо не был бы Римо, не был бы Капо, если бы не знал, как вернуть свою силу.

Он схватил штаны и стянул их вместе с боксерами. Его эрекция высвободилась, и Римо прислонился к стене, положив руки по обе стороны от моей головы.

Я посмотрела на него и прислонилась к стене. Он был длинный, толстый и невероятно твердый. Я отвела взгляд, но Римо пронзил меня пронзительным взглядом.

Мои щеки пылали, и Римо улыбнулся, наклоняясь вперед и проводя языком по моей разгоряченной скуле.

— Скажи мне, Ангел, какова будет награда за мое терпение?

Я встала на цыпочки, обхватила Римо за шею и прижалась к нему. Его твердость терлась о мой обнаженный живот, и он застонал низким, опасным звуком.

— Что-то запретное. Что-то, что ты не должен был получить.

Тело Римо напряглось, он запрокинул мою голову, его губы коснулись моих.

— Что-то, что ты обещала кому-то другому?

У меня перехватило горло, но Римо крепко поцеловал меня, не давая сосредоточиться. Он закинул одну из моих ног себе на бедро, раздвигая меня. Его пальцы коснулись моего центра, а затем два пальца проникли в меня. Боль пронзила меня. Я оторвалась от его рта, напрягаясь, сдавленный звук вырвался из моего горла.

Римо замер, его пальцы глубоко проникли в меня. Он отстранился с намеком на удивление на лице, затем оно исчезло. Он смотрел на меня пристально, почти с любопытством. Моя грудь вздымалась, когда я пыталась привыкнуть к растянутому ощущению его пальцев во мне. Римо коснулся своим лбом моего.

— Думаю, ты был права, ангел, моя награда того стоит.

Гнев затопил меня.

— Тебе понравилось делать мне больно? — прошептала я.

Римо поцеловал меня в губы.

— Это не я делаю тебе больно. Это я пытаюсь не навредить тебе. Ты поймешь, когда я захочу причинить тебе боль.

Он вытащил пальцы и сунул их обратно. Мои мышцы прижались к нему, и я выдохнула. Он выдержал мой взгляд, устанавливая медленный ритм. Я прислонилась головой к стене, не отводя глаз.

Темные глаза Римо затягивали меня все глубже и глубже в свою бездну. Удовольствие медленно сменило чувство растянутости.

Я начала покачивать бедрами, заставляя эрекцию Римо тереться о мой живот. Его дыхание стало глубже, но он продолжал погружать пальцы в меня в медленном темпе, наблюдая за мной, его другая рука цеплялась за мое бедро. Глубокая пульсация распространилась от моего центра, и я задохнулась, и на этот раз не от боли. Большой палец Римо щелкнул по моему бугорку, и я раскололась изнутри на тысячи частиц, наполненных ощущениями.

Римо смотрел на меня жадно, почти благоговейно, и я улыбнулась, сама не зная почему. Я все еще не оправилась от кайфа, когда Римо вынул пальцы и схватил меня за другое бедро, приподнял и прижал спиной к стене, зажав между собой и своей грудью. И я знала, чего он хочет. Мои руки взлетели к его груди, сопротивляясь. Когда его эрекция коснулась внутренней поверхности моего бедра, я ахнула.

— Нет! — темные глаза Римо метнулись ко мне, злые, недоверчивые ... но он сделал паузу. — Не так, — тихо сказала я.

— Только не у стены.

Это произойдет на моих условиях, а не на его. Гнев уменьшился.

— Ты права, — мрачно сказал он. Он поднял меня выше, так что мои ноги обхватили его за талию, а мой центр прижался к его. Затем он вышел со мной из ванной в спальню. — Я трахну тебя на кровати, Ангел. По этому случаю я постелил белые простыни. Как жаль было бы, если бы я не запачкал их твоей кровью.

Шок и негодование пронзили меня, потому что я поняла, что мои простыни были белыми уже несколько дней, но потом Римо поцеловал меня. Я сердито впила ногтями в его плечи и боролась с его языком.

Мы потянулись, поцеловались и вдруг оказались на кровати. Римо встал на колени у меня между ног, раздвинул их еще шире, его рот впился мне в горло, и я замерла, мягкая, испуганная. Вот оно.

Римо замер надо мной и поднял голову. Наши глаза встретились. Я не знаю, что он увидел в моих, но он обхватил мою щеку, напугав меня. Его поцелуи стали легкими, нежными, почти заботливыми. Такими неправильными. Это был не Римо. Это была ложь.

— Тише, Ангел. Я буду нежен.

Его пальцы гладили мою грудь, мой бок, о, так нежно, и его рот ... его рот осыпал меня любовными поцелуями. Хотя я знала, что это ложь, знала, что должна оттолкнуть его, сопротивляться, но я поцеловала его в ответ. Потеряна, потеряна, потеряна.

Римо прижал наши тела друг к другу, перемещаясь, и тогда я почувствовала легкое давление на свой вход.

Я ахнула и напряглась. Римо наблюдал за моим лицом, полным решимости, и его глаза ... они успокоили мою нерешительность, мой страх, любой протест, который я могла бы придумать.

Он скользил в меня медленно, дюйм за дюймом, никогда не принимая больше, чем мое тело могло дать, но все же он, казалось, разрывал меня на части. Медленное завоевание, но все же завоевание. Я ожидала жестокости и грубости. Я желала этого. Но этот кроткий Римо пугал меня больше всего. Он не позволил мне сбежать, даже единственным способом. Он хотел поглощал меня глазами.

Он полностью погрузился в меня, а затем остановился, когда я задрожала от силы вторжения. Его темные глаза говорили то, что я знала с самого начала.

Он овладел мной. Он *обладал* мной.

Я была королевой.

Он был королем.

Шах и Мат.

РИМО

Это была окончательная победа над нарядом. Они еще не знали этого, но скоро узнают. Серафина дрожала подо мной, ее мраморные щеки пылали, губы приоткрылись. Ей было больно, и почему-то мне это не нравилось, потому что я старался не делать ей больно. Я отдавал боль добровольно, сознательно, свободно. Не случайно.

Я держал себя неподвижно, удовлетворенный ощущением ее крепких стенок, безжалостно сжимающих мой член. Я был в гребаном экстазе, чувствуя, как вокруг меня скользит, и зная, что это ее девственная кровь. Самая сладкая награда за мое терпение.

Мои глаза блуждали по совершенным чертам Серафины, и ее голубые глаза встретились с моими, ища, удивляясь. Я медленно вышел из нее, распознав признаки боли на ее лице, затем толкнулся еще медленнее.

Я медленно покачивал бедрами, стараясь держать движения под контролем. Ее лицо искажилось от боли и удовольствия, и я наклонил бедра, чтобы увеличить последнее. Она ахнула от удивления. Я поддерживал медленный ритм. Терпение не было моей сильной стороной, но я знал, что этот приз тоже того стоит.

Она снова ахнула. Ее бледно-голубые глаза поднялись на меня, вопросительно, смущенно и испуганно. Боясь моего внимания, моей мягкости. Она не ожидала этого от меня, смирилась со своей судьбой. Она приготовилась к тому, что я трахну ее, как животное. Она ожидала агонии и синяков, унижения и жестоких слов. Она подготовилась к этому, пообещала себе бороться со мной.

Это было то, к чему она не была готова, с чем она не могла бороться, потому что слишком отчаянно нуждалась в этом. Она была гордой и благородной, но она все еще была только защищенной девушкой. Проявлять доброту все равно что давать ей воду в засуху.

Это было что-то новое для меня. Я трахался жестко. Девушки были удовольствием и деньгами. Сделкой и бременем. Им не позволялось быть чем-то большим.

Она застонала, ее мраморные щеки вспыхнули. Она приближалась. Я наклонился к ее губам, скользнул языком внутрь, пробуя эту безупречную сладость.

Мои пальцы скользнули по ее боку, по тонким ребрам к выпуклости груди. Она снова ахнула. Я провел большим пальцем по ее соску, прикосновение было мягким, потому что ей это нравилось, такой же неопытной, как и она сама. Скоро она поймет, что боль и удовольствие хорошо сочетаются.

Я просунул руку между нами и провел двумя пальцами по ее клитору. Она вздрогнула, и я повторил это движение и стал двигать бедрами быстрее, заставляя ее выдыхать один изумленный вздох за другим. Я закинул ее ногу себе на спину, изменил угол наклона и скользнул немного глубже в нее.

Она вскрикнула и запрокинула голову, обнажив изящную шею. Боль и удовольствие. Я не мог отвести глаз от ее лица, когда она задыхалась, всхлипывала и стонала.

Ее взгляд снова встретился с моим. Она почти не отворачивалась. Она была первой девушкой, которая осмелилась выдержать мой взгляд, пока я трахал ее, первой девушкой, которой я позволил это сделать. Мои пальцы скользили по ее клитору, когда я погружался в нее глубокими контролируемыми движениями снова и снова.

Я хотел получить свой приз, хотел вырвать его из ее дрожащего тела, хотел, чтобы она полностью сдалась.

Ее плотные стенки сомкнулись вокруг моего члена, когда она кончила подо мной. Я сомкнул губы на идеальной коже ее шеи и прикусил, желая оставить свой след. Мой ангел. Она напряглась и задрожала еще сильнее.

Я наклонился.

— А ты думала, что я не буду владеть тобой, Ангел, — тихо сказал я и поцеловал ее в ухо.

Она посмотрела на меня, стыд и ненависть смешались на ее идеальных чертах. Ее холодные, гордые глаза пылали эмоциями, которые я вызвал.

— Теперь, когда мы покончили с этим, почему бы мне не трахнуть тебя так, как я хотел с самого начала? — я сказал, понизив голос.

Серафина была шахматной фигурой.

В ней мелькнул страх, но я не дал ей времени обдумать мои слова. Она была скользкой вокруг моего члена.

Я выскользнул из нее и вошел в нее одним сильным толчком. На этот раз она задохнулась от боли. Я одобрительно промычал. Вскоре я нашел темп, который был достаточно быстрым, чтобы быть болезненным, но не настолько подавляющим, чтобы она не чувствовала темного обещания удовольствия за ним.

Она закрыла глаза.

— Нет, — прорычал я, давая ей гораздо менее сдержанный толчок, показывая ей, что я все еще сдерживаюсь.

Она посмотрела на меня с ненавистью и отвращением. Я завладел ее ртом, становясь еще тверже под напором ее эмоций. Ненависть это хорошо.

Я засосал ее сосок в рот, и она напряглась. О да. Чертова Серафина оказалась лучше, чем обещало мое воображение.

— Не могу дождаться, когда отправлю эти простыни Данило и твоей семье, — прохрипел я, касаясь ее влажной кожи.

Она вцепилась мне в спину, и я застонал, мой член дернулся. Она боролась с удовольствием, цеплялась за боль, даже предпочитая ее.

Я протянул руку между нами, нашел ее комочек и щелкнул по нему пальцем. Она сильнее сжала мой член, заставляя мои глаза закрыться от ослепляющего удовольствия.

— Если ты прекратишь бороться с удовольствием, это будет менее болезненно, Ангел, — пробормотал я в ее розовый сосок, прежде чем засосать его обратно в рот. Я вошёл глубже, чем раньше, все еще не так сильно и глубоко, как мне хотелось, но Серафина захныкала. Я поднял голову. Она прикусила губу, сдерживая звук.

— Отдайся удовольствию. Оно того стоит.

Она бросила на меня полный ненависти взгляд, но не отстранилась, когда я поцеловал ее в губы и скользнул языком внутрь. Она скорее будет страдать от боли, чем перестанет бороться с удовольствием. Гордая и сильная. Решив не давать мне еще один из ее сладких оргазмов. Я завладел ее ртом, жестко и быстро, когда мой член входил ее тугой центр.

Я решил позволить ей эту маленькую победу. Я уже выиграл приз и войну. Я расслабился, подчиняясь давлению в яйцах. Я вошел в нее в последний раз, а затем выстрелил в нее спермой с сильной дрожью.

Я смотрел ей в глаза, когда заявлял права на ее тело.

Она была моей. Я не мог дождаться, когда Каваларо и ее жених узнают.

Г Л А В А 16

СЕРАФИНА

Римо вышел из меня, и я вздрогнула, резко втянув воздух. Я перекатилась на бок, подальше от него, но стыд остался со мной. Римо откинул мои волосы и поцеловал в шею, потом слегка прикусил, и я вздрогнула.

— Теперь ты моя, Ангел. Я владею тобой. Даже если я когда-нибудь отпущу тебя, ты все равно будешь моей. Ты всегда будешь помнить этот день, и в глубине души ты всегда будешь знать, что ты моя и только моя.

Я закрыла глаза, пытаюсь сдержать слезы, борясь с ними, удерживая самообладание силой воли.

Простыни зашуршали, когда Римо вылез из постели, и я не оглянулась, чтобы посмотреть, что он делает. Я услышала, как в ванной течет вода.

Он вернулся через несколько мгновений и провел пальцами по моему позвоночнику, затем снова вверх, прежде чем схватил меня за плечо и перевернул на спину. Мои глаза нашли его. Он раздвинул мои ноги, его глаза изучали мои бедра, покрытые кровью.

Не отрывая глаз от моего лица, он встал на колени между моих ног. Я напряглась, смущенная, но слишком ошеломленная, чтобы действовать.

С мрачной улыбкой он наклонился вперед и провел языком по моему бедру, слизывая кровь. Я застыла. Он провел пальцем по моей ноге и обвел им мой вход. Я напряглась. Мне было больно, но Римо очень медленно ввел в меня палец.

Его темные глаза встретились с моими, и через мгновение он осторожно вытащил палец, теперь скользкий от моей крови. Ужасное подозрение закралось в мою голову, и он доказал свою правоту. Римо сунул окровавленный палец в рот и криво улыбнулся.

— Вкус крови никогда не вызывал у меня отвращения, а твоя девственная кровь слаще всего остального.

Мой нос сморщился от отвращения, и стыд согрел мои щеки.

Римо спокойно посмотрел на меня, вынимая палец изо рта. Он погладил меня по внутренней стороне бедер и опустился на живот между моих ног.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Римо поцеловал меня в центр.

— Заявляю на свой пропавший приз.

Я хотела оттолкнуть его, но он схватил меня за запястье и прижал к бедру. Его рот мягко двигался по мне, затем его язык. Он был так нежен, что мое тело ответило, несмотря на мою боль. Удерживая мой взгляд, он снова и снова проводил языком по моему входу. Затем он сомкнул губы на моем клиторе и начал мягко сосать.

Я застонала, не в силах сдержаться. Римо улыбнулся мне. Я перестала сопротивляться и погрузилась в матрас, мои ноги раздвинулись еще больше. Римо продолжал мягко прикасаться языком и ртом, но слегка отстранился.

— Вот так. Позволь мне заставить тебя забыть боль.

И он это сделал. Все еще ощущалась тупая боль, но каким-то образом она усиливала каждый всплеск удовольствия, который доставлял мне язык Римо.

— Посмотри на меня, — приказал Римо, касаясь губами моих складок.

Я встретила его взгляд и начала дрожать, когда мое сердце сжалось. Боль и удовольствие смешались, когда язык Римо коснулся моего бугорка. Мои губы приоткрылись, и я закричала, не в силах сдержаться. Глаза Римо вспыхнули триумфом, и он прижался ближе к моему центру, пожирая меня. Я забила под ним, задыхаясь. Это было болезненно и умопомрачительно приятно. Я была разорвана на части и снова собрана вместе.

Я рухнула на кровать, покорная, измученная, мое тело пульсировало от боли и остатков оргазма. Римо остался между моих ног, но его язык замедлился. Его пальцы раздвинули меня, и он облизал мой вход. Я застонала, когда это вызвало еще один после шок. Все было неправильно и грязно. В последний раз поцеловав мой клитор, Римо перелез через меня и завладел моим ртом. Вкус крови и собственных соков заставил меня содрогнуться.

— Боль и удовольствие, — прохрипел он. — Что ты предпочитаешь, Ангел?

Стыд обрушился на меня тяжело и быстро.

— Ненавижу тебя.

Римо мрачно улыбнулся и оттолкнул меня.

— На тумбочке есть салфетка.

Его эрекция и бедра были испачканы моей кровью, но он не потрудился прикрыться, когда вышел из комнаты, оставив меня одну.

Дверь захлопнулась.

Я села, снова поморщившись. Мои глаза были прикованы к простыням, и я снова закрыла глаза. Это должно было случиться в первую брачную ночь. Считалось, что это привилегия Данило, и я отдала ее, потому что это было именно так: давать, а не брать. Я встала и медленно пошла в ванную. Боль была даже не худшей частью. Даже близко. Это был стыд, вина за то, что я позволила случиться.

Я вошла в душ и включила его. Вода была горячей, на грани боли, но это было приятно. Я прислонилась к стене и медленно опустилась вниз. Прижав ноги к груди, я плакала, потому что Римо был прав: то, что я сделала сегодня, я никогда не забуду. Даже если я вернусь в наряд, как я смогу снова встретиться со своей семьей? Как я могла встретиться лицом к лицу с Данило, моим женихом, человеком, которому была обещана?

Я не знала, сколько времени просидела так, когда Римо вошел в ванную. Я не подняла глаз, только боковым зрением увидела его ноги. Он подошел ближе, и вода остановилась. Он присел передо мной. Я по-прежнему не поднимала глаз. Мое горло и нос были забиты от слез, и я начала дрожать без тепла воды.

— Посмотри на меня, — приказал Римо. — Посмотри на меня, Серафина.

Когда я отказалась выполнить его просьбу, он взял меня за подбородок и приподнял его так, что наши взгляды встретились. Его темные глаза изучали мое лицо. Я не могла прочитать эмоции в его глазах.

— Если это поможет, попытайся убедить себя, что я изнасиловал тебя, — тихо прошептал он. — Может быть, ты начнешь верить в это.

Ничто не ранило сильнее, чем слова Римо. Ему не нужен был нож, чтобы заставить меня истекать кровью. Я уставилась на него, желая возненавидеть его всем своим существом, но крошечная, ужасная часть меня этого не делала, и именно эту часть я презирала больше, чем когда-либо могла ненавидеть Римо.

РИМО

Взяв Серафину, я оставил ее в постели. Мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Я пошел в спальню и надел трусы, но не стал мыть лицо и бедра. Был поздний вечер, так что Киара все еще должна была быть в своей спальне с Нино.

Я все еще ощущал вкус Серафины, сладкий и металлический. Самый сладкий триумф в моей жизни.

Черт. Эта девушка ...

Я налил себе виски, затем прислонился к барной стойке, помешивая жидкость в стакане, чертовски не желая смывать ее вкус.

Воспоминание все еще ярко горело. Это был момент, к которому я стремился, был терпелив. Впервые в жизни я был терпелив.

Твоя награда того стоит.

Я буду твоим первым ангелом.

Серафина была намного больше, чем я надеялся. Она была великолепна, от нее захватывало дух. Даже менее достойные мужчины убили бы за то, чтобы такая царственная особа, как она, оказалась в их постели всего один раз. У меня чуть не появился стояк при мысли о том, как Данило будет чувствовать себя, видя простыни с девственной кровью Серафины на них, как остро он будет чувствовать потерю чего-то, чего он желал издалека в

течение многих лет, что-то, что почти было в его досягаемости, только чтобы быть болезненно вырванным из него. Этого было достаточно, чтобы привести в ярость даже самого сдержанного человека. И ее отец и брат ... для них это было их величайшим провалом.

— От твоей улыбки у меня мурашки по коже, — пробормотал Савио, входя в комнату, пахнувший духами и сексом.

— Думаю о следующем сообщении для Данте, — сказал я, поставив стакан на стол, не сделав ни глотка. Мысль о том, чтобы избавиться от вкуса Серафины, была невыносима.

Савио скользнул взглядом по моим бедрам, залитым кровью Серафины, потом по лицу. Он скрестил руки на груди.

— Либо ты покалечил котенка и растер лицо и пах всей добыче, либо у тебя была неприятная встреча с девственной киской.

Что-то темное и собственническое обожгло мою грудь, когда я услышал, как он говорит о Серафине.

— Она больше не девственница.

Савио с любопытством посмотрел на меня, потом покачал головой и недоверчиво рассмеялся.

— Ты действительно заставил ее добровольно лечь с тобой в постель. Черт, Римо, ты, должно быть, свел с ума эту девчонку.

Я усмехнулся.

— А завтра я искупаюсь в своем триумфе и пришлю Данте простыни.

Савио рассмеялся, подошел ко мне и осушил стакан, который я налил себе.

— Для твоего извращенного ума и всего извращенного дерьма, которое он придумывает. Ты хотел сломать ее, и ты сломал ее.

Я оставил его стоять там, не в настроении больше говорить о Серафине. Мое тело жаждало ее, большего. Всего.

Войдя в спальню, я обнаружил, что кровать пуста, если не считать испачканных простыней. Я пошел на звук льющейся воды в ванную.

Серафина скорчилась под душем, и это зрелище вызвало неприятный укол в груди. Я выключил воду и опустился перед ней на колени.

— Посмотри на меня, — сказал я. — Посмотри на меня, Серафина.

Ее голубые глаза выражали боль и вину, когда я заставил ее поднять лицо.

— Если это поможет, попробайся убедить себя, что я изнасиловал тебя, — пробормотал я. — Может быть, ты начнешь верить в это.

Ненависть вспыхнула в ее глазах, и на этот раз это не вызвало у меня трепета.

Я встал, расстроенный реакцией своего тела. Я вернулся в спальню и снял с кровати простыни, не желая, чтобы они были испорчены. Серафина, вероятно, попытается сжечь их, чтобы уничтожить любые доказательства того, что мы сделали, но она не могла сжечь память. Прежде чем вернуться к Серафине, я выбросил их в коридор. Теперь она стояла, вцепившись пальцами в край душевой кабинки, прижав другую руку к животу. Она сделала шаг, поморщившись.

Я придвинулся ближе, и ее взгляд метнулся к моим окровавленным бедрам. Она поморщилась.

— Почему бы тебе не помыться?

— Потому что я хочу помнить.

— А я хочу забыть, — отрезала она.

— Ты должна признаться в своих действиях, Ангел. Ты не можешь убежать от них, — сказал я, останавливаясь перед ней.

Ненависть закружилась в ее голубых глазах, но не вся она была направлена на меня.

— Уходи. — я прищурился. — Уходи! — прохрипела она.

— Тайленол поможет тебе справиться с болью.

Я повернулся и пошел к двери.

— Я не хочу, чтобы боль ушла. Я заслужила этого, — пробормотала она.

Я остановился в дверях и бросил взгляд через плечо, но Серафина не смотрела на меня.

Она смотрела в пол.

Я вышел из ванной, взял новые простыни из шкафа и бросил их на кровать, прежде чем выйти и запереть дверь спальни. Сунув сброшенные простыни под мышку, я поколебался. Я не мог точно сказать, что именно, но что-то не устраивало меня. Игнорируя это ощущение, я спустился вниз.

Нино преградил мне путь, когда я направился в игровую комнату. Он тоже был в одних трусах. Его глаза скользнули вниз к испачканным простыням, затем ниже к моим бедрам, прежде чем он поднял брови.

— Не думаю, что это менструальная кровь.

— Вовсе нет. Это падение Данте.

Нино последовал за мной в той раздражающей, задумчивой манере, которая была у него, когда он не одобрял то, что я делал.

— Не только его падение.

Я прошел в кабинет. Офис нашего отца. Это была одна из немногих комнат, которые мы оставили, но ни один из нас не работал в ней. Я прищурился, глядя на него.

— Ты имеешь в виду Серафину?

— Она погибнет в глазах своей семьи, в ее кругах. Некоторые могут даже посчитать ее действия предательством. Она девушка, и Данте не убьет ее за это, но ее будут избегать ... если ей вообще позволят вернуться домой. Полагаю, теперь, когда ты получил то, что хотел, ты намерен отослать ее обратно.

Что-то в его голосе вывело меня.

— Я еще не получил от нее всего, чего хотел. Даже близко. И она останется, пока не даст мне все, что я пожелаю.

Нино встал передо мной.

— Это все еще из-за мести?

— Речь никогда не шла только о мести. Речь идет о том, чтобы уничтожить наряд изнутри, а не просто отомстить.

Я обошел его и пошел искать что-нибудь, во что можно было бы завернуть простыни. Наконец я нашел коробку и запихнул их внутрь.

— Не теряй себя в игре, которую не можешь полностью контролировать, Римо.

Беспокойство в его голосе заставило меня поднять глаза. Я тронул его за плечо.

— Когда это я контролировал ситуацию? Потеря контроля мое любимое занятие.

Губы Нино дрогнули.

— Как будто я этого не знаю. — выражение его лица снова стало серьезным. — За последние несколько недель ты провел много времени с Серафиной. Ты нужен нам, Римо. Каморра не может рисковать бесконечным конфликтом с нарядом. Идти на убийство.

— Эти простыни острие моего ножа. Ты сможешь мне с запиской Данте и ее семье? Нино вздохнул.

— Если это положит этому конец, то да.

Я порылся в старом деревянном столе в поисках причудливой канцелярской бумаги и достал ручку.

— А теперь давай придумаем, как лучше всего их раздавить. Я подумал, что мы могли бы начать со ссылки на традицию кровавых простыней Фамильи для дополнительного удара. Нино покачал головой.

— Я рад, что ты мой брат, а не враг.

Г Л А В А 17

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Я стояла возле кровати, не в силах пошевелиться. Белые простыни исчезли, простыни покрытые моей кровью. Римо забрал их, и я знала почему.

Я на мгновение закрыла глаза. Он пошлет их моей семье. Они выяснят, что произошло. Что они подумают? Возненавидят ли они меня? Прогонят меня?

Это не изнасилование. Я не могла защитить свои действия. Не было ни силы, ни пыток, ни насилия. Сэмюэль рисковал жизнью ради меня. Мужчины погибли из-за меня, и я предала их всех.

Я отвернулась от кровати, не в силах вынести ее присутствия, и направилась к окну. Я забралась на подоконник, морщась от резкой боли между ног. Болезненное напоминание, в котором я не нуждалась. Каждое мгновение того, что я сделала, было выжжено в моей памяти, яростно пылая, когда я закрыла глаза.

Я спала с Римо Фальконе.

Капом Каморры.

Моим врагом.

Не с Данило. Не с моим женихом.

Мой взгляд упал на брошенное на тумбочку обручальное кольцо. Я не надевала его сегодня, и теперь я никогда не смогу носить его снова, не чувствуя себя обманщицей. Я сглотнула. Он увидит и простыни. Я отдала то, что было обещано ему в течение пяти лет. Хуже всего было то, что я хотела отдать это.

Я все еще чувствовала тело Римо на своем, то, как он двигался во мне.

Это было ... чудесно. Свободно. Опьяняющие.

Греховно.

Предательски.

Моя гибель.

Что я сделала не может быть отменено. В поцелуе можно было отказать. Прикосновение можно скрыть. Это? Это оставило шрамы. Это было весомое доказательство, и Римо выставил его напоказ перед моей семьей.

Ты должна признаться в своих действиях, Ангел.

Я знала, что должна, но не была уверена, смогу ли.

РИМО

На следующее утро Серафина сидела на своем обычном месте на подоконнике. Простыни не были смяты. Должно быть, она спала, прислонившись к окну, или вообще не

спала.

— Ты отправил простынь, — тихо сказала Серафина, не глядя в мою сторону. Конечно, она знала. Она была не только красива, она была потрясающе умна. Смертельная комбинация.

— Я так и сделал. Срочная доставка. Она должна прибыть в дом твоей семьи завтра утром или, может быть, даже сегодня вечером.

Она не обернулась, не отреагировала. Только смотрела в окно. Ее волосы были переброшены через другое плечо, ее тонкая шея была открыта моему взгляду. Следы моих зубов портили ее безупречную кожу. Ее плечи слегка дернулись. Затем она выпрямила спину.

— Что ты им сказал? Полагаю, ты послал им записку с подарком.

В ее голосе послышалась легкая дрожь, а в голосе холодок. Я подошел ближе.

— Что бы ты хотела, чтобы в записке было написано? — она посмотрела на меня через плечо, и на ее лице застыло прекрасное ненавистное выражение. — Кто знал, что ненависть может быть такой красивой? — сказал я, когда мои пальцы скользнули по мягким выпуклостям ее спины через тонкий атласный халат.

Она вскочила, развернулась и шлепнула меня по руке.

— Не прикасайся ко мне.

Я прижал ее к стене, одной рукой обхватив ее запястья, когда я толкнул их в стену над ее головой.

— Вчера ты позволила мне дотронуться до тебя, съесть твою кisku, трахнуть тебя. Ты отдала мне себя добровольно, отчаянно, *безрассудно*.

Последнее слово прорвалось сквозь маску.

— В конце концов, ты бы заставил меня.

Мои глаза встретились с ее, моя хватка на ее запястьях усилилась.

— Я думал, ты храбрая, Ангел. Я думал, ты не выберешь легкий путь, но теперь я вижу, что ты даже не можешь смириться с тем, что сделала. — она не отвела взгляда. — Теперь скажи мне еще раз, почему ты отдалась мне вчера? И будь храброй. Это потому, что ты боялась, что я возьму твой подарок, не спросив, или потому, что ты хотела быть той, кто решит, кому ты хочешь его подарить?

Она с трудом сглотнула.

— Я хотела подарить это Данило. Это была его привилегия.

— Неужели? Или ты чувствовала себя обязанной подарить это ему, потому что кто-то обещал ему этот подарок без твоего согласия.

— Не смей говорить о согласии.

Я подошел ближе.

— Зачем ты мне это дала?

Ее глаза вспыхнули, и на глаза навернулись слезы.

— Потому что я так хотела! — она плотно сжала губы и наконец отвела взгляд. Слеза скатилась по ее идеальной щеке, и она судорожно вздохнула. — Они мне этого не простят. Они будут ненавидеть меня яростно, но никогда так сильно, как я ненавижу себя.

Я наклонился и провел носом по ее пульсирующей точке, моя рука обхватила ее лицо.

— Сделай это, — прошептала она, умоляя, и я отстранился, глядя в голубые озера отчаяния.

— Что сделать? — я уткнулся носом в мягкое местечко за ее ухом.

— Сделай мне больно. — мой рот скользнул по ее подбородку и выше по губам. — Сделай мне больно.

На этот раз она сказала резко. Я схватил ее за талию и развернул, прижимая к стене, ее запястья все еще были над головой, мое тело держало ее в клетке. Я уже был болезненно тверд. Рука, которая не держала ее запястья, пошевелилась под атласным халатом, и я нашел ее обнаженной.

Я выдохнул ей в шею и слегка прикусил, заставив ее вздрогнуть. Мои пальцы двинулись к ее плоскому животу, затем ниже к подстриженным локонам, пока я не погрузился между ее складок.

— Сделай мне больно, Римо!

— Обязательно, Ангел. Терпение это добродетель. Разве ты не помнишь?

Мои пальцы скользнули глубже. Она не была мокрой, как вчера, едва возбужденной, почти сломленной и отчаянно желающей сменить одну форму боли на другую.

Я расстегнул ремень и достал член, прежде чем просунуть его между ее красивыми упругими ягодицами. У нее перехватило дыхание, но я опустил ниже к ее киске. Она была напряжена, против моего кончика, готовая к боли.

Я не стал давить. Вместо этого мои пальцы начали играть с ее киской, легкими, дразнящими, уговаривающими прикосновениями. Ничего похожего на то, что она хотела.

— Почему ты не можешь просто сделать мне больно? — прошептала она, склонив голову набок.

Да, почему? Мои руки всегда с готовностью причиняли боль.

Я держал ее на месте, подняв руки над головой, прижав ее лицом к стене, зажав мой член между ее бедер, и смотрел, как она плачет. Я завладел ее ртом для поцелуя, пробуя на вкус ее слезы, пока мои пальцы гладили ее половые губы. Вскоре я почувствовал, как она сдается. Мои пальцы скользнули сквозь ее влагу, и ее киска расслабилась на моем кончике.

Ногой я раздвинул ее ноги еще шире, потом заглянул в ее заплаканные голубые глаза и вошел в нее. Она вздрогнула, и я снова поцеловал ее в губы, медленно и томно, пока не вошел в нее по самые яйца, глубоко погрузив член.

— Теперь *твое* терпение будет вознаграждено, Ангел.

Она безрадостно улыбнулась мне в губы, и я вышел из нее, а затем снова вошел. Она задохнулась, ее тело сжалось, зажатое между моей грудью и стеной. Ее киска безжалостно сжалась вокруг меня.

Я погладил ее клитор, когда снова вошел в нее. Мое тело жаждало двигаться еще сильнее, и ее тоже, но я сдерживался, не желая причинить какой-либо длительный ущерб.

Черт. Какого хрена Серафина делала со мной?

Она смотрела мне в глаза, как будто могла найти там спасение, но мы оба были прокляты, и я с каждым днем приближал ее к проклятию.

Мои яйца ударялись о нее с каждым толчком, и я терял контроль не только над своим гребаным членом, но и над всем остальным. Серафина все еще была напряжена и стонала нерешительно, боль сильнее удовольствия. Требуя ее губы для поцелуя, я потерял контроль и кончил с сильной дрожью.

Она задрожала в моих руках, когда мой член дернулся внутри нее. Я прижался лбом к ее лбу, оставаясь внутри на несколько мгновений. Ее теплое дыхание оведало мои губы, и, наконец, я вышел из нее. Ее хныканье заставило меня поцеловать ее лопатку. Затем я поднял ее на руки.

Я отнес ее на кровать и уложил, потом прижал к спине, и она позволила мне. Она молчала. Я провел кончиками пальцев по ее гладкой руке. Ее сладкий аромат смешался с моим и мускусным запахом секса. Идеальная смесь.

— Теперь тебе лучше? Боль помогла? — прошептал я, уткнувшись в ее лопатку, и снова поцеловал ее. Не знаю, почему мне так захотелось ее поцеловать, но я просто не мог остановиться.

— Нет, — тихо ответила она.

— Я мог бы тебе это сказать.

— Ты знаешь все о боли и ее последствиях, не так ли?

— Не думаю, что один человек может знать о боли все. Каждый чувствует боль по-разному, реагирует по-разному. Любопытная вещь.

Тело Серафины еще больше расслабилось в моих объятиях.

— Я предпочитаю боль. Это не заставляет меня чувствовать себя такой виноватой, как удовольствие.

Я зарылся носом в ее волосы.

— У тебя нет причин чувствовать себя виноватой.

Она ничего не сказала и в конце концов ее дыхание выровнялось. Я осторожно поднял голову и увидел, что она спит. Ее светлые ресницы затрепетали, лицо успокоилось. Я никогда не понимал привлекательности наблюдения за тем, как кто-то спит, всегда находил это скучным, недостающим. Я был чертовски неправ.

Я продолжал гладить ее руку, потом снова поцеловал. Блять. Как я собирался вернуть

ее? Я откинул голову на подушку. Несмотря на долгую ночь, я не чувствовал усталости, но не мог заставить себя встать с Серафиной на руках.

Закрыв глаза, я позволил себе расслабиться. Я уже задремал, когда Серафина пошевелилась и рывком разбудила меня. Она напряглась в моих объятиях.

— Странно, когда твои кошмары менее ужасны, чем реальность, — прошептала она.

— Я прожил это, Ангел. Это делает тебя сильнее.

— Жаль, что ты не взял меня в первый же день, в подвале, на грязном матрасе, как шлюху.

Слова вырвались из ее горла, как будто каждый слог был чистой агонией.

Я напрягся, поворачивая ее к себе, чувствуя себя чертовски злым. На мгновение Серафина отпрянула от силы моей ярости, но потом встретилась со мной взглядом. Она неподвижно лежала на боку, глаза ее были полны боли.

— Ты не шлюха. Твоя чертова девственность это все, что имеет значение для твоей семьи?

— Дело не только в том, что я больше не девственница, — прошептала она. — Это то, кому я отдала ее. Они не поймут. Они не простят. Они возненавидят меня за то, что я сделала.

— Разве они не должны радоваться, что ты не страдала от боли и унижения? Ты поддалась удовольствию. Ну и что? Все они грешили еще хуже, даже твой брат, особенно твой жених. Какое они имеют право судить тебя?

Она медленно моргнула. Затем она удивила меня, наклонившись вперед и поцеловав меня. Нежный поцелуй. Мягкое ничто, которое, казалось, было всем. Мои брови сошлись на переносице, пытаюсь оценить ее настроение.

— Я запуталась, Римо.

— В моей записке говорилось, что я вырвал у тебя невинность, что ты сражалась со мной, изо всех сил, и что я наслаждался каждой секундой, когда ломал тебя.

Она затаила дыхание, глядя мне в глаза.

— Ты говоришь так, будто изнасиловал меня. — она сглотнула.

— Почему ты солгал? Потому что это причинит моей семье еще больший вред?

Я мрачно улыбнулся.

— Боюсь, твоя семья была бы еще более раздавлена, если бы узнала, что ты отдалась мне добровольно.

— Они возненавидят меня.

— Теперь ты можешь решить, что скажешь им, когда я верну тебя к ним.

— Ты сделаешь это? — тихо спросила она.

Я отстранился, сел и повернулся к ней спиной.

— Ты никогда не должна оставаться пленницей навсегда.

Кончиками пальцев она провела по моей татуировке.

— Теперь, когда ты получил от меня то, что хотел, ты попросишь Скудери.

В ее голосе прозвучали странные нотки, но я не обернулся, чтобы увидеть ее лицо, потому что тогда она увидела бы и мое.

— Ты думаешь, они все еще хотят меня теперь, когда я сломана?

Серафина была кем угодно, но не сломанной, и любой, кто объявлял ее таковой, был гребаным дураком.

— Твоя семья любит тебя. Они сделают все, чтобы спасти тебя, даже сейчас. Тем более

сейчас.

Я поднялся на ноги и вышел, не взглянув на нее.

• — * — •

Было около полуночи, когда зазвонил мой телефон. Я отвернулся от экрана, где Савио и Адамо играли в гонки. Нино и Киара уже удалились в свою комнату трахаться. Не глядя на экран, я понял, кто это. Я взял трубку.

— Данте?

Братья бросили на меня любопытные взгляды.

— Я получил твое сообщение, — процедил Данте сквозь зубы.

Я практически чувствовал его ярость. Это было не так волнующе, как я ожидал.

— Я знаю, что ты не следуешь традиции "кровавых простыней" Фамильи, но мне показалось, что это было приятно.

Адамо поморщился, и его машина врезалась в стену. Савио вообще перестал играть. На другом конце провода воцарилось молчание.

— В нашем мире есть правила. Мы не нападаем на детей и девушек.

— Забавно, что ты так говоришь. Когда твои солдаты напали на мою территорию, они стреляли в моего тринадцатилетнего брата. Ты первым нарушил эти гребаные правила, так что прекрати нести чушь.

Глаза Адамо расширились, и он посмотрел на свою татуировку.

— Ты не хуже меня знаешь, что я не отдавал приказа убить твоего брата, а он жив и здоров.

— Если бы он был мертв, мы бы не разговаривали, Данте. Я бы убил каждого гребаного человека, о котором ты заботишься, и мы оба знаем, что есть из кого выбирать.

— У тебя есть люди, которых ты тоже не хочешь потерять, Римо. Не забывай об этом.

Савио и Адамо наблюдали за мной, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать ярость.

— Я думал, простыни могли бы заставить тебя понять причину, но я вижу, что ты хочешь, чтобы Серафина страдала немного больше.

Я повесил трубку. Через пару ударов сердца мой телефон зазвонил снова, но я проигнорировал его.

— Я так понимаю, Данте пока не хочет сотрудничать, — усмехнулся Савио.

Адамо покачал головой, вскочил на ноги и бросился наверх. Савио закатил глаза.

— Уже несколько дней он почти терпим. Полагаю, теперь все кончено.

Я стоял, переключил телефон в беззвучный режим и сунул его в карман.

— Я поговорю с ним.

— Удачи, — пробормотал Савио.

Я не стал стучать, прежде чем войти в комнату Адамо. Я оглядела пол, заваленный грязной одеждой и коробками из-под пиццы. Я подошел к окну и распахнул его, чтобы избавиться от ужасной вони.

— Почему бы тебе не прибраться в комнате?

Адамо сгорбился перед компьютером за своим рабочим столом.

— Это моя комната и мне все равно. Я не приглашал тебя войти.

Я подошел к нему и постучал по татуировке.

— Тебе следовало бы проявить ко мне уважение.

— Как к моему старшему брату или к Капо? — пробормотал Адамо, выпитив

подбородок.

— К тому и к тому.

— За то, что ты сделал с Серафиной, ты не заслуживаешь моего уважения.

— Что я сделал?

Он нахмурился.

— Ты заставил ее?

Я приблизил наши лица.

— Неужели?

— Ты не заставил?

— Мы будем продолжать обмениваться вопросами? Потому что это начинает раздражать.

— Но ты спал с ней, — смущенно сказал Адамо.

— Да, — ответил я. — Но она хотела этого.

— Почему?

Я рассмеялся.

— Спроси ее.

— Думаешь, она в тебя влюблена?

Мои мышцы напряглись.

— Конечно, нет.

Любовь была безумной игрой для дураков, а Серафина была кем угодно, но только не дурой.

— Она мне нравится.

Адамо посмотрел на меня почти с надеждой. Интересно, когда наш мир избавит его от последних клочков невинности?

— Адамо, — резко сказал я. — Я похитил ее, чтобы благодаря неё я мог отомстить наряду. Она не останется, так что не привязывайся.

Он пожал плечами. Вздохнув, я коснулся его головы и ушёл.

О, Серафина.

Я направился к своему крылу, но вместо того, чтобы продолжить путь в свою комнату, остановился перед дверью Серафины. Я знал, что Данте согласится отдать мне Скудери в любой день.

Я отпер дверь и вошел. Серафина лежала на боку и читала книгу. Когда я закрыл дверь, она положила ее, прежде чем я подошёл к ней.

Она нахмурилась.

— Только потому, что я однажды переспала с тобой....

— Дважды, — поправил я.

— То, что я спала с тобой *дважды*, не значит, что я буду спать с тобой, когда тебе захочется.

Я опустился рядом с ней.

— Неужели это так?

Я провел кончиками пальцев по ее обнаженной руке. По коже побежали мурашки.

— Мне слишком больно. Думаю, в прошлый раз было слишком, — призналась она, ее щеки порозовели.

Мои пальцы остановились на ее ключице.

— Тебе нужно показаться врачу?

— Все не так плохо. — она зажмурила глаза немного. — Ты беспокоишься за меня?

Игнорируя ее вопрос, я сказал.

— Я не пришел в любом случае для секса.

— Тогда зачем ты пришёл?

Если бы я только знал. Я снял кобуру с пистолетом и ножом и бросил ее на пол рядом с кроватью, прежде чем растянуться рядом с ней и подпер голову рукой.

— Только не говори, что пришел обниматься, — сказала она.

Мой рот дернулся.

— Я никогда не обнимался с девушкой.

— Сегодня ты это сделал.

Я обдумал это. Я держал ее в постели после секса, смотрел, как она спит в моих объятиях.

— Я сделал это только для того, чтобы убедиться, что ты не захлебнешься в жалости к себе.

— Конечно, — пробормотала она. — Ты сказал, что никогда не обнимался с девушкой. У тебя есть привычка обниматься с мужчинами?

Я усмехнулся и запустил руку ей в волосы. Она слегка наклонилась к ней. Я не был уверен, что она заметила.

— Я больше не обнимаюсь. — когда она вопросительно подняла бровь, я продолжил. — Я обнимался с Адамо и Савио, когда они были совсем маленькими.

Она сморщила нос.

— Прости. Я не могу это представить. Учитывая, какими утомительными могут быть маленькие дети, я удивлена, что ты не убил их.

Мои пальцы дернулись, но я сдержал гнев.

— Они мои братья, моя плоть и кровь. Я скорее умру, чем причиню им боль.

Я замолчал. Серафина тоже молчала.

— Я тебя не понимаю, Римо Фальконе.

— Ты не должна этого делать.

— Я проницательна. Не успеешь оглянуться, как откроешься мне больше, чем хочешь.

Я боялся, что она права. Шахматная фигура. Средство для достижения цели. Это то, чем Серафина могла быть. Ничем больше.

Моя улыбка стала жестокой.

— Серафина, я знаю, что потеря девственности заставляет тебя думать, что нас связывают особые узы. Но два секса не делают тебя чем-то особенным для меня. Я трахал так много девушек. Одна киска похожа на другую. Я кое-что отнял у тебя, и теперь ты хочешь оправдать это гребаной эмоциональной ерундой.

Она напряглась, но затем хитро улыбнулась мне. Ее пальцы обвились вокруг моей шеи, и она прижалась своим лбом к моему, как я делал раньше.

— Ты что-то у меня отнял, это правда, но ты не единственный, кто это сделал. Может быть, ты еще не видишь этого, но с каждым кусочком, который ты забираешь у меня, ты отдаешь мне частичку себя взамен, Римо, и ты никогда не получишь ее обратно.

Я резко завладел ее ртом и перекатился на нее сверху, вдавливая ее в матрас своим весом.

— Не надо, — прорычал я ей на ухо. — Не думай, что знаешь меня, Ангел. Ты ничего не знаешь. Ты думаешь, что видела мою тьму, но вещи, которых ты не видела, настолько черны,

что ни один гребаный свет на этой земле не может проникнуть сквозь них.

— Кто теперь не храбрый? — прошептала она.

Меня трясло от злости. Я хотел выбросить свою ярость из головы. Хотел причинить боль. Хотел что-нибудь сломать.

Я спустился вниз по ее телу и задрал ночную рубашку, затем сорвал стринги с ее ног.

— Я же сказала, что мне больно, — тихо сказала она.

Черт, почему она должна казаться такой уязвимой в этот момент? Какого хрена она со мной делает?

Я раздвинул ее ноги. Она не остановила меня, несмотря на напряжение в руках и ногах. Сделав глубокий вдох, я опустился на живот, устроившись между ее бедер.

Ее тело сразу смягчилось, когда она поняла, что я не собираюсь причинять ей боль. Я дернул ее к своему рту, и она вздрогнула.

Я прижался губами к ее складкам, и вскоре она извивалась и стонала, ее ноги раскрывались, доверяя, и, черт возьми, это было лучше, чем любая ярость, которая когда-либо была. Я не торопился, наслаждаясь тем, как она позволила себе предаться наслаждению.

Кончиками пальцев я провел по мягкой плоти ее бедра, по расслабленным мышцам. Никаких признаков напряжения или страха.

Она кончила с красивым криком, ее тело выгнулось, давая мне прекрасный вид на ее великолепные соски. Я покрывал поцелуями ее тело, пока не достиг ее губ.

— Ты все время даешь и берешь. Я доставил тебе удовольствие своим ртом. Как насчет того, чтобы доставить удовольствие мне?

— Ты можешь использовать мою руку, но не больше, — твердо сказала она.

— Я хочу кончить тебе в горло, а не в руку.

Она выдержала мой взгляд.

— Ты можешь использовать мою руку или ничего.

— В последний раз девушка доводила меня рукой, когда мне было четырнадцать. После этого я кончал в рот, киску или задницу.

— Я не такая, как они, Римо.

Она не была такой. Серафина была всем. Хитрая и сильная. Преданная и жестокая. Она могла бы стать Капо, если бы девушкам было позволено это место в нашем мире.

Я лег на спину и скрестил руки за головой. Серафина села. Она пыталась скрыть свою неопытность, но ее нервы были на пределе, когда она возилась с моим ремнем. Я ей не помог.

Мой член был уже болезненно твердым, когда она вытащила его из моих трусов. Ее прикосновения были слишком мягкими, когда она гладила меня, но мне нравилось наблюдать за ней.

Вскоре она нашла нужное давление и темп, и я потянулся вниз между ее ног и нарисовал маленькие восьмерки вдоль ее клитора и складок. Когда Серафина начала дрожать от силы оргазма, и ее рука сжалась вокруг моего члена, мое собственное освобождение ошеломило меня, и я кончил, как гребаный подросток, на живот.

Я использовал ее стринги, чтобы очистить живот, несмотря на ее хмурый взгляд. Затем я притянул ее к себе. Она напряглась, но в конце концов положила голову мне на плечо.

— Это было не так уж плохо, — протянул я. — Но если ты хочешь поставить меня на колени, тебе придется использовать свой рот.

Она фыркнула.

— Я придумаю другой способ поставить тебя на колени, Римо.

Если кто и может, то это она.

Г Л А В А 18

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Я проснулась оттого, что кто-то прижался к моей спине, теплое дыхание обдувало мое плечо. Я не отстранилась, только уставилась на свою руку, лежащую поверх его на кровати. Кожа на безымянном пальце посветлела от пятилетнего ношения обручального кольца, и теперь оно лежало на тумбочке. И как я смогу носить его снова? Как я смогу снова встретиться со своим женихом после всего, что я сделала? После всего, что я все ещё хочу сделать.

В глубине души я знала, что больше не хочу выходить замуж за Данило, но это был мой долг, даже сейчас.

Я провела кончиками пальцев по руке Римо, и он проснулся, чувствуя, как по телу разливается напряжение. Я решила, что он не из тех, кто привык делить с кем-то постель.

Он выдохнул и расслабился, но ничего не сказал. Я перевернула его руку, пока он не поднял ладонь, затем провела по шрамам от ожогов, удивляясь, как они появились. Мое прикосновение последовало за шрамами до его запястий, где пересекающиеся шрамы боролись за господство с его ожогами. Дыхание Римо изменилось, стало осторожным и опасным.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне, откуда они у тебя?

Он укусил меня за шею.

— С какой стати?

Да, почему он должен изливать мне душу? Я повернулась в его руках. Выражение его лица было угрожающим, но в глазах был намек на что-то еще более темное.

— Ты прав, — прошептала я, выдерживая его взгляд. — Я всего лишь твоя пленница. Королева в твоей игре в шахматы. Что-то бессмысленное, которое легко забыть в тот момент, когда ты вернешь меня.

Даже произнося эти слова, я не могла представить, что Римо действительно отпустит меня, не смотря на то, как он смотрел на меня, и я не была уверена, испугало ли это меня или облегчило. Потому что как я могла вернуться в наряд?

— О, Ангел, забыть тебя будет невозможно.

И я улыбнулась. Боже, помоги мне, я улыбнулась. Римо медленно покачал головой.

— Это безумие.

— Именно. — это было безумием и даже хуже ... предательством. Папа. Мама. София. Сэм. Чувство вины охватило меня удушающей хваткой. Я сглотнула. — Моя семья ... — больше я ничего не сказала.

Лицо Римо посуровело, он высвободился из моих объятий и встал. Мои глаза впились в него, в суровое выражение его лица, в эти жестокие глаза, в шрамы и мышцы.

Римо был врагом. Он пытался уничтожить людей, которых я любила, используя меня как свое оружие. Я не могла этого забыть. Он надел одежду и кобуру с пистолетом. Потом мрачно кивнул.

— Именно так ты и должна смотреть на меня, Ангел. Держись за свою ненависть, если

можешь.

— А ты можешь?

Он ничего не сказал, только мрачно улыбнулся. Он повернулся и вышел. Падший ангел, вытатуированный на его спине, казалось, издевался надо мной, потому что с каждым днем я все больше чувствовала себя падающим ангелом.

• — * — •

Киара забрала меня около обеда. По тому, как она смотрела на меня, я поняла, что она знала, что я спала с Римо. Нино, вероятно, рассказал ей, а Римо рассказал ему, и, возможно, всем остальным. Я не осмелилась спросить его, прибыли ли уже простыни. Одна мысль о том, что моя семья и жених видели их, вызывала желчь в моем горле.

Мы устроились на диване. Она заказала вегетарианские суши, которые стояли на столе перед нами. Нино нигде не было видно, но я знала, что он близко и ворвется в дом при малейшем звуке тревоги от Киары.

Некоторое время мы ели молча, но в конце концов Киара не смогла больше сдерживать свою тревогу. Она коснулась моего плеча, ее глаза метнулись к следам укусов на моем горле.

— Ты в порядке?

Я положила палки и встретилась с ней взглядом.

— Я пленница в этих стенах и предала свою семью. Я позволила Римо опозорить меня. Я сломана. Так что ты думаешь?

Она поджала губы.

— Ты погибнешь, только если позволишь другим заставить себя чувствовать то же самое.

— Ты не понимаешь. — я захлопнула рот, стыд захлестнул меня, потому что все знали ее историю. — Мне очень жаль.

Киара покачала головой, в ее глазах промелькнула боль, но она расправила плечи с улыбкой.

— Я чувствовала себя разрушенной в течение многих лет ... пока не перестала, и тогда я была свободна.

— Если моя семья и жених узнают, что Римо не принуждал меня, они меня не простят.

— Ты хочешь вернуться к своему жениху?

— Думаешь, я хочу остаться с Римо? — пробормотала я. — Он похитил меня. Он держит меня запертой в комнате. Он мой враг. Секс этого не изменит.

Киара внимательно посмотрела на меня.

— Может быть, есть шанс на мир между Нарядом и Каморрой. Ты могла бы быть этим шансом. Что-то хорошее может родиться из акта жестокости.

— Но этого не будет. Мой отец, мой дядя, мой жених, мой брат никогда не согласятся ни на какой мир. Они гордые люди, Киара. Ты же знаешь, как устроены люди. Римо забрал меня у них, украл мою ... украл мою невинность.

— Ее либо украдут, либо отдадут.

Я отвернулась.

— Они так не считают. Он что-то вырвал у них, забрал то, что они считали своим. Он оскорбил мою семью, моего жениха. Они не забудут и не простят. Они отомстят. Они отомстят за меня с жестоким намерением.

— Ты хочешь отомстить?

— Римо похитил меня. Он забрал у меня все.

— Все? — с любопытством спросила Киара.

— Все, что имело значение.

Я снова взяла палочки и продолжила есть, надеясь, что Киара поняла намек на то, что я больше не хочу разговаривать.

• — * — •

В ту ночь Римо снова пришел ко мне в спальню. Я ждала его и ничего не сказала, когда он бросил кобуру на пол и лег рядом со мной. Я только смотрела на него, пытаюсь понять его, себя, нас. Но я видела в его глазах то же смущение, которое чувствовала каждый раз, когда он был рядом.

Мы оба были пойманы подводным течением, затягивающим нас в его неумолимую глубину, неспособные самостоятельно выплыть на поверхность. Единственные люди, которые могли спасти нас, хотели спасти только одного из нас и увидеть, как тонет другой, но мы были запутаны. Один из нас должен отпустить другого, чтобы первым достичь поверхности.

И точно так же, как прошлой ночью, рот Римо заставил меня подчиниться, губы, язык и зубы, резкие в одно мгновение, нежные в следующее. Он не пытался переспать со мной, и по какой-то причине все стало еще хуже, потому что я не хотела, чтобы он сдерживался. Я хотела, чтобы он принял это без раздумий, без пощады. Потому что когда он был чем-то большим, чем монстром, каким я его знала, он брал то, что я была менее готова отдать.

Он прижался к моей спине, тяжело дыша, его эрекция требовательно толкалась в меня.

— Когда ты освободишь меня? — спросила я.

— Скоро, — пробормотал Римо, не вдаваясь в подробности.

Почему-то я услышала эхом слова “никогда”. Никогда. Никогда. Никогда. И это пугало меня не так сильно, как следовало бы.

Я подумала, не спросить ли о простынях. Данте, должно быть, уже связался с Римо. Но я была слишком напугана, не хотела знать их реакцию. Губы Римо коснулись моей лопатки.

— Ты всегда так делаешь.

Напряжение пронзило его тело, как будто я застала его за совершением ужасного преступления.

— Я думаю, Данило разрушил план твоего дяди.

Я тоже напряглась.

— Что?

Римо сжал меня еще крепче, не давая развернуться.

— Данте пытался притвориться, что простыни не произвели желаемого эффекта, но сегодня днем Данило позвонил мне, и он не был так сдержан, как холодная рыба, которая хотела, чтобы я поверил.

Я судорожно втянула в себя воздух.

— Ты говорил с Данило?

— Он был в ярости, кровожаден. Он сказал, что отрежет мне яйца и член и скормит их мне. — Римо замолчал, и я напряглась еще больше. — И я сказал ему, что он может попытаться, но это не изменит того факта, что я был первым мужчиной внутри тебя.

Я вырвалась из его объятий, повернулась к нему и опустилась на колени.

Римо мрачно улыбнулся. Мой взгляд упал на кобуру на полу. Я рванула вперед, выхватила пистолет из кобуры, сняла с предохранителя и направила его в голову Римо.

Он перекатился на спину, вытянув руки в знак капитуляции. В его глазах не было ни

страха, ни тревоги.

Я выпрямилась на коленях рядом с ним.

— Если ты думаешь, что я не смогу нажать на курок, Римо, ты ошибаешься. Я не та девушка, которая не могла перерезать тебе горло.

Римо выдержал мой взгляд.

— Я не сомневаюсь, что ты можешь убить меня, Ангел.

— Тогда почему ты не боишься? — яростно спросила я.

— Потому что, — пробормотал он, сжимая мои бедра. Я крепче сжала пистолет, но позволила ему держать руки на моей коже. — Я не боюсь смерти или боли.

Не опуская пистолет, я оседлала его живот, и мое сердце сжалось от ощущения его мышц.

В глазах Римо вспыхнуло желание. Я наклонилась вперед, прислонив ствол к его лбу.

— Если я убью тебя сейчас, я буду свободна.

— Есть еще мои братья и сотни верных людей, которые будут охотиться за тобой, — сказал Римо, поглаживая большим пальцем мой живот. Я уже была мокрой от предыдущих ласк Римо, но теперь новая волна возбуждения собралась у меня между ног.

— Но я все равно буду свободна от тебя, и это все, что меня волнует.

Римо снова мрачно улыбнулся. Он поднял руку, и я сжала палец на спусковом крючке.

— Ты не можешь освободиться от меня. Потому что я там. — он слегка коснулся моего виска, хотя это было другое место, которого он должен был коснуться, потому что его присутствие в другом месте пугало меня гораздо больше. — Ты всегда будешь помнить, что именно мне ты подарила себя в первый раз.

Я одарила его жестокой улыбкой, которую он использовал, когда я подходила слишком близко.

— Память исчезнет. Два раза не будет иметь значения через некоторое время. Я буду спать с Данило всю оставшуюся жизнь и забуду, что до него был мужчина.

Римо резко сел, его глаза вспыхнули яростью. Пистолет уперся ему в лоб, но ему было все равно. Он крепче сжал мое бедро, а другой рукой обхватил мою голову.

— О, Ангел, поверь мне, ты будешь помнить меня до конца своих дней.

Я приподнялась и встала над эрекцией Римо. Я коснулась ладонью его щеки, заставляя его глаза вспыхнуть с чувством, которое испугало его и меня в равной степени. Я спустила курок, но пистолет не выронила. Я медленно опустилась на Римо, несмотря на острую боль. Моя голова откинулась назад, когда он полностью погрузился в меня.

— Разрушительная.

Я опустила голову и встретилась взглядом с Римо.

— Потрясающе красива, — пробормотал он. Я опустила пистолет и прижала его к груди.

— Там нет ничего, чем можно было бы стрелять.

Я включила предохранитель, обвила руками его шею и покачала бедрами, пистолет свободно болтался в моей руке. Боль и удовольствие пронзили меня.

Римо застонал. Я двигалась быстрее, поднимаясь и опускаясь. Римо крепко обнял меня, его глаза потемнели и стали собственническими.

Зубы Римо царапали мое горло, оставляя следы, а мои ногти царапали его спину, оставляя свои собственные следы. Это было больно, но я ехала на нем жестко и быстро, наслаждаясь жжением.

Римо втянул мой сосок в рот, а большим пальцем потер клитор. Удовольствие пронзило меня, смешиваясь с болью в восхитительном танце.

Оба поднимались все выше и выше, и я знала, что одно из них в конце концов разобьет меня, и я жаждала этого. Нужда. Римо щелкнул меня по бугорку, и удовольствие пересилило все остальное.

Я вскрикнула, выронила пистолет и в отчаянии вцепилась в плечи Римо. Римо впился в меня голодным взглядом, и я почувствовала себя живой, свободной и невесомой.

Я все еще содрогалась от силы оргазма, когда Римо перевернул нас, зажав мои колени под своими руками, широко раздвинул меня и вошел в меня одним сильным толчком, войдя намного глубже, чем раньше.

Я выгнулась дугой, губы приоткрылись в сдавленном звуке, наполовину стоне, наполовину всхлипе. Римо не остановился. Он врезался в меня, сильно и быстро, толкая меня в матрас снова и снова, вырывая из меня последний клочок невинности. Пистолет лежал рядом с нами на кровати.

Римо был прав. Пуля в голову не освободит меня от него. В этот момент я не была уверена, что что-то может помочь.

РИМО

Сидя на диване в игровой комнате, я уставился на свой телефон. Два пропущенных звонка от Данте. Последний со вчерашнего дня. Три дня прошло с моего развлекательного звонка с Данило. Я не мог заставить себя говорить с Данте, зная, что он там, где я хотел.

— Пора с этим покончить. Данте звонил мне сегодня. Он обменяет Скудери на Серафину.

— Я Капо. Я решаю, когда и как освободить ее.

Нино наклонился вперед, уперев руки в бедра.

— Римо, если у тебя есть к ней чувства...

Я прервал его.

— Я не такой, как ты. Одна девушка не превратит меня в эмоциональный беспорядок.

Он прищурился, но выражение его лица оставалось спокойным.

— Тогда отправь ее обратно. Фабиано становится нетерпеливым, как и я. От этого больше нечего извлечь. Данте не даст нам больше, чем Скудери. Ты уже заставил их поверить, что пытал и насильничал Серафину. Они стоят на коленях, но Данте Капо. Он не откажется от большего, чем его советника.

— В следующий раз, когда он позвонит, я отвечу, — сказал я, пожимая плечами.

Нино оценивающе посмотрел на меня.

— Я говорил тебе, что в этой игре не будет победителей.

— Мы победители.

Он покачал головой, но ничего не сказал.

Я встал и подошел к боксёрской груше. Удары ногами и кулаками не помогали моему чертову внутреннему смятению, и осуждающее присутствие Нино тоже не помогало.

Я еще раз пнул грушу, поднялся наверх и ворвался в спальню Серафины. Она читала на подоконнике. К этому времени Адамо, должно быть, принес ей половину нашей библиотеки. Она отложила книгу и встала. В последние несколько дней началась постепенная смена власти, и я не мог этого допустить.

Серафина придвинулась ближе, внимательно всматриваясь в мое лицо. Она остановилась передо мной. Вместо того, чтобы вести себя грубо, как я намеревался, мои

глаза впились в ее мягкие губы, губы, которыми я не мог насытиться, губы, которые сводили меня с ума от желания.

— У тебя очень странное выражение лица.

— Я не могу думать ни о чем другом, кроме как о том, как ты стоишь передо мной на коленях и обхватываешь своими идеальными губами мой член.

Это была полуправда, единственная правда, которую она когда-либо узнала.

— Однажды я стояла на коленях, — прошипела она.

Я покачал головой.

— Это не считается. Ты можешь стоять на коленях и все еще контролировать ситуацию.

— Я не встану на колени.

— Это позор, учитывая, что нет лучшего способа поставить мужчину на колени, чем встать перед ним на колени, пока ты сосешь его член. Разве ты не хотела поставить меня на колени?

Она оттолкнула меня, и я опустился на край кровати. Я потянул ее между ног, так что ее колени прижались к моей эрекции. Я просунул ладонь между ее сжатых бедер и потер ее через ткань трусиков.

— Я просыпаюсь с гребаным стояком каждое утро, мечтая о твоих губах и твоём языке, Ангел. Каково было бы трахнуть твой сладкий ротик.

Она была выжжена в моем гребаном сознании, а не только в ощущении ее тела...

Ее брови сошлись на переносице, но рот приоткрылся, дыхание стало глубже. Большим пальцем я коснулся ее клитора, в то время другой скользнул вдоль ее входа. Вскоре трусики прилипли к складкам вместе с соком.

— Я ем твою киску почти каждый день. Ты никогда не задумывалась, какого это было бы, вернуть услугу? Контролировать меня своим ртом?

Ее глаза вспыхнули, и она застонала, когда я сильнее прижал руку к ее центру. Я медленно убрал руку и мрачно улыбнулся. Я схватил ее за бедра и надавил, но не настолько, чтобы у нее подогнулись колени, а чтобы показать, чего я хочу. Она сопротивлялась, поэтому я ослабил давление и, наконец, она опустилась на колени, высоко подняв голову.

Мой член еще больше затвердел при виде Серафины. Я расстегнул ремень и брюки, прежде чем вытащить член. Я начал гладить себя, водя большим пальцем по скользкому кончику.

Серафина смотрела, приоткрыв рот, но прищурилась, заметив мою ухмылку. После еще одного взмаха моего большого пальца, собирая мою предварительную сперму, я коснулся ее губ и толкнул в рот. Ее язык нерешительно попробовал меня на вкус, и мой член дернулся. Серафина, конечно, заметила это и торжествующе улыбнулась.

Я вытащил палец и положил руку ей на шею, но не подтолкнул ее к своему члену, зная, что она снова будет сопротивляться, если я попытаюсь уговорить ее сделать то, чего я хочу.

Наконец, она протянула руку и обвила своими изящными пальцами основание моего члена. Она сжала его для пробы, и я подавил стон. А потом Серафина наклонилась вперед и засунула мой кончик себе в рот.

Она лизнула кончик, затем пососала, неумелыми движениями, которые сводили меня с ума от желания. Я начал входить в ее рот, погружая свой член глубже в нее, но не полностью, все еще сдерживаясь, когда я никогда не сдерживался для девушек за всю свою жизнь.

Мои яйца сжимались каждый раз, когда она втягивала щеки, и это зрелище заставило бы

меня опуститься на колени, если бы я уже не был опущен.

Стоя передо мной на коленях, с вызовом и торжеством в голубых глазах, Серафина владела мной. Телом ... и тем, что осталось от черной души.

Мой телефон зазвонил, и я крепче сжал ее шею, когда взял трубку.

— Данте, какое удовольствие, — сказал я.

Серафина попыталась отстраниться, ее глаза расширились, но моя рука на ее шее удержала ее на месте, когда я вошел в ее рот. Она сверкнула глазами и царапнула зубами мой член, отчего мои глаза закатились, а член дернулся. Я ухмыльнулся. Ей придется укусить меня сильнее, чтобы я отпустил ее. Боль только сильнее заводила меня.

— Я звоню не для того, чтобы обменяться любезностями, — холодно сказал Данте.

Я включил громкоговоритель и ослабил хватку на ее шее. Серафина отпрянула, но я схватил ее за руку и поднял. Потом я притянул ее к себе на колени, прижал спиной к груди и обнял одной рукой. Мои ноги раздвинули ее ноги и держали их распростертыми. Серафина нахмурилась, но промолчала.

Я провел двумя пальцами по ее складкам, обнаружив, что она, блядь, истекает от возбуждения. Я усмехнулся, и стыд промелькнул на ее лице.

— Жаль, — сказал я Данте.

Я скользнул двумя пальцами в нее и начал трахать, а другой рукой обхватил ее грудь.

— Мы должны найти решение, — сказал Данте. Я слышал едва сдерживаемую ярость в его голосе.

— Я уверен, что мы найдём, — сказал я, скользя пальцами по киске Серафины и водя большим пальцем по ее клитору.

— Ты знаешь, что я хочу Скудери. Я хочу, чтобы ты передал его мне лично.

Мышцы Серафины сжались вокруг моих пальцев, когда я медленно трахал ее. Она откинула голову назад и укусила меня за шею. Моя хватка ослабла, и она вырвалась из моей хватки и ушла в ванную, захлопнув дверь.

— Через два дня. В моем городе. Я хочу, чтобы ты привез его в Вегас. Ты получаешь Серафину. Я получаю Скудери. Я хочу, чтобы ее жених тоже был там. Я бы хотел встретиться с ним лично.

Данте молчал.

— Мы будем там.

— Нино пришлет тебе детали. Я с нетерпением жду встречи с вами.

Я повесил трубку, но торжество длилось всего мгновение. Мои глаза нашли дверь, за которой пряталась Серафина.

Еще два дня.

Потом я отпущу ее.

Если она полетит прямо в клетку Данило, все будет зависеть от нее. ...

Моя грудь сжалась, но я оттолкнул это ощущение. Серафина никогда не должна была быть моей.

Я встал и, оторвав взгляд от двери, вышел.

Г Л А В А 19

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

— Надень это, — приказал Римо, бросая мое свадебное платье на кровать. Я смотрела на белые слои тюля, на пятна крови и дырки. Я не видела платье почти два месяца. Это не

было похоже на то, чем я когда-либо владела. Ничего, что я должна была носить когда-либо снова.

— Зачем? — спросила я.

Римо повернулся ко мне, его темные глаза были жесткими.

— Потому что я сказал тебе сделать это, Серафина.

Не *Ангел*. Серафина. Что происходит? Я прищурилась.

— Зачем?

Он подошел ближе, глядя на меня сверху вниз.

— Делай, как я говорю.

— Или что? — резко сказала я. — Что ты можешь со мной сделать? Ты забрал у меня все, что имело значение. Тебе больше нечего взять и сломать.

Губы Римо стали жестоки.

— Если ты действительно думаешь, что это правда, то ты слабее, чем я думал.

Я с трудом сглотнула, но платье не надела. Мы оба знали, что я намного сильнее, чем он мог себе представить. Может быть, поэтому он продолжал делать это, отталкивая меня.

Римо потянулся за ножом и вытащил его с леденящим душу звоном. У меня по коже побежали мурашки, но я не двинулась с места, потому что, если бы я знала одну вещь, так это то, что Римо не сделает мне больно. Больше никогда, никогда.

Что бы ни связывало нас, это не позволяло ему причинять мне боль.

Схватившись за вырез моей ночной рубашки, он разрезал ткань острым ударом ножа. Ключья упали к моим ногам, оставив меня в одних трусиках.

Его темные глаза блуждали по моему телу, нож все еще был зажат в его руке, и мое сердце сжалось от желания.

Он схватил меня за бедро и притянул к себе, его губы прижались к моим. Я ахнула, когда его язык захватил мой рот, лязгая зубами. Он прижимал меня к кровати, пока я не упала. Он разрезал мои трусики своим ножом, и близость лезвия заставила дрожь пробежать по моему позвоночнику.

Римо навис надо мной и освободил свою эрекцию, его глаза были яростными, голодными и ужасающими.

Выдержав его взгляд, я раздвинула ноги, потому что была потеряна, потеряна с того момента, как Римо увидел меня, и когда я посмотрела на него, я без сомнения знала, что он тоже потерян.

Уголки его рта приподнялись, когда он опустил взгляд к моему центру. Он опустился на колени, раздвигая мои ноги еще шире. Римо уткнулся лицом в меня.

Я выгнулась дугой, мои ногти впились в простыни, мой взгляд нашел мое порванное свадебное платье.

Рот Римо безжалостно требовал меня языком и губами, покусывая и облизывая. Бежать было некуда. Он мне не позволил. Он заставил меня сдать, не силой, не насилием ... он нырнул, кружась, пока я не стала рабыней ощущений, которые он создал.

Мой оргазм обрушился на меня лавиной, но мои глаза оставались прикованными к запятнанной белой ткани моего платья — знак моей чести, моей чистоты.

Оба проиграли.

Оба взятые ... нет. *Отданные*.

Губы Римо скользнули вверх по моему животу, облизывая и покусывая, языком пощекотав сосок. Он легонько прикусил губу, затем успокоил ее поцелуем с открытым ртом.

Его тело накрыло мое, его ладони прижались к кровати рядом с моей головой, нож все еще был зажат в его руке. На мгновение наши взгляды встретились, и я возненавидела его, возненавидела себя, возненавидела нас обоих, потому что с каждым днем, проведенным с ним, ненависть становилась все сильнее.

Мы оба нуждались в нашей ненависти, и все же она ускользала от нас, как песок. Не было никакого способа сдержать ее. Потерянные. Его темные глаза отражали мое внутреннее смятение. Потерять себя друг для друга.

Мой взгляд вернулся к платью, когда Римо вонзился в меня одним всепоглощающим безжалостным толчком. Его рот прижался к моему уху, когда он сердито вошёл в меня.

— Когда я увидел тебя в этом платье, я понял, что должен быть тем, кто лишит тебя невинности. Я знал, что должен быть тем, кто заставит тебя истекать кровью. Кто знал, что ты заставишь меня истекать кровью в ответ?

Я вздрогнула, мое горло сжалось, в то время как мое тело пульсировало от предательского удовольствия. Наконец я оторвала взгляд от платья и посмотрела на Римо — моего похитителя, моего врага, мою погибель ... и все же, несмотря на то, что он отнял у меня, ненависть была не единственным чувством моего слабого, идиотского сердца. Но эту истину я унесу с собой в могилу.

— Я ненавижу тебя, — прошептала я, как будто произнесла эти слова вслух.

Римо смотрел мне прямо в глаза, переполненный эмоциями, его губы изогнулись в мрачной улыбке, потому что он *знал*. Он придвинулся ближе, скользя языком по складке моих губ.

— Нет ничего слаще твоих губ, даже когда они извергают ложь, Ангел.

Его следующий толчок пришелся глубоко, и я не смогла сдержаться. Ослепляющее наслаждение пронеслось по моему телу. Мои губы приоткрылись, но я проглотила крик. Я бы не отдала его Римо. Не сегодня. Он укусил меня за горло, и сила моего оргазма удвоилась. Стон вырвался из моего горла. Он не мог позволить мне даже этой маленькой победы. Его собственное лицо исказилось от напряжения, когда он продолжал толкаться, сгибая плечи.

Он нежно поцеловал меня в губы, потом в ухо, и я знала, что он произнесет слова, предназначенные для того, чтобы сломать, слова, худшие, чем любая пытка. Я знала это с того момента, как увидела его холодное лицо этим утром.

— Ты хотела знать, почему мне нужно, чтобы ты надела свадебное платье, — прохрипел он, когда его толчки стали менее контролируемы.

Моя грудь сжалась от ужаса. Римо снова поцеловал меня в ухо.

— Видишь ли, я договорился о встрече с Данте сегодня вечером и обещал вернуть тебя. Данило тоже будет там, и я подумал, что он будет рад наконец увидеть тебя в свадебном платье. Даже если я украду то, что ты ему обещала.

Шок и ярость обрушились на меня, и я сильно ударила Римо. Он схватил мое запястье и вдавил его в матрас над моей головой, когда он снова вошел в меня, глаза снова и снова заявляли на меня права, принимая больше с каждым толчком. Но он больше не мог отгораживаться от меня, потому что я тоже претендовала на часть его.

Его тело напряглось, извиваясь от удовольствия, и, как всегда, мое собственное предательское тело снова подчинилось ему. Я вскрикнула.

Римо переплел наши пальцы, вдавливая их глубже в матрас, когда его рот нашел мой для поцелуя, полного гнева и доминирования. Когда он, наконец, затих на мне, мои глаза

переместились на платье.

— Ты моя, Ангел. Телом и душой, — прохрипел он. И да поможет мне Бог, он говорил правду.

• — * — •

Когда я снова надела платье, мне показалось кошунством носить что-то такое чистое и белое. Мурашки пробежали по моей коже, когда тяжелая ткань опустилась на мои ноги. Я уставилась на слои тюля, пятна крови и дырки. Я действительно выбрала это платье? Чувствовала ли я себя в нем комфортно?

Римо сурово посмотрел на меня.

— Я до сих пор помню, как впервые увидел тебя в нем.

Я ничего не сказала.

Римо потянулся к моему обручальному кольцу на тумбочке, и волосы у меня на шее встали дыбом. Он остановился прямо передо мной и взял мою руку, затем надел кольцо с кривой улыбкой.

— Это означает, что ты принадлежишь Данило, не так ли?

Я смотрела на него яростно, непреклонно, потому что он знал, что метка, которую он оставил, была глубже, чем дорогое кольцо. Что-то промелькнуло в глазах Римо, промелькнуло в его суровой маске, но он все еще держал меня за руку. Он резко отпустил меня и отступил назад.

— Данило будет рад вернуть тебя.

— Я уже не та девушка, какой была раньше.

Взгляд Римо ударил меня, как кувалда, но он ничего не сказал, хотя я хотела ... нуждалась.

• — * — •

До самого конца я была уверена, что Римо меня не отдаст. Я продолжала отрицать правду, пока не столкнулась с результатом своих грехов: измученными лицами моей семьи и жениха.

Они ждали на заброшенной стоянке. Папа, Данте, Данило. Сэмюэля там не было, и я знала, что он был не в состоянии. Позади них на земле лежал связанный человек, вероятно, отец Фабиано. Он лежал ко мне спиной, так что я не была уверена.

Их взгляды были прикованы к одному из зданий, и когда Римо вытащил меня из машины, я поняла, почему. Нино сидел на крыше в качестве снайпера. Фабиано тоже вышел из машины, держа пистолет наготове.

Римо отвел меня на несколько шагов от машины. Потом остановился.

— Ты поступил очень опрометчиво, напав на нашу территорию, Данте, — сказал он любезно, крепко сжимая мое бедро и прижимая меня к своему телу.

Мой взгляд задержался на земле, потому что чувство вины лежало на моих плечах так тяжело, что я не могла найти в себе мужества встретиться взглядом с людьми, которые пришли спасти меня. Белая ткань моего платья, казалось, издевалась надо мной, и я сосредоточилась на пятнах крови.

Собравшись с духом, я наконец подняла голову и пожалела об этом. Ничто не причиняло такой боли, как выражение папиного лица. Он окинул взглядом мое окровавленное платье, засосы на горле, где Римо снова и снова отмечал меня. Римо сделал свои притязания на меня настолько очевидными, насколько это было возможно, выставил их напоказ перед всеми, и это возымело желаемый эффект. Дядя Данте, мой жених Данило и

отец смотрели на меня так, словно их выпотрошили. Окончательный триумф Римо.

Мне хотелось закричать на них, что я не страдала так, как они думали, что я, хотела, чтобы они ненавидели меня, но я не была достаточно храброй для правды.

— В следующий раз, когда будешь думать о том, чтобы трахнуть нас, посмотри на свою племянницу, Данте, и вспомни, как ты подвел ее.

Лицо Данте было каменным, но что-то темное мелькнуло в его глазах. Я не могла встретиться с ними взглядом. Меня пронзил жгучий стыд за то, что я позволила Римо сделать, за то, что я сделала. То, что я хотела сделать, то, что я все еще хотела сделать.

Римо наклонился ближе, его губы коснулись моего уха.

— Я владею тобой, Ангел. Помни это. Ты отдала мне часть себя, и ты никогда не получишь ее обратно. Она мой, что бы ни случилось дальше.

Данте, Данило и мой отец выглядели на грани нападения, их тела были напряжены, выражения искажены ненавистью и яростью. Они хотели защитить меня, когда я больше не хотела спасения, не могла быть спасена, потому что я безвозвратно была потеряна.

Я слегка повернула голову и встретила с холодным взглядом Римо.

— Я не единственная, кто что-то потерял, — прошептала я. — Ты отдал мне часть своего жестокого черного сердца, Римо, и однажды поймешь это.

Что-то промелькнуло в глазах Римо. Эти жестокие глаза, которые преследовали его жертв в кошмарах ... как долго они будут преследовать меня? Особенно когда они смотрели на меня не с жестокостью или ненавистью, а с гораздо более ужасающим чувством.

Затем он оторвал от меня взгляд и посмотрел на дядю. Я могла думать только о том, что он не отрицал моих слов. У меня было жестокое черное сердце Римо, и, возможно, это было самым болезненным осознанием.

— Отдай Скудери, — сказал он.

Данте ухватился за веревку, туго обвившую сопротивляющегося Скудери, и потащил его к нам. Я знала своего дядю всю свою жизнь, но никогда не видела такого выражения на его лице. Полная ярость и сожаление. Он толкнул Скудери на землю на полпути к нам.

— Отпусти мою племянницу, *сейчас же*, — приказал он.

Римо усмехнулся. Это был трюк. Должно быть, это уловка. Римо сам сказал: Я принадлежу ему. Он владел мной. Телом и душой. Он не отпускал меня. Хуже всего было то, что в глубине души я надеялась, что он этого не сделает — и не только потому, что не хотела жить среди семьи, которую так ужасно предала, но и потому, что мысль о том, что он может так легко меня бросить, разрывала меня.

Его темные глаза встретились с моими, собственнически и торжествующе, и он наклонился. На мгновение мое сердце остановилось, я была уверена, что он поцелует меня прямо перед всеми, но его губы слегка коснулись моей щеки, прежде чем остановиться у моего уха.

— Я никогда не думал, что ты согласишься на меня так в тот день, когда я тебя отпущу, как будто дать тебе свободу это худшее предательство из всех. Ты не должна хотеть, чтобы кто-то держал тебя взаперти. Ты должна стремиться к свободе. — он выдохнул, его горячее дыхание заставило меня задрожать. — До Свидания, Серафина.

Римо отпустил меня и оттолкнул от себя. Я отшатнулась от него, сердце бешено колотилось в груди. Сильные руки схватили меня и быстро оттащили от Римо. Я шла к своей семье, к своему жениху, к свободе, но не чувствовала себя свободной.

Данте был рядом со мной, и Данило шагнул ко мне, *потянулся ко мне*, и я вздрогнула,

чувствуя себя недостойной его прикосновения после того, как предала его, предала наряд с Римо. Данте и отец напряглись, а Данило опустил руку и отступил от меня с взглядом, полным ненависти к Римо. Но хуже всего было выражение лица Римо, потому что, встретившись с ним взглядом, я поняла, о чем он говорит.

Я владею тобой.

Я чуть не упала в объятия отца, и он крепко обнял меня, шепча слова утешения, которые я не расслышала, и потянул меня к машине. Я не смотрела на него.

Прежде чем сесть в машину, Фабиано погрузил отца на заднее сиденье. Еще раз взглянув на меня, Римо последовал за мной и уехал.

Уехал.

И снова я вздрогнула, потому что часть меня, та часть, которая пугала меня больше всего, скучала по Римо.

Я владею тобой. Он владел.

Папа сел со мной на заднее сиденье, все еще прижимая меня к груди и глядя по волосам, и новая волна вины захлестнула меня. Данте сел за руль, Данило сел рядом. Мой жених посмотрел на меня в зеркало заднего вида, и я опустила голову, мои щеки пылали от стыда.

— Теперь ты в безопасности, Фина. С тобой больше ничего не случится. Прости, голубка. Мне так жаль, — прошептал папа мне в волосы, и я поняла, что он плачет. Мой отец. Член мафии с подростковых лет. Младший босс Миннеаполиса. Он плакал в мои волосы, прямо перед своим Капо и моим женихом, и я развалилась на части.

Я вцепилась в его куртку и заплакала, впервые с тех пор, как себя помню, а отец обнял меня еще крепче.

— Прости, — выдохнула я, прерывистые слова были полны отчаяния. Слов было недостаточно, чтобы передать степень моих грехов. О моем предательстве.

— Нет, — прорычал он. — Нет, Фина, нет. — он дрожал, его хватка была болезненной.

— Римо ... он ... я.

Папа обхватил мою голову.

— Все кончено. Все кончено, Фина. Клянусь, однажды я выслежу его. Я убью его за то, что он сделал с тобой... за ... за то, что причинил тебе боль.

Я сплотилась. Он думал, что Римо изнасиловал меня. Они все так думали, и я не могла сказать ему правду, была слишком труслива, чтобы сказать ему.

Закрыв глаза, я прижалась щекой к его груди. Папа крепко обнял меня, покачивая, как маленькую девочку, словно таким образом мог вернуть мне невинность.

Освободит ли его правда? Освободит ли их всех или сломает их еще больше? Я больше ни в чем не была уверена.

РИМО

Фабиано то и дело бросал взгляды на отца, который сидел на заднем сиденье машины и, казалось, был готов вцепиться в него.

— Твой план действительно сработал. Ты раздавил гребаный наряд, — сказал Фабиано, поворачиваясь ко мне.

Я уставился на дорогу. Триумф, к которому я стремился, разрушая наряд изнутри, я держал в руках. Я видел это на лицах моих врагов. Я знал, что они будут продолжать страдать.

Фабиано заерзал на стуле.

— Римо, ты ведь понимаешь, что мы победили? Мы взяли моего отца. Твой безумный план сработал.

— Да, мой план сработал ...

— Тогда почему ... — глаза Фабиано расширились.

Моя хватка на руле усилилась.

— Мы можем попытаться похитить ее снова. Однажды это сработало, кто сказал, что это не сработает снова, — сказал он почти недоверчиво.

— Нет, — резко ответил я. — Серафине не место в неволе.

Фабиано покачал головой.

— Они выдадут ее замуж за Данило. Даже если ты испортил товар, она все еще племянница Кавалларо, и Данило было бы глупо отказываться от брака, потому что она больше не девственница.

Я хотел убить кого-нибудь, хотел пролить кровь.

— Она не выйдет за него.

— Римо...

— Ни слова больше, Фабиано, или, клянусь, у тебя не будет шанса разорвать отца в клочья, потому что это сделаю я, а потом, возможно, и ты.

Нахмурившись, он откинулся на спинку сиденья.

— Мне позвонить Нино?

— Мы увидимся с ним через пять гребаных минут, — прорычал я.

— А теперь заткнись.

Мы встретились в Сахарнице. Фабиано потащил отца в подвал, а я сел за барную стойку. Джерри молча поставил передо мной бутылку бренди и стакан. Нино присоединился ко мне через пару минут.

— Самолет Маттео и Ромеро прибыл тридцать минут назад. Они скоро будут здесь.

— Хорошо. Знак доброй воли для Луки.

— Он все еще недоволен похищением. Но теперь, когда мы вернули Серафину и дали его брату и капитану шанс принять участие в пытках, он, вероятно, вернется. Нам не нужен конфликт с семьей. Наряд начнет атаковать достаточно скоро.

— Приготовь клетку для боя. Два противника. Смертельный бой. Завтра. Самое позднее на следующий день.

Нино схватил меня за плечо.

— Римо. Мы не можем позволить тебе играть со своей жизнью сейчас. Ты нужен нам сильным.

Я встал и криво улыбнулся ему.

— Если хочешь, чтобы я был сильным, дай мне кого-нибудь убить. Я хочу крови. Я хочу калечить и убивать. И я не рискую своей жизнью. Я уничтожу каждого гребаного человека, который войдет в чертову клетку в качестве моего противника.

— Это не заставит тебя скучать по ней меньше.

Я бросился на него в слепящей ярости. Впервые в своей гребаной жизни я напал на брата.

Нино заблокировал мой кулак и сделал шаг назад, и я резко остановился, осознав, что делаю. Моя грудь вздымалась, когда я смотрел в осторожные серые глаза брата.

Джерри убежал, и мгновение спустя Фабиано ворвался внутрь, но замер, увидев меня и Нино лицом друг к другу, стоящими почти грудь к груди.

— Черт, — прохрипел я, делая шаг назад. Я протянул руку с татуировкой, ладонью вверх. Молчаливое извинение, единственное, на что я был способен. Фабиано повернулся, оставив нас одних. Нино взял нас за руки, моя рука на его татуировке, на его шрамах, а его ладонь на моей.

— Ты прошел через огонь ради меня, Римо, — сказал он тихо, умоляюще, — Но ты должен знать, что я сделал бы то же самое ради тебя. Я бы не попросил тебя отослать ее обратно, если бы знал ... и я пойду прямо на территорию наряда и верну ее, если ты этого хочешь.

— Я не этого хочу.

— Она не вернется к тебе по собственной воле.

— Пусть будет так. А теперь найди кого-нибудь, кого я смогу убить, и организуй гребаный смертельный бой.

Нино сжал мою руку и отпустил.

— Мне кажется, впервые в жизни я завидую твоему отсутствию эмоций.

Г Л А В А 20

• ————— * ————— •

РИМО

— Если они не придут в ближайшее время, я начну без них. Мне плевать, оскорбляет это Луку Витьелло или нет, — прорычал Фабиано, стоя над отцом, который лежал на боку на земле с заклеенным ртом и связанными руками и ногами. Он уставился на сына широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Они будут здесь с минуты на минуту, — пробормотал я.

Я видел, что Фабиано почти не слушает. Он был слишком сосредоточен на отце. Он долго ждал этого момента. Черт, я понимал.

Я сделал бы все, чтобы замучить отца до смерти. Я все еще помнил тот гребаный день, когда я узнал, что мой предатель сводный брат убил мудака, о чем я мечтал с тех пор, как понял, что наш отец не был непобедимым Богом, которым он себя выдавал. Что он может, фактически, быть убитым. С самого детства я мечтал стереть отца из нашей жизни. ...

Если бы существовал ад, я бы пошел прямо в него, чтобы заключить сделку с дьяволом, чтобы он дал мне шанс убить человека только один раз. Может быть, дважды.

— Я больше не тощий мальчишка, которого ты можешь мучить ради собственного удовольствия, не так ли?

Пробормотал Фабиано, присаживаясь на корточки перед ним. Я гордился своей страшной улыбкой, но выражение лица Фабиано превзошло все. Сегодня он получит удовольствие.

Дверь со скрипом отворилась, и Фабиано выпрямился. Вошел Нино, за ним Маттео и Ромеро. Я был удивлен, когда Лука сказал мне, что пошлет их, но не придет сам. Полагаю, у него было меньше причин рвать на части Скудери, чем у остальных. Он был одарен Арией, потому что Скудери продавал своих дочерей как скот, и любой мог признать, что Ария была очень хорошим подарком. Образ другой девушки со светлыми волосами и голубыми глазами вошел в мое сознание без приглашения. Я толкнул его. Я бы освободил ее.

— Нет ничего лучше, чем связать себя общей пыткой, — сказал Маттео с усмешкой, входя в камеру в подвале Сахарницы.

Этот засранец всегда выглядел так, словно только что закончил с фотосессией для

модного журнала. Однажды я испорчу его хорошенькое личико. Ромеро коротко кивнул мне, и Фабиано тоже посмотрел на Скудери.

Я оттолкнулся от стены и протянул руку Маттео, который пожал ее через мгновение.

— Я все еще не выношу твоего гребаного лица, Римо, — сказал он с ухмылкой.

— Но ради этого я мог бы поколебаться миллисекунду, прежде чем перерезать тебе горло, когда мы снова станем врагами.

— В эту миллисекунду я отрублю тебе голову, Маттео, — сказал я с кривой улыбкой.

Он отпустил мою руку.

— Пусть победит самый сумасшедший ублюдок.

Моя улыбка стала шире, и я поймал взгляд Нино. Мы оба знали, кто это будет, потому что, когда дело доходило до сумасшедшей ебли, я был бесспорным мастером.

Я повернулся к Ромеро, который не выказывал беспечности Витьелло. Он явно опасался оказаться в подвале Вегаса. У меня не было ни малейшего намерения нападать на них сегодня. Война с Фамильей подождет, пока Наряд не будет разгромлен и его территория не разделится между нами.

Он коротко пожал мне руку.

— Ваши методы бесчестны, — коротко сказал он.

— Ты не одобряешь их, и все же ты здесь ... пользуешься ими.

Ромеро убрал руку, его карие глаза вернулись к Скудери, а лицо наполнилось ненавистью.

Я подошел к Скудери и улыбнулся ему. В его глазах мелькнул ужас.

— Должен сказать, что со временем у тебя появилось много врагов, и мы все собрались, чтобы разорвать тебя на части.

Я наклонился и сорвал ленту с его лица, затем выпрямился и вернулся на свое место у стены. Может быть, его мучительные крики заглушат голос сожаления в моей голове.

Серафина уходит в этом долбаном белом платье и бросает на меня последний взгляд. К черту все.

Фабиано обошел отца.

— Отец, я очень долго ждал этого шанса и намерен сделать так, чтобы он длился как можно дольше. К счастью для меня, Нино мастер затягивать пытки. Если повезет, мы сможем продержаться тебя в живых два, три дня. Так мы все сможем получить удовольствие, которого заслуживаем.

Скудери пытался подняться в сидячее положение, но не удалось. Выражение его лица стало умоляющим. Если он думал, что это согреет сердце Фабиано, он не понимал, что Фабиано делал ежедневно в качестве моего силовика.

— Я твой отец, Фаби. Ты уже потерял свою мать. Ты тоже хочешь меня потерять?

Фабиано сделал выпад и ударил его кулаком в лицо. Кости хрустнули. Я наблюдал со своего места у стены. Это был не мой момент. Несмотря на мою необходимость калечить и убивать, я сдерживался. У Маттео, Фабиано и Ромеро было больше причин пролить кровь Скудери.

— Заткнись, — прорычал Фабиано.

Маттео начал играть с ножом в руках, нетерпеливый блеск в его глазах я слишком хорошо знал.

— У меня есть маленькие дети, которые нуждаются во мне, — хрипло пробовал Скудери.

Фабиано поднял его за шиворот и рывком прижал к стене.

— Им будет лучше без тебя. Моим сёстрам и мне точно.

Нино поставил стул в центре комнаты, и Маттео помог Фабиано подтащить к нему Скудери. Они связали его, несмотря на все усилия.

Его глаза нашли меня.

— Римо, ты Капо. Я могу быть тебе полезен. Я знаю все о Наряде и Данте. Если ты оставишь меня в живых, я расскажу тебе все.

Фабиано усмехнулся, вытаскивая нож из кобуры на груди. Я жестоко улыбнулся отвратительному ублюдку передо мной.

— Ты расскажешь мне все, что я хочу знать. Я знаю, что ты в очень умелых руках, которые вытянут из тебя всю правду.

— Обязательно, — сказал Маттео со своей гребаной акульей ухмылкой. Он подошел к Фабиано, и они обменялись взглядами. Затем Маттео наклонился над Скудери и опустил нож ему на грудь.

— Джианна передает привет. Я сказал ей, что позволю тебе страдать, и я это сделаю.

Маттео оставил длинный порез на груди Скудери, заставив ублюдка закричать, как гребаного труса.

После этого Ромеро нанес удар Скудери. В руке у него не было ножа. Он дважды ударил Скудери кулаком в бок, потом в живот. Некоторые предпочитали наносить боль кулаками, другие холодным оружием. Мне нравилось и то и другое, в зависимости от настроения и того, чего больше боялся мой противник.

— Ты отдал Лили гребаному старому ублюдку, чтобы самому найти себе невесту. Ты позорный отец.

Он снова ударил мужчину. Фабиано взял инициативу в свои руки.

— Надеюсь, ты проведешь свои последние часы, думая о том, что ни одна гребаная душа на этой планете не пожалеет о твоём исчезновении. Если ты найдёшь время для здравых мыслей между агонией.

Он нанес длинный порез на руке. Вид крови, соблазнительно струящихся по обнаженной коже, заставил мое тело гудеть от возбуждения. Черт, я хотел пролить кровь, излить агонию. Я хотел кого-нибудь уничтожить.

Нино наклонился ко мне. Он еще не успел помочь, и его внимание было приковано ко мне, а не к сцене в центре подвала.

— Прекрати оценивать, — тихо сказал я.

Нино слегка прищурился, но подчинился и наконец повернулся к сцене пыток.

Маттео, Ромеро и Фабиано по очереди избивали и резали Скудери, пока его крики и мольбы не заполнили подвал.

Через несколько часов Фабиано, весь в крови и поту, показал Нино, чтобы тот вмешался. Брат засучил рукава и, бросив на меня еще один долгий взгляд, двинулся к аптечке, чтобы убедиться, что Скудери не умрет слишком рано.

Ромеро прислонился к стене. Маттео и Фабиано по очереди мучили Скудери в течение последнего часа, и у меня было чувство, что они будут теми, кто будет иметь дело с ним в оставшиеся часы его жизни.

• — * — •

Мое собственное тело гудело от потребности разрушать, потребности причинять боль и чувствовать боль, заполнять гребаную пустоту в моей груди.

Мое тело кричало о сне, но, за исключением нескольких перерывов в туалете, я оставался в подвале, пока Фабиано разбирался со своим ублюдочным отцом. Это ненадолго. Плечи Фабиано вздрогнули, когда он посмотрел на отца. Человек неглубоко дышал. Фабиано повернулся ко мне, его лицо было забрызгано кровью. Его обнаженная грудь была полностью покрыта им. Наши глаза встретились.

— Римо ... ты не мог бы? .. — его голос был хриплым.

Я оттолкнулся от стены и подошел к нему, не понимая, о чем он меня просит.

Фабиано мертвой хваткой вцепился в окровавленный нож, и его взгляд напомнил мне мальчика, которого я нашёл на территории братвы много лет назад — мальчика, отчаянно жаждущего смерти, потому что его отец забрал у него все.

Нино жестом велел Маттео и Ромеро уйти и, бросив на меня последний взгляд, закрыл дверь. Фабиано сглотнул и протянул руку с татуировкой Каморры.

— Ты дал мне дом. Цель. Ты обращался со мной как с братом... — он посмотрел на отца. — Как с семьёй. Я знаю, что ты ничего так не хотел, как убить своего отца, и у тебя это отняли. Я знаю, что это не то же самое, но...ты сможешь мне убить моего отца?

Я взял Фабиано под руку и крепко сжал его предплечье.

— Мы не кровные братья, Фабиано. Я пройду через огонь ради тебя. — я уставился на ублюдка, который хотел убить собственного сына, а потом снова на Фабиано. — И нет ничего лучше, чем убить его вместе с тобой. Это большая честь.

Фабиано кивнул и опустился на колени рядом с отцом. Я сделал то же самое. Фабиано поднял нож над грудью отца и посмотрел на меня. Я сомкнул пальцы на его руке, и мы вместе вонзили лезвие прямо в гребаное сердце Скудери.

Плечи Фабиано поникли, и он тяжело вздохнул, словно смерть этого человека наконец-то освободила его. Интересно, будет ли что-нибудь подобное у нас с Нино?

СЕРАФИНА

За пределами Лас-Вегаса мы обменяли машину на частный самолет, принадлежащий Наряду.

Я съезжилась на сидении, прижавшись щекой к окну, наблюдая, как город становится все меньше. Папа сидел напротив меня, глядя и не глядя на меня, пойманный где-то между полным облегчением и безнадежным отчаянием.

Я знала, что являю собой жалкое зрелище. Окровавленное и порванное платье. Следы укусов по всему горлу.

Данте тихо разговаривал по телефону, но тоже время от времени искоса поглядывал на меня. Единственный, кто не смотрел на меня после того, как я вздрогнула от его прикосновения был Данило. Он наклонился вперед, упершись локтями в колени, и тупо уставился в пол.

Вина и вспышка печали нахлынули на меня. За него. За нас. За то, что могло бы быть и никогда не будет.

Я сглотнула и отвернулась. Я встретилась взглядом с папой. Он выдавил слабую улыбку и потянулся ко мне, как будто хотел коснуться моих ног поверх тюля платья, но затем поколебался, как будто беспокоился о моей реакции.

Я схватила его за руку и сжала. Его глаза все еще были стеклянными и тревожными. *Я грешна, папа. Не плачь по мне.*

Он поднял другую руку с телефоном.

— Хочешь позвонить Сэмюэлю? Я послал ему сообщение, что мы забрали тебя.

Я яростно закивала, мое горло сжалось. Папины глаза снова метнулись к моему горлу, и в них вспыхнул намек на что-то жестокое и суровое. Что-то, чего он никогда не показывал дома. Он дал мне свой телефон, и я дрожащими пальцами нажала кнопку быстрого набора.

— Да?

На секунду, услышав голос Сэмюэля, я оцепенела.

— Сэм, — прохрипела я.

Наступила тишина.

— Фина?

Это было прерывистое восклицание, которое разорвало меня на части. Слезы текли по моим щекам, и я чувствовала на себе взгляды. Я закрыла их.

— Мне очень жаль.

Сэмюэль резко втянул воздух.

— Не ... не извиняйся. Никогда больше, Фина.

Я не могла этого обещать. Однажды мне придется принести извинения, которые заставят Сэма возненавидеть меня. На заднем плане раздался высокий голос.

— Все в порядке, мам, — успокоил ее Сэмюэль. — Я дам ее тебе. — он снова обратился ко мне. — Сейчас я отдам трубку маме. Мне не терпится обнять тебя, Фина.

Я шмыгнула носом.

— Мне тоже.

— Фина, — тихо позвала мама, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, а не так, что она рыдала.

Так много разбитых сердец. Столько боли и отчаяния.

Римо Фальконе был самым жестоким человеком из всех, кого я знала, а я, должно быть, самая холодная сука на этой планете, потому что даже сейчас мое глупое сердце билось быстрее, когда я думала о нем.

— Я скоро буду дома, — прошептала я.

— Да ... да, — согласилась мама.

В конце концов мы повесили трубку, потому что это было слишком, тишина подавленного плача и расстояние, которое мы не могли преодолеть.

— Куда мы едем? — я не спрашивала раньше, потому что предполагала, что мы вернемся в Миннеаполис ... но я была так же, как жена Данило. Отвезут ли меня в Индианаполис? Или, может быть, в Чикаго, потому что Данте хотел расспросить меня о каждой мелочи моего плена?

Папа наклонился и взял меня за щеку.

— Домой, Фина. Домой.

Я кивнула. Мои глаза нашли Данило, который наблюдал за мной. Наши взгляды на мгновение встретились, но потом чувство вины заставило меня отвернуться. Рано или поздно мне придется встретиться с ним лицом к лицу. Я не знала, что ему сказать.

Остаток полета прошел в полной тишине. Я знала, что у них было так много вопросов, но они сдерживались ради меня, и я была рада, потому что все еще не знала, что сказать кому-либо из них.

С каждой секундой моя кожа все больше и больше покрывалась мурашками в свадебном платье. Это было так неправильно, словно тебя обволокли ложью и обманом.

Мама и Сэмюэль ждали перед нашим домом, когда мы подъехали на машине. Софии нигде не было видно, вероятно, чтобы защитить ее от этого зрелища, и я была рада. Ей не

нужно было видеть меня такой.

Я задрожала, когда папа помог мне выйти из машины, его пальцы сжали мое предплечье, как будто он боялся, что я упаду в обморок. Данте и Данило держались позади, пока мы шли к дому. Сэмюэль, шатаясь, направился ко мне. Мой близнец. Мое доверенное лицо. Мой соучастник в преступлении.

Он замер, когда его глаза зафиксировали мое состояние, отметины на моем горле, и выражение его лица стало таким, какое я увидела в первый раз вскоре после того, как он стал членом мафии пять лет назад. Холодный, жестокий, жаждущий крови.

Он взял себя в руки, преодолел оставшееся между нами расстояние и прижал меня к своему телу, поднимая с земли в сокрушительном объятии. Я зарылась лицом в изгиб его шеи, дрожа.

— Я думал, что больше никогда тебя не увижу, — прохрипел он.

Я не была тем человеком, которого он знал. Она ушла. Если бы он знал, кем я стала, если бы они все знали, они бы меня возненавидели.

И это справедливо.

Можете ли вы потерять себя?

Я долго прижималась к Сэмюэлю, просто вдыхая его успокаивающий аромат, наслаждаясь его ощущением. В конце концов, он опустил меня на землю, и мой взгляд упал на маму, которая стояла позади Сэмюэля, прикрыв рот рукой, слезы текли по ее лицу. Отец обернул руку вокруг нее, придерживая ее. Их боль глубоко ранила меня.

Они думали, что Римо изнасиловал меня. Я выглядела так, будто меня изнасиловали, стоя в разорванном и окровавленном платье.

Мама бросилась вперед и обняла меня так крепко, что я едва могла дышать, и она зарыдала в мои волосы, и мое сердце ... оно просто разбилось, услышав это. И уже не в первый раз я пожалела, что Римо не сделал того, о чем все думали, чтобы я могла поплакать с мамой и со всеми ними.

Я должна была сказать ей правду, но слова не срывались с моих губ. Скоро. Папа и Сэмюэль присоединились к нам, и я вздохнула, потому что в этот момент я позволила себе на мгновение ощутить удовлетворение от единения с ними. Сэмюэль обернул руку вокруг моих плеч, когда повел меня внутрь дома.

— Где София? — спросила я.

— Она с Валентиной и детьми в безопасном доме неподалеку. Они скоро придут, — объяснил Данте позади меня.

Я кивнула.

— Мне нужно принять душ, — сказала я и пожалела о своих словах, когда увидела, каким взглядом обменялась моя семья.

Я быстро отодвинулась и направилась вверх, в свою комнату, начиная рвать платье, но ткань цеплялась за меня. Злые, отчаянные слезы навернулись мне на глаза.

— Сэм! — крикнула я, и в мгновение ока он был там. — Ты можешь ... ты можешь помочь мне с платьем?

Он кивнул и откинул мои волосы в сторону, чтобы дотянуться до молнии. Он замер, прерывисто вздохнув. Я знала, что он увидел след от укуса на моем затылке. Он наклонился вперед, зарывшись лицом в мои волосы. Я позволила ему собраться с мыслями, в то время как мое сердце разрывалось, разрывалось и разрывалось.

— Я убью его.

Угроза. Обещание. Не за мое спасение, как он надеялся.

Он расстегнул молнию. Я поплелась в ванную, не глядя на него, и закрыла дверь. Теплая вода не смыла стыда и вины. Как я могла остаться среди людей, которых предала? Как я могла смотреть в их лица, зная, что они страдали больше, чем я?

Я закрыла глаза. Они были счастливы, что я вернулась. Я должна была сосредоточиться на этом. Но почему, почему я не была счастлива?

Я вышла из душа, вытерлась и обернулась полотенцем. Я вышла, чтобы взять одежду.

Сэмюэль присел на край моей кровати, выражение его лица было напряженным. Его взгляд скользнул по моему горлу, потом по бедрам. Я проследила за его взглядом и увидела синяки в форме рук на внутренней стороне бедер, там, где Римо держал меня, уткнувшись лицом между ног.

Я почувствовала, как краска отхлынула от моего лица, я схватила одежду и вернулась в ванную. Дрожа, я быстро оделась в мягкое платье и колготки. Глубоко вздохнув, я вышла и нерешительно приблизилась к Сэмюэлю. Он смотрел на свою руку на кровати, крепко сжатую в кулак.

Я села рядом с ним, поджав под себя ноги. Сэмюэл поднял глаза, и в них застыло чувство вины. Его взгляд снова метнулся к моему горлу, к отметинам Римо, и полное отчаяние заполнило его лицо.

— О, Fiна, — сказал он прерывающимся шепотом. — Я никогда себе этого не прощу. Я подвел тебя. Я должен был защитить тебя. Последние два месяца я чуть с ума не сошел. Я не могу перестать думать, что мне пришлось сидеть сложа руки, пока ты проходила через ад. Что из-за меня ты страдала еще больше. — он сглотнул.

— Когда Римо прислал нам эти простыни...

Я бросилась к Сэмюэлю, обняла его за шею и уткнулась носом ему в шею.

— Не надо. Пожалуйста, не вини себя. Ты не сделал ничего плохого.

Я сделала. Я ввела в заблуждение всех вас.

Он обнял меня и вздрогнул.

— Ты должна была быть защищена от ужасов нашей жизни. Я не хотел, чтобы ты узнала, насколько жестокой может быть мафия. Никто никогда больше не прикоснется к тебе, Fiна. Я не оставлю тебя. И однажды мы с папой доберемся до Римо и покажем ему, что можем быть такими же жестокими и беспощадными, как Каморра. Он будет молить о пощаде.

— Все кончено, — прошептала я. — Все кончено, Сэм. Давай больше не будем об этом говорить. Пожалуйста.

Я знала Римо лучше, чем он, и они ничего не могли сделать, чтобы заставить его молить о пощаде.

Он кивнул мне, и некоторое время мы оставались в таком положении.

— Когда я услышал твои крики в подвале, я подумал, что сойду с ума, — мрачно сказал он.

Я прижалась лицом к его шее, не в силах смотреть на него, когда говорила правду.

— Римо не мучил меня. Он хотел, чтобы ты в это поверил. Он хотел, чтобы я заставила тебя поверить, что причинить тебе мне боль, чтобы ты страдал. Я ... я только хотела спасти тебя.

Сэмюэль обхватил мою голову и отстранился, его глаза стали мягче, чем раньше.

— Я должен был спасти тебя, но не смог. Даже если эти крики были ненастоящими, я

вижу, что он сделал с тобой ... — Сэмюэль сглотнул, его глаза снова опустились к следам укусов. — С тобой должны были обращаться как с принцессой, заботиться и лелеять ... не ... не ... — он покачал головой и закрыл лицо ладонями. — Я не могу выбросить из головы эти простыни, не могу забыть мамины рыдания или то, как она упала на колени перед Данте и умоляла его спасти тебя, или как Данило уничтожил весь папин офис. Я не могу забыть, как папа плакал. Он никогда не плакал, Фина. Мы с папой столько всего повидали, но в тот день мы оба плакали, как дети. Клянусь честью, клянусь всем, что люблю, что не успокоюсь, пока не воткну свой гребаный нож в Римо Фальконе.

Я поцеловала его в макушку и обняла, потому что, несмотря на то, что я была той, кого похитили, Римо не сломал меня, и я поняла, что это никогда не было его намерением. Бывало и хуже.

— Сэм, — сказала я, собравшись с духом, потому что мне нужно было спасти его, нужно было спасти их всех правдой, даже если это разрушит меня. — Я не страдала, как вы все думаете. Римо не насиловал меня, не пытал.

Сэмюэль отстранился, и я приготовилась к неизбежному, к отвращению и ненависти, смирилась с этим, но в его глазах были жалость и печаль.

Он погладил мое горло, потом коснулся выцветшего пореза на предплечье. Что-то темное мелькнуло в глубине его голубых глаз, когда они встретились с моими.

— Ты была невиновна. Ты никогда не была наедине с мужчиной, а потом оказалась во власти такого монстра, как Римо Фальконе. Тебе нечем было себя защитить. Ты сделала то, что должна была, чтобы выжить. Мозг мощный инструмент. Он может пережить самые жестокие ужасы, создавая альтернативную реальность.

Я покачала головой. Он не понимал.

— Сэм, — снова попыталась я. — Меня не насиловали.

Сэм сглотнул и поцеловал меня в лоб, как маленького ребенка.

— Рано или поздно ты это поймешь, Фина. Как только ты исцелишься, как только прекратится промывание мозгов, ты увидишь истину. Я буду рядом, когда это случится. Я никогда больше не покину тебя.

И тогда я поняла, что он никогда не поверит правде, потому что не может. Сестра, которую он знал и любил, не стала бы спать с Римо, и если я хочу вернуться к нему, к своей семье, мне нужно снова стать ею.

Я не была уверена, была ли она все еще где-то внутри меня, или Римо вырвал ее из меня, как он сделал с моей невинностью, и оставил ее для себя.

Г Л А В А 21

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Прикрыв следы укусов консилером, я вышла из комнаты с Сэмюэлем. Мама в столовой расставляла тарелки к ужину. Обычно это делали горничные, но у меня сложилось впечатление, что ей нужно чем-то занять себя. Она похудела. Она всегда была высокой и худой, но теперь стала стройной.

Слова Сэмюэля промелькнули у меня в голове, что она упала на колени и умоляла Данте спасти меня. Моя мать была гордой женщиной. Я не думаю, что она когда-либо умоляла о чем-либо в своей жизни, ни на коленях. Но преклонять колени перед теми, кого мы любили ... это было то, что мы с ней всегда будем делать. Я подошла к ней. Она

улыбнулась, но в ее глазах были вопросы и страхи.

— Могу я помочь?

Ее взгляд скользнул к моему горлу.

— Нет, Фина. Просто отдыхай.

Мне не хотелось отдыхать.

— А где остальные?

— Твой отец и дядя разговаривают с Данило в офисе. София скоро будет здесь. Она будет так рада увидеть тебя снова.

Я улыбнулась, но мои мысли вернулись к Данило. Мой жених. Мой взгляд упал на обручальное кольцо на пальце, и я вздрогнула, вспомнив взгляд Римо, когда он надел его.

— Мне нужно поговорить с Данило, — тихо сказала я.

Мама поставила тарелки, изучая мое лицо. Она не спросила почему. Может быть, она знала и видела это по моему лицу.

— Сделай это, милая.

Я кивнула и направилась в папин кабинет. Сэмюэль последовал за мной.

— Ты не выйдешь за него замуж, да?

Я остановилась в коридоре и посмотрела на своего близнеца. В его голосе не было осуждения, но было облегчение.

— Я не могу.

Он тронул меня за плечо.

— Я здесь ради тебя.

— Разве тебе не придется отправиться в Чикаго, чтобы работать с Данте?

Он покачал головой, сжав губы.

— Мы решили не отсылать меня. Я нужен папе здесь. Мы должны защищать нашу территорию.

Меня. Они должны были защищать меня ... и Софию.

— Я хочу поговорить с Данило наедине, Сэм. — он нахмурился, в его глазах вспыхнула защита. — Сэм, — твердо сказала я. — Я справлюсь.

Я держала Римо в руках несколько месяцев. Ничто больше не могло меня напугать. Возможно, та же мысль пришла в голову Сэмюэлю, потому что он кивнул с гримасой.

— Я подожду в коридоре, — сказал он, прислоняясь к стене рядом с деревянной дверью.

Я дважды постучала и вошла, не дожидаясь ответа. Мое дыхание застряло у меня в горле. Кто-то перевернул два книжных шкафа. Рваные книги и разбитые очки. Папина любимая коллекция стаканов с виски рассыпалась по полу. Кожаный диван был изрезан, наполнитель торчал повсюду. Данило сделал это, и никто не потрудился убрать после.

Мои глаза нашли моего жениха. Он контролировал себя, настолько похожий на Данте, что, вероятно, не мог больше выносить сравнения с ним. Я не могла представить, что он это сделает. Его карие глаза впились в мои, полные сожаления и гнева.

— Голубка? — спросил папа.

Я откашлялась, понимая, что он и Данте тоже смотрят на меня.

— Простите, что побеспокоила вас, — сказала я. — Но мне нужно поговорить с Данило.

Папа колебался, переводя взгляд с меня на жениха. Данте положил руку ему на плечо, и в конце концов они оба ушли. Данило стоял лицом к окну, прижав руки к стене с обеих сторон.

Дверь с тихим щелчком закрылась, и в комнате воцарилась тишина.

Плечи Данило вздрогнули. Он был высоким и мускулистым, но не таким, как Римо.

— Я ... — начала я, но не знала, как продолжить, как объяснить, что я потеряна для него.

Данило медленно обернулся с затравленным выражением лица. Он улыбнулся, но улыбка была напряженной, усталой, а за ней скрывалось что-то темное и сломанное.

— Серафина, — пробормотал он. Он сделал шаг ближе, но остановился, когда я напряглась. — Я все еще хочу жениться на тебе. Если ты хочешь меня.

Я посмотрела на красивое лицо Данило. Он лучше Римо умел скрывать свою жестокость. Он был элегантно красив, но не так привлекателен, как Римо. Римо. Всегда Римо. *Я владею тобой.*

— Я больше не та девушка, которую тебе обещали, — прошептала я. — Я ... потеряна.

Он покачал головой и подошел ближе, но еще недостаточно близко, чтобы коснуться.

— Он заплатит. Последние два месяца я каждую минуту думал о тебе, сходя с ума от беспокойства и ярости. Твоя семья и я ... мы хотели вернуть тебя ... мы не ...

— Все в порядке, — тихо сказала я.

— И меня не волнует, что он ... что ты не ... — его лицо исказилось от вины и ярости. — Я все еще хочу жениться на тебе, и ты не должна бояться, Серафина. Я не прикоснусь к тебе, пока ты не исцелишься, пока ты не захочешь, клянусь.

Я подошла к Данило. Мы могли бы быть счастливы. Он был бы добр ко мне, такой хороший муж, каким только может быть настоящий мужчина. Я не обманывала себя, думая, что он не монстр, но он был сдержанным.

Я коснулась ладонями его груди и посмотрела ему в глаза. Что-то в них изменилось с нашей последней встречи два месяца назад. Они были жестче, темнее. Мой плен тоже оставил на нем свой след.

— Не могу. Прости, — прошептала я. — Ты заслуживаешь кого-то другого. Пожалуйста, найди ту, которая заслуживает тебя.

Он посмотрел на меня, сжав челюсти.

— С того момента, как я увидел тебя в первый раз, я хотел только тебя.

Я опустил глаза, потому что с того момента, как Римо увидел меня, я принадлежал ему.

— Прости, — повторила я.

Он медленно кивнул. Я убрала руки с его груди и отступила назад.

— Фальконе получил, что хотел, не так ли? — хрипло сказал он.

— Но твоя семья и я приведем его сюда. Мы уничтожим его.

Я вздрогнула. Я сняла с пальца обручальное кольцо и протянула его Данило.

— Не трать время на месть, Данило. Двигайся дальше. Найди кого-нибудь другого. Будь счастлив.

Он покачал головой, явно пытаясь взять себя в руки.

— Месть это все, чего я хочу, и я не остановлюсь, пока не получу ее. Римо проклянет тот день, когда забрал тебя у меня.

Римо уже знал, но не по той причине, по которой этого хотел Данило.

Он ушел, не сказав больше ни слова. С трудом сглотнув, я прислонилась к подоконнику. Вот оно. Я больше не была помолвлена ... я была никем. Я была ... разрушена. В наших кругах я была разрушена. Если бы я вышла замуж за Данило, все могло бы быть по-другому, но сейчас....

Раздался тихий стук в дверь, и вошла мама. Я слегка улыбнулась ей, желая убрать жесткую линию между ее бровями.

— Данило сказал мне, что ты не хочешь выходить за него замуж.

Как будто это было так просто. Желание не имело к этому никакого отношения. Я не могла, потому что в глубине души знала, что мне нужно ослабить хватку Римо на моем глупом сердце, прежде чем я смогу двигаться дальше.

Я знала правила нашего мира, даже сейчас они все еще связывали меня, связывали мою семью. Мы обещали племянницу Данте - Манчини, а теперь они не получают того, чего хотели, чего ожидали как правящая семья Индианаполиса. Возможно, Данило принял мое решение, но его отец был все еще жив, болен и прикован к постели, но жив. Он дергал за ниточки на заднем плане. Манчини не согласились бы на кого угодно в качестве моей замены.

— Не могу, — тихо сказала я. — Я никогда не смогу выйти замуж, мама. Не заставляй меня.

Мама бросилась ко мне и обняла.

— Не буду. Ни я, ни твой отец, ни Данте. Мы все тебя ужасно подвели. Тебе никогда не придется выходить замуж, милая, ты можешь жить со своим отцом и со мной столько, сколько захочешь.

— Спасибо, мама, — сказала я, и даже когда я это сказала, я знала, что это не то, чего я хотела.

Она отстранилась, нахмурившись.

— Твой дядя хотел бы поговорить с тобой. Я сказала ему, что еще слишком рано, но он настаивает, что это необходимо. Тем не менее, если ты не готова, я буду противостоять ему.

Меня охватил ужас, но я покачала головой.

— Все в порядке. Я поговорю с ним.

Она коротко кивнула.

— Я позову его. Он должен вернуться в Чикаго завтра утром. Он слишком долго отсутствовал последние два месяца.

Перед уходом она поцеловала меня в щеку.

Данте вошел мгновение спустя, высокий и сдержанный, как всегда. Он закрыл дверь, затем остановился, его холодные голубые глаза скользнули к моему горлу, где были следы Римо — больше не видимые, покрытые слоями консилера, точно так же, как мои предательские чувства к нему были покрыты горами лжи. Я покраснела и прикоснулась к коже от стыда.

— Не надо, — твердо сказал он.

Я нахмурилась. Он двинулся ко мне медленно, осторожно, как будто боялся, что я могу убежать. Я убрала руку от горла, когда он остановился передо мной.

— Не стыдись того, что тебе навязали, — тихо сказал Данте, но его голос звучал глухо. В нем была нота, которую я никогда раньше не слышала. Я заглянула дяде в глаза, но прочитав его мысли было трудно. Он излучал контроль и силу. Но в его взгляде мелькнули сожаление и печаль.

— Я не хочу вскрывать болезненные раны, Серафина, но, как босс Наряда, я должен знать все, что ты знаешь о Каморре, чтобы я мог уничтожить их и убить Римо Фальконе.

Я сглотнула и отвернулась. Эта война скоро станет еще более кровопролитной и жестокой. Как будто это отменит мое похищение. Как будто смерть Римо могла что-то

изменить. Но моя семья и Данило должны были загладить свою вину. Что бы я ни сказала, это не изменится.

— Не думаю, что знаю что-нибудь, что поможет тебе.

— Каждая мелочь поможет. Привычки. Динамика между братьями. Слабости Римо.

Планировка особняка.

Слабость Римо. Его братьев. Самая большая слабость Римо может быть он сам.

— Римо не доверяет никому, кроме своих братьев и Фабиано. Он умрет за них, — прошептала я.

По какой-то причине я чувствовала себя почти виноватой за то, что рассказала об этом дяде, как будто я была обязана Римо верностью, как будто я была обязана ему чем-то вообще. Он похитил меня, а потом отпустил. Я не была уверена, что заставило меня ненавидеть его больше.

— Кроме семьи, в особняк допускаются только Фабиано и Леона, а иногда и уборщицы. Римо всегда держит нож и пистолет при себе. Он чутко спит ... — я замолчала.

Моя кожа горела от того, что я только что открыла, но Данте только спокойно смотрел на меня. Ни осуждения, ни гнева. Мне все равно пришлось отвести от него взгляд, потому что от его понимания мне стало еще хуже. Он не знал, что я свободно легла в постель Римо, наслаждаясь не только сексом, но и нежностью. Эту сторону Римо никто не знал, и то, что он показал ее мне, значило для меня больше, чем следовало бы.

Смогу ли я вернуть то, что было потеряно? Меня начало трясти, я была ошеломлена ситуацией, своими чувствами.

— Серафина, — твердо сказал Данте, касаясь моего плеча.

Я подняла на него глаза и затряслась еще сильнее, охваченная желанием выложить все, но не достаточно храбра. Я прижалась к дяде, и он утешительно коснулся моего затылка.

— Что же мне делать? Как я буду принадлежать этому месту снова? Все будут смотреть на меня с отвращением.

Тело Данте сжалось еще сильнее.

— Если кто-нибудь узнает, дайте мне знать, и я с ними разберусь.

Я кивнула.

— И ты никогда не переставала принадлежать этому месту. Ты часть этого наряда, часть этой семьи, ничего не изменилось.

Все изменилось. Хуже всего было то, что сделала это я.

• — * — •

Когда мы наконец вышли, Сэмюэль снова занял место моей тени. Мы уже шли в столовую, когда открылась входная дверь. Один из наших телохранителей вошел, и София вбежала внутрь. Ее широко раскрытые глаза остановились на мне, и она бросилась в мою сторону. Она столкнулась со мной, и я упала бы назад, если бы Сэмюэль не поддержал меня.

— Ты вернулась! — София крепко обняла меня за талию, и я положила подбородок ей на макушку, улыбаясь. Когда я отстранилась, ее глаза горели счастьем, несмотря на слезы. — Я так по тебе скучала.

— Я тоже скучала по тебе, божья коровка.

Интересно, много ли она знает, что мои родители и Сэмюэль рассказали или не смогли скрыть от нее?

Вошла Валентина с двумя детьми, Анной и Леонасом. Анна была ровесницей Софии, и они очень любили друг друга. Они были не только двоюродными сестрами, но и лучшими

друзьями, несмотря на расстояние между ними.

Леонас было почти восемь и вылитый Данте, за исключением глаз. Анна и Леонас вопросительно посмотрели на мать, и она кивнула, прежде чем они тоже подошли ко мне. Я обняла их, хотя это оказалось трудным, потому что София продолжала цепляться за мою руку. Анну и Софию иногда принимали за сестер, потому что у них был похожий цвет волос.

Валентина поздоровалась со мной последней. Ее объятия были нежными, как будто я была хрупкой, но я одарила ее твердой улыбкой.

— Мы можем поужинать, — сказала мама с храброй улыбкой. Когда рядом дети, она больше не будет плакать, как и все остальные.

Разговор за обеденным столом шел непринужденно. Слишком легко. Я могла бы сказать, что каждый пытался создать нормальную жизнь для меня и для себя. Данило там не было. Я предположила, что он хотел побыть один после того, как я разорвала нашу помолвку, и он не был частью семьи, и теперь он никогда им не будет.

Было странно снова оказаться в окружении своей семьи. Я сидела между братьями и сестрами, они оба хотели быть поближе ко мне, но мои мысли все время возвращались к Лас-Вегасу, к Римо.

— Как Лас-Вегас? — выпалил Леонас, когда мы покончили с десертом, моим любимым декадентским шоколадным тортом.

— Леонас, — резко сказал Данте.

Мой кузен покраснел, осознав свою ошибку. Я сделала глоток воды и пожала плечами.

— Не стоит посещать, если хочешь знать мое мнение.

Леонас хихикнул, и моя семья снова расслабилась. Сэмюэль сжал мою руку под столом. Может быть, я смогу найти дорогу обратно к ним.

• — * — •

Было странно снова оказаться в своей постели. Мне было трудно заснуть. Слишком много всего произошло. Сегодня утром я проснулась в Лас-Вегасе с Римо, и вот я здесь.

Дверь открылась, и в комнату проскользнул Сэмюэль. Я освободила ему место в постели.

— Проснулась? — тихо спросил он.

— Да. — я не уточняла. Он лег на одеяло спиной. — А как насчет тебя?

Несколько мгновений Сэмюэль молчал.

— Я был на ночной встрече с Данте и папой.

— О, — сказала я. — О ваших планах отомстить Каморре?

Сэмюэль громко сглотнул.

— Нет. Не об этом. Речь шла о Данило. Его отец не в восторге от такого положения вещей.

Беспокойство охватило меня. Что, если они выдадут меня за него, несмотря ни на что? Что, если его семья настоит на том, чтобы ему дали племянницу Данте?

— Сэм, — прошептала я, и он потянулся ко мне в темноте, его рука накрыла мою.

— Папа обещал ему Софию.

Я замерла.

— Она еще ребенок.

Сэмюэль вздохнул.

— Они женятся на следующий день после ее восемнадцатилетия.

— До этого еще шесть с половиной лет.

Я почувствовала, как Сэмюэль кивнул.

— Они думают, что Данило все еще молод и занят тем, что контролирует Индианаполис и заботится о своем отце. Он может подождать. — он помолчал. — И это не значит, что он не может занять себя другими девушками до тех пор.

Я закрыл глаза.

— Что скажет София? Это моя вина. Я должна выйти за него замуж.

— Нет, — прорычал Сэмюэль. — Мы тебе не позволим. В этом мы все согласны, Фина. Ты не выйдешь замуж ни за кого. Ты через многое прошла. Ты останешься здесь, пока не почувствуешь себя лучше.

— А потом?

— Не знаю, — признался он.

Я не могла жить одна. Как девушка, это не вариант. Им придется выдать меня замуж, или я останусь с мамой и папой навсегда.

— В конце концов ты переедешь жить ко мне.

Я рассмеялась.

— Да, конечно. Уверена, твоя будущая жена будет в восторге от того, что я живу под одной крышей.

— Она сделает, как я скажу, — пробормотал он.

Я замолчала.

— Когда ты женишься, твой долг защищать ее, быть добрым к ней, Сэм. Я больше не буду за тебя отвечать.

— Я не собираюсь жениться в ближайшее время, учитывая, как развиваются дела с Каморрой.

— Когда София узнает?

— Папа поговорит с ней завтра утром. Данило настаивает на этом. Он также настаивает на увеличении числа охранников.

— Полагаю, он не хочет, чтобы история повторилась, — тихо сказала я. Сэмюэль напрягся. Я слегка ущипнула его. — Прекрати.

— Зачем ты это сделала?

— Потому что ты снова почувствовал себя виноватым, и я хочу, чтобы ты прекратил. Я хочу, чтобы все вернулось на круги своя.

— Я тоже этого хочу, — сказал Сэмюэль. Мы оба знали, что это будет не так просто.

• — * — •

Когда я проснулась на следующее утро, Сэмюэля уже не было. Он всегда поздно вставал, но и это, похоже, изменилось. Я выскользнула из постели и оделась, прежде чем выйти из комнаты. Вместо того чтобы спуститься вниз, я прошла по коридору в комнату Софии и постучала. Мой желудок болезненно сжался.

— Входите! — она крикнула.

Нахмурившись от ее бодрого тона, я проскользнула внутрь. София лежала на животе, скрестив ноги. Она рисовала. Заметив меня, она покраснела. Я подошла к ней и присела на край кровати. Ее руки закрыли рисунок, и я наклонила голову.

— Я хотела поговорить с тобой о Данило. Полагаю, папа уже говорил с тобой?

Она неуверенно кивнула, закусив губу.

— Ты злишься на меня?

— Злюсь? — эхом отозвалась я, сбитая с толку.

— Потому что Данило хочет жениться на мне, а не на тебе.

Напряжение покинуло мою грудь. Это было то, что она сказала София. Хорошо. Я внимательно посмотрела на нее.

— Нет. Я не хочу. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты в порядке?

Она снова прикусила губу и слегка кивнула. Смущенно улыбнувшись, она убрала руку с рисунка. Это было ее имя и имя Данило снова и снова.

Меня захлестнуло удивление.

— Он тебе нравится?

Ее щеки пылали.

— Мне очень жаль. Он мне нравился, даже когда ты была ему обещана. Он милый и галантный.

Я поцеловала ее в макушку. Была ли я когда-то такой невинной? Такой обнадеживающей и невежественной?

Я отстранилась и строго посмотрела на нее.

— Он взрослый человек, София. Пройдет много лет, прежде чем ты выйдешь за него замуж. До тех пор он к тебе и близко не подойдет.

Она кивнула.

— Я знаю. Папа сказал мне. — она казалась разочарованной. Так прекрасна невинна. Я погладила ее по волосам. — Значит, мы в порядке? — спросила она.

— Лучше, чем в порядке, — сказала я, затем встала и оставила младшую сестру грезить наяву.

Я скучала по тем дням, когда думала, что рыцарь в сияющих доспехах на белом коне украдет мой первый поцелуй.

Вместо этого монстр забрал мое тело и душу.

Желудок скрутило вниз, но я остановилась, увидев Данило в фойе. Я предположила, что он обсуждал детали своей помолвки с моей сестрой с моими родителями и Данте. Почему-то я была в ярости. София, может, и была счастлива, но она не знала, насколько велико ее обещание. Конечно, в конце концов ее пообещали бы кому-нибудь, но не в качестве утешительного приза, потому что Манчини хотели племянницу Данте.

Я направилась прямо к нему. Его лицо искрилось сожалением и ненавистью к себе, когда он посмотрел на меня.

— София девочка. Как ты мог согласиться на эту связь, Данило?

Его лицо вспыхнуло гневом.

— Она еще ребенок. Слишком молода для меня. Ради Бога, она ровесница моей сестры. Но ты знаешь, чего ожидать. И мы не поженимся, пока она не достигнет совершеннолетия. Я никогда не прикасался к тебе и не прикоснусь к ней.

— Тебе следовало выбрать кого-нибудь другого. Не Софию.

Напряжение пронзило его тело.

— Я не выбирал ее. Я выбрал тебя. Но тебя отняли у меня, и теперь у меня нет выбора, кроме как жениться на твоей сестре, хотя я хочу тебя!

Резкий вдох заставил нас обоих посмотреть на Софию, которая стояла на самой высокой ступеньке и смотрела на нас широко раскрытыми обиженными глазами. Ее подбородок задрожал, и она резко развернулась и бросилась прочь.

— Черт побери, — пробормотал Данило. Он сделал движение, как будто хотел последовать за мной, но я схватила его за руку.

— Что ты делаешь?

— Я должен поговорить с ней.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

Данило отстранился, выражение его лица снова стало спокойным, уравновешенным.

— Я должен извиниться.

— Не уверена, что она с тобой заговорит. Но мы можем попытаться, — тихо сказала я.

Я повела его вверх, стараясь не обращать внимания на то, как его взгляд задержался на моем горле. Сегодня утром я не замазала следы.

Я указала на дверь Софии, и Данило решительно постучал.

— Уходи!

— София, — спокойно сказал Данило. — Можно с тобой поговорить?

За дверью долго стояла тишина. Брови Данило сошлись на переносице.

— Она, наверное, пытается провести лицо в порядок, чтобы ты не видел ее слез.

Он слегка кивнул и снова посмотрел на мое горло. Я вздохнула и отвернулась.

— Я буду защищать ее. Я не подведу ее так, как подвел тебя, — пробормотал Данило.

Мои глаза метнулись вверх, но в этот момент дверь открылась. София стояла в дверях, смущенная. Она перевела взгляд с Данило на меня, и я улыбнулась ей.

Она покраснела, когда подняла глаза на Данило.

— Я могу поговорить с тобой минутку? — спросил он.

София вопросительно посмотрела на меня.

— Конечно, — ответила я.

Я знала, что обычаи запрещают девушкам оставаться наедине с мужчинами, но Софии было одиннадцать, а Данило всегда вел себя со мной как настоящий джентльмен.

София вернулась в свою комнату и уселась на плюшевый розовый диван. Данило последовал за ней, оставив дверь открытой. Он окинул взглядом ее розовую девичью комнату, и я увидела, как ему неловко.

Он опустился на диван так далеко, как позволяла мебель. Он выглядел неуместно в комнате, как гигант рядом с ней. Контраст не мог быть больше: София в розовом платье с ее буйной натурой и Данило в черных брюках и черной рубашке с его холодным поведением. Он уже казался мне намного старше, но по сравнению с Софией?

Не то чтобы она возражала. Она смотрела на него с таким детским обожанием, что даже мое разбитое сердце пело от радости. Я надеялась, что она продержится долго. Я сделала несколько шагов назад и дала им возможность побыть наедине. Через две минуты Данило вышел. Он провел рукой по темным волосам. Его глаза встретились с моими, и я снова увидела вспышку тоски и ярости.

— И?

Он коротко кивнул.

— Думаю, мне удалось убедить ее, что я сказал все это, чтобы тебе было легче.

— Хорошо, — сказала я.

Данила покачал головой, сдвинув брови.

— В этой ситуации нет ничего хорошего, Серафина, и я удивлен, что из всех нас именно ты справляешься с ней лучше всех.

Я напряглась.

— Я просто хочу, чтобы все вернулось на круги своя. Вот и все.

Он устало кивнул.

— Они не хотят, но я понимаю. Мне нужно идти.

Он ушел, не сказав больше ни слова. Я подождала, пока его высокая фигура исчезнет, прежде чем войти в комнату Софии.

— Все в порядке?

Она все еще сидела на диване, уставившись на свои руки.

— Думаю, да, — задумчиво сказала она.

— Ты будешь самой красивой невестой, я просто знаю это.

Ее глаза загорелись.

— Думаешь?

— Я это знаю.

Моя грудь болела из-за того, что я потеряла, из-за того, что я никогда не смогу иметь, особенно с мужчиной, у которого было мое сердце.

Г Л А В А 22

• ————— * ————— •

РИМО

Арена Роджера была заполнена для моего боя, когда я вошел. Нино последовал за нами, когда мы подошли к кабинке, где ждали Адамо, Савио, Киара, Леона и Фабиано. Я уже был в своих боевых шортах, и мое тело гудело от едва сдерживаемой жажды крови.

Роджер на этот раз помог мне за стойкой и кивнул в знак приветствия, за то, что я вернулся. Публика бросала на меня нетерпеливые, любопытные, испуганные взгляды. Мои бои всегда были особенно популярны для тех, кто мог их переварить. Гриффин выглядел чертовски восторженным, когда записывал ставки.

— С кем из несчастных ты будешь сражаться? — с любопытством спросил Савио.

— Спроси Нино.

Мне было все равно, кто они. В любом случае я разорву их в клочья.

— Два бывших зэка. Оба в бегах. Оба отчаянно нуждаются в деньгах и новых личностях. Вариантов нет, — сухо ответил Нино. — Один из них забил до полусмерти свою беременную жену, и она потеряла ребенка. Уже отбыл наказание за непредумышленное убийство. Другой полжизни провел в тюрьме за растление малолетних.

— Похоже, они заслужили свой смертный приговор, — усмехнулся Фабиано, обнимая Леону, и она улыбнулась ему с обожанием. Это зрелище всколыхнуло мою ярость, и я сосредоточился на клетке.

— Они захотят смертной казни, когда я закончу с ними.

Рефери окликнул меня по имени, и я пошел сквозь расступающуюся толпу к клетке и двум мертвецам, ожидавшим меня внутри.

Толпа взревела и захолопала в экстазе. Я забрался в клетку и осмотрел своих противников.

Один из них был выше и шире меня. Может быть, я мог представить, что это Лука. Это добавило бы приятных ощущений.

Второй был невысоким, но похожим на быка, и его поза говорила о том, что он боксер. Оба выглядели так, будто знали, как нанести удар.

Хорошо.

Как только начался бой, они атаковали вместе. Я схватил коротышку и ударил его коленом в бок, но гигант схватил меня сзади. Коротышка бросился ко мне и ударил кулаком в живот. Я дернул головой вперед и ударил его. Он пошатнулся, и я ударил его в грудь, катапультируя себя и ублюдка, который держал меня сзади. Мы врезались в клетку, и я выпрыгнул из захвата большого парня.

Развернувшись, я оттолкнулся от земли и в полёте пнул его гребаное лицо, сломав нос, подбородок и скулу. Кровь забрызгала все вокруг, и он упал навзничь, закрыв лицо руками. Это займет у него на некоторое время.

Я повернулся к коротышке и улыбнулся. Публика взревела. Они знали эту улыбку. Взгляд моего противника был знакомым: паника и ужасное осознание.

Я подошел к нему, и он поднял кулаки. Я сделал вид, что нападаю, заставив его отшатнуться. Я усмехнулся. Это будет весело. Я бросился на него, безжалостно пиная и

колотя. Крики толпы и хныканье моего противника подстегнули меня, но чертова пустота в груди осталась. Я пинал его снова и снова, пока все не стало красным. Когда он больше не дергался, я расслабился. Другой парень стоял ко мне спиной и тряс дверцу клетки, желая выйти.

— Никто не откроет эту дверь. Если ты хочешь выбраться из клетки, тебе придется убить меня.

Здоровяк обернулся, лицо распухло и было в крови. Он старался изо всех сил. Вскоре я схватил его за горло и ударил лицом о клетку. Один раз. Дважды, а потом снова и снова. Я, блять, не мог остановиться. Мне нужно было что-то раздавить.

— Римо.

Удар.

— Римо!

Удар.

Чья-то рука схватила меня за плечо и отбросило назад. Я выпустил окровавленную мякоть и уставился на Нино. Его лицо было забрызгано маленькими красными точками. Кровь.

Я посмотрел на себя, потом на пол. На Арене было тихо, и все смотрели на меня с нескрываемым ужасом.

— Я выиграл, — пробормотал я.

Нино покачал головой.

— Пошли.

Я последовал за ним из клетки в раздевалку. Толпа расступилась еще шире. В воздухе висел тяжелый запах рвоты. Гриффин прижимал чертову салфетку ко рту.

Войдя в раздевалку, я снял промокшие шорты, оставив на земле красный след, и вошел в душ. Горячая вода еще долго оставалась красной, и Нино все это время наблюдал за мной со своего места на скамейке, уперев локти в бедра.

— Нравится то, что ты видишь? — он ничего не сказал, и это начало меня раздражать. Схватив полотенце, я вышел из душа и вытерся. — Говори, что хочешь.

Нино посмотрел на меня, слегка нахмурившись.

— Это из-за Серафины? Мне стоит волноваться?

Мои губы широко раскрылись.

— У меня нет сердца, которое можно разбить, Нино. Прекрати парить в воздухе.

— Она не вернется к тебе, Римо. Она попытается вернуться в наряд, где, по ее мнению, ей самое место. Если ты будешь ждать, пока она сама придет к тебе, тебя ждет разочарование.

Я низко поклонился, встретившись с ним взглядом.

— Мне все равно, вернется она или нет. Здесь есть шлюхи, чтобы трахаться, наряд ублюдков, чтобы убивать, и чертова братва.

Я надел брюки, которые мне вручил Нино. Потом мы ушли. Часть толпы уже ушла, остальные тихо перешептывались. Нино повел меня к кабинке, но там был только Савио, и он смотрел на меня так, словно я восстал из ада.

— Где все?

— Ну, — пробормотал Савио. — Киару и Адамо, наверное, тошнит, а Фабиано и Леона вышли с ними на улицу, чтобы понаблюдать.

При упоминании Киары Нино нахмурился еще сильнее. Мы вышли на улицу и нашли их

всех на стоянке рядом с нашими машинами. Адамо сидел на капоте машины Нино и курил. Киара склонилась над стволом, тяжело дыша, а Фабиано обнял Леону за плечи, которая выглядела немного слабой.

Нино подошел к жене и погладил ее по спине.

Фабиано покачал головой.

— Какого черта, Римо?

Я закатил глаза.

— Ты видел меня в худшем проявлении. Мы пытали вместе.

И после того, что он сделал со своим отцом, он действительно не имел права быть шокированным моей потерей контроля.

Савио фыркнул.

— Мы все видели твои пытки, но ты никогда так не терял контроль. Взгляни на видеозапись, и если твоё выражение лица не пугает даже тебя, то я не знаю, что сказать.

Он подошел к Адамо, взял у него сигарету и глубоко затянулся.

— Ты не куришь, — проворчал Адамо.

— Мне нужно избавиться от привкуса рвоты во рту.

— Только не говори, что тебя тоже вырвало, — сказал я.

Савио поднял бровь.

— Нет. Но когда люди вокруг меня начали извергать обратно свою еду, я практически чувствовал ее вкус во рту.

Я почувствовал на себе взгляд Фабиано и встретился с ним взглядом, ожидая, что он что-нибудь скажет. Он не ничего не сказал. Адамо не мог встретиться со мной взглядом, и у меня не было необходимого терпения сегодня вечером, чтобы иметь с ним дело. Может быть, завтра.

Нино наконец удалось успокоить Киару, которая наклонилась к нему, бледная и потная. Она встретила со мной взглядом. В ее взгляде я увидел не отвращение или страх, а сочувствие и понимание, и это вызвало во мне новую волну ярости.

— Ключи, — приказал я, протягивая руки к Нино.

Он покачал головой.

— Ты сейчас никуда не поедешь.

— Дай мне гребаные ключи, — прорычал я.

— Нет.

— Я могу отвезти тебя, — съязвил Адамо.

Я искоса взглянул на него. Конечно, он приехал на своей новой машине и, конечно, не сидел на капоте. Нино кивнул, как будто мне нужно было его гребаное разрешение, чтобы сесть в машину Адамо.

— Тогда пошли, ребёнок, — пробормотал я.

Адамо спрыгнул с машины Нино, выбросил окурок и сел в свой Мустанг. Как только я опустился на пассажирское сиденье и закрыл дверь, Адамо пулей вылетел со стоянки.

— Куда ты хочешь поехать?

Я потер висок.

— Я хочу убивать и калечить, но теперь, когда я должен присматривать за тобой, этого не случится.

— Думаю, сегодня я должен посидеть с тобой. Нино волнуется, — сказал Адамо.

Я покачал головой.

— Вы все чертова неприятность.

— Ты меня сегодня до смерти напугал.

— Надеюсь, это было не в первый раз, или я делаю что-то не так.

— Я и раньше тебя боялся. Когда ты послал за мной Фабиано из-за кокаина. Но сегодня я немного испугался за тебя.

— Поверь мне, Адамо, у тебя нет абсолютно никаких причин бояться за меня.

Адамо нахмурился.

— Это из-за нее?

Мои братья, казалось, намеревались испытать предел моего терпения.

— Заткнись и веди машину.

— Куда?

— Домой. Просто отвези нас домой.

СЕРАФИМА

Мы с мамой сидели в саду на качелях, наслаждаясь теплым осенним днем. Я вернулась всего два дня назад, и мы с мамой впервые остались наедине. Наши ноги мягко пинали землю, чтобы держать качели в движении. Мама держала меня за руку, глядя в небо.

Я знала, что у нее есть вопросы, но она не могла их задать, и не была уверена, что смогу дать ей ответы.

— Почему ты отдала Софию Данило? — в конце концов спросила я.

— Это не то, чего мы хотели, не то, чего хотел Данило, но мы должны связать наши семьи. Этого ожидают, — сказала мама. — И он порядочный человек.

— Ты сказала те же слова мне в день моей свадьбы.

Мама побледнела, но сумела кивнуть.

— Я хотела развеять твои страхи.

— Я знаю.

Ее голубые глаза встретились с моими, наполняясь болью. Она коснулась моей щеки.

— Я хотела для тебя только лучшего. Я хотела счастья. Мне нужен был мужчина, который носил бы тебя на руках, который был бы добр к тебе, как твой отец ко мне. — она быстро отвела взгляд, собираясь с мыслями. — Я не могу представить себе ужасов, которые ты пережила, Fiina, но мне жаль, что я не могла перенести их вместо тебя.

— Мам, — прошептала я. — Все не так, как ты думаешь. Я не страдала так, как ты думаешь. Римо не принуждал меня.

— Твой отец не позволил мне посмотреть видео, где он порезал тебя, но я видела простыни. Я вижу отметины на твоём горле. Не облегчай свои страдания, чтобы мне стало лучше, любимая. Не нужно.

Она баюкала мое лицо, ее глаза были яростными, решительными. Она тоже никогда не поймет масштабов моего предательства. Моя семья хотела, чтобы я стала жертвой.

• — * — •

Я хотела принадлежать, хотела снова стать частью Наряда, но с каждым днем становилось все очевиднее, что часть меня осталась в Вегасе с Римо. Люди разговаривали. В основном они делали это за закрытыми дверями, но я ловила жалостливые взгляды телохранителей и служанок. Всю мою жизнь люди относились ко мне с восхищением и уважением, а теперь я стало той, кого нужно жалеть. Они не знали, что я не жертва, не в том смысле, как они все думали.

И до сих пор я была защищена от внимания. Я не выходила из дома, не посещала

никаких общественных мероприятий, но в конце концов мне придется появиться, иначе спекуляции поднимутся еще выше. Мне нужно было показать им, что я не прячусь, что у меня нет причин прятаться.

Прошло больше трех месяцев с тех пор, как Римо похитил меня. Больше четырех недель с тех пор, как он освободил меня — тело, а не душу. Иногда мне удавалось забыть его на несколько минут, только чтобы напомнить с сокрушительной силой, но становилось лучше. Возможно, Сэм был прав. Может быть промывание мозгов Римо прекратилось. Может быть, когда-нибудь я буду свободна.

Сегодня моя семья вернется на публику, покажет силу, покажет, что мы не сломлены, что я не сломлена. Это был пятидесятилетний день рождения отца, и вечеринка организовывалась в течение года, великолепный праздник с семьей и друзьями, с младшими офицерами и капитанами.

Мои родители подумывали отменить вечеринку, но я убедила их отпраздновать. Жизнь должна продолжаться. Данте, Валентина и дети тоже остановились у нас, и я была рада увидеть их снова. Последние несколько недель я занималась тем, что помогала маме готовиться к вечеринке, мне нужно было отвлечься, я старалась не обращать внимания на ноющий страх в затылке, который становился все громче с каждым днем.

Я устала в потолок своей комнаты. Было уже поздно, и мне нужно было выбрать платье, собраться и помочь маме, но я не могла пошевелиться. Последние два часа я лежала неподвижно, лишь неглубоко дышала.

У меня начались месячные в последнюю неделю августа. Был конец октября. Мои пальцы скользнули по животу, испуганные, обездвиженные.

Я медленно встала с кровати и долго сидела на ее краю, позволяя ужасному осознанию наполнить мои кости. Два месяца с моих последних месячных. Закрыв глаза, я сглотнула. За все время, что я провела с Римо, я ни разу не принимала таблетку, а он никогда не пользовался защитой, желая заявить на меня свои права без этого барьера между нами.

Я устала в потолок, молясь, чтобы это было неправдой. Это будет конец всем моим надеждам, всему.

Я снова сглотнула. Раздался стук в дверь.

— Фина, ты не спишь?

Сэмюэль. Было уже поздно, и на самом деле он спрашивал, все ли со мной в порядке. Увы я не была. Я должна быть готова, должна играть свою роль, быть сильной ради внешнего вида.

— Войди, — сказала я.

Он открыл дверь и вошел, уже одетый в темные брюки и ярко-синюю рубашку. Его глаза осмотрели мое помятое состояние. Он подошел ко мне и присел передо мной на корточки.

— Что случилось?

Я хотела было оставить свои подозрения при себе, но это была правда, которую я не смогла бы скрыть от них. Если это действительно было правдой ...

Я встретила с ним взглядом.

— Кажется, я беременна.

Сэмюэль замер, его глаза расширились от шока.

— Ты хочешь сказать ... — он сглотнул, глядя на мой плоский живот. Его лицо исказилось от гнева, печали и, что еще хуже... отвращения. Отвращение, потому что это ребенок Римо. Он прислонился лбом к моему бедру и судорожно вздохнул. — Я убью его. Я

клянусь в этом. Однажды я убью Римо Фальконе самым жестоким способом.

Я дотронулась до его головы.

— Ты можешь ... ты можешь позвать маму? Мне нужен тест на беременность. Мне нужно знать наверняка.

Сэмюэль выпрямился и встал. Бросив на меня последний взгляд, он вышел. Я не могла пошевелиться. Если бы я была беременна от Римо ... я даже не могла закончить мысль.

Через несколько минут вошла мама с бледным лицом. Мы посмотрели друг на друга, прежде чем она подошла ко мне и коснулась моей щеки.

— Что бы ни случилось, мы справимся, Фина. Мы пройдем через это.

— Знаю, — сказала я. — Ты можешь принести мне тест?

— Я спрошу у Валентины. Может, у нее есть запасной тест. Она и Данте пытаются завести еще одного ребенка.

Мама опустила руку и вышла из комнаты. Я встала и глубоко вздохнула. Возможно, было и другое объяснение, но в глубине души я знала правду.

Мама вернулась с тестом. Я взяла его дрожащими руками.

— Ты можешь оставить меня одну? Я спущусь вниз, как только буду готова.

Мама поколебалась, но потом поцеловала меня в щеку. Некоторое время я смотрела на закрытую дверь, прежде чем заставила себя встать с кровати и пойти в ванную. Мое сердце билось в горле, когда я распаковывала тест.

Пятнадцать минут спустя я смотрела на тест в своих руках, на правду, которая разрушила последнюю надежду, которую я держала. Надеюсь, я когда-нибудь смогу найти дорогу обратно в наряд. Надеюсь, что смогу забыть Римо. Как будто я могла когда-нибудь забыть его.

Я уставилась на две строчки теста.

Беременна.

Ребенком Римо Фальконе.

От человека беспримерной жестокости и беспощадности.

От человек, который лишил меня невинности, моего будущего ... моего сердца.

Телом и душой.

Я владею тобой.

О, Римо, если бы ты знал, что отдал....

Я положила тест и дотронулась до живота. Это казалось нереальным, невозможным.

Беременна.

Мое сердце было страной раздираемой войны: два противоречивых чувства боролись за господство, не оставляя после себя ничего, кроме опустошения. Необузданное счастье, что маленький человек растет внутри меня. Небольшая часть Римо, которая навсегда останется со мной. И грубый страх перед будущим, моим ... нашим будущим. Наш мир был жесток к девушкам, которые забеременели вне брака; он был еще более жесток к детям, рожденным вне брака.

Проклятым называли внебрачного ребёнка. Ребенок Римо Фальконе не мог надеяться на более доброе имя. Я бы защитила своего ребенка, но я не всегда буду рядом, чтобы отразить нападения. Без сомнения, он был бы достаточно силен, чтобы защитить себя, но мысль о том, что моему ребенку придется расти сильным по необходимости, потому что мир загнал его в угол, привела меня в ярость. Я попыталась успокоить свои бушующие эмоции. Я забегала вперед. Я из хорошей семьи, может быть, все будет по-другому для моего ребенка,

независимо от того, кто отец.

Глубоко вздохнув, я направилась вниз. Моя семья собралась в столовой, и когда я вошла, они замолчали. Мама. Папа. Валентина. Данте. Сэмюэль. Дети Данте. Анна, Леонас, моя сестра София. Зал уже был украшен к этому событию, а в саду была установлена белый шатёр, который удерживала танцпол. Поставщик должен был прибыть часа через два, гости через три. День празднования. Мама указала на Софию, Анну и Леонаса.

— Давайте. А сейчас идите в свои комнаты.

Они ушли, без протеста. Проходя мимо, София слегка улыбнулась мне.

Я посмотрела на Сэмюэля. Он медленно, нерешительно поднялся, и наши глаза встретились. Выражение его лица стало отчаянным.

— Я беременна.

Мама прикрыла рот рукой, а папа закрыл глаза. Валентина посмотрела на меня с сочувствием, и Данте коротко кивнул. Никаких торжеств. Никакого счастья. Сэмюэль медленно опустился на стул. Находясь за сотни миль отсюда и не подозревая об этом, Римо нанес еще один удар.

— Еще рано. Мы можем позвонить доку, и он избежит от него, — сказал папа, бледный и обеспокоенный, когда, наконец, встретился со мной взглядом.

Мой желудок сжался, и что-то сердитое и защищающее образовалось в моей груди. *Мой ребенок.*

Мама медленно кивнула.

— Ты не обязана его оставлять.

Сэмюэль только посмотрел на меня. Он знал меня. До недавнего времени лучше, чем кто-либо другой, но Римо видел во мне то, чего никто не знал, мои самые темные стороны.

— Ты хочешь оставить его себе, — сказал он тихо, ничего не понимая.

Я дотронулась до живота.

— Я оставлю этого ребенка. Я буду заботиться о нем, любить его и защищать. Он мой.

И в тот момент, когда эти слова слетели с моих губ, я поняла это с уверенностью. Этот ребенок родится, и тот, кто попытается отнять его у меня, увидит, насколько я сильна.

Меня встретила тишина. Затем Данте кивнул.

— Это твое решение.

— Да, — твердо ответила я.

Мама встала. Было очевидно, что она борется сама с собой. Я подошла к ней, потому что она не могла двигаться и коснулась ее плеч.

— Мы пройдем через это, верно? Этот ребенок невиновен. Это мой ребенок.

Мама неуверенно улыбнулась.

— Ты права, дорогая.

Папа встал и коснулся моей щеки.

— Мы будем рядом с тобой.

Я видела, во что ему обошлись эти слова. Я не была уверена, сможет ли моя семья пережить тот факт, что мой ребенок это ребенок Римо. Полюбят ли они его, потому что он мой, или возненавидят, потому что он его?

Я сидела перед туалетным столиком и расчесывала волосы, поглаживая их, пытаюсь успокоиться. Я слышала первых гостей внизу, слышала смех и музыку.

Мне нужно было спуститься. Глубоко вздохнув, я встала. Я выбрала облегающее темно-синее платье до пола, под цвет рубашки Сэмюэля. Я коснулась своего живота, все еще плоского, но я знала, что через несколько месяцев я не смогу больше носить такие платья.

Ребенок Римо. Я закрыла глаза. Я была счастлива и опечалена, напугана и полна надежд. Что бы сказал Римо, если бы узнал? Ему было бы все равно? Я была средством достижения цели, королевой в его шахматной партии, и он победил.

Он отпустил меня, как будто я ничего не значила.

До меня доходили слухи о его боях в клетке. Он вернулся к борьбе, к жизни. Интересно, перешел ли он уже к одной из многочисленных шлюх в своем распоряжении? Возможно.

Я была глупа.

Сэм был прав. Римо извратил мой разум, чтобы контролировать меня, и я позволила ему это.

Раздался знакомый стук, и вошел Сэмюэль. Мы не разговаривали с тех пор, как я рассказала семье о своей беременности. Стало очевидно, что им нужно время, чтобы осознать это, время, чтобы надеть свои публичные маски, чтобы наши гости не узнали правду.

Пока.

Он остановился у двери, глядя на меня так, словно я разрывалась на части прямо у него на глазах. Я обернулась, показывая ему свое платье.

— Мы подходим друг другу. — я хотела увидеть его улыбку, что угодно, только не душераздирающую тьму.

— Ты прекрасна, — сказал он, но не улыбнулся.

Я подошла к нему, и в этот момент его взгляд упал на мой живот.

— Фина, избавься от него. — я замерла. Сэм подошел ко мне и схватил за руки. — Пожалуйста, избавься от него. Мне невыносима мысль, что что-то принадлежащее ему растет внутри тебя.

— Сэм, — прошептала я. — Это ребенок. Он невиновен. Что бы ни сделал Римо, ребенок не пострадает.

Сэмюэль оторвался от меня.

— Но ты пострадаешь! Как ты думаешь, что скажут люди, если ты родишь его потомство? И эта штука будет напоминать тебе о мудаке каждый гребаный день. Как ты сможешь забыть, если каждый день будешь видеть результат гребаных грехов Римо?

Я отвернулась и подошла к окну, вцепившись в подоконник железной хваткой, пытаюсь сохранить самообладание. Если я хочу появиться на папиной вечеринке, я не могу потерять контроль сейчас.

Сэмюэль подошел ко мне сзади и коснулся моих плеч.

— Мне не следовало этого говорить.

— Все в порядке, — сказала я. Я положила руку на руку Сэмюэля.

— Ты нужен мне рядом, Сэм. Ребенок и я ... мы оба нуждаемся в тебе. Пожалуйста.

Сэмюэль положил подбородок мне на голову и вздохнул.

— Я всегда буду рядом.

Мы стояли так некоторое время, пока я не повернулась и не одарила Сэмюэля твердой улыбкой.

— Давай спустимся туда и покажем людям, что мы сильны вместе.

Сэмюэль протянул руку, и я взяла ее. Мы вместе спустились вниз, и Сэмюэль крепче сжал меня, когда внимание переключилось на меня. Люди старались быть осторожными, но терпели неудачу. Там были все младшие боссы, даже Данило. Он стоял в стороне, рядом с баром, потягивая янтарный напиток. Наши глаза на мгновение встретились, но потом я отвела взгляд.

Сэмюэль оставался приклеенным ко мне. Моя тень, мой защитник, но даже его суровый взгляд не мог остановить жалостливые взгляды или шепот, а люди еще даже не знали о моей беременности. Я могла себе представить, насколько хуже станут сплетни.

Я была известна как Ледяная Принцесса, предназначенная стать ледяной Королевой рядом с Данило.

Теперь я была девушкой, которую осквернил Римо. Мужчины едва могли смотреть на меня. Каким-то образом я стала причиной всех их неудач.

Рука Сэмюэля на моей пояснице дернулась, и один взгляд на его лицо сказал мне, что он был близок к потере контроля.

— Потанцуй со мной, — попросила я.

Сэмюэль кивнул с легкой, натянутой улыбкой и обнял меня, затем напрягся, когда мой все еще плоский живот прижался к нему.

Он опустил глаза, и на его лице промелькнула мука, прежде чем он успел ее скрыть. Как будто он уже видел мою беременность, когда она была еще надежно спрятана. Я крепче сжала его, и, наконец, он встретился со мной взглядом. Мы начали танцевать. Все глаза были устремлены на нас.

Сэмюэль выдержал мой взгляд, потому что был на грани потери контроля. Один взгляд на других и он сорвется.

Я улыбнулась ему, и он расслабился. Я тоже чувствовала на себе взгляды. Можно было практически услышать шепот. Несколько девушек моего возраста, которые всегда обижались на меня за мой статус, выглядели почти ... торжествующими, счастливыми видеть мое падение.

Я подняла подбородок выше, злясь, а затем беспокоясь ... потому что, как все эти люди будут относиться к моему ребенку?

После трех танцев папа взял инициативу в свои руки, и Сэмюэль отошел в сторону, чтобы посмотреть.

— Ты прекрасна, голубка, — тихо сказал он. Выражение его лица было спокойным и сдержанным. Его публичное лицо. Мама тоже выглядела уравновешенной и элегантной, когда стояла рядом с Софией, Анной и Валентиной.

— Спасибо, папа, — сказала я и добавила. — Прости, у меня нет для тебя подарка.

Я не выходила из дома с тех пор, как вернулась, и, честно говоря, совершенно забыла купить подарок. Мой ум был занят слишком многими другими вещами.

— Я уже получил свой подарок, — сказал он, и на мгновение я подумала, что он имеет в виду моего ребенка, но потом поняла, что он имеет в виду мою свободу. Он не упоминал о моей беременности.

Данте танцевал со мной. Я встретила с ним взглядом, гадая, что он думает о моей беременности, какое будущее ждет моего ребенка, если это будет мальчик. Допустят ли его в наряд? Или личность его отца закроет все двери прежде, чем они откроются? Я не осмеливалась спросить дядю. Ни на людях, ни на дне рождения отца.

После танцев я вернулась к Сэмюэлю, который разговаривал с одним из своих старых друзей. Он кивнул, но ему тоже было трудно смотреть мне в глаза. Сэмюэль заметил это и сжал челюсти. Он извинился, коснулся моей спины и повел меня прочь.

Мы с Сэмюэлем вошли в вестибюль. У меня было чувство, что Сэмюэлю нужно на пару минут уйти с праздника. Несколько молодых людей, которых я не знала, собрались там, и когда мы проходили мимо них, их слова достигли нас.

— Не понимаю, почему ее не прячут. Это, блядь, позор, чтобы она ходит вокруг нас, как будто Фальконе не осквернил ее.

Я едва успела осознать свое потрясение, когда Сэмюэль напал. Он сломал нос первому парню с тошнотворным хрустом, затем толкнул второго на землю, прижимая нож к горлу парня.

— Сэм, — твердо сказала я, сжимая его плечо.

Он наклонился, приблизив свое лицо к лицу другого парня.

— Мне следовало бы перерезать тебе горло за оскорбление моей сестры. Извиняйся.

Парень взглянул на своих друзей. Один мучился со сломанным носом, другой явно не был уверен, стоит ли вмешиваться, учитывая, что наш отец был боссом их отцов.

— Извиняйся! — прорычал Сэмюэль.

— Прости, — выпалил парень.

Я крепче сжала плечо Сэма. Он отпрянул, взял меня за руку и потащил наружу, но не в сад, а на подъездную дорожку, где мы были одни. Он отпустил меня, повернувшись ко мне спиной. Он глубоко вздохнул. Я прижала ладони к его лопаткам, потом прижалась лбом к его спине.

— Не позволяй их словам добраться до тебя. Мне на них наплевать, и тебе тоже.

— Как ты можешь не заботиться о них? Ты принцесса мафии. Я бы отрезал им языки за то, что они посмели прошептать его имя в одном предложении с твоим.

Его имя. Римо Фальконе. Отец моего будущего ребенка.

И что еще хуже, человек, который наполнял мои ночи не кошмарами, а тоской.

• — * — •

На следующее утро папа, Сэмюэль и Данте хотели поговорить со мной.

Когда я вошла в папин кабинет, по выражению их лиц я поняла, что это будет нелегкий разговор и определенно не тот, который мне бы хотелось.

Папа сидел за столом, Сэм примостился на краешке, а Данте стоял у окна, засунув руки в брюки. Я направилась напрямик к дивану и опустилась на него. Мой мозг чувствовал себя вялым от недосыпа. Я провела всю ночь, пытаюсь смириться с тем, что ношу ребенка, ребенка Римо.

— О чем вы хотели поговорить?

Три пары глаз метнулись к моему животу, и моя рука автоматически — *защищая* — прижалась к этому месту.

— Если ты оставишь этого ребенка, — начал Данте.

— Я *оставлю* ребенка.

Папа отвел взгляд и посмотрел на фотографию в рамке. Фотография нашей семьи, сделанная незадолго до моего похищения.

— Тебе придется прятать его, — сказал папа.

Я моргнула.

— Что?

— Как только ты начнешь показываться, нам придется держать тебя подальше от глаз публики, Серафина, — сказал Данте решительным голосом. — Я сомневаюсь, что Римо Фальконе имеет хоть малейший интерес к своему отпрыску, но он может использовать его против нас. Наряд должен быть сильным. Этот ребенок может вызвать напряжение в Наряде, а мы не можем этого допустить в настоящее время.

— Или мы могли бы устроить быстрый брак с кем-нибудь, кто согласится на фиктивный брак и притворится, что это его ребенок, — мягко предложил папа.

Я смотрела между ними. Сэмюэль уставился в пол, сдвинув брови.

— Я ни за кого не выйду замуж и не собираюсь лгать об отце ребенка. Люди все равно не поверят.

Теперь я была девушкой, беременной внебрачным ребенком Римо. Скоро мой выпирающий живот будет нести вину и стыд за наряд.

— В конце концов люди поймут, что у меня есть ребенок. Как только он станет старше, будет тяжело скрывать его. А если он мальчик? Разве он не будет частью Наряда?

Они обменялись взглядами.

— Ты еще даже не родила. Еще рано, — коротко сказал Данте.

Я всматривался в их лица, и мне было трудно сдержать негодование и гнев. Мое похищение оставило свои следы. Они все еще были потрясены. Может быть, со временем все наладится. Я дам им время, чтобы они смирились с ситуацией. Я в долгу перед ними. Я задолжала им больше, чем Римо.

Этот ребенок и я принадлежали этому Наряду. Это была моя семья, мой дом.

Тем не менее, часть меня задавалась вопросом, не лгу ли я себе, не лучше ли вернуться в Лас-Вегас.

Но Римо отослал меня. Я выполнила свое предназначение. Что я на самом деле знаю о нем? И как я могла быть уверена, что все, что он сделал, не было частью шоу, его мастерской манипуляцией. Это сработало, не так ли? И как я могла быть уверена, что мои чувства реальны? Могут ли такие чувства родиться в неволе?

• — * — •

Моя беременность стала розовым слонем в комнате, постоянно растущим присутствием, которое все пытались игнорировать, и я сделала все возможное, чтобы облегчить им задачу. Я носила свободную одежду, радуясь холодным зимним дням, которые позволяли носить толстые свитера и еще более толстые пальто.

Думаю, моей семье часто удавалось забыть, что я беременна.

Только оставшись одной в комнате, я позволила себе любоваться своему животу. Он еще не был большим. Мне даже удалось принять участие в рождественской вечеринке Данте и Вэл, потому что на моей семнадцатой неделе, если мои расчеты были точны, платье Асилуэта все еще скрывало все, что должно было скрывать. Если люди что-то и подозревали, то держали это при себе. Возможно, это был позор, что наряд не хотел говорить вслух.

Было начало января, когда Сэмюэль и мама сопровождали меня на мой первый прием к врачу. До сих пор я не была на приеме, но мама удивила меня несколько дней назад, спросив, стоит ли нам проверить ребенка. Это было ее молчаливое извинение, ее попытка принять то, что было так трудно принять всем им.

Доктор работал с нарядом много лет. Она лечила большинство беременных девушек и хранила секрет, который я носила.

Страх наполнил меня, когда я растянулась на кушетке. Я даже не была уверена, что

именно напугало меня. Не то чтобы я не знала, что беременна. Это было безошибочно на данный момент.

Доктор стоял по одну сторону от меня с ультразвуком, а Сэмюэль и мама по другую. Я сглотнула, когда задрала свитер, впервые открывая живот перед другими.

Лицо Сэмюэля застыло, и мама сглотнула, прежде чем смогла ободряюще улыбнуться и сжать мою руку.

— Сейчас будет холодно, — предупредила меня доктор.

Я рассеянно кивнула, не сводя глаз с ультразвука.

Доктор начала хмуриться, перемещая ультразвук по моему животу. Глухой стук сердца наполнил комнату, и мое собственное сердце ускорило, наполняясь любовью и удивлением. Но "тук-тук", как будто был сбит с ритма, двумя несинхронными ритмами.

Мамины глаза расширились, но я не знала почему, и меня наполнил страх. Я уставилась на нее, потом на доктора, потом на Сэмюэля, но он выглядел таким же смущенным, как и я.

— О Боже, — прошептала Мама.

— Что? Что происходит?

Мамины глаза наполнились слезами.

— Близнецы.

Доктор кивнула, и мои глаза метнулись к Сэмюэлю.

— Как мы, — удивленно сказала я.

Он выдавил слабую улыбку, но в его глазах читалось беспокойство.

• — * — •

Осознание того, что я ношу близнецов, все изменило для мамы. Как будто она наконец-то смогла увидеть детей, как своих, а не чужих.

Сэмюэль, казалось, тоже приходил в себя. Он покрасил детскую и расставил для меня мебель. А София? Она была в восторге от перспективы стать тетей. Но папе ... папе было тяжелее. Он не упоминал о беременности и никогда не смотрел ниже моего подбородка. Я понимала его, не могла сердиться, потому что в его глазах отражался конфликт.

Мне часто удавалось почувствовать, что я снова принадлежу этому миру, притворяться, что меня не заставляют прятаться в нашем доме, чтобы никто не узнал, что я беременна. Что мне не удалось, так это перестать думать о человеке, который был причиной всего.

Каждую ночь я лежала в постели без сна. Каждый раз, поглаживая живот, я видела его перед глазами. И каждый раз я разрывалась между гневом и тоской. Иногда я задавалась вопросом, должна ли я найти способ дать ему знать, но потом я думала о своей семье, об их медленном процессе исцеления, о том, что мое похищение сделало с ними, и я не могла этого сделать. Что ты должна человеку, который тебя похитил? Кто пытался уничтожить людей, о которых ты заботилась? Человек, который забрал твое сердце, только чтобы оттолкнуть тебя?

Ничего. Я ничего не должна Римо Фальконе.

Это были мои дети, и они вырастут как часть моей семьи, как часть Наряда. Я буду скрывать от них правду так долго, как смогу. Они не узнают, кто их отец, пока не придется. Если бы я хотела, чтобы у них был шанс в отряде, они не могли быть Фальконе. Они никак не могли быть связаны с Римо.

В середине мая я родила самые прекрасные создания, какие только могла вообразить, и с абсолютной уверенностью знала, что все, чего я желала, никогда не станет реальностью.

СЕРАФИНА

Я любила свою семью всем сердцем. И они любили меня. Но в тот момент, когда я держала своих детей на руках, я знала, что не смогу остаться с ними навсегда, знала это с душераздирающей уверенностью.

Невио и Грета были Римом. Темные глаза, густые черные волосы.

Для всех в Наряде они всегда будут Фальконе, всегда результатом чего-то ужасного, рожденного из чего-то постыдного, чего-то темного. Но для меня они были самым прекрасным творением, которое я могла себе представить. Они были совершенным совершенством. Близнецы, как мы с Сэмюэлем. Они поднимали друг друга, делали сильнее, как мы с Сэмюэлем, когда были моложе и по сей день. Мы будем против всего мира. Иначе и быть не могло.

Сэмюэль остался со мной в больнице после родов, в то время как мама ушла домой на несколько часов, чтобы поспать после двадцати часов рядом со мной во время родов.

Глаза Сэмюэля были добрыми и любящими, когда он смотрел на меня, но эти нежные эмоции исчезли, как только он повернулся к моим детям, спящих в колыбели. Он делал это не нарочно, но мои дети напоминали ему о том, что он и все остальные отчаянно хотели забыть.

И как ему может это не напоминать, когда мои близнецы были похожи на Фальконе?

Мое сердце отчаянно болело, когда я смотрела на них, трепеща от тоски, которую я пыталась похоронить с воспоминаниями о Риме, но Рим не был человеком, которого можно забыть.

Не легко, не быстро, никогда.

Через два дня после родов мама и Сэмюэль внесли моих близнецов в дом, потому что мне все еще было трудно поднять что-либо тяжелее стакана воды. Семья собралась по этому случаю, но я знала, что это не празднование. Папе и Данте, вероятно, нужно было обсудить, как держать моих детей в секрете. Боссы пониже тоже знали. Они должны были это сделать ради Наряда. Данило знал, но я не разговаривала с ним с того дня, как ему пообещали Софию.

Сэмюэль держал меня за руку, а другой нес переноску. Идти по лестнице было более чем некомфортно, и я была рада, когда, наконец, вошла в наш дом.

Валентина подошла ко мне и нежно обняла. Они с Данте все еще пытались сделать третьего ребенка, но пока это не помогало. Она смотрела на моих детей с мягкой улыбкой.

— Они прекрасны, Серафина.

— Да, — согласилась я.

Сэм и папа обменялись взглядами, и это было похоже на удар в сердце, потому что, когда они смотрели на моих детей, они видели черные волосы и темные глаза и ничего больше. Они видели Фальконе. Они видели стыд и вину. Позволят ли они когда-нибудь моим детям стать чем-то большим, чем величайшим провалом в истории Наряда?

София бросилась вниз по лестнице в сопровождении Анны. Леонас, закатывая глаза, спускался по ступенькам с меньшим энтузиазмом, чем девочки.

София остановилась рядом со мной и Сэмюэлем, глядя на Грету, крепко спящую в переноске.

Я заметила, что Сэмюэль настоял на том, чтобы нести Грету, а не Невио, но я старалась не придавать этому особого значения. Софию не пустили в больницу, потому что мы не хотели привлекать к себе слишком много внимания, и ее глаза были широко раскрыты от удивления.

— Вау, — выдохнула она. — Никогда не видела таких черных волос.

Она никогда не видела Римо.

Анна кивнула, слегка проведя пальцем по голове Невио. Его глаза открылись, и, как всегда, у меня перехватило дыхание. Темные глаза. Глаза Римо. Даже в два дня с рождения мой мальчик был его отцом.

Папа отвел глаза, нахмутив брови, и посмотрел на Данте с выражением, которое разорвало меня пополам.

Валентина сжала мое плечо и наклонилась.

— Потребуется время, Серафина. Однажды они увидят твоих детей такими, какие они есть: только твоими.

Я кивнула, но в глубине души я знала, что Грета и Невио никогда не будут только моими, потому что они были также Римо, и ничто не могло изменить этого. А я этого не хотела.

• — * — •

На следующий день, когда Данте вошел, я баюкала Грету на руках, а Невио лежал рядом на диване и крепко спал. Он шагнул к нам, его глаза скользнули по моим детям. Выражение его лица ничего не выдавало, и я задумалась, было ли это потому, что его не беспокоили мои близнецы, как всех остальных, или он слишком хорошо скрывал свои истинные чувства.

Он опустился в кресло напротив меня, расстегнув пиджак, чтобы он не помялся. Он напряженно улыбнулся.

— Как ты?

Я погладила Грету по щеке, прежде чем снова поднять глаза.

— Хорошо.

Он кивнул.

— Я знаю, что тебе нелегко, Серафина. Такое не должно было произойти. Я хотел поговорить с тобой некоторое время... — он замолчал, его лицо напряглось. — Но у меня нет привычки оправдываться или извиняться.

Я нахмурилась.

— Ты Капо.

— Да, но это не делает меня непогрешимым. — он помолчал.

— Думаю, тебе следует знать, что когда Римо похитил тебя, твой отец отдал бы свою территорию, чтобы спасти тебя. Я этого бы не позволил. И Сэмюэль напал на особняк без моего разрешения, потому что я бы этого не позволил. Я не из тех, кто отвечает на чужие требования. Я отказываюсь от шантажа. Мне нужно думать о Наряде.

— Я знаю и понимаю, дядя. — затем я сделала паузу. — Но в конце концов ты отдал Скудери Римо.

Что-то темное и яростное вспыхнуло в глазах Данте.

— Я отдал. Потому что я не только Капо. Я отец. Я твой дядя. Это моя семья, и я обязан защищать ее. Я был обязан тебе защитой и потерпел неудачу. — он опустил взгляд на моих детей. — Тебе придется жить с последствиями своих решений.

Я покачала головой.

— Эти решения дали мне моих детей, и я никогда не пожалею об этом.

Данте встал и коснулся моего плеча. Потом провел указательным пальцем по голове Греты и повернулся. Как Сэмюэлю и папе, ему было труднее смотреть на Невио, чем на мою дочь.

Я посмотрела на сына, взяла его маленькую ручку в свою и уже не в первый раз задумалась, что увидит Римо, когда посмотрит на них.

• — * — •

Раздался пронзительный вопль.

Мы с Сэмюэлем одновременно вскочили с дивана в детскую. Большую часть времени мы не ложились спать, потому что Невио и Грета просыпались каждые два часа. Они с мамой по очереди помогали мне, а днем София меняла пеленки и помогала их кормить. Я не могла вспомнить, когда в последний раз спала больше двух часов за последние полгода.

Сэмюэль потерял лицо. Я знала, что он мало спит по ночам, когда не помогает. Наряд что-то задумал. Он только намекнул на это, но это могло быть только нападение на Каморру. Это пугало меня, потому что я боялась не только за Сэмюэля и папу, но и за человека, которого не могла забыть.

Я встала, Сэмюэль тоже. Он потянулся к Грете, как обычно, а я взяла Невио. Это была наша рутина, в которой я больше не сомневалась. Я была рада поддержке Сэмюэля, даже если он не мог находиться рядом с моим сыном.

Тридцать минут спустя мы с Сэмюэлем сидели плечом к плечу, Грета крепко спала в его руке, а Невио бодрствовал в моей. Он схватил меня за волосы и дернул. Поморщившись, я ослабила его хватку и отодвинула прядь подальше. Невио радостно взвыл, глядя на Сэмюэля.

Я проследила за его взглядом. Брат вздохнул и откинул голову назад.

— Не смотри на меня так, Фина.

— Как?

— Как будто я разбиваю тебе сердце.

— Почему тебе так трудно смотреть на Невио, но не составляет труда держать Грету?

— Потому что с ней я могу не заметить сходства, но с Невио ... — Сэмюэль покачал головой, опуская взгляд на моего мальчика, который счастливо грыз собственные пальцы. — С ним все, что я вижу, это гребаный Римо Фальконе.

— Шшш, — шикнула я на него.

Я погладила Невио по голове, но он не обращал внимания на то, что говорилось. Но когда-нибудь он поймет. Когда-нибудь он поймет, что означают эти взгляды.

— Ты никогда не освободишься от него из-за них, Фина. Может быть, без этих детей люди в конце концов забыли бы, что произошло, и пошли дальше, но они живое напоминание. Как только люди узнают, что они дети Фальконе, и поверь мне, все будут знать, что они его, все станет действительно ужасным.

Я покачала Невио, и его глаза начали опускаться.

— Если кто - то попытается причинить вред моим детям, заставив их чувствовать себя хуже, им придется пройти через меня.

Сэмюэль грустно улыбнулся.

— Я буду рядом с тобой. Я всегда буду защищать тебя.

Меня. Не моих детей. Не их. Никогда.

• — * — •

Фальконе. Фальконе.

Один взгляд.

Фальконе.

Те же жестокие глаза.

Кромешная тьма.

Фальконе насквозь.

Стыд. Грех. Позор. Внебрачные дети.

Почему она погубила себя, родив ему детей? Почему она не избавилась от них?

Фальконе.

До сих пор эти слова произносились только шепотом, но скоро они будут кричать, потому что с каждым днем мои дети все больше походили на Римо, на Фальконе.

Через неделю моим близнецам исполнится семь месяцев, а я еще даже не выходила с ними из дома. Они дышали свежим воздухом, только когда я была с ними в саду. Акушерка и врачи приходили к нам домой. Несмотря на эти предосторожности, слух о них распространился в наших кругах. Может быть, служанки что-то говорили. Может, это был один из телохранителей, а может, кто-то из младших боссов слишком доверял своей болтливой жене.

Я была на двух мероприятиях с Сэмюэлем, и шепот преследовал меня повсюду. Жалость и любопытство. Непонимание и даже гнев, что я выбрала этих детей, а не избавилась от них, как будто это могло стереть похищение.

Когда мы вернулись домой после одного из этих светских сборищ, дня рождения папиного заместителя, я сорвалась по среди вестибюля.

— Я этого не вынесу, — резко сказала я. — Терпеть не могу, когда все шепчут их имена, как будто они грешники. Я не хочу, чтобы они стыдились того, кто они есть.

Мама, которая осталась с детьми, потому что не чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы присутствовать на мероприятии, появилась на лестничной площадке, обеспокоенная моей вспышкой.

Папа вздохнул, на его лице отразилась боль.

— Все знают, что произошло. Все знают, кто они такие, и это никогда не изменится.

— *Кто* они такие ... — я уставилась на отца. Сэмюэль тронул меня за плечо, но я стряхнула его руку. — Они мои! Они тоже твоя кровь. Они являются частью Наряда! Когда вы это примете? Невио примет присягу, чтобы ты смирился с этим? — папа и Сэмюэль переглянулись, и я сделала шаг назад. — Он станет частью Наряда, верно? Когда-нибудь он станет главой города? Это его право.

Его право по рождению стать Капо Каморры.

Папа грустно улыбнулся.

— Голубка, — пробормотал он.

— Нет, — прошептала я. — Только не говори мне, что ты не позволишь Невио чего-то добиться из-за того, кто его отец.

Сэмюэль посмотрел на меня так, словно я вела себя неразумно.

— Fiina, он похож на гребаного Фальконе. Они все ненормальные. В его жилах течет кровь Римо. И только посмотри на него. В свои семь месяцев он уже просто невыносим.

— Наши солдаты никогда не примут его после того, что сделал его отец. Мы все еще едва оправились от нападения. Каждая свадьба тщательно охраняется, каждую девушку охраняет вдвое больше охранников. Стыд не проходит, и твои дети постоянно напоминают об этом, — тихо сказал папа.

Я повернулась и оставила их стоять. Не говоря ни слова, я пронеслась мимо мамы в детскую и закрыла дверь, тяжело дыша.

Невио и Грета спали в общей кровати, растянувшись на спине. Рука Греты лежала на груди Невио. Они всегда прикасались друг к другу, когда спали.

Мои дети не были чем-то постыдным.

Я не позволю никому заставить их чувствовать себя так. Даже семья, которую я любила.

РИМО

Киара была в полном рождественском режиме. Она украсила каждую часть дома, в которую ей позволили войти. Я знал, что она с удовольствием использовала бы свою магию и в моем крыле, но она еще не была настолько смелой. Хорошо для нее, потому что я был в чертовски плохом настроении в течение нескольких дней, и сегодня было хуже всего.

Запах свежее испеченного печенья разносился по дому, пока я читал письмо от Рика, организатора наших гонок. Все было подготовлено к самой большой гонке, которую мы когда-либо проводили. Нино не был счастлив, что я решил закончить ее в Канзас-Сити после последнего инцидента, но я хотел поставить гребаную точку.

Наряд был на удивление осторожен в своих атаках. Засада тут и там, несколько расчлененных солдат, но ничего серьезного. Пока три дня назад они не убили моего гребаного босса в Канзас-Сити. Предупреждение: не приближаться так близко к их территории. Может быть, начало чего-то большего. Окончание гонки в другом месте послало бы неправильное сообщение.

Вошла Киара, неся тарелку с чем-то похожим на маленькие полумесяцы, посыпанные сахаром. Она протянула ее мне.

— Рогалики.

— Я не в настроении для чего-то сладкого.

Я был в настроении разнести что-нибудь вдребезги, ради крови и смерти, и более того ... гребаной кончины Данте.

Она нахмурилась.

— Они восхитительны. — она перевела взгляд на экран.

— Канзас?

Я кивнул, схватил печенье и откусил кусочек. Сладкий и мягкий. Я положил половину обратно на тарелку. Киара взяла его и съела остальное. Мне не понравилось, как она посмотрела на меня, будто знала.

— Я подумала о твоём предложении. — я понятия не имел, о чем она говорит. — Насчет тренировок с тобой.

— Я сделал это предложение больше года назад.

Она прикусила губу.

— Тогда я еще не была готова.

Я знал еще одну причину, почему не участвовал в ее тренировках по защите в последние несколько месяцев. Нино опасался моего эмоционального состояния, но он посетил несколько наших нарколабораторий. Его интересовали химические процессы, а меня только конечный результат. Я посещал наши лаборатории только тогда, когда они нуждались в напоминании, чтобы необходимо работать более эффективно.

— И ты думаешь, сегодня подходящее время, чтобы побороться со мной? — я спросил, понизив голос.

— Не бороться. Потренироваться, — поправила она.

Я оттолкнулся от дивана, возвышаясь над ней. Она даже не вздрогнула.

— Сейчас?

Она поставила тарелку и указала на боксерский ринг. Я покачал головой.

— В реальной жизни ты не будешь на боксерском ринге, когда на тебя нападут. Это будет в темном переулке, когда ты будешь на пути домой. Нападавший будет следить за тобой некоторое время. Он будет позади тебя.

Мы оба знали, что до этого никогда не дойдет. Киара больше никогда не была одна, и глупый ублюдок, посмеявшийся взглянуть на нее не так, потеряет глаза.

— Беги.

Она заморгала.

— Что?

Я наклонился, вторгаясь в ее личное пространство, пытаюсь ускорить ее пульс.

— Беги.

Понимание заполнило ее глаза. Она сделала шаг назад, затем повернулась и побежала.

Я взял еще одно печенье и откусил половину, прежде чем положить обратно на тарелку. Потом я погнался за ней. Бег за Киарой вернул мне воспоминания, в которых я не нуждался ни сегодня, ни когда-либо. Гнев захлестнул меня.

Перепрыгивая через две ступеньки, я догнал ее в коридоре, ведущий в их крыло. Я схватил ее за руку и дернул назад. Киара ахнула, но тут же начала действовать, повернувшись ко мне прежде, чем я успел прижать ее к полу. Она знала, что не может позволить мне прижать ее к животу. Как только мой вес ляжет ей на спину, у нее больше не будет шанса защититься. Она была хороша, но я был зол и не в настроении относиться к ней слишком легко.

В ту секунду, когда я оседлал ее бедра, а руки поднял над головой, в ее глазах мелькнула паника.

— Выкинь это из головы, — приказал я.

Я видел борьбу в ее глазах, воспоминания угрожали вырваться наружу даже после такого огромного времени.

— Выкинь черт возьми это из головы, — прорычал я. Я бы не отпустил ее, если бы она этого не сделала.

Негодование вспыхнуло в ее глазах, и она дернула бедрами, но я был слишком тяжелым. Она была маленькой и гибкой, и ей удалось поднять ногу так, что ее колено врезалось прямо в мои яйца.

Каждая клеточка моего тела, каждая мышца, каждая чертова клеточка крови действовала инстинктивно, желая наброситься на меня. Я оттолкнулся от нее и прислонился спиной к стене, тяжело дыша, пытаюсь успокоить ярость в венах.

— Извини, — сказала Киара, садясь и обеспокоено наблюдая за мной.

Я мрачно улыбнулся.

— Нет необходимости. Ты сделала то, чему тебя научил Нино.

— Но ты отступил, не потому что я причинила тебе боль ... а потому что, чтобы не причинить мне боль в ответ.

Я поднял брови. Она была проницательна. Я не был уверен, нравится ли мне это.

— Это не имеет значения. Обычный человек не так хорошо знаком с болью, как я. Удар по яйцам отвлечет их.

Она кивнула и, к моему удивлению, села рядом со мной у стены.

— Сегодня день рождения Серафины, верно?

— Киара, — предупредил я.

Она склонила голову набок.

— Она ведь не вышла замуж?

— У меня нет шпионов, поэтому я не знаю.

— Это было бы в новостях. — я перестал искать новости о Серафине через несколько дней после того, как освободил ее. Она осталась в прошлом. — Я думала, она влюбилась в тебя. ...

Я стоял, глядя на нее сверху вниз.

— Вы, девушки, всегда превращаете все в сказку, даже похищение. Серафина была моей пленницей. Единственное падение, которое она совершила, было ее грехопадение.

Она тоже оттолкнулась от пола.

— Ты можешь притворяться сколько угодно, но я видела, как ты на нее смотришь.

Я прижал ее к стене.

— Ты ничего не видела, потому что ничего не было. Я трахал Серафину и наслаждался каждым моментом. Я хотел обладать ею, хотел вырвать у нее невинность, и я это сделал. Это все.

— Если бы это было все, ты бы потом купался в своем триумфе. Но ты почти не упоминал о ней с тех пор, как отпустил ... как будто не можешь произнести ее имя.

— Киара, — прорычал я. — Не заводи меня. Не сейчас.

Она толкнула меня в плечо, и я отступил назад. Не сказав больше ни слова, она ушла, но ее глаза сказали более чем достаточно.

Когда я спустился в игровую, чтобы пнуть боксерскую грушу, Савио и Адамо сидели на диване и играли в какую-то долбаную игру. Как будто нам не хватало кровопролития в реальной жизни. Тарелка с печеньем была пуста.

— На кухне есть еще печенье? — спросил Савио, не поднимая глаз.

— Откуда мне знать? Спроси Киару.

Савио бросил на меня любопытный взгляд.

— Что с тобой?

Я опустился на пол напротив них.

— Прямо в этот момент? Ты. В общем? Канзас.

— Эта гонка будет захватывающей. — сказал Адамо.

— Не надо так волноваться. Ты же не веришь, что Римо позволит тебе снова участвовать в гонках после прошлого раза? — пробормотал Савио, закидывая ноги на стол.

— Это не моя вина, — отрезал Адамо.

— Конечно. Когда ты разбиваешь машину, это не твоя вина.

— На этот раз я не разобьюсь. Я гораздо лучше. Я выиграю.

Савио не выглядел убежденным.

— Это самая длинная гонка. Минимум восемь часов. Это дает тебе достаточно времени, чтобы облажаться.

— Я не облажаюсь. И большое расстояние это лучшая часть. Классное расположение, — сказал Адамо.

— Ты не сядешь за руль, — сказал я наконец. — Гонка заканчивается в Канзас-Сити. Я не хочу, чтобы ты был так близко к территории Наряда.

— Никто не должен знать, что я там. В машине. Я могу использовать другое имя.

— Нет. И это окончательно.

Адамо нахмурился и глубже погрузился в диван.

— Ты обещал, что я буду чаще участвовать в гонках, если не буду пропускать школу и выполнять свои обязанности в Каморре.

— И это обещание остается в силе, Адамо, но не в этой гонке.

— Но Люк снова приедет на новой машине. Он протаранил меня в прошлый раз. Я хочу надрать ему задницу и заставить разбить его машину.

Я наклонился вперед.

— Ты и близко не подойдешь к этой гонке, Адамо.

— Хорошо, — пробормотал он. — Но следующая гонка мне разрешена?

Я кивнул. Я думал, что увлечение Адамо гонками со временем ослабевает, но этого не произошло. Он все еще жил ради случайных гонок, и я начал награждать его ими за хорошо выполненные задания. Он все еще был неохотным членом мафии, но он улучшил, не только свои боевые навыки, но и свою вину за то, что мы сделали. Иногда я задавался вопросом, должен ли я просто позволить ему стать частью и организатором наших гонок и иметь его гоночные автомобили вместо того, чтобы пытаться заставить его играть другую роль, но мы нуждались в нем. Открытая война с наряда требовала каждого члена мафии, который у нас был.

Г Л А В А 25

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Папа нервничал. Он продолжал проверять свой телефон, который лежал рядом с тарелкой. Обычно, когда мы ужинали, у него не было телефона. Это было наше семейное время.

Мама поднесла ко рту Греты ложку с пюре из сладкого картофеля и радостно причмокнула губами. Я, с другой стороны, пыталась остановить Невио от разбрасывания еды. Он не любил, когда его кормили, и предпочитал сам запихивать еду в рот, но все равно был слишком мал для этого и слишком много устраивал беспорядок. Я взяла его маленькие ручки, чтобы он не мог схватить ложку, и поднесла ко рту. Потребовалось три попытки, прежде чем он взял еду.

— Они милые, но смотреть, как они едят, немного противно, — сказала София, наморщив нос. — И так как они начали есть нормальную пищу, их подгузники воняют.

Папа нахмурился, явно недовольный этой темой. Он мог обедать, когда кого-то пытали прямо перед ним, но вонючий подгузник беспокоил его. Люди.

Невио издал возмущенный вопль, когда я попробовала еще ложку пюре. Он дернулся в кресле.

В глазах отца читалось неодобрение. Семь месяцев, а он все еще не мог вынести вида Невио. По крайней мере, он несколько раз обнимал Грету, но я не думала, что он сможет заглянуть дальше их ДНК.

Входная дверь с грохотом распахнулась, и в столовую ворвался Сэмюэль, выглядевший восторженным и немного расстроенным. Папа медленно поднялся, и Сэмюэль улыбнулся. Я вздрогнула, потому что было что-то темное и ужасно нетерпеливое в выражении моего близнеца.

— Мы поймали его, — сказал он. — Мы поймали ублюдка.

— Где он? — спросил папа, точно зная, кого имел в виду Сэмюэль.

Я отложила ложку. Мы с мамой переглянулись.

— Мы с Данило отвезли его в наше убежище, как и договаривались.

Данило? Ужасное подозрение охватило меня.

Мама начала умывать Грету.

Папа перевел взгляд на меня, и наконец Сэмюэль тоже повернулся ко мне. Я подошла к ним.

— Кого вы поймали?

Сэмюэль легко коснулся моих плеч, его глаза блестели, но в их глубине что-то скрывалось, что пугало меня.

— Мы взяли Адамо Фальконе. Он участвовал в уличной гонке недалеко от наших границ, и мы поймали его.

Мои внутренности превратились в камень.

— Почему вы его поймали? — у меня было чувство, что я точно знаю почему.

— Будем пытаться маленького писюна и пошлём Римо видео, как он послал нам видео с тобой. И, может быть, мы пошлем ему каждую часть его брата, которую мыотрежем, завернутую в белую ленту.

— Сэм, Адамо всего пятнадцать. Он мальчик. Это неправильно.

Лицо Сэмюэля посуровело.

— Он член Каморры, эта чертова татуировка и все такое. А Римо Фальконе плевать хотел на то, что хорошо, а что плохо, когда в день свадьбы похитил невинную девушку, пытал и насиловал ее.

Краска сошла с моего лица.

— Все было не так, — прошептала я.

Я оглянулась через плечо на детей, но мама уже забирала Грету. Я взяла Невио с кресла и передала его ей. Она быстро вышла. Я повернулась к Сэмюэлю, дрожа, потому что он произнес имя, которого я не слышала некоторое время. Я все еще чувствовала себя невероятно виноватой, потому что моя семья не понимала, что Римо не заставлял меня, не понимали, что он только взял то, что я дала.

Папа встал рядом с Сэмюэлем. Ему все еще было трудно встретиться со мной взглядом, когда эта тема была затронута, слишком стыдно за то, что не смог защитить меня.

— Твой брат прав. Фальконе получают по заслугам. Мы уничтожим их сумасшедшую семью, как они уничтожили нашу.

Я сглотнула. Так вот, как он думал? Что наша семья была уничтожена? Я видела это каждый раз, когда он смотрел на моих детей, и на его лице вспыхивали вина и отвращение.

— Римо не отступит и не позволит тебе пытаться его брата. Ему наплевать на опасность. Он войдет в наш город и разнесет все на своем пути.

Сэмюэль опустил руку, лицо его искажилось от ненависти к самому себе.

— Как будто мы должны были отправиться в Вегас и спасти тебя.

Папа провел рукой по волосам.

— Ты же знаешь, что не могли. Римо убил бы Фину, как только бы мы приблизились. Нам повезло, что он этого не сделал, когда ты поехал туда один. После этого мы не могли рисковать.

Римо никогда бы меня не убил, но они этого не знали, не могли понять, да и как я могла им объяснить, если сама не понимала?

— Вместо этого мы сидели и ждали, когда он выдвинет требования, пока он был занят навязыванием себя ей и беременностью.

— Я здесь! Перестаньте говорить обо мне так, будто меня здесь нет.

— Прости, голубка. — сказал папа со вздохом.

Мое сердце затрепетало. Он редко называл меня голубкой, не потому, что меньше любил, а потому, что чувствовал ответственность за мои сломанные крылья.

— Я не виню никого из вас, — твердо сказала я, глядя сначала на отца, потом на Сэмюэля. — Но я знаю Римо, и он сделает все, чтобы спасти брата. Что угодно.

— Посмотрим. Мы собираемся сделать прямую трансляцию ублюдку сегодня. Он может наблюдать, как его брата пытаются в прямом эфире в даркнете.

Сэмюэль усмехнулся. Я сделала шаг назад.

— Ты шутишь.

— Нет, — ответил Сэмюэль. — Я приехал только за папой. Данило уже все приготовил, и Данте должен прибыть с минуты на минуту.

— Ты это спланировал?

— Нет, не с Адамо, — сказал Сэмюэль. — Мы хотели атаковать гонку. Это была чистая удача, что маленький ублюдок любит гоночные автомобили.

Папа кивнул.

— Нам пора уходить. Пойдем.

Я схватила Сэмюэля за руку.

— Позвольте мне пойти с вами.

Он обменялся взглядом с отцом, который сказал.

— Нет, голубка. Ты не должна это видеть.

— Почему нет? Я была несколько месяцев в плену у Каморры. Ты действительно думаешь, что пытки или кровь все еще беспокоят меня? Думаешь, что-нибудь еще может поставить меня на колени? Я не невинная девушка прошлого. Я имею право быть там. Я была той, кого они похитили. Вы обязаны сделать это для меня, дайте мне пойти с вами.

Они оба уставились на меня, как будто я ударила их, и я почувствовала вспышку вины, но разыгрывание карты вины было моим единственным шансом убедить их, и мне нужно было увидеть Адамо.

Папа на мгновение закрыл глаза, потом слегка кивнул.

— Пойдем.

Он пошел вперед. Сэмюэль обнял меня за плечи и сжал.

— Мы заставим их заплатить за то, что они сделали с тобой. Римо пожалеет о том дне, когда прикоснулся к тебе пальцем.

Я отвела глаза и последовала за Сэмюэлем из нашего дома, который с каждым днем все меньше походил на дом. С каждым днем Невио все больше походил на отца.

• — * — •

Задние, в которое они меня привели, был обшарпанным трехэтажным домом недалеко от железнодорожных путей, расположенный в промышленной части Миннеаполиса.

Когда мы вошли внутрь, мои глаза сначала заметили Данило. Он скрестил руки на груди и уставился на экран на столе у стены. Рядом с ним стоял мой дядя Данте, как обычно одетый в костюм, но его пиджак уже висел на стуле перед экраном, и он закатал рукава.

Мой желудок сжался. Я никогда не видела его с засученными рукавами и знала почему. Я никогда не была рядом, когда он пытал кого-то. Был еще один человек, один из солдат

отца, который работал за ноутбуком, вероятно, устанавливая связь с даркнетом.

Они обернулись, когда мы вошли, и все взгляды устремились на меня. Меня не должно было быть здесь.

Данте нахмурился и подошел к нам. Данило остался на месте, но тоже наблюдал за мной. Я больше не была его невестой. Я для него ничто. Моя сестра была обещана ему, и теперь она была так же драгоценна, как и я. И все же он будет участвовать в мести отряда за то, что Римо оскорбил Данило самым худшим из возможных способов: он забрал меня у него.

Данте остановился перед нами, его холодные глаза остановились на мне.

— Серафина, это касается Наряда. Ты не должна быть здесь.

— Это тоже меня касается, дядя. Фальконе держали меня в плену. — я встретилась с ним взглядом.

После нескольких месяцев, проведенных в обществе Римо, я не испытывала желания опускать глаза, несмотря на пугающее настроение дяди, особенно сегодня. В нем, во всех них, было что-то хищническое. Жаждающие разорвать свою жертву, услышать ее крики и попробовать ее кровь.

Он наклонил голову.

— Это будет жестоко и кроваво. Ты можешь смотреть на экране.

Он повернулся и пошел обратно к Данило, за ним папа. Сэмюэль сжал мое плечо.

— Если это слишком для тебя, иди посиди там. — он указал на диван за столом с ширмой. — Тебе не следует покидать здание. Я не хочу, чтобы ты выходила без меня или папы.

Я кивнула. Сэмюэль отпустил меня и присоединился к остальным. Я медленно подошла ближе и, подойдя к столу, увидела экран. У меня перехватило дыхание. Адамо сидел в пустой комнате, привязанный к стулу, опустив голову.

— Готовы? — спросил Данте. Данило, папа и Сэмюэль кивнули. Данте повернулся к человеку у экрана. — Мы в прямом эфире?

— Да. Камера в комнате пыток посылает сигнал.

— Хорошо, — холодно сказал Данте. Бросив на меня последний взгляд, мужчины исчезли за дверью. Через несколько минут они появились на экране, входя в комнату.

Я опустилась на стул рядом с солдатом отца, который бросил на меня быстрый любопытный взгляд. Я могла себе представить, что он думает, что думают они все. С тех пор как меня похитили, я была известна только как девушка, которую запятнал Римо Фальконе..

Сэмюэль поднес что-то к носу Адамо, и тот резко выпрямился, удивленно подняв глаза. Он изменился с тех пор, как я видела его в последний раз. Его лицо стало жестче, старше, он вырос и стал более мускулистым. На нем не было рубашки, на груди виднелось несколько шрамов, но не так много, как у Римо. Отдаленное сходство с Римо пронзило мне сердце.

Взгляд Адамо скользнул по моему отцу, Сэмюэлю, Данило и Данте, и на секунду страх промелькнул на его лице. Затем он взял себя в руки.

Данте шагнул вперед, и от выражения его лица у меня по спине пробежал холодок.

— Адамо Фальконе. Добро пожаловать на территорию Наряда.

Адамо горько улыбнулся.

— Я бы выиграл гонку, если бы ты не прострелил мне шины.

Мои глаза расширились. Провоцировать мою семью в такой ситуации было безумием.

Выражение лица Данте стало жестче. Сэмюэль уже вытащил нож, и Данило, казалось,

был готов вонзить свой кинжал в Адамо. Остался только папа. Он был сдержанным человеком, но его поза была неправильной.

— Я вижу, у тебя такой же высокомерный характер, как и у твоего брата Римо, — любезно заметил Данте. — Будет справедливо, если он увидит, как ты расплачиваешься за его грехи.

Адамо покачал головой.

— Что бы ты ни сделал, Римо будет все равно. Римо жестче, чем вы все вместе взятые.

Данте наклонил голову.

— Посмотрим.

Он взял нож со стола и вернулся к Адамо, который напрягся и откинулся назад. Данте наклонился и порезал правую руку Адамо.

Мои брови сошлись на переносице. Данте схватил Адамо за руку и перевернул ее, демонстрируя татуировку Каморры.

— Как давно ты стал членом мафии?

— Один год и четыре месяца, — пробормотал Адамо, глядя на дядю.

— Адамо Фальконе, тебя будут судить как мужчину, а не мальчика.

Адамо поморщился.

— Мне плевать на все это. Делай то, что должен. Это ничего не изменит.

Данте отступил назад и указал на других мужчин.

— Кто хочет быть первым? Вы те, кто ближе к Серафине.

Адамо вздрогнул и посмотрел на Сэмюэля, который сделал шаг вперед.

— Я хочу быть первым.

Слезы жгли мне глаза. Пожалуйста, не надо, Сэм.

Сэмюэль подошел к Адамо и сильно ударил его. Голова Адамо откинулась назад, из разбитого носа брызнула кровь. Я медленно поднялась со стула, не обращая внимания на пристальный взгляд мужчины рядом со мной.

Сэмюэль опустил нож на живот Адамо и оставил длинный порез. Адамо закричал и ударил свободной рукой, но Сэмюэль схватил его и вывернул руку, сломав ее. Я сделала шаг назад, прикрывая рот рукой. Я никогда не видела Сэмюэля таким. Я знала, кто он, кто они все. Это было неправильно. Я должна была как-то остановить их.

— Смотри, Римо, твой брат истечет кровью вместо тебя. Мы разорвем его на куски за то, что ты сделал с моей сестрой. Он будет страдать за тебя, — прорычал Сэмюэль.

В этот момент от моего близнеца почти ничего не осталось. Член мафии, чудовище. То, что я никогда не видела его чудовищной стороны, не означало, что Сэмюэль был меньшим монстром, чем любой другой человек в нашем мире.

Папа оттолкнулся от стены, схватил Адамо за свободную руку и отдернул ее с тошнотворным хрустом. У него было такое выражение лица, которого я никогда не видела. Из динамиков донеслись крики Адамо, и я побежала.

Адамо этого не заслужил. И своими действиями они сделают все еще хуже, потому что Римо будет искать возмездия. Он будет яростно нападать, калечить и убивать, ничего не оставит после себя, и каким бы ни был исход, я потеряю того, кто мне дорог. Либо члена моей семьи, либо отца моих детей.

Я последовала за криками к последней двери и ворвалась в нее, затем замерла, когда запах горячей плоти заполнил мой нос. Адамо кричал, а Данило прижимал зажигалку к предплечью, выжигая татуировку Каморры.

— Хватит! — воскликнула я. Я рванула вперед и оттолкнула его прежде, чем они успели схватить меня. Глаза Данило вспыхнули яростью, и все мужчины уставились на меня. — Хватит! — закричала я. — Хватит!

Адамо застонал, и я повернулась к нему, опустившись перед ним на колени. Только небольшая часть его татуировки сгорела, а кожа покрылась волдырями и покраснела. Я коснулась его плеча и он вздрогнул.

— Адамо, — прошептала я.

Он приподнял голову на несколько дюймов, и наши слезящиеся глаза встретились. Слабая улыбка тронула его губы.

— Серафина.

Как он мог говорить дружелюбно после того, что с ним сделали, было для меня загадкой. На меня упала тень, и я подняла глаза. Сэмюэль.

— Fiна, ты должна уйти. Он получает то, что заслуживает.

— Он мальчик, — сказала я. — И он всегда относился ко мне по-доброму.

— Он Фальконе, — сказал Данило, шагнув вперед с зажигалкой в руке. Его взгляд был жестким и безжалостным. — Тебя наказали за то, что сделали солдаты Наряда. Адамо заплатит за то, что сделал его брат.

— Я страдала за твои грехи, — плюнула я на них. — И он страдает из-за Римо. Мне это надоело. На этом все. Адамо больше не будет страдать от боли ваших рук.

— Это не твое дело, — твердо сказал Данте.

Я оглянулась на Адамо, который выглядел смирившимся и начал дрожать. Зазвонил телефон, и Данте снял трубку.

— Римо.

Я дернулась, мои глаза расширились.

РИМО

Киара спала, положив голову на колени Нино. Был ранний полдень, поэтому я не понимал, как она может быть уставшей. Может, Нино не давал ей спать всю ночь. Я нахмурился, затем перевел взгляд на экран, где разыгрывалась гонка. Количество участников было ошеломляющим. Им пришлось стартовать из разных мест, все на одинаковом расстоянии от Канзас-Сити, чтобы отвлечь внимание полиции. Некоторые из них будут арестованы, как обычно, но это было частью игры. В конце концов, различные маршруты сольются в один за последние 100 миль до финиша.

Автомобильные гонки приносили хорошие деньги, но мне это не нравилось. Я предпочитал драться в клетке.

Савио съел еще кусочек пирога, испеченного Киарой.

— Ты думаешь, Адамо влюблен в эту шлюху?

— Кейджей, — сказал Нино.

— Все равно. Он бывал в Сахарнице ужасно часто. Они определенно трахаются. Он снова провел с ней ночь. Что он с ней делает Обнимается? Он не может трахать ее часами. Я удивлен, что он вообще встает. Если бы ему пришлось платить за нее, он бы уже разорился.

Я пожал плечами. Мне было все равно, трахал Адамо шлюху или нет. Хотя я никогда не видел, чтобы он разговаривал с другими шлюхами. Это беспокоило меня, не говоря уже о том, что это была не первая ночь, которую он провел со шлюхой в Сахарнице. Трахать ее было нормально, но проводить с ней так много времени определенно может оказаться

проблемой.

— Поверь, Адамо влюбится в шлюху и будет моногамным, когда у нее будет около дюжины членов в ее киске каждый день. — сказал Савио.

Нино нетерпеливо фыркнул, явно желая спокойно понаблюдать за гонкой. Одного из участников в настоящее время преследуют три полицейские машины.

— Ты не знаешь, что происходит. Может быть, ему просто нравится ее мастерство. Савио усмехнулся.

— Она неплохая, но есть шлюхи и получше.

— Не похоже, чтобы у него было с кем сравнить ее, — сказал я, устав от дискуссии.

— Когда-нибудь он привезет ее сюда и оставит у себя, — сказал Савио.

Камера переключилась на другую беспилотную камеру, и мои брови сошлись на переносице. На ней мелькнуло несколько горящих машин, некоторые из них-черные лимузины. Остальные были гоночными автомобилями. Потом снова перешла к полицейской погоне.

— Что это было?

Входная дверь с грохотом распахнулась, к нам загрохотали шаги. Нино обнял Киару и вытащил пистолет. Я поднялся с поднятым пистолетом. Фабиано ворвался в гостиную, тяжело дыша.

— Наряд напал на нашу территорию!

Я замер. Савио вскочил на ноги.

— Что? — прорычал я. Если бы Данте хоть ногой ступил на территорию Вегаса, я бы завтра же отправился в Чикаго. Потом меня осенила другая мысль. — Гонка.

Фабиано кивнул.

— Несколько минут назад звонил организатор гонки в Канзасе. Была атака на гонку. Думаю, он позвонил мне, потому что думал, что это помешает тебе убить его.

Неудача. Я разберусь с ним, как только закончу с нарядом.

— Как давно они напали?

— Около часа назад. Там хаос. Но гонка продолжается с оставшимися автомобилями.

— Почему они не предупредили нас раньше?

— Сначала они не знали, что происходит. Когда они поняли, что это Наряд, они попытались сначала отвлечь другие гоночные автомобили, чтобы они могли продолжать гонку.

Киара пошевелилась.

— Что случилось?

Я вытащил нож, дрожа, разъярённый тем, что Данте снова напал. Нино встал и поднял Киару на ноги.

— Иди в нашу спальню.

Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, затем быстро кивнула и поспешила прочь.

Зазвонил телефон. Я поднял его и поднес к уху.

— Римо, — сказал кто-то. Голос показался мне отдаленно знакомым, но я не мог вспомнить, откуда он. Судя по фоновому шуму, он летел на вертолете или маленьком самолете. — Это Данило Манчини. Я звоню, чтобы сказать, что у нас есть твой брат, и мы будем наслаждаться его криками, как ты наслаждалась криками Серафины. Скажи Нино, чтобы установил связь с даркнетом, чтобы ты мог посмотреть, как мы его разорвем. Я с удовольствием порежу его на мелкие кусочки.

Он повесил трубку.

Моему мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы обработать информацию.

— Позвони в Сахарницу и спроси, там ли Адамо, — приказал я.

Фабиано нахмурился, но послушался.

— Адамо там? — спросил он без приветствия. — Тогда спроси ее.

— Римо, что происходит? — осторожно спросил Нино.

Мой телефон запищал входящим сообщением с подробными инструкциями по подключению.

Я протянул его Нино, который, нахмурившись, взял его у меня. Его рот сжался, когда он прочитал сообщение.

— Его там нет. Очевидно, он ушел прошлой ночью. Кейджей сказала, что он попросил ее притвориться, что она с ним, потому что он хочет присоединиться к гонке.

Я кивнул, стараясь не обращать внимания на то, как сжимается моя грудь.

Савио ничего не сказал, только уставился на меня. Фабиано налил себе выпить и залпом выпил.

Наконец Нино оторвался от телефона.

— Мы не успеем его спасти.

— От него не останется ничего, что можно было бы спасти, когда они закончат с ним, — выпалил я, ярость и более слабое чувство горели в моих венах. Почему этот ребенок не мог хоть раз послушаться. Черт.

— Позвони Григорию. Скажи ему, что он получит Канзас, если нападет на Наряд.

Нино кивнул и прижал трубку к уху, расхаживая взад и вперед по комнате.

Савио провел рукой по волосам.

— Блять. Мы должны что-то сделать.

Из слов, которые я уловил, Григорий не собирался вмешиваться. Я швырнул нож в грушу.

— Блять!

Я зарычал прежде, чем Нино успел произнести хоть слово.

— Он говорит, что это не его бой.

— Ублюдок, — пробормотал Фабиано.

— Я скоро сделаю это его гребаной борьбой. За это я объявлю войну ему и ебаному Наряду на его территории.

— Ты хочешь, чтобы я установил связь? — тихо спросил Нино.

— Конечно, — прорычал я. — Если Адамо придется страдать, мы будем наблюдать. Мы будем страдать вместе с ним. К черту все!

Нино с минуту не двигался. Потом медленно кивнул.

— Нам нужно выяснить, куда его везут, — сказал я Фабиано. Он знал лучше, чем кто-либо из нас.

— Полагаю, честь велит отвезти его в Миннеаполис, потому что там живет ее семья. Она еще не была замужем за Данило, иначе они увезли бы Адамо в его город, чтобы там наказать, — сказал он.

Нам потребуется по меньшей мере три часа, чтобы добраться до Миннеаполиса, и, вероятно, еще несколько часов, чтобы выяснить, где они держат Адамо. Связь с даркнетом начнется через пятьдесят минут. Я снова взял телефон и набрал номер Данте. Он отклонил вызов.

— Пошел он, — прохрипел я. — Позвони нашему пилоту. Пусть самолет будет готов через двадцать минут, или я убью его.

Нино позвонил, и мы отправились в аэропорт. Фабиано остался с Киарой, которую он забрал в безопасное место с Леонрой. Я предупредил каждого гребаного солдата в Лас-Вегасе быть бдительным.

Самолет был готов вовремя, и мы вылетели почти сразу. Я снова попытался позвонить Данте, но он не взял трубку.

— На этот раз это его игра, — пробормотал Нино через некоторое время.

Савио закрыл лицо руками.

— Да, — согласился я. — И он победит.

Нино поднял брови.

— Я позволю ему поставить мне шах и мат.

— Римо — начал он, но я мрачно улыбнулся и указал на ноутбук.

— Пора включить.

• — * — •

Я прижал лезвие к ладони, когда на экране появился Адамо. Он тяжело опустился на стул.

Когда они начали резать его, крик Адамо заполнил самолет, беспощадно ревя из динамиков, и, черт возьми, это были первые крики в вечности, которые попали под мою кожу. Первый с тех пор, как она закричала. Я порезал ладонь, глубоко, до крови. Савио вцепился в подлокотник, его руки дрожали. Нино стоял позади меня, одной рукой вцепившись мне в плечо.

Данило был следующим и достал зажигалку. Я вскочил на ноги, дрожа от ярости ... такой ярости, что она угрожала разорвать меня на части. Глаза Адамо расширились. Черт, он был ребенком. Он не был похож на нас. Это должен был быть я. Я должен был сгореть ради них.

Данило прикоснулся пламенем к коже Адамо, и его крики стали громче. Я снова потянулся к телефону, зная, что Данте отклонит мой звонок, как и раньше, и ненавидя это гребаное чувство беспомощности. Я должен был сгореть за них, за него, и я сгорю.

— Хватит! — раздался женский голос, и я снова уставился на экран, когда Серафина бросилась к моему брату, защищая его.

Я застыл, не в силах поверить своим глазам, поверить, что девушка, которая преследовала меня по ночам, действительно была передо мной.

Нино и Савио уставились на меня, словно ожидая, что я окончательно потеряю голову.

— Черт, — пробормотал Савио, качая головой.

Она не вернулась ко мне, как я думал. Она ненавидела меня больше, чем я ожидал, и все же она защищала Адамо. Потому что он не был тем, кого она хотела видеть страдающим. Она хотела видеть, как я истекаю кровью. Она исполнит свое желание.

— Римо? — осторожно спросил Нино.

Я поднес телефон к уху, ожидая неизбежного, но на этот раз этого не последовало. Наконец он ответил на мой звонок.

— Данте, я дам тебе то, что ты действительно хочешь. Завтра утром я буду в Миннеаполисе и обменяюсь на Адамо.

Ему не нужно было знать, что мы уже в пути, но, возможно, он знал.

— Римо, — холодно произнес он.

Его глаза сфокусировались на камере на мгновение, прежде чем экран стал черным и Серафина и мой брат исчезли из поля зрения.

— Это меня ты хочешь видеть горящим, а не моего брата, и ты получишь свой шанс.

— Завтра утром, в восемь. Если ты опоздаешь, в твоём брате больше не узнают твоего брата, понял?

— Понял.

— Я попрошу кого-нибудь прислать тебе детали, Римо. Я с нетерпением жду встречи с тобой. — холодно сказал он.

Я повесил трубку.

— Они убьют тебя, Римо, — сказал Савио.

— Они порежут меня, сожгут, отрежут член, а потом, может быть, убьют, — тихо сказал я.

И единственное, что мне было интересно, будет ли Серафина смотреть, как они это делают.

Г Л А В А 26

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Они позволили мне остаться с Адамо, и я присела у его ног, чувствуя тошноту от того, что я видела, и еще хуже, думая о том, что должно было произойти.

— Римо обменяет себя на тебя, — прошептала я. — Завтра ты вернешься в Вегас, и Нино обработает твои раны.

Адамо наклонил голову, его темные глаза потускнели.

— Римо Капо. Он не умрет, потому что я был достаточно глуп, чтобы попасть в плен. Я разочаровал его с самого рождения. Он использует этот шанс и убьет Данте вместо того, чтобы сдаться.

Я сняла мокрую ткань с его ожога, и он застонал. Его запястье и нос были сломаны, а плечо вывихнуто. Должно быть, ему было ужасно больно, и я ничем не могла ему помочь. Игра в вину заставила мою семью дать мне эту маленькую свободу. Однако это не убедило их вызвать врача. Они, вероятно, продолжали бы пытаться Адамо, если бы я не отказалась отойти от него.

— Ты ошибаешься, Адамо. Римо защитит тебя. Он не боится смерти или боли. Он займет твое место, потому что ты его брат и он заботится о тебе. Он сделает для тебя все.

Адамо издал сдавленный смешок.

— Почему ты говоришь о нем так, будто не ненавидишь? Он похитил тебя. Он разрушил твою жизнь.

Я отвернулась. Я не расскажу ему о Невио и Грете и, конечно же, о своих извращенных чувствах к его брату.

Адамо наклонился вперед, поморщился и приблизил наши лица друг к другу, рискуя, потому что за нами, несомненно, наблюдали, а моя семья все еще жаждала пролить кровь Фальконе. Его или Римо, это не имело значения, если это был Фальконе. Я встретила взглядом с Адамо, и понимание отразилось на его лице.

— Черт, — хрипло прошептал он. Он наклонился еще ближе, несмотря на веревку, привязывающую его здоровую руку к стулу.

— Ты смотришь на меня так же, как Римо, когда кто-то упоминает о тебе.

Моя грудь сжалась.

— Мне нужно идти. — я встала и сделала шаг назад. Адамо Фальконе. Фальконе, фамилия, которую должны были носить мои дети. — До свидания, — прошептала я, но в глубине души я задавалась вопросом, действительно ли это был последний раз, когда я видела его.

Я быстро повернулась и вышла из комнаты. Сэмюэль ждал прямо перед дверью. Он смотрел на меня с непониманием на лице.

— Почему ты заботишься о гребаном ублюдке Фальконе?

— Он никогда не делал мне больно. Он мальчик.

Сэмюэль покачал головой.

— Он член мафии, Фина. Ты должна позволить нам разобраться с ним и Римо. Мы способны сделать то, что должны.

Мы вошли в главный зал, где папа, Данило и Данте разговаривали приглушенными голосами. Они повернулись к нам, как только мы вошли.

Я повернулась к Сэмюэлю.

— И что же это?

— Поставить Римо на колени. Заставить его молить о пощаде. Молить о смерти. Я сам отрежу ему член. Данило позаботится о своих яйцах, а затем мы будем держать их в красивом мешке со льдом, чтобы он мог их видеть, пока мы его разрываем. Тогда мы засунем их ему в глотку.

Данило мрачно улыбнулся, и даже папа выглядел так, будто не мог представить себе ничего лучше, чем совершить самое жестокое убийство, какое только мог придумать.

Я сглотнула.

— Он отец моих детей.

Сэмюэль отчаянно схватил меня за плечи.

— Он сломал тебя, Фина, — тихо сказал он. Никто из них никогда не спрашивал,

считаю ли я себя сломленной. Они объявили меня таковой, и все четверо заставили меня почувствовать себя такой.

— Он чудовище, — добавил Сэмюэль.

— Он не единственный, — прошептала я, оглядывая собравшихся.

Сэмюэль опустил руки, лицо исказилось, как будто я ударила его ножом.

— Я делаю это ради тебя. Чтобы отомстить за тебя.

— Кто-нибудь из вас спрашивал, чего я хочу? Хочу ли я кровопролития? Хочу ли я мести? — крикнула я.

Данте вышел вперед с напряженным выражением лица.

— Разве ты не хочешь увидеть Римо Фальконе на коленях? Разве ты не хочешь увидеть его сломанным?

Я хотела, но не так, как хотели они.

— Я больше ничего не хочу, — сказала я тихо, потому что они, никогда не поймут.

Сэмюэль обнял меня и поцеловал в висок.

— Фина, пойдем домой.

— Да, пойдем домой, — тихо сказала я.

Я посмотрела на Сэмюэля, понимая, что впервые в жизни мы не имеем в виду одно и то же место.

РИМО

Нино, Савио и я взялись за руки, прижимая друг к другу татуировку.

— Ты будешь лучшим Капо, чем я, Нино. Ты не станешь убивать людей, которые могут быть нам полезны. Твоя логика сделает Каморру еще сильнее.

Нино ничего не ответил, только уставился на меня. Савио покачал головой.

— Римо, давай нападём на них. Я лучше умру, сражаясь, чем отдам тебя в их гребаные руки.

Я мрачно улыбнулся.

— Тебе придется умереть в другой день. Я заплачу за свои грехи.

Нино издал низкий звук.

— Она не вернулась, Римо. Она осталась в Миннеаполисе. Они не подпустят тебя к ней. Ты умрешь ни за что.

— Нет, я умру, чтобы она получила то, чего хочет.

Нино отстранился.

— Проклятие. Хоть раз будь благоразумен.

— Я принял решение и ты примешь его.

Подъехали машины, и я отошел от братьев, которые укрылись в машине. Нино и Савио подняли ружья через открытые окна. Я шёл к припаркованным машинам без оружия, поднимая руки над головой. Я не думал, что Данте нападет на Нино или Савио. Как только он расчленил меня самым жестоким способом, он пошлет запись моим братьям и, возможно, Луке. Он попытается разбить мою семью, как я разбил его, убивая нас всех. Пока нет.

Данте вышел, за ним Сэмюэль, Пьетро, Данило и еще несколько мужчин, которых я не знал и на которых мне было наплевать.

Сэмюэль пошел вокруг к задней части автомобиля и вытащил Адамо. Адамо едва мог стоять, когда Сэмюэль потащил его за собой ко мне. Ярость кипела у меня под кожей.

Сэмюэль толкнул Адамо на землю перед моими ногами, и Адамо посмотрел на меня с окровавленным лицом, прижимая сломанную и обожженную руку к груди.

— Не надо, — прошептал он. — Не делай этого. Не позволяй им убить тебя из-за меня. Я гребаный неудачник.

Я подошёл к нему и коснулся его головы.

— Из всех нас ты меньше всех заслуживаешь смерти, Адамо. — я убрал руку с его головы, но прежде чем я смог двинуться дальше, он схватил меня за предплечье, его пальцы сжали мою татуировку Каморры.

— Мы против всего мира, — прохрипел он.

— Мы против всего мира. — сказал я.

Сэмюэль схватил меня за руку, и я подавил желание разбить ему лицо. Я видел, как его кулак приближается к моему лицу и улыбнулся. Первый удар только затуманил мое зрение. Его удар по яйцам поставил меня на колени. И его пистолет, приставленный к моему затылку, наконец, втянул меня в темноту.

СЕРАФИНА

Сэмюэль и Данило втащили Римо в конспиративную квартиру, руки и ноги связаны, из разбитого носа капает кровь, волосы прилипли к затылку. Я медленно поднялась с дивана, где ждала почти час с двумя телохранителями.

Папа двинулся ко мне, пытаясь заслонить Римо от моего взгляда — или меня от его. Я не была уверена и мне было все равно.

— Голубка, ты не должна быть здесь.

Его глаза сузились на моих телохранителей, резко, жестоко. Я коснулась его руки.

— Я останусь, — твердо сказала я, мой голос звучал решительно.

Данте вошел последним. Мужчины переглянулись. Их слово было законом, не мое, но их вина давала мне власть над ними, больше власти, чем они когда-либо имели надо мной. Я не хотела использовать это против них, но они никогда не позволили бы мне обладать властью по какой-либо другой причине.

Я прошла мимо отца к Данило и Сэмюэлю, которые держали Римо между собой. Голова его поникла, тело обмякло. Я попыталась скрыть дрожь, охватившую меня в тот момент, когда заметила его.

Римо Фальконе.

Лицо Данило исказилось, как всегда, когда он видел меня. С чувством вины и мимолетным унижением, потому что у него что-то отняли, потому что это отнял у него Римо. Он был сильным, могущественным человеком, и потеря меня преследовала его, как преследовала каждого мужчину в комнате. Я была их неудачей. Их гордость превратилась в грязную тряпку. Каждый раз, когда им приходилось смотреть мне в глаза, а еще хуже в глаза моим детям, они вспоминали об этом.

Они никогда не позволят мне быть кем-то, кроме голубя со сломанными крыльями. Они не могли. Но я хотела летать.

— Ты пришла посмотреть, как этот ублюдок умирает, Фина? — спросил Сэмюэль, его лицо было жестоким, нетерпеливым, грубим, когда его голубые глаза остановились на Римо, который все еще не двигался, но я заметила почти незаметное движение в его плечах, его мышцы подергивались. Он приходил в себя.

Мое сердце забилося быстрее, ладони вспотели.

— Я знаю, ты заслуживаешь мести, голубка, но это будет больше, чем ты можешь вынести, поверь мне, — сказал папа, подходя ко мне сзади и кладя руку мне на плечо.

Его голос был мягким, властным, но лицо выражало ужасающее нетерпение и

жестокость, когда он смотрел на отца моих детей.

— Какие у вас планы на него? — я спросила дядю, потому что он был человеком, за которым оставалось последнее слово.

Его холодные голубые глаза не были такими спокойными, как обычно. Ему тоже хотелось вцепиться в Римо. Они долго ждали этого момента.

— Мы продлим его пытки как можно дольше, не рискуя подвергнуться нападению со стороны Каморры.

— Он не умрет сегодня?

— О, сегодня он не умрет, — пробормотал Сэмюэль. — Но он может пожелать этого.

Я кивнула. Именно этого я и ожидала. Римо не испытает пощады от рук этого Наряда, да он и не просил о ней.

— Он будет умолять о смерти, — резко сказал папа.

— Я ни о чем не прошу, Пьетро.

Я вздрогнула от знакомого тембра, от скрытой угрозы, скрытого течения силы. Как он это делал?

Римо поднял голову, и мой брат с Данило крепче обняли его, но они растворились на заднем плане, когда глаза Римо, наконец, встретились с моими. Четырнадцать месяцев.

Сила его взгляда ударила меня, как приливная волна. С тех пор как он отпустил меня, я часто думала, смогу ли я когда-нибудь забыть его, смогу ли я жить дальше, жить новой жизнью, но теперь, глядя на него, я поняла, что была глупа, рассматривая такой вариант.

Уголки его рта приподнялись в кривой улыбке.

— Ангел.

Мой брат ударил Римо по лицу, но тот только мрачно рассмеялся, когда кровь брызнула на пол.

— Это твой шанс попросить прощения, — сказал папа.

Римо переводил взгляд с одного на другого, пока его взгляд не остановился на мне.

— Ты хочешь, чтобы я попросил прощения?

Его глаза тянули меня вниз яростно, беспощадно, безвозвратно, как всегда.

— Я не прошу тебя, — тихо сказала я.

Что-то промелькнуло в глазах Римо, но Сэмюэль и Данило оттащили его от меня и поволокли по коридору в камеру пыток.

Папа поцеловал меня в висок.

— Мы отомстим за тебя, заставим его заплатить за то, что он сделал.

Он ушел, оставив меня с Данте, который смотрел на меня со спокойным вниманием. Он слегка коснулся моего плеча, и я встретила с ним взглядом.

— В конце концов он попросит прощения, — пообещал он.

Я быстро коснулась его руки.

— Я не хочу, чтобы он это делал, потому что это было бы ложью.

Римо делал все с необузданной страстью, со свирепой яростью, без капли сожаления.

Он поглощал, уничтожал, разрушал.

Он забрал все и ничего не оставил после себя. Он был нераскаявшимся грешником. Он был разрушителем, убийцей, палачом.

Чудовищем.

Отцом моих детей.

Человеком, который держал мое сердце в своей жестокой, сильной руке.

— Вы его кастрируете?

Это был ненужный вопрос. Я знала, что так и будет, и это было лишь одно из многих злодеяний, которые они планировали. Все что мне нужно было знать.

Данте коротко кивнул.

— Завтра. Не сегодня. Это слишком ускорит его смерть. Данило и Сэмюэль сделают это. Не уверен, что тебе стоит на это смотреть, но, возможно, тебе стоит. Сегодня будет легче переварить, чем завтра, так что оставайся, если хочешь.

— Спасибо, — прошептала я.

Я медленно подошла к экрану на столе и включила его. Мой брат и Данило пинали Римо в живот, в бок, и Римо даже не пытался защищаться. Когда они наконец успокоились, потому что Данте вошел, Римо перевернулся на спину и посмотрел прямо в камеру, зная, что я наблюдаю.

Он не отвел взгляда, когда отец достал нож и порезал ему грудь. Не тогда, когда настала очередь Сэма. Не тогда, когда настала очередь Данило. Не тогда, когда настала очередь Данте.

Я провела столько часов, днем и ночью, размышляя, каково это увидеть Римо сломленным, видеть его на коленях.

Все было не так, как я себе представляла, мое сердце сжималось в груди так сильно, что я едва могла дышать, слезы так сильно давили на веки, что мне пришлось прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы сдержать их. И даже несмотря на пытки, Римо не выглядел сломленным, потому что не мог быть сломлен насилием и болью. А может и нет.

Я отвернулась от экрана и пошла прочь. Мои телохранители следовали за мной, их шаги были медленными и размеренными. Тени должны были защитить и спасти меня. Но меня уже не спасти. Моя семья пыталась вылечить меня, но я не нуждалась в этом, потому что я не была сломлена.

Скользнув за руль лимузина Мерседеса, я завела двигатель в ту же секунду, когда мои телохранители оказались внутри. Моя нога нажала на газ. Они косо посмотрели в мою сторону, но ничего не сказали. Они должны были защищать, а не судить.

Мне была предоставлена эта свобода, потому что вина моей семьи заплатила за это. Они не могли держать голубя со сломанными крыльями в золотой клетке.

Как только я припарковала машину перед домом моей семьи, я заглушила двигатель и вышла не дожидаясь их. Я шагнула внутрь и поспешила наверх, не останавливаясь, пока не вошла в детскую.

Невио и Грета спали в общей кровати, выглядя умиротворенно и старательно красиво. Я погладила их по головам, по густым черным волосам, как у их отца. Когда мои пальцы коснулись виска Невио, его глаза открылись с этими темно-кариими, почти черными глазами. Я наклонилась и поцеловала его в лоб, потом в лоб Греты, вдохнула их запах, потом опустилась в кресло и стала смотреть, как они спят.

Я не была уверена, как долго я оставалась в таком состоянии, когда открылась дверь. За спиной послышались знакомые шаги, сопровождавшие меня почти всю жизнь. Теплая рука опустилась мне на плечо, и я накрыла ее своей.

Сэмюэль поцеловал меня в макушку и на пару мгновений прижался к ней лбом. Такой нежный и заботливый, такой непохожий на человека, пытавшего Римо.

Он выпрямился, и я откинула голову назад, глядя на него. Его взгляд остановился на Грете и Невио, но для него в них не было ничего прекрасного. Как всегда, его глаза

светились виной и отвращением, когда он смотрел на них, прежде чем заметил мой пристальный взгляд и опустил взгляд на меня.

Тепло наполнило его лицо. Я хотела бы, чтобы он мог сэкономить эту часть для детей, которых я любила больше всего, чем саму жизнь. Сэмюэль был моей кровью. Так будет всегда. Он был частью меня, как и я была частью его, и я не обижалась на него за его чувства к моим детям. Я знала, что он ненавидит их отца, а не их, но больше всего он ненавидел себя.

Я встала, схватила его за шею и потянула вниз, пока его лоб не коснулся моего.

— Пожалуйста, Сэм, перестань винить себя. Пожалуйста, умоляю тебя. Я не сломлена. У тебя нет причин чувствовать себя виноватым.

Он ответил на мой взгляд, но я поняла, что его вина слишком глубока. Может быть, завтра он наконец освободится. Может быть, он сможет отпустить свою вину, когда ему придется отпустить меня.

— Я люблю тебя, — сказала я, зная, что это в последний раз.

Сэмюэль обнял меня.

— И я люблю тебя, Фиона.

Г Л А В А 27

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Папа и Данте не вернулись домой в тот вечер. Они проведут ночь в конспиративной квартире. Конспиративная квартира. Какое название для дома, чтобы мучить врагов.

Убедившись, что со мной все в порядке, Сэмюэль тоже поехал туда. Может, они боялись, что Римо удастся сбежать, а может, хотели мучить его всю ночь. Вероятно, последнее.

Я схватила сумку и собрала несколько вещей для Греты и Невио. Затем я спустилась в подвал, где мы хранили наше оружие, а также другие предметы первой необходимости в случае нападения.

Я внимательно осмотрела стенку пистолетов и ножей. Я пристегнула кобуру с пистолетом к груди поверх футболки. Это позволило мне привязать пистолет и нож к боку, а также еще один пистолет к спине. Просто чтобы быть в безопасности, я добавил кобура ножа к моей икре. Для этого случая я выбрала свободные льняные брюки.

После этого я порылась в медикаментах. Сэмюэль все мне объяснил, чтобы я была готова, если что-то случится, а не чтобы использовать это против них. Я схватила шприц с адреналином и один с успокоительным. Надев толстый кардиган, я засунула шприцы в карманы и вернулась наверх.

В доме было тихо. София, вероятно, читала в своей комнате перед сном, и мама, скорее всего, делала то же самое.

Телохранители были в своих комнатах в задней части дома, и двое охраняли забор, окружающий сад. Я надела удобные кроссовки и направилась в детскую.

Я хотела пойти к матери, попрощаться, извиниться за то, что собиралась сделать, но слов было недостаточно, чтобы объяснить мое предательство. Слова были слишком незначительны. Они никогда не поймут. Я попробую позвонить ей позже, когда мы будем в безопасности.

Перекинув сумку через плечо, я схватила Невио и Грету и тихонько вышла из детской.

Я застыла, когда увидела Софию, стоящую в дверях в розовой ночной рубашке, с растрепанными каштановыми волосами. Ее глаза охватили все, и она слегка нахмурилась.

— Куда ты идешь?

Я обдумывала, что ей сказать, как объяснить двенадцатилетней девочке, что я сделала и собираюсь сделать.

— Я уйду. Я должна.

Глаза Софии расширились, и она подошла ко мне босиком.

— Из-за Греты и Невио?

Я кивнула. Она была молода, но не настолько, как нам всем хотелось бы думать. Она остановилась прямо передо мной.

— Ты покидаешь нас.

Я с трудом сглотнула.

— Я должна, божья коровка. Ради моих детей. Я хочу, чтобы они были в безопасности и счастливы. Мне нужно защитить их от шепота людей.

София посмотрела на моих близнецов. Она наклонилась и поцеловала каждого из них в щеку, ее глаза наполнились слезами, когда она посмотрела на меня. Мое сердце сжалось.

— Я знаю, что о них говорят, и ненавижу это. Но я не хочу, чтобы ты уходила ...— ее голос сорвался.

— Я знаю. — я пыталась сдержать эмоции. — Обними меня.

Она обняла меня и близнецов, и мы так и остались на мгновение.

— Пожалуйста, никому не говори.

Она отстранилась с понимающим видом.

— Ты собираешься вернуться к их отцу?

Я кивнула, полуправда, но Софии не нужно было знать, что наша семья и ее будущий муж в настоящее время мучают человека, о котором она говорила.

— Ты любишь его?

— Я не знаю. — призналась я.

София на мгновение смутилась, но потом кивнула, закусив губу, и слезы снова навернулись на глаза.

— Папа больше не позволит мне видеться с тобой, правда?

Я сглотнула.

— Надеюсь, когда-нибудь он поймет.

— Я буду скучать по тебе.

— Я тоже буду по тебе скучать. Я попытаюсь связаться с тобой. Помни, я люблю тебя.

Она кивнула, слезы текли по ее щекам. Я быстро повернулась, пока не сорвалась. Спускаясь по лестнице, я чувствовала на себе взгляд Софии. Свет сверху освещал мне путь, когда я направилась в гараж.

Я усадила Невио и Грету в их автокресла и села за руль. Пистолеты неприятно впивались мне в спину и бок. Дверь гаража скользнула вверх, я выехала и направила машину по длинной подъездной дорожке. Я нажала кнопку ворот, и они открылись.

Перед воротами появился охранник, и мне пришлось остановиться или переехать его.

Окна были тонированы, поэтому он не мог видеть детей на заднем сиденье. Я опустила окно.

— Мисс Миона, никто не предупредил нас, что вы уезжаете.

— Я информирую вас сейчас, — твердо сказала я.

Он нахмурился.

— Надо спросить у босса.

Я нахмурилась.

— Уйди с дороги. Я еду на конспиративную квартиру, чтобы убить человека, который изнасиловал и пытал меня.

Его глаза расширились, и он опустил взгляд, стыд всех солдат наряда ясно отразился на его лице.

— Мне нужно сделать быстрый звонок.

Он поднес телефон к уху, и я подумала, не нажать ли на газ. Он опустил телефон, снова коснулся экрана и снова поднял его.

— Сэмюэль, я не могу дозвониться до вашего отца. Ваша сестра у ворот, пытается уехать.

Он протянул мне телефон. Я приняла его с яростью.

— Фина, что происходит?

— Скажи ему, чтобы выпустил меня.

— Фина.

— Я сейчас приеду. Мне нужно ... мне нужно увидеть, что ты делаешь. Ты в долгу передо мной, Сэм.

Чувство вины пронзило меня, но я оттолкнула ее.

— Ты должна взять с собой телохранителя.

— Сэм, — хрипло прошептала я. — Позволь мне уехать. Ты хочешь, чтобы я умоляла? Я уже достаточно сделала, поверь мне.

Ложь, которую я никогда не хотела использовать против Сэмюэля. Он вздохнул.

— Окей. Но сейчас мы ничего не делаем. Папа, Данило и Данте немного поспали. Был долгий день.

— Буду через пятнадцать минут. Пусть пока поспят. Им не нужно знать, что я приеду. Ты знаешь, каким может быть папа.

Я вернула телефон охраннику, и после приказа брата он, наконец, пропустил меня.

• — * — •

Сэмюэль ждал меня у дома, когда я подъехала. Я запрограммировала отопление, чтобы оно согревало машину для моих детей, прежде чем я выйду. Сэмюэль посмотрел на меня, нахмурившись. На нем была другая рубашка, чем в прошлый раз, и когда я подошла ближе, но заметила красные пятна под ногтями. Он обнял меня за плечи, и на мгновение я напряглась, потому что боялась, что он почувствует кобуру, но его рука была слишком высоко, а мой кардиган слишком толстым. Он провел меня внутрь. Мои глаза обшарили главное помещение.

— Они в спальном зоне наверху. Хочешь, я их разбужу?

— Нет, — быстро ответила я.

Мои глаза были прикованы к экрану. Римо лежал на полу, не шевелясь. Я попыталась оценить угол. Сэмюэль проследил за моим взглядом.

— Мы продолжим примерно через час.

Я подняла на него глаза. Под глазами залегли темные тени.

— Ты выглядишь так, будто тебе надо поспать.

— Кто-то должен следить.

— Похоже, он ничего не может сделать.

Сэмюэль скривил губы.

— Он крутой ублюдок. — выражение его лица смягчилось. — Но мы заставим его умолять. В какой-то момент даже он сломается.

Я сомневалась в этом, но мы никогда не узнаем.

— У тебя есть что-нибудь выпить для меня?

Сэмюэль кивнул и подошел к столику в углу. Прежде чем последовать за ним, я достала шприц.

— Вода подойдет? — спросил он, когда я остановилась рядом с ним.

Я коснулась его груди.

— Прости, Сэм.

Его брови в замешательстве сошлись на переносице, и я воткнула иглу ему в бедро.

Сэм вздрогнул.

— Фина? Что?

Но он уже шатался, его веки опустились. Я вцепилась в него, пытаюсь удержать от падения и ранений, но он был слишком тяжел. Он опустился на пол. Его глаза начали терять фокус. Я наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Надеюсь, когда-нибудь ты простишь меня.

• — * — •

Я вошла в комнату пыток и остановила взгляд на Римо. Он лежал на полу в собственной крови, голый, если не считать черных трусов, его руки и ноги были привязаны веревкой к крюкам в полу. Синяки и порезы покрывали почти каждый дюйм его тела. На столе справа я увидела орудия пыток. Ножи были покрыты кровью, но некоторые из них все еще были нетронутыми и ждали своей цели.

Римо открыл глаза на залитом кровью лице, и у меня снова перехватило дыхание. Темная улыбка искривила его рот, но в его глазах было чувство, от которого у меня сжался живот.

— Ангел, ты пришла посмотреть, как твоя семья отрезает мне член? Я слышал, это запланировано на сегодня.

Я подползла ближе к нему, мои кроссовки тащились сквозь его кровь, покрывая грубый пол. Мои шаги не дрогнули. Кровь ничего мне не сделает. Больше нет.

Римо спокойно посмотрел на меня. Его взгляд скользнул по моей руке к кончику ножа, выглядывающему из длинного рукава кардигана.

— Или ты пришла сама справиться?

Я остановилась прямо над Римо. Несмотря на то, что он лежал на спине, весь в синяках и ссадинах, покрытый собственной кровью, он казался сильным. Римо не мог сломаться, потому что не боялся боли или смерти.

Была ли это любовь? Или безумие?

Я опустилась на колени рядом с ним на липкий пол, мои белые льняные штаны жадно впитывали кровь. Вскоре штаны прилипли к коже от крови Римо.

— Нет, — прошептала я, наконец, отвечая ему.

Римо обвел взглядом мое лицо. Он выглядел почти умиротворенным.

— Убить меня?

Я наклонила голову, глядя на него. Римо был Невио. Невио был Римо. Как будто они были вырезаны по одному шаблону. Мои дети были копией своего отца. Даже если бы у меня не было чувств к этому человеку, я никогда не смогла бы убить его, потому что лица

Греты и Невио напоминали бы мне о нем каждый день моей жизни.

— Я всегда думал, что так и должно быть. Твоя рука оборвет мою жизнь.

Я покачала головой.

— Я не убью тебя.

Я склонилась над Римо, мои пальцы скользили по его крови на полу, мои волосы окунались в нее. Так много крови.

— Ты не вышла замуж за Данило, — пробормотал Римо.

— Как я могла? — прошептала я, наклоняясь так низко, что мы с Римо почти соприкоснулись. — Как я могла выйти за него замуж, когда была беременна твоими детьми?

Римо напрягся. Мне было интересно, как он отреагирует, если я когда-нибудь расскажу ему о Грете и Невио, но ничто не могло сравниться с выражением его лица. Полный и абсолютный шок, и более того ... удивление.

— Когда ты бросил меня, я носила в себе твоих детей, Римо. Ты бросил нас.

— Я думал, ты вернешься ко мне, — прохрипел он.

— Ты оттолкнул меня.

— Я освободил тебя.

— Я не была свободна, — прошипела я.

Как я могу быть свободной, когда его имя запечатлелось в моем сердце?

— Ты была беременна, — тихо сказал он.

— Я была беременна, живое напоминание о величайшем провале нашего Наряда, живое напоминание о чем-то темном и постыдном. Напоминание о том, что ты взял что-то из Наряда, взял что-то из меня. Все так думали. Моя семья и все остальные в наряде. Я знала, что рождение твоих детей разрушит все шансы, которые у меня были, чтобы найти свой путь обратно в наряд, обратно в свою семью. Я знала, что решу свою судьбу, если у меня будет твой ребенок. Будь я проклята, если проживу жизнь, полную жалости и отвращения.

Что-то промелькнуло в глазах Римо. Ужас, может быть, даже страх.

— Ты избавилась от детей.

И голос его дрогнул чуть-чуть. Жестокий, нерушимый человек.

Мой враг, мой похититель, человек, который забрал у меня все и, сам того не зная, подарил мне величайший дар.

Мне всегда было интересно, что нужно сделать, чтобы сломить Римо, и я поняла, что обладаю силой, способной сокрушить самого жестокого, самого сильного мужчину, которого я знала. Одно слово разобьет его. Это знание наполнило меня несравненной радостью не потому, что я могла сломить человека передо мной. Нет, потому что наши дети, даже не зная их, значили для него так много, что их смерть уничтожила бы его.

— О, Ангел, они послали тебя нанести последний удар? Скажи Данте, что он победил.

Я покачала головой.

— Нет, — сказала я тихо, потом еще свирепее, — Нет. Я не избавилась от детей, хотя все хотели, чтобы я сделала это. — Римо выдержал мой взгляд. — Как я могу избавиться от самого прекрасного создания, какое только могу себе представить? Грета и Невио чистое совершенство, Римо.

Он выдохнул, и взгляд в его глазах ... Боже, этот взгляд. Этот жестокий человек украл мое сердце, и я позволила ему.

— Они похожи на тебя. Невио это ты. Все, кто его видит, знают, что он твой.

Римо улыбнулся самой мрачной и печальной улыбкой, какую я когда-либо видела.

— Ты пришла сказать мне перед смертью, что я никогда их не увижу? Ангел, я должен сказать, что ты жестче, чем я когда-либо мог быть.

Я переплела свои пальцы с его окровавленными, зажав лезвие между нашими ладонями.

— Наши дети совершенство, но здесь, в Наряде, они представляют стыд и бесчестье. Люди шепчутся за их спинами, называют их Фальконе, как будто это что-то греховное, что-то грязное. Наши дети прекрасны. — с каждым словом мой голос становился все яростнее.

— Они должны держать голову высоко, не стыдясь того, кто они есть. Они не должны кланяться, не должны жить в тени. Они должны править. Они Фальконе. Они принадлежат Лас-Вегасу, где их имена несут власть и уважение. Они должны править рядом с самым жестоким и храбрым человеком, которого я знаю. Их отцом.

Римо ничего не сказал, но выражение его лица заставило меня вспыхнуть.

— Насколько серьезно ты ранен? — прошептала я ему на ухо.

— Достаточно, — признался он.

Я кивнула, мое горло сжалось. Я потянулась к шприцу в кармане и вытащила его.

— Адреналин.

Римо раскрыл рот шире. Я ввела ему жидкость и он вздрогнул. Его зрачки расширились, когда он снова встретился со мной взглядом.

Мои губы слегка коснулись его губ.

— Насколько ты силен, Римо Фальконе?

— Достаточно силен, чтобы забрать тебя и наших детей домой, где вам всем самое место, Ангел.

Я улыбнулась. Я сунула нож под веревку.

— Поклянись, что не убьешь мою семью. Ни моего брата, ни моего отца, ни моего дядю. Поклянись нашими детьми, Римо.

— Клянусь, — пробормотал он.

Я перерезала веревку, когда услышал скрип двери. Я бросила нож в свободную руку Римо.

— Серафина, отвали от этого мудака!

Данило зарычал, схватив меня за плечи и поднял на ноги. Я повернулась к нему, врезавшись прямо в лицо.

— Не указывай мне, что делать. Я имею право быть здесь.

Данило тяжело дышал, грудь тяжело вздымалась. Я сделала шаг назад, снова приблизившись к Римо. Данте и мой отец вошли. В основном я заслоняла Римо от них, но это ненадолго.

— Ты не должна быть здесь, голубка. Это не для девушек, — мягко сказал папа.

Он все еще верил в мою невиновность, но Данте и Данило смотрели на меня более осторожно.

— Где Сэмюэль? — спросил Данте.

Я обхватила себя руками и засунула их под кардиган, пальцы сжали пистолет, пристегнутый к кобуре.

— Простите, — прошептала я и наставила на них пистолет.

Данте положил руку на пистолет на поясе, но не вытащил его. Отец и Данило совсем замерзли.

— С Сэмюэлем все будет в порядке. Он отключился за диваном.

— Фина, — сказал папа успокаивающим голосом. — Ты через многое прошла. Опуст

пистолет.

Я сделала еще один шаг назад, отпуская предохранитель.

— Простите, — повторила я, сдерживая слезы, думая о Сэмюэле, о том, что он подумает, когда проснется. Боковым зрением я видела, как Римо перерезал последнюю веревку на лодыжке.

Данте выхватил пистолет, Данило тоже, но я загородила Римо от них. Они не станут стрелять в меня, даже теперь, когда я держу их на прицеле. Я была девушкой, которую нужно защищать. Я была их ответственностью и их неудачей.

Римо, шатаясь, поднялся на ноги позади меня, и Данило прицелился. Я выстрелила в него, ударив снаружи по плечу. Он ахнул, его глаза сверкнули на меня.

— Ни единого движения, — предупредила я. Римо, как обычно, не обращая внимания на меры предосторожности, навис надо мной.

— Мы только хотим уехать. Никто не должен пострадать, — прошептала я.

Римо потянулся за пистолетом, но я покачала головой.

— Спина, — ответила я. Его рука скользнула под мой кардиган и вытащила оттуда пистолет.

— Голубка, — прохрипел папа. — Ты ничего не должна этому человеку. Он изнасиловал тебя. Я знаю, что эмоции могут запутаться в такой ситуации, но у нас есть люди, которые могут тебе помочь.

Я грустно улыбнулась ему, а затем Сэмюэль ввалился внутрь, держась за дверной косяк. Я не осмелилась применить к нему большую дозу, чем было абсолютно необходимо; очевидно, этого было недостаточно. Он непонимающе уставился на меня, его рука с пистолетом безвольно висела на боку. Мой близнец, моя наперсник.

Большую часть жизни я была уверена, что моя любовь к Сэмюэлю, к моему близнецу, никогда не будет оспорена, и я все еще любила его, любила так сильно, что выражение предательства на его лице расколело меня пополам, но теперь были мои дети и мужчина позади меня.

Римо перевел взгляд с меня на него и коснулся моего бедра. Я проглотила нарастающие эмоции.

— Пожалуйста, позволь нам уйти, дядя, — обратилась я к Данте.

— Эта война из-за меня, и я могу сказать, что не хочу ее. Я не хочу, чтобы за меня мстили. Не лишай моих детей их отца. Я поеду с Римо в Лас-Вегас, где мое место, где место моим детям. Пожалуйста, если ты чувствуешь вину за то, что случилось со мной, если ты хочешь спасти меня, тогда сделай это. Позволь мне вернуться в Вегас с Римо. Это не должно быть бесконечной спиралью кровопролития. Это может закончиться сегодня. Для твоих детей, для моих. Позволь нам уйти.

Данте холодно смотрел на Римо, а не на меня.

— Она говорит от имени Каморры?

Римо крепче сжал мое бедро.

— Да. Ты вторгся на мою территорию, а я на твою. Мы квиты.

— Вовсе нет! — взревел Сэмюэль, делая шаг вперед и покачиваясь. Римо приподнял пистолет на пару дюймов. — Ты похитил мою сестру и сломал ее. Ты превратил ее в свою гребаную марионетку. Мы не закончим, пока я не встану над твоим выпотрошенным трупом, чтобы моя сестра наконец освободилась от тебя.

— Сэм, — выдохнула я. — Не делай этого. Я знаю, ты не понимаешь, но мне нужно

вернуться в Вегас с Римо, ради себя, но что более важно ради моих детей.

— Я знал, что ты должна была избавиться от них, — прохрипел Сэмюэль, его глаза остекленели.

Рука Римо на моем бедре дернулась, и я поняла, что без обещания, которое он дал мне, он убил бы моего брата за его слова.

Папа подошел к Сэмюэлю сзади и положил руку ему на плечо.

— Отправь их с ним в Лас-Вегас. Они Фальконе, но не ты Фина. Освободись от них и от него. Ты можешь начать новую жизнь.

— Куда пойдут мои дети, туда и я пойду, — сказала я. — Тебе не кажется, что я достаточно настрадалась за все твои грехи? Не превращай меня в пешку в своей шахматной партии. Освободи меня.

Понимание осело в глазах Сэма, и это разбило мое сердце. Мне было больно, больно за свою семью, которая никогда не поймет. Я могла только надеяться, что однажды они возненавидят меня и больше не будут скучать.

Римо ослабил хватку на моем бедре. Даже адреналин не удержит его на ногах долго. Он был слишком ранен для этого.

— Дай нам уйти. Однажды ты подвел меня, и теперь я потеряна для тебя. Но, пожалуйста, позволь мне привести моих детей в семью, которая будет любить их. Позволь мне привести моих детей домой. Ты в долгу передо мной.

Данило издал недоверчивый звук, его рука сжала пистолет.

Я ненавидела себя за то, что разыгрываю вину, но знала, что это наш единственный шанс. Чтобы Римо выбрался отсюда живым, я должна была навредить семье, которую любила.

Холодные глаза Данте встретились с моими.

— Если я позволю тебе уехать сегодня, ты будешь предательницей. Ты не будешь частью Наряда. Ты будешь врагом. Ты больше не увидишь свою семью. Не будет мира с Каморрой. Эта война только началась.

Сэмюэль глубоко вздохнул, его глаза умоляли меня передумать. Смогу ли я жить без него?

— Когда же кончится эта война, дядя? — тихо спросила я. Он посмотрел на Римо, и я знала, что он скажет. — Никогда, — прошептала я в ответ.

Данте склонил голову. Папа посмотрел на меня так, словно это было последнее прощание с дочерью, потерянной навсегда.

— Уходите. — холодно сказал Данте.

Данило недоверчиво покачал головой.

— Ты же не серьезно, Данте. Ты не можешь их отпустить.

Данте уставился на моего бывшего жениха.

— Освободи меня, — тихо сказала я.

— Уходите.

Облегчение и тоска нахлынули на меня, когда я услышала это слово.

— Спасибо тебе.

Данте покачал головой.

— Не благодари меня. Не за это.

Римо слегка подтолкнул меня, и я подошла ближе к двери, держась между ним и остальными. Я отошла назад, чтобы присмотреть за своей семьей. Они не нападали. Они не

остановили нас. Папа и Сэмюэль выглядели сломленными. Я нанесла окончательный удар, сломал их. Интересно, как отреагирует мама, когда узнает? Она будет раздавлена.

С тяжелым сердцем я повела Римо к припаркованной машине. Он опустился на пассажирское сиденье и тут же потерял сознание. Я закрыла дверь и села за руль. Грета и Невио все еще крепко спали на своих местах.

Я нажала на газ, и машина полетела по длинной гравийной дороге. Я быстро подключилась к Bluetooth и набрала Сахарницу. Это был единственный номер, который я нашла в Интернете.

Прошло некоторое время, прежде чем парень, с которым я разговаривала, согласился позвонить Нино и дать ему мой номер. Я начинала сходить с ума.

Римо не выживет, даже если мне придется ехать с ним в Вегас, а я не смогу отвезти его в больницу на территории нашего Наряда. Что, если моя семья оправится от первоначального шока и решит избавиться от нас? Мне нужно было добраться до территории Каморры.

Мой пульс участился, когда наконец зазвонил телефон. Я подняла трубку после второго гудка.

— Он мертв? — сразу же спросил Нино.

Я взглянула на Римо, который, тяжело дыша, привалился к пассажирской двери.

— Пока нет, — ответила я.

Нино на мгновение замолчал.

— Ты звонишь, чтобы позлорадствовать? Чтобы я услышал последние крики брата?

Так он думал?

— Я с ним в машине. Мы выехали. Мы уже в пути.

— Ты вытащила его? — резко спросил Нино. — Где ты? Мы берем вертолет и встречаем вас на полпути. Мы в Канзас-Сити. Сейчас я рассчитаю лучшее место.

Я сказала ему, куда направляюсь, и мы договорились о месте встречи в восьмидесяти милях от меня.

— Он тяжело ранен, — тихо сказала я.

— Римо слишком силен, чтобы умереть, — сказал Нино.

Слезы жгли мне глаза.

— Я еду так быстро, как только могу.

— Серафина, — начал Нино. — Он думал, что ты вернешься. Он хотел, чтобы ты вернулась по собственной воле.

Я сглотнула. Речь шла не обо мне и Римо. Речь шла о моих детях, и все же моя грудь болела от эмоций, когда я смотрела на мужчину рядом со мной. Темные волосы прилипли к окровавленному лбу.

— Мне нужно ехать, — сказала я и повесила трубку.

Примерно через час я направила машину к пустынной стоянке, где уже ждал вертолет. Нино и Савио стояли рядом. Я надеялась, что Фабиано будет там. Я доверяла ему больше, чем этим двоим.

Я остановилась. Они держали оружие наготове, не доверяя мне. Я тоже им не доверяла, но Римо едва дышал. Я схватила пистолет и вышла из машины.

Нино подошел, как обычно, с пустым выражением лица. Мой пистолет был направлен на него, как и его на меня. Конечно, с его навыками я умру прежде, чем мой палец дернется на спусковом крючке.

Я опустила пистолет, подошла к пассажирской двери и открыла ее. Нино по-прежнему смотрел на меня с опаской. Савио подошел к нему сзади, держа пистолет наготове, не направляя его на меня.

— Ты мне поможешь? Или ты хочешь, чтобы Римо умер?

Нино шагнул вперед и, как только увидел брата, сунул пистолет в кобуру и бросился ко мне. Он быстро проверил Римо и схватил его под мышки. Римо застонал.

Савио взял его за ноги, и они уже собирались вытащить его, когда Грета проснулась и издала душераздирающий крик, увидев двух незнакомых мужчин. Нино и Савио дернули головами и замерли. Невио тоже проснулся, и его темные глаза уставились на них. Мой маленький Римо.

— Твою мать, — выдохнул Савио. Его карие глаза метнулись ко мне. — Они принадлежат Римо.

Это не было вопросом, потому что один взгляд на Невио, и они знали, что он был их брата.

— Да, и он потерял сознание прежде, чем смог их увидеть.

У меня перехватило горло.

Нино на мгновение задержал на мне взгляд, и я поняла, что не пожалею о своем решении, потому что уже сейчас я видела, что мои дети будут Фальконе.

— Быстро, — пробормотал Нино, и они с Савио понесли Римо к вертолету.

С колотящимся сердцем я подошла к задней двери и открыла ее, чтобы расстегнуть ремни Невио и Греты.

— Шшш, — успокоила я дочь. Невио выглядел просто любопытным и немного сонным.

— Тебе нужна помощь? — спросил Савио у меня за спиной, удивив меня.

Я оглянулась через плечо, колеблясь, моя защита поднялась.

— Не смотри на меня так. Твои дети в безопасности. Они всегда будут в безопасности, и не только потому, что Римо убьет меня, если с ними что-нибудь случится.

Я кивнула.

— Ты можешь взять Невио? Грета не любит, когда ее держит кто-то, кроме меня.

Савио подошел к другой двери, открыл ее и склонился над Невио, который смотрел на него большими темными глазами.

— Я никогда не держал на руках ребенка, — неохотно признался Савио.

— Поговори с ним успокаивающе и прижми его к груди. Он может сам держать голову.

— Привет, Невио, — сказал Савио, просунув руки под мышки Невио и осторожно приподняв его.

Казалось, он держит бомбу, готовую взорваться, но я была рада, что он был осторожен. Я не думала, что Савио может быть таким.

Я повернулась к Грете, быстро подняла ее и выпрямилась, чтобы не спускать глаз с Савио.

Он прижимал Невио к груди, и мой сын, казалось, был доволен, что незнакомец держит его. Савио смотрел на моего мальчика с любопытством и восхищением. Не с обидой, не со стыдом.

Мы вместе направились к вертолету. Грета прижалась ко мне от шума. В вертолете Нино склонился над Римо. Римо уже делали переливание крови и поставили капельницу с прозрачной жидкостью, пока Нино ощупывал его тело.

В кабине находился незнакомый мне человек.

Нино повернулся к нам, когда Савио протянул ему Невио. Он тут же схватил моего мальчика со странным выражением на лице. Савио забрался внутрь и протянул мне руку. Я неловко влезла во внутрь, а Грета все еще цеплялась за меня изо всех сил.

Я опустила на сиденье, и Савио помог мне пристегнуться. Нино вернул ему Невио, а Савио сел рядом со мной.

Нино переводил взгляд с Невио на Грету, словно не понимая, что видит. Как только вертолет оторвался от земли, Нино вернулся к Римо.

Невио посмотрел на отца, потом на меня, и я проглотила эмоции. Что, если Римо умрет раньше, чем увидит своих детей? Что, если мои дети никогда не встретят своего отца?

Я никогда не ожидала, что Римо захочет своих детей, но теперь, когда я знала, что он их хочет, меня охватило чувство вины. Я думала, что защищаю их, скрывая от него, оставаясь в Наряде, но я ошибалась. Лас-Вегас был их домом, потому что это был дом Римо.

Г Л А В А 28

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Когда мы приземлились в Лас-Вегасе, Нино немедленно отправил Римо в больницу, с которой Каморра сотрудничала, а Савио остался со мной. Я была обессилена и эмоционально истощена.

— Что теперь с нами будет? — устало спросила я.

Савио удивленно посмотрел на меня.

— Я отвезу тебя в особняк. Римо захочет, чтобы ты и его дети были рядом, когда он вернется.

— Думаешь, он выживет?

Савио кивнул.

— Римо не умрет.

Я последовала за Савио к машине и опустила на заднее сиденье вместе с детьми.

Когда я резко проснулась, мы уже приехали, и Фабиано смотрел в окно, как будто видел привидение. Он открыл дверь.

— Какого хрена?

— У Римо есть дети, — объяснил Савио.

— Я вижу, — сказал Фабиано.

Савио снова взял Невио, и я вышла с Гретой, которая уткнулась лицом мне в шею. Фабиано не мог оторвать глаз от Невио, потом, наконец, встретился со мной взглядом.

— Ты спасла Римо?

Я кивнула. Фабиано посмотрел мне в глаза, и я не была уверена, что он искал.

— Слишком холодно, чтобы Невио и Грета оставались снаружи. Можешь достать мою сумку из багажника?

Фабиано кивнул и направился к машине. Я последовала за Савио в дом, странное чувство узнавания охватило меня. Это место не было похоже на дом. Я была тут, только как пленница, и мне было интересно, как все будет теперь, когда я пришла сюда свободно.

Может ли это стать домом для меня и моих детей?

Савио сказал, что Римо хотел бы, чтобы я жила здесь с ними, но я не была уверена. Пребывание здесь казалось нереальным, но пути назад не было.

Осознание пришло медленно, и на мгновение я почувствовала себя обездвиженной его

весом держа в объятиях Грету.

— Ты можешь отдать мне Невио, — выдавила я, протягивая свободную руку.

Савио сдвинул брови, но без колебаний отдал мне сына, и я прижала его к себе. Савио и Фабиано смотрели на меня, как будто не знали, что со мной делать.

— Как он? — спросила Киара, торопясь в прихожую. Она резко остановилась, увидев меня с детьми. Ее глаза расширились.

— Нино отвез его в больницу, — сказал Савио.

Киара только смотрела на меня. Она перевела взгляд на Невио и Грету и недоверчиво покачала головой. Девушка с веснушками и каштановыми волосами последовала за Киарой и тоже остановилась.

Киара двинулась первой. Она подошла ко мне, ее глаза светились теплом.

— Как отреагировал Римо?

Слезы навернулись мне на глаза, и ее улыбка погасла.

— Он потерял сознание прежде, чем увидел их, — прошептала я.

— Ничто не убьет Римо, — твердо сказал Фабиано.

Я кивнула.

Грета начала плакать, и Невио тоже становился все более раздражительным.

— Мне нужно покормить их и поменять подгузники. Тогда им нужно место для сна.

Савио взглянул на Фабиано, тот пожал плечами. Киара закатила глаза.

— Ничего, если я отведу тебя в спальню, где ты была ... в прошлый раз? Я не хочу открывать другие комнаты в крыле Римо. Или ты предпочитаешь остаться в нашем с Нино крыле?

Я подавила смех.

— Я останусь в крыле Римо.

Девушка нерешительно улыбнулась.

— Я Серафина. А это Невио и Грета.

— Леона, — сказала она. — Приятно познакомиться.

Фабиано подошел к ней и собственническим жестом положил руку ей на талию. Значит, она его девушка.

Киара взяла у Фабиано мою сумку и повела меня наверх, в крыло Римо. Я знала дорогу наизусть, но ее общество было приятным. Когда мы вошли в мою старую комнату, у меня перехватило дыхание от нахлынувших воспоминаний, но еще один громкий вопль Греты вывел меня из этого состояния. Я подошла к кровати и осторожно положила их.

Киара продолжала бросать взгляды на моих близнецов, в ее взгляде была тоска.

— Чем я могу тебе помочь?

Я открыла сумку и протянула ей детское питание. Вечером им всегда нужна была бутылка, чтобы успокоиться.

— Не могла бы ты приготовить две бутылочки?

Киара вернулась через пятнадцать минут с бутылками и устроилась рядом со мной на кровати.

— Почему бы тебе не покормить Невио, пока я позабочусь о Грете, — предложила я.

Ее глаза загорелись.

— Спасибо тебе.

Я рассмеялась.

— Ты мне помогаешь. Я должна поблагодарить тебя.

Она улыбнулась, взяла Невио и усадила к себе на колени.

— Я должна предупредить тебя. Он немного борец.

Киара поднесла бутылку ко рту Невио, и, как и ожидалось, его маленькие ручки потянулись к бутылке, пытаясь вырвать ее из ее рук. Она рассмеялась.

Я сморгнула слезы, сосредоточившись на Грете, которая счастливо пила, ее большие темные глаза сонно смотрели на меня. Эмоции болезненно сжались в моей груди.

Римо должен был выжить. Я не могла поверить, что судьба так жестоко оторвет его от меня, прежде чем он увидит своих детей. Может, Римо и заслуживал смерти, но мне было все равно. Он должен жить ради Греты и Невио.

— Он будет любить и защищать их. — пробормотала Киара.

Римо защитит их. Способен ли он на любовь? Я не была уверена.

• — * — •

Когда Киара ушла, я легла рядом со своими детьми, которые уже спали после кормления. У меня не было кровати для них или чего-то еще, кроме нескольких вещей, которые я запихнула в сумку.

Я закрыла глаза. Образ Римо в его крови вспыхнул у меня в голове, и я вздрогнула.

Должно быть, я заснула, потому что вскоре меня разбудил вопль Греты. Это была первая ночь без помощи Сэмюэля и моей матери, и тяжелый груз поселился в моем животе, думая о моей семье. Я не была уверена, какими будут мои будущие ночи. Справлюсь ли я со всем сама?

• — * — •

На следующее утро я встала рано и моргала от мягкого света, струившегося из окна. Я почти не спала, и не только из-за неустойчивого графика моих близнецов. Беспокойство за Римо преследовало меня во сне. Я собрала себя и детей, прежде чем спуститься вниз, неся их на бедрах.

Следуя за запахом кофе и бекона, я направилась на кухню, но остановилась в дверях.

Адамо, Савио и Нино сидели за кухонным столом, пока Киара помешивала что-то в большой кастрюле. Все взгляды обратились на меня, и я покачнулась. Я всегда была врагом, пленницей, а теперь кем? Гостем? Навязчивой ?

— Доброе утро, — я сказала, затем повернулась к Нино, страх застрял в моем горле. — Как он?

— Стабильно. Несколько сломанных костей, ушибы, разрыв селезенки. Он наверху, вырублен обезболивающими.

— Ему это совсем не понравится, — усмехнулся Савио. — Ты же знаешь, он предпочитает переносить боль без этих штук.

Я все еще не отошла от двери.

— Я готовлю тыквенное пюре для малышей. Надеюсь, он подойдет? — вмешалась Киара.

Я кивнула. Нино схватил стул и отодвинул его для меня. С легкой улыбкой я подошла к столу и опустила на него. Невио опрокинул стакан Нино, пролив на него воду.

— Извини, — сказала я, откидываясь назад, чтобы подлые руки Невио не попали в еще большие неприятности. Он все еще хватался за все.

Нино пристально смотрел на него, пока он вытирался кухонным полотенцем, которое дала ему Киара.

Адамо покачал головой. Его рука была перевязана, а лицо опухло.

— Не могу поверить, что у Римо есть дети.

— Бьюсь об заклад, Наряд ненавидел их видеть. Я имею в виду, что они не могут не быть Фальконе, — сказал Савио с усмешкой.

Я напряглась, боль пронзила меня. Я отвернулась, сглотнув.

— Ты поэтому здесь? — мягко спросил Нино. — Чтобы дать им шанс?

— Я хочу, чтобы они гордились тем, кто они есть.

Я не хотела все объяснять.

— Они будут. Они Фальконе, — сказал Нино.

Я посмотрела в его бесстрастные серые глаза.

— Вот так просто? Моя семья пыталась Адамо и чуть не убила Римо, и технически я враг.

— Вот так просто. Ты принадлежишь Римо, и они тоже принадлежат ему. Вы семья.

Я нахмурилась.

— Я не принадлежу Римо.

Нино дал мне скривил улыбку.

— Ты принадлежишь.

Киара поставила передо мной тарелку с яичницей, беконом и тостами.

— У тебя есть одеяло?

Она поспешила прочь и через несколько минут вернулась с одним из них, расстелив его на полу. Я положила Грету и Невио на спину, чтобы поесть. Я улыбнулась, когда Невио перевернулся на живот и с любопытством поднял голову.

— Это слишком странно, — сказал Адамо.

Я улыбнулась ему. Савио покачал головой.

— Я не собираюсь менять подгузники. Мне плевать, отдаст Римо приказ или нет. Я и близко не подойду к чужому дерьму, ребенок это или нет.

Я фыркнула.

— Я уверена, что ты ежедневно сталкиваешься с более отвратительными вещами.

Адамо рассмеялся.

— В любом случае, он полон дерьма.

Савио ударил Адамо по руке.

Часть веса, который я чувствовала со вчерашнего дня, спала с моих плеч.

РИМО

Я чувствовал себя дерьмово, с ватным ртом и болью во всем теле. Открыв глаза, я обнаружил, что Нино смотрит на меня.

— Ты мудака. Ты дал мне обезболивающее и какое-то гребаное успокоительное.

— Твое тело нуждалось в этом.

Я попытался сесть, но мое тело было очень против этой идеи. Я боролся и бросил на Нино смертельный взгляд, когда он попытался мне помочь. В конце концов, мне удалось сесть у изголовья кровати, каждый гребаный дюйм моего тела яростно пульсировал. Большая часть моей верхней части тела и рук была покрыта бинтами.

Нино присел на край моей кровати.

— Ты выглядел дерьмово, когда Серафина привезла тебя к нам.

Серафина спасла мне жизнь. Девушка, которую я похитил, спасла мне жизнь.

— На секунду мне показалось, что я все это выдумал, но то, как мое тело кричит от боли, говорит мне, что это правда.

— Они чуть не убили тебя, и сделали бы это, если бы Серафина не вытащила тебя.

— Где она? — спросил я, не обращая внимания на то, как сжалась моя грудь при мысли, что она все-таки не в Лас-Вегасе.

— Внизу, — медленно произнес Нино, глядя мне в глаза. — С твоими детьми.

— Моими детьми, — повторил я, пытаюсь понять смысл слов, пытаюсь, черт возьми, понять, что я отец. Грета и Невио. — Черт, — выдохнул я.

— Это как смотреть на твою детскую версию, — недоверчиво сказал Нино.

— Убедись, что у них есть все необходимое. независимо от того, что Серафина говорит, что ей нужно, ты сделаешь это для нее.

Нино кивнул.

— Она здесь, чтобы защитить своих детей, потому что наряд их не принял. Не из-за тебя.

Я прищурился, глядя на него.

— Мне все равно, почему она здесь. Важно только то, что она есть. Я говорил тебе раньше, у меня нет гребаного сердца, которое можно разбить, или ты забыл?

Нино легонько коснулся моего плеча.

— Я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой, Римо. Или ты забыл?

— Вот почему ты так хорошо выводишь меня из себя.

— Ты хочешь, чтобы я принял ее?

Я кивнул. Я не думал, что когда-либо хотел чего-то большего. Я бы прошел через дни пыток, через недели, чтобы увидеть Серафину. Что она спасла меня? Черт, я никогда не рассматривал такой вариант.

После того когда она сказала, что не простит меня, я смирился с тем, что она хочет моей смерти, что она хочет видеть мои страдания. Я это заслужил. Не было никаких гребаных вопросов. Я знал, кто я такой.

Во мне не было ничего белого, очень мало серого и тонна черного. И все же она была здесь. Она была здесь с нашими детьми.

Я попытался представить их, но не смог. Я никогда не хотел детей, потому что был уверен, что никогда не найду девушку, которая не окажется такой же гребаной неудачницей, как моя мать. Я был уверен, что сломаю любую девушку, но Серафина была сильной. Она доказала, что я не прав, искадила мою игру, пока я не почувствовал себя проигравшим, как тот, кому поставили мат.

СЕРАФИНА

Нино вошел в гостиную, где мы с Киарой сидели на одеяле с Невио и Гретой. Киара прекрасно ладила с детьми, и было очевидно, как сильно она их любит. Держа Невио на коленях, она показала ему книжку с картинками. Грета сидела у меня на коленях, обхватив рукой мой большой палец, и смотрела на книгу в моей свободной руке.

Я посмотрела на Нино, но его глаза были устремлены на Киару, которая улыбалась моему сыну, практически сияя от счастья. Медленно, он поднял свой взор на меня.

— Римо только что проснулся.

Не раздумывая, я встала, Грета прижалась ко мне. Я не хотела, чтобы мои дети были там, когда я впервые поговорю с Римо после того, как он проснулся. Я чувствовала, что нам нужно время, прежде чем я смогу это позволить.

Я осторожно подняла Грету и положила ее на одеяло. Киара посмотрела на него с улыбкой.

— Мы с Нино можем понаблюдать за ними, пока ты будешь говорить с Римом.

Нино придвинулся ближе, но я осталась на месте. Я ничего не могла с собой поделать. Это будет первый раз, когда я выпускала их из виду с момента нашего прибытия.

— Каждый из нас отдал бы жизнь за этих детей, — сказал Нино.

— Ты привела их сюда. Они Фальконе. Они дети Римом. Он горел ради нас. Мы будем гореть ради них.

Я слегка кивнула и сделала шаг назад. Грета проводила меня взглядом.

— Киара, ты можешь взять Грету. Она очень стесняется незнакомых людей, особенно мужчин.

Нино опустился рядом с Киарой и забрал у нее Невио. Я напряглась, когда Киара потянулась к моей дочери, ожидая приступа плача, но лицо Греты лишь на мгновение сморщилось, а затем разгладилось, когда Киара тихо запела.

Я сделала еще шаг назад. Киара улыбнулась Нино, когда он посадил Невио к себе на колени и указал на книжку с картинками. Нино источал спокойствие, которое было идеальным для моих детей.

Невио проигнорировал книжку с картинками, которую держал Нино, и уставился на красочные тагуировки на руке Нино, касаясь их своими маленькими руками, как будто он думал, что они оживут под его пальцами. Мое сердце снова распухло, и я быстро повернулась, пока не слишком стала эмоциональной.

• — * — •

Глубоко вздохнув, я проскользнула в спальню Римом. Он сидел, откинувшись на спинку кровати и приподнявшись на подушках. Верхняя часть его тела была обнажена, за исключением множества бинтов, покрывающих его кожу — порезов, которые моя семья нанесла, чтобы отомстить за меня.

Он оторвался от своего айпада, и я нерешительно шагнула ближе, позволяя двери закрыться. Его лицо расплылось в странной улыбке.

— Никогда бы не подумал, что ты спасешь меня.

Я подошла ближе, наполовину испуганная, наполовину взволнованная, и остановилась рядом с ним. В темных глазах Римом горели эмоции, от которых мое сердце пылало, но я подавила их.

— Я спасла отца моих детей, чтобы они были в безопасности.

— Мои братья защитили бы их, даже если бы твоя семья убила меня.

Я положила руку рядом с ним на спинку кровати, нависая над ним.

— Никто не защитит их так, как ты. Ты пройдешь через огонь ради них.

Я не спрашивала. Я *знала* это.

Он неловко поднял руку, большая часть которой была забинтована, и обхватил мой затылок. Я позволила ему потянуть меня вниз.

— Ради них. Ради тебя, — прошептал он яростно, резко, сердито.

Его губы коснулись моих, и все мое существо растаяло. Я упала, как в первый раз, когда он поцеловал меня. Вздрыгнув, я отстранилась и выпрямилась. Было слишком рано. Мне нужно было разобраться в наших отношениях.

Он смотрел на меня с горькой улыбкой. По какой-то причине это зрелище поразило меня. Я наклонилась и слегка коснулась его губ своими, чтобы показать ему, что мой уход не означает «никогда», только «позже».

Я быстро отступила назад и повернулась.

— Ты мне их покажешь? — тихо спросил он.

Я оглянулась через плечо.

— Конечно.

• — * — •

Я крепко прижала к себе Грету и Невио и толкнула дверь. Затем я вошла. Я необъяснимо нервничала. Моя семья никогда не смотрела на моих детей так, как я смотрела на них, как будто они были драгоценным, подарком, который я хотела лелеять каждый день.

Когда я подошла поближе, взгляд Римо остановился на наших детях, и он не отвел глаз, выглядя почти ошеломленным. Я села рядом с ним и осторожно положила Невио на спину рядом с Римо. Грета все еще крепко прижималась ко мне.

На лице Римо отразилось удивление, а когда он поднял на меня глаза, они были мягче, чем когда-либо.

Он протянул забинтованную руку и почтительно провел кончиком пальца по груди Невио. Невио, будучи Невио, схватил палец Римо и поднес его ко рту, чтобы пожевать с беззубой ухмылкой. Губы Римо дрогнули. Потом он поднял взгляд на Грету, которая с любопытством наблюдала за ним.

— Она стесняется большинства людей, — сказала я. Она всегда была такой, даже когда была крошечной и новорожденной.

Я взяла его руку, чтобы она увидела, как я это делаю, и поднесла к ней. Когда она не стала возражать, я отпустила руку Римо, и он погладил ее по спине кончиками пальцев. Он был так нежен и осторожен с ней, что я чувствовала, как смесь счастья и тоски поднимается в моем горле. Грета молча наблюдала за ним. Знала ли она, что он ее отец?

Слезы текли по моим щекам. Римо гладил Грету по спине, а Невио отгрызал ему палец, это было самое прекрасное зрелище, какое я только могла себе представить.

— Не думаю, что я когда-либо была так счастлива, — призналась я, не заботясь о том, что я была эмоциональна перед Римо. Это больше не было борьбой воли, извращенной игрой в шахматы. Ставки были слишком высоки.

Римо встретился со мной взглядом.

— Я знаю, что никогда не был счастливее.

Г Л А В А 29

• — * — •

СЕРАФИНА

Как пациент Римо был сущим кошмаром. Он был кошмаром и во многих других отношениях, но дать своему телу время исцелиться не входило в его планы.

Нино это не понравилось.

— Тебе нужно отдохнуть, Римо. Прошло всего три дня, а ты уже бегаешь.

— Бывало и хуже. А теперь прекрати суетиться. Я не ребенок.

— Может, и нет. Но я, очевидно, единственный из нас двоих, кто способен принимать здравые решения.

— Ни один из вас не в своем уме. А теперь помоги мне с этой гребаной кроваткой, — пробормотал Савио.

Я прислонилась к двери будущей детской. Сегодня утром Нино и Киара отправились за покупками, и теперь четверо братьев Фальконе пытались собрать мебель. Хотя Нино и Савио делали всю работу, потому что рука Адамо была в гипсе, а большая часть тела Римо

была перевязана, не говоря уже о многих сломанных костях в его теле.

Адамо сидел на плюшевом детско синем кресле, в котором находилось близко к окну. Иногда, когда он думал, что никто не смотрит, его глаза искривлялись чем-то темным, чем-то призрачным. Некоторые раны заживают очень долго. Римо стоял, прислонившись к подоконнику, в одних спортивных штанах, и выкрикивал приказы.

Улыбка тронула мои губы.

— Инструкции совершенно ясны, Римо, — протянул Нино. — Мне не нужны твои приказы сверху.

Савио усмехнулся.

— Как будто это его остановит.

Все еще трудно было понять, что произошло за последние три дня. Я оставила свою семью, *Сэмюэля*, чтобы жить в Лас-Вегасе с человеком, который похитил меня, и его семьей, которая помогла ему сделать это. Но с каждым часом, я понимала, что это было правильное решение для моих детей и, возможно, даже для меня. В тот момент, когда Римо увидел своих детей, узел в моей груди ослабел, узел, который душил меня с тех пор, как он отпустил меня, только чтобы быть затянутым еще сильнее, когда родились Грета и Невио. Их место было здесь.

Я старалась держаться подальше от Римо, навещала его только дважды, чтобы наши близнецы могли привыкнуть к его присутствию, и я знала, что он был недоволен этим.

Римо заметил меня в дверях, его взгляд стал более нетерпеливым и напряженным. Мой пульс участился, и я повернулась, чтобы вернуться к Невио и Грете, которые ждали внизу с Киарой.

Римо загнал меня в угол в коридоре. Для человека с такими ранами он был раздражающе быстр.

— Ты бежишь от меня, Ангел? — он прижал меня к стене, положив ладони по обе стороны от меня.

— Я поняла, что это не работает. Ты всегда ловишь меня, — сказала я, откидываясь назад, потому что он был так близко, что мне было трудно сосредоточиться.

— Я часто представлял себе, каково было бы снова увидеть тебя, — тихо сказал он.

— Но это был не тот сценарий, который я придумал.

Я посмотрела на него.

— Когда ты отослал меня, как вещь, от которой легко избавиться, мне показалось, что ты не хочешь видеть меня снова.

Он покачал головой, гнев вспыхнул на его лице.

— Я дал тебе выбор, которого у тебя раньше не было ... и ты решила остаться с нарядом.

Я фыркнула.

— Это смешно. Ты продал меня, как кусок скота. Зачем мне возвращаться к тебе? Я не имею привычки навязываться кому-то, кто, очевидно, не мог дождаться, чтобы избавиться от меня.

Римо наклонился еще ближе.

— Ты действительно верила, что я не хочу тебя? Или ты сказала себе это, потому что не хотела оставлять свою семью?

Я нахмурилась.

— Ты мог бы...

— Что? — он зарычал. — Что бы я мог? Снова похитить тебя Попросить Данте

отправить тебя обратно?

Он был прав, и это меня раздражало.

— Когда ты собиралась рассказать мне о наших детях? Ты бы сказала мне, если бы Адамо не попал в плен?

— Ты отослал меня обратно к жениху. Я не думала, что тебя волнует, что со мной будет, не говоря уже о детях, — пробормотала я, но что-то в его глазах заставило меня продолжить. — Я хотела тебе сказать. Увидев их, я поняла, что должна сказать тебе, но не знала как. Я была трусихой.

Его рука поднялась, обхватив мою щеку, его темные глаза были невероятно собственническими.

— Я был уверен, что ты вернешься ко мне — его губы скользнули по моим.

— Ты не трусиха. Ты спасла меня. Ты пошла против своей семьи, чтобы защитить наших детей. Ты отдала все ради них ... и ради меня.

Я углубила поцелуй, не смогла сохранить дистанцию, которую так отчаянно хотела сохранить. Губы Римо, его язык, ощущение его грубой ладони на моей щеке пробудили глубокую тоску, отчаянную потребность, которую я скрывала с тех пор, как он освободил меня.

Мое сердце сжалось, когда его знакомый мужской запах затопил мой нос, и воспоминания о том, как руки Римо, его рот, его член вышли на поверхность. ...

Придя в себя, я отпрянула и выскользнула из-под руки Римо. Он понимающе улыбнулся мне, прежде чем я поспешила прочь. Но я видела доказательство реакции его тела на меня в выпуклости его спортивных штанов.

• — * — •

Всего неделя до Рождества. Особняк был красиво украшен красными шарами, золотой мишурой и веточками омелы. К счастью, Грета и Невио еще не были настолько активными, иначе зелень пришлось убрать.

Я отправила Сэмюэлю несколько сообщений, сказав, что я в безопасности и спросив, все ли с ним в порядке. Он еще не ответил, но я знала, что он прочитал сообщения. Может быть, его рана еще слишком свежа. Пяти дней было недостаточно, чтобы смириться с тем, что сестра предала тебя ради человека, которого ты ненавидел больше всего на свете. Мои сообщения маме и Софии даже не были получены. Я подозревала, что папа купил им новые номера, чтобы я не могла с ними связаться.

Я подошла к Киаре, которая помещивала новую порцию детского питания пюре из сладкого картофеля.

— Вы дарите друг другу рождественские подарки?

Вчера Нино дал мне кредитную карточку с одного из банковских счетов Фальконе, и, хотя сначала я хотела отказаться, я взяла карточку. Римо, похоже, решил удостовериться, что у меня есть все необходимое. Тем не менее, было немного странно использовать их собственные деньги, чтобы купить им подарки, но я больше не могла получить доступ к счетам моей семьи.

— Ну, прошлый год все еще был Рождественским испытанием. Нино и его братьям все еще нужно привыкнуть к женскому присутствию в их жизни, но я подарила им подарки, и через несколько дней после Рождества я получила подарки от них. — она засмеялась. — Я думаю, в этом году подарки будут получены вовремя.

— Я не знаю, что дарить им все. Я не знаю их достаточно хорошо, и я еще не чувствую

себя частью этой семьи ...

Она коснулась моего плеча.

— Но ты часть семьи, Серафина. Это странная ситуация для всех нас, но это лучшее, что могло случиться, особенно для Римо.

— Думаешь? — прошептала я.

— Я знаю, — твердо сказала она. — Как у вас дела?

— Я стараюсь держаться на расстоянии. Я боюсь позволить слишком много близости так быстро.

— Но ты хочешь быть с ним?

Я рассмеялась.

— Не думаю, что у меня есть выбор.

— Он тебя не заставит.

— Это не то, что я имею в виду. — сказала я спокойно. — Не думаю, что мое сердце или тело оставят мне выбор.

Она кивнула, на ее лице отразилось понимание.

— Я так рада за вас обоих, за вас четверых.

— Как ты думаешь, Римо способен ... любить?

Киара задумалась.

— В детстве они с Нино прошли через ужасные испытания. Это сформировало их в людей, которыми они являются сегодня. Это все еще влияет на них. Не знаю, что это сделало с Римо. Если его части были безвозвратно уничтожены ...

Я не стала спрашивать, какие ужасы таятся в прошлом Римо. Киара сказала бы мне, если бы считала, что она может об этом говорить. Если я хочу узнать, мне придется спросить его.

— Если ты хочешь пойти за рождественскими покупками, мы можем пойти вместе завтра. Фабиано может охранять нас.

— Было бы неплохо, — сказала я.

Несмотря на протесты Нино, Римо спустился к обеду, и мы расселись за обеденным столом.

Грета и Невио сидели на своих новых стульчиках между Киарой и мной. Я взяла на себя работу, пытаясь втиснуть еду в рот Невио, так как Грета, казалось, хорошо справлялась с Киарой.

Все это время я чувствовал на себе взгляд Римо с выражением, которое могла описать только как тоску. Моя еда все равно остывала, поэтому я решила дать ему шанс стать настоящим отцом.

— Почему бы тебе не попробовать? — спросила я Римо.

Я не была уверена, был ли он заинтересован в кормлении или походил на некоторых отцов, интерес которых к своим детям заканчивался, когда требовалось что-то сделать.

Все сделали паузу на мгновение. Римо отложил вилку и встал. Его движения все еще были скованными, не только из-за бинтов; потребуется некоторое время, чтобы его сломанные кости и синяки зажили.

Я уступила ему стул, взяла тарелку и уселась на место, которое он освободил. Невио пытался схватить ее, но ложка и тарелка были вне его досягаемости. Я могла сказать, что он был разочарован ситуацией, и раздражение быстро к нему приближалось.

Римо взял ложку и поднес ее к лицу Невио, но он не удержал его рук. Прежде чем я

успела предупредить его, Невио схватил ложку и запустил пюре из сладкого картофеля через комнату. Большая его часть приземлилась прямо на рубашку Римо. Остальное в лицо Нино.

Я прикусила щеку изнутри, чтобы сдержать смех. Киара не проявила той же сдержанности. Она расхохоталась. Нино вытер лицо салфеткой, его глаза смотрели на смеющуюся жену — и мягче, чем я когда-либо видела этот взгляд.

Невио возбужденно раскачивался в кресле с беззубой улыбкой на лице. Римо посмотрел вниз на себя, потом на сына, и губы его дрогнули. На этот раз он взял руки Невио в свои большие, прежде чем поднести ложку ко рту. Невио сжал губы, явно недовольный ситуацией.

— Это напоминает мне тебя, Адамо, — сказал Римо.

Адамо поморщился. Нино кивнул.

— Ты всегда устраивал беспорядок во время кормления.

— Если мы начнем обмениваться детскими историями, я уйду, — пробормотал Савио.

Римо повернулся к Невио и подтолкнул ложкой его губы.

— Давай, Невио.

Я встала и присела на корточки рядом с высоким стулом Невио.

— Давай, Невио, покажи папе, как хорошо ты ешь.

Римо посмотрел на меня сверху вниз, его лицо застыло, когда я назвала его папой. После минутного колебания Невио наконец позволил Римо положить ложку в рот.

Я улыбнулась, выпрямилась и поцеловала Невио в голову. Затем я наклонилась над Гретой и сделала то же самое. Она улыбнулась мне с ложкой во рту, и мое сердце просто взорвалось с благодарностью.

Я поймала взгляд Римо, но быстро отвела глаза, потому что его взгляд угрожал разрушить мою решимость держаться на расстоянии.

• — * — •

Уложив близнецов спать, я схватила телефон и направилась в спальню Римо. Нино практически затащил его туда, чтобы он мог лечь и отдохнуть.

Я постучала.

— Входи, Ангел.

Нахмурившись, я вошла.

— Как ты узнал?

Он посмотрел на меня с выражением, от которого у меня по спине пробежала дрожь.

— Потому что мои братья не стучат, они врываются, а Киара обычно держится подальше от моей спальни.

Я кивнула, все еще держа руку на двери, раздумывая, оставить ли ее открытой на всякий случай.

Римо понимающе улыбнулся.

— Я практически прикован к постели. Нет причин для беспокойства. Я не буду нападать на тебя.

Прикованный к постели. Если бы. Этого человека нелегко сломить. Я закрыла дверь. Я не беспокоилась о том, что Римо сделает шаг. Я боялась, что брошу осторожность на ветер и сделаю то, о чем мечтала целую вечность.

— Как будто это тебя остановит.

Римо ничего не сказал. Я подняла телефон.

— Я подумала, ты захочешь посмотреть фотографии Невио и Греты.

— С удовольствием, — сказал Римо, отодвигаясь в сторону, чтобы рядом с ним было место на кровати.

Я посмотрела на место, потом на Римо, облокотившегося на подголовник голым торсом. Даже повязки не делали Римо менее привлекательным.

Пытаясь скрыть свои мысли, я небрежно подошла к нему и опустилась рядом, вытянув ноги перед собой. Римо задержал на них взгляд. Я была в платье и без колготок, потому что в доме было на удивление тепло. Мурашки прошли по моей коже.

Я откашлялась и щелкнула по первой фотографии, которую мама сделала вскоре после того, как я родила близнецов. Я держала их на руках и смотрела на них с усталым, но обожающим выражением.

Римо наклонился и коснулся моей руки. Несмотря на материал моего платья между нами, покалывание пронзило меня от короткого контакта.

— На фото ты бледная, — тихо сказал он.

— После двадцати двух часов родов все такие.

В темных глазах Римо промелькнула тоска.

— Хотела бы я, чтобы ты был там...если бы я знала то, что знаю сегодня, я бы приехала в Вегас раньше. Прости, что отняла это у тебя.

Римо взял меня за подбородок, и я напряглась, потому что он выглядел так, будто собирался поцеловать меня.

— Сожаление о прошлом это напрасная трата энергии. Мы не можем изменить прошлое, как бы нам этого ни хотелось.

— Что ты хочешь изменить? — спросила я, стараясь не обращать внимания на прикосновение Римо.

Он покачал головой и мрачно улыбнулся.

— Не твое похищение. Я не чувствую ни капли сожаления о том, что украл тебя.

— Ты не жалеешь?

Я нахмурилась и слегка отстранилась, но Римо наклонился ко мне, все еще держа пальцы на моем подбородке.

— Ни единого гребаного кусочка. Я бы снова похитил тебя, чтобы стать тем, кому ты себя подарить. Ты никогда не была бы моей, если бы я тебя не украл.

Я не спорила ни о том, что принадлежу ему, ни о том, что без похищения мы бы никогда не встретились.

— А как насчет тебя? — пробормотал Римо. — Ты жалеешь, что стала моей?

— Нет, — призналась я и, наконец, отстранилась от его прикосновения. — Не так. Я просто хотела, чтобы это не стоило моей семье так много.

Римо кивнул и откинулся на подголовник.

— Вряд ли что-то стоящее можно получить без потерь, боли и жертв.

Мой взгляд скользнул по его ранам и синякам. Он пожертвовал собой ради брата. Но у меня было чувство, что это не единственная причина, почему он позволил моей семье схватить и пытаться его. Он принял боль, возможно, даже потерю жизни, за шанс увидеть меня снова.

Я откашлялась и щелкнула по следующей фотографии. Первая фотография Невио и Греты, лежащих в кровати рядом друг с другом.

Я показывала ему фото за фото, и никто из нас не произносил ни слова. Трудно было сосредоточиться на чем-либо, кроме тепла Римо, его запаха, силы и мощи, которые он источал.

Когда я наконец выключила телефон, мое тело гудело от желания. Я встретила его взгляд, который беззастенчиво остановился на мне. Римо посмотрел на меня с выражением, которое я слишком хорошо знала. Голод и господство. Он коснулся моего голого колена.

Я выдохнула. Его рука медленно скользнула между моих ног.

— Римо, — предупредила я, но он выдержал мой взгляд, его губы расширились.

— Ты позволяла кому-то трогать то, что принадлежит мне?

Я сверкнула глазами, но мое тело требовало большего. За прикосновения Римо, за его губы. Он знал ответ, видел его на моем лице.

— Нет, — тихо ответил он. — Все твоё принадлежит мне.

— Ты освободил меня, помнишь? Я принадлежу себе.

Мы оба знали, что это ложь. Я никогда не освободилась от его хватки, но он тоже потерял свою свободу.

Его рука скользнула выше, пока, наконец, он не коснулся ткани моих трусиков. Они промокли насквозь, просто от его присутствия.

Римо застонал, тихо и мрачно, и моя решимость рухнула. Его большой палец рисовал маленькие круги между моих ног, и я чувствовала себя еще более возбужденной. Темные глаза Римо не отрывались от моих, и, как обычно, я не могла отвести взгляд.

Его большой палец проник под мои трусики и между моих складок, распространяя мою влагу. Я застонала от прикосновения, кожи к коже. Так хорошо, так отчаянно необходимо. Он рисовал маленькие круги на моем клиторе, круг за кругом. Я еще немного раздвинула ноги и вцепилась в простыни, мне нужно было за что-то держаться, пока я смотрела на Римо. Его взгляд, как всегда, завладел мной.

— Ты скоро, Ангел?

Я слегка кивнула. Это было слишком давно. Я так быстро развалилась на части. Он не ускорил движения, когда его другая рука задрала мое платье, чтобы он мог видеть, как его палец делает со мной. Круг за кругом.

— Раздвинь ноги, — прорычал он, и я сделала это.

Он снова скользнул между моих складок, распространяя мою влагу еще больше.

— Я так сильно хочу тебя трахнуть.

— Ты все еще восстанавливаешься, — прохрипела я.

Его сломанные кости должны были восстановиться. Один из нас должен был быть голосом разума, даже если мое тело ненавидело меня за это.

Он выпрямился.

— Оседлай меня, повернувшись задницей ко мне.

— Что?

— Сделай это, — приказал он.

Я не задавала ему вопросов, едва соображая от пульсирующей боли между ног. Я оттолкнулась и перелезла через Римо, стараясь не врезаться коленями ему в ребра. Мои ладони лежали рядом с его коленями, когда я склонилась над ним, моя задница выпячивалась.

Римо приподнял мое платье, пока я не оказалась обнаженной, и мое тело напряглось в ожидании.

— Черт, — пробормотал Римо, заставив меня снова задрожать.

Я ахнула, когда он просунул в меня два пальца, моя спина выгнулась от восхитительного ощущения моих стенок, сжимающих его. Римо издал низкий стон, и я почти услышала его. Я видела доказательство его собственной потребности, натянутое на его тренировочные штаны.

— Вид твоей киски, берущей мои пальцы это, блядь, самое лучшее.

Я застонала в ответ и начала отвечать на его толчки, нуждаясь в его пальцах глубже, быстрее, сильнее.

— Да, Ангел, возьми их, — прохрипел он.

Еще больше влаги скопилось у меня между ног. Я бросила взгляд через плечо. Римо сосредоточился на своих пальцах, когда они трахали меня, его темные глаза горели таким желанием, что у меня перехватило дыхание. Я вздрогнула от удовольствия. Он поднял глаза, его губы изогнулись в довольной улыбке.

— Давай, Ангел. Трахни мои пальцы.

Римо добавил третий палец, и от этого ощущения у меня закатились глаза.

Я прижалась к руке Римо, вонзая его пальцы глубже в меня. Он внимательно наблюдал за мной, а другой рукой начал массировать мой зад. Мне хотелось схватить его эрекцию, но я едва могла поддерживать себя двумя руками, уже выходя из-под контроля. Он собрал мою влагу пальцами другой руки, и тогда я почувствовала один палец у своего заднего входа. Я напряглась, но не перестала объезжать пальцы Римо.

— Расслабься, — приказал Римо. — Все будет хорошо.

Обеспокоенная и взволнованная, я слегка кивнула. Он медленно вошел в меня пальцем.

— О Боже, — выдохнула я, почувствовав его пальцы в обоих своих входах. Я почувствовала легкий дискомфорт, но это не могло сравниться с удовольствием, которое доставляли мне пальцы Римо.

Пока я терлась о его другую руку, Римо задавал пальцем плавный ритм. Он не сводил с меня глаз, пока работал над моим телом, и я почувствовала первый предательский спазм оргазма. Моя киска сжалась вокруг его пальцев. Я застонала, ощущения были ошеломляющими. Я почувствовала второй палец у заднего входа и снова напряглась.

Римо погладил меня по ягодице, и, когда я погрузила его пальцы глубоко, он сжал их и ударил меня в точку G. Я кончила, отчаянно крича, и он вошёл вторым пальцем в мой задний вход. Я задохнулась от боли, и мой оргазм усилился. Я вздрогнула, разрываясь между

сильным удовольствием и тупой болью. Мои руки подогнулись, и я оперлась на предплечья. Римо продолжал толкаться.

— Да, ангел, Я обещал показать тебе боль и удовольствие.

Наполовину опустившись на него, я почувствовала, как его эрекция впивается мне в живот. Он снова застонал, почти в агонии. Я была совершенно поражена, ошеломлена и немного смущена. Я никогда не позволяла кому-то приближаться к моей заднице. Конечно, Римо тоже хотел эту часть меня.

Римо медленно вышел из меня, и я ахнула. Его руки опустились на мои ягодицы, и он нежно массировал меня.

— Если я умру сейчас, это того стоит.

Я фыркнула.

— Сегодня ты не умрешь. Я не буду объяснять это Нино. Нет, спасибо.

Римо усмехнулся, и от этого звука по моему телу пробежала дрожь. Мне нравился смех Римо, особенно если он был искренним.

Я поднялась и опустилась на колени рядом с Римо. Он обнял меня за шею и притянул к себе для медленного поцелуя. Когда он отстранился, его глаза изучали мое лицо. Я знала, что мои щеки покраснели не только от оргазма, но и от смущения.

— Я все еще хочу доставить тебе столько удовольствия, — пробормотал Римо, обводя губами мой подбородок и щеку.

Он откинул голову на спинку кровати, вздохнул и потянулся за стаканом, наполненным темной жидкостью.

Я сразу узнала запах.

— Скотч, серьезно?

— Это помогает исцелению, поверь мне. Я провел много исследований в прошлом.

Я покачала головой.

— И, — добавил он с вызывающей улыбкой, — Похоже, это единственное удовольствие, которое мне сегодня позволено.

Он сделал глоток. Мои глаза метнулись вниз к внушительной выпуклости в штанах. Я знала, чего хочу. Я хотела превратить его в беспомощное месиво желаний, как он сделал со мной.

— Пытаешься решить, достаточно ли ты храбра?

Я нахмурилась.

— Я уже делала тебе минет.

Его губы дрогнули.

— Ты пыталась, но не закончила, так что это не считается.

Я знала, что он пытается меня подразнить. К сожалению, это сработало.

Я опустилась на колени возле его паха. Римо потянулся за штанами и стянул их, поморщившись.

— Ты очень нетерпелив, не так ли? — подразнила я.

Он улыбнулся, но она была тёмной и голодной, и его тело было напряженным.

Я опустила голову и взяла его кончик в рот. Римо застонал, его пальцы запутались в моих волосах. Я провела по нему языком, и мое сердце сжалось от новой потребности. Дыхание Римо участилось, мышцы напряглись, когда он посмотрел на меня.

— Возьми еще, — тихо приказал Римо, и я сделала это.

Я позволила ему завладеть моим ртом, пока он не ударил меня по горлу. Он медленно

вошел в меня, его рука в моих волосах удерживала меня на месте. Он выдержал мой взгляд, когда я позволила ему завладеть моим ртом. Другой рукой он обхватил мою щеку. Римо. Жестокость и нежность. Я все еще не понимала ни его, ни нас.

Тело Римо напряглось, бедра дернулись вверх, губы приоткрылись в низком стоне.

— Я скоро кончу, — прохрипел он. Я увидела вопрос на его лице, и мое сердце наполнилось привязанностью ... и Боже, помоги мне ... любовью.

Я слегка кивнула ему, прежде чем он снова вошел в мой рот, и его хватка на моей шее стала крепче. Его лицо исказилось от страсти, глаза стали почти жесткими от похоти, когда он напрягся и резко кончил.

Я с трудом сглотнула, и Римо ослабил хватку на моей шее, чтобы я могла немного отодвинуться. Он продолжал покачивать бедрами, тяжело дыша.

Взгляд Римо, поглаживая меня по щеке, притягивал к себе другую часть меня, теплую и собственническую. Я медленно выпустила его член из своих губ и сглотнула, нахмурившись от вкуса.

Римо притянул меня к себе, коснулся губами моих губ и протянул мне свой стакан с виски. Я сделала глоток и закашлялась. На вкус это было еще хуже.

— Ты привыкнешь ко вкусу, — сказал он с легким смешком.

— Виски или твою...?

Он схватил меня за руки и притянул к себе так, что я прижалась к его груди. Я заметила, как он поморщился.

— Моей спермы, — пробормотал он, облизывая мои губы, затем нырнул в мой рот. Наш поцелуй был медленным, почти дразнящим, пока не прекратился. Он стал нуждающимся и нетерпеливым.

Он расположил меня так, что одна моя нога была перекинута через его пах, а голова прижата к его плечу. Его рука раздвинула меня, затем его пальцы скользнули по моим промокшим трусикам. Он отодвинул ткань в сторону и медленно ввел в меня два пальца. Другой рукой он начал щипать и крутить мои соски.

Он мастерски играл со мной пальцами, когда я лежала на нем. Мы нежно целовались, наши глаза все время были закрыты, пока новая волна удовольствия не пронзила меня. Я едва успела отдышаться, когда раздался крик Греты. Я вздохнула с легкой улыбкой.

— Как раз вовремя, — пробормотал он, целуя меня еще раз.

Я быстро выскользнула из постели и бросилась в ванную, чтобы вымыть руки, прежде чем вернуться в спальню. Римо стоял у двери и ждал меня.

— Ты должен остаться в постели и отдохнуть, — сказала я.

— Я должен помочь тебе с детьми.

Его голос не допускал возражений, и мне пришлось подавить довольную улыбку. Когда мы пришли в детскую, Невио тоже начал плакать. Я взяла Грету, потому что она недостаточно хорошо знала Римо. Римо без колебаний поднял Невио из кровати и прижал к груди. Было очевидно, что он уже держал на руках ребенка и знал, как с ним обращаться. Я понюхала.

— Новые подгузники.

Римо отнес Невио к пеленальному столику и принялся за работу. Я наблюдала за ним еще мгновение, мое тело наполнилось таким количеством гормонов, что я могла чувствовать, влагу между ног. Я моргнула и отвернулась.

— Я пойду на кухню и приготовлю бутылки.

Римо поднял голову, задержал взгляд на моих глазах и кивнул.

Когда я вернулась через десять минут, Невио уже был одет и лежал на руке Римо. Я протянула ему бутылку, и он опустил ее в кресло, снова поморщившись. Он двигался более скованно, чем раньше, вероятно, от перенапряжения.

Я сменила Грете подгузник, устроилась на подлокотнике рядом с Римо и начала кормить ее.

— Странно, — прошептала я через мгновение.

Римо нахмурился.

— Это не то, что я себе представлял, когда похищал тебя.

Я всматривалась в его лицо, пытаюсь понять, что это значит для него, что я на самом деле значу для него, но не осмеливалась спросить. Я знала, что бесполезно держаться подальше от Римо, не только потому, что мое тело уже снова жаждало его прикосновений, но и потому, что мое сердце жаждало его близости.

Когда они снова уснули, я уже направилась в свою комнату, когда Римо схватил меня за запястье и остановил.

— Останься со мной.

Я кивнула и позволила Римо отвезти меня в спальню, где я надела одну из его рубашек, прежде чем скользнуть под одеяло. Римо притянул меня к себе и поморщился, когда я коснулась его синяков.

— Тебе больно, — запротестовала я, пытаюсь увеличить расстояние между нами, но Римо крепче сжал меня.

— К черту боль. Я хочу обнять тебя.

Я замерла и, наконец, расслабилась, прижавшись щекой к его сильной груди. Было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Г Л А В А 30

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Наступило Рождество. Первое Рождество для Невио и Греты. Первое Рождество в составе клана Фальконе. Пожелав Сэмюэлю счастливого Рождества и ничего не услышав в ответ, я спустилась вниз с Невио и Гретой. Римо уже сидел в гостиной с братьями, обсуждая их планы на будущее. После нападения Наряда меры безопасности должны быть удвоены. Я должна была помочь Киаре на кухне, но все еще должна была выяснить, что делать с детьми.

Когда я вошла, Римо поднял голову. Как обычно, его лицо застыло, когда он увидел меня с близнецами, как будто он все еще не доверял своим глазам.

— Вы можете проследить за ними? — спросила я, направляясь к ним.

Нино сидел рядом с Римо. Адамо и Савио сидели на диване напротив них.

— Ты возьмешь Невио? — спросила я Нино, который тут же встал и забрал у меня сына. Невио не возражал, слишком очарованный татуировками на руках Нино.

Я придвинулась ближе к Римо. Грета прижималась ко мне, все еще стесняясь других. Римо вопросительно посмотрел на меня. Он еще не обнимал свою дочь. Единственным человеком, кроме меня, кто не заставлял Грету плакать, была Киара.

Он нежно погладил ее черные волосы и провел рукой по спине. Его голос был низким и мягким, когда он заговорил с ней.

— Моя дорогая, Грета.

Мое сердце, казалось, пропустило удар. Я впервые услышала, как Римо говорит по-Итальянски. Моя семья и я говорили по-Итальянски только тогда, когда были окружены посторонними, и я знала, что многие семьи делали так же. Я осторожно сняла ее с шеи и отдала Римо.

Ее большие темные глаза моргнули, и лицо исказилось. Римо нежно покачал ее на сгибе руки, потом наклонился и поцеловал в макушку. Она нерешительно вскрикнула, как будто не была уверена, хочет она плакать или нет. Я протянула ему ее любимую погремушку, и он показал ей.

Она потянулась к ней, глаза уже сияли, и он помог ей встряхнуть ее.

Я сделала шаг назад, потом еще один, пока Римо укачивал ее. Римо опустился на пол, продолжая шептать слова утешения. По выражению лица Греты было ясно, что она еще не уверена, но то, что она не плачет, было хорошим знаком.

Савио и Адамо выглядели так, словно их хватил удар. Римо был одним из самых страшных людей в стране, и здесь он бережно и терпеливо баюкал на руках свою малышку. Нино покачивал Невио на бедре, а мой сын издавал восторженные вопли.

— Полагаю, на этом мои дни с шлюхами в доме закончились, — пробормотал Савио.

Римо оторвал взгляд от Греты и прищурился.

— Я не хочу, чтобы чертовы шлюхи были рядом с моими детьми.

Грета вскрикнула от резкости его голоса, и Римо сжал губы. Он мягко покачал ее и пробормотал что-то, чего я не расслышала. Как только она перестала плакать, я повернулась и ушла. О моих детях заботились.

В конце концов я пошла помогать Киаре на кухне. Киара готовила вегетарианские закуски и вегетарианское основное блюдо, в то время как я делала ростбиф и шоколадный торт. У меня не было большого опыта приготовления любой пищи, за исключением случайного детского пюре, так что это оказалось проблемой.

Позже мы все расселись вокруг стола с хорошо прожаренным ростбифом, не средней прожарки, как предполагалось, и слегка подгоревшим шоколадным тортом, но никто не возражал. Во время моего плена я лишь мельком видела братские узы, которые связывали Римо и его братьев, но теперь, когда я стала частью их семьи, я поняла, насколько сильно они заботились друг о друге.

Римо обменял себя на Адамо, подписал смертный приговор, чтобы Адамо мог жить. Нет большей любви, чем это. Я надеялась, что Римо способен на такие эмоции.

• — * — •

Когда мы с Римо вернулись в спальню, я рискнула еще раз взглянуть на телефон, и мои плечи поникли. Никакого сообщения.

Римо подошел ко мне сзади, положил руки мне на талию, прижался губами к горлу.

— Ты жалеешь, что бросила наряд?

Я прислонилась к нему. Его грудь была обнажена, и он снял большую часть бинтов, несмотря на протесты Нино.

— Нет. Грета и Невио будут счастливее здесь.

Он нежно укусил меня за горло.

— А ты?

Я повернулась и поцеловала его.

— Думаю, я тоже буду счастлива.

Римо стянул с меня платье через голову, прежде чем подтолкнуть к кровати, и мы оба упали. Мы целовались долго, пока я не почувствовала отчаяние и жар.

Римо спустился по моему телу, снял трусики и растянулся у меня между ног. Его губы и язык толкнули меня через край в течение нескольких минут, затем он поднялся обратно, его тело накрыло мое, его вес опирался на его предплечья. Его глаза встретились с моими, когда он врезался в меня, требуя меня полностью впервые за четырнадцать месяцев.

— Римо, — выдохнула я.

Несмотря на вспышку боли на лице, Римо не дрогнул. Он вошёл глубоко и сильно, его глаза владели мной. Когда он протянул руку между нами и погладил мой клитор, я вскрикнула, обнимая его и крепко сжимая его плечи. Римо зарычал от боли и удовольствия, но продолжал толкаться, пока я отходила от оргазма. Он поцеловал меня яростно, собственнически, затем отстранился.

Он перевернул меня на живот и поцеловал в ухо, устроившись между моих бедер. Я почувствовала чье-то твердое присутствие у своей задницы и застыла от удивления и страха. Римо погладил меня по спине, помассировал ягодицы.

— Я хочу владеть каждой твоей частичкой, — прошептал он, целуя мое плечо.

Он повернул мою голову так, чтобы я встретила с ним взглядом, и медленно поцеловал меня. Римо пару раз вошёл в меня пальцами, но его эрекция была намного больше.

— Скажи что-нибудь, — настаивал он.

Я нервно сглотнула.

— Я твоя. Вся я.

Взгляд Римо смягчился.

— Расслабься, Ангел. Я буду осторожен.

На мгновение он приподнялся, и я услышала, как он достал что-то из ящика. Через плечо я увидела, как он покрывал свой член смазкой, а потом снова оказался надо мной.

Он слегка укусил меня за лопатку, когда толкнулся вперед, и я выгнулась, когда растяжение стало слишком сильным.

Римо остановился, поцеловал меня в плечо, в щеку. Его руки скользнули под мое тело, нашли сосок и клитор. Он потянул меня за сосок, в то время как его пальцы гладили мой клитор.

Вскоре я расслабилась вокруг него, когда боль и удовольствие смешались. Он просунул в меня два пальца и грубо застонал, звук был таким первобытным и эротичным, что мое сердце сжалось от возбуждения.

— Я чувствую свой член внутри тебя. Это прекрасно.

Я застонала, когда он медленно пошевелил пальцами, а другой рукой продолжал крутить мой сосок. Несмотря на боль, я почувствовала приближение освобождения. Мои губы приоткрылись, и мышцы напряглись, когда удовольствие охватило меня.

Римо протолкнул свой член в меня, и я застонала, разрываясь между болью и удовольствием. Я никогда не чувствовала себя такой растянутой, балансирующей на грани всепоглощающей боли и все же счастливой, что Римо забрал и эту часть меня.

Я задрожала, переполненная ощущениями. Римо поцеловал меня в щеку.

— Можно?

Я кивнула, и он вышел почти до конца. Я задрожала, когда он толкнулся в меня обратно. Он продолжал играть с моей киской, медленно входя в меня.

— Все наладится, Ангел, — пробормотал он.

Его движения стали быстрее, и я прикусила губу. Боль и удовольствие смешались, почти слившись воедино. Тело Римо прижало меня к матрасу, когда его член и пальцы завладели мной.

С гортанным стоном Римо врезался в меня еще раз, и я почувствовала его освобождение. Я отчаянно задрожала под ним. Римо задержался внутри меня на пару ударов сердца, его горячее дыхание на моем плече, его пальцы нежно, почти успокаивающе касались моего клитора.

Он осторожно вышел из меня, затем перевернул на бок и прижался ко мне сзади, целуя в плечо. Я не могла пошевелиться, ошеломлённая и поражённая. Каждый раз, когда я думала, что Римо забрал все, он забирал другую часть меня.

— Ангел? — спросил он, понизив голос.

Я повернулась в его объятиях и прижалась к нему, уткнувшись носом в изгиб его шеи. Римо напрягся и схватил меня за подбородок. Я могла видеть намек на колебание на его лице, когда он оценивал мое выражение.

— Ты никогда не подчинишься моей воле, потому что думаешь, что я этого хочу. Было ли это слишком больно?

Я подняла глаза, с трудом сглотнув. Римо беспокоился за меня. Грубый, безжалостный, жестокий до мозга костей, и все же *беспокоящийся обо мне*.

— Я хотела сдать тебе, отдаться тебе вот так. Ты уже владеешь каждой частью меня.

Он нахмурился еще больше и провел пальцем по моему лицу.

— Мне не доставляет удовольствия причинять тебе боль, если это не усиливает твоего удовольствия.

Я склонила голову набок.

— Ты, кажется, удивлен.

— Мне нравится причинять людям боль, но не тебе, никогда.

Я замолчала, гадая, что это значит. Римо оттолкнулся, перегнулся через меня и полез в ящик тумбочки. Он вытащил небольшой сверток и положил его между нами.

— Для тебя, — сказал он.

Мои брови поползли вверх. Раньше он не делал мне подарков, но я предполагала, что подарки для Греты и Невио предназначались и мне. Было достаточно трудно раздобыть что-нибудь для Римо. В конце концов я выбрала руководство по беговым дорожкам региона, а также быстро собранную фотокнигу из первых семи месяцев жизни наших близнецов

— Что это?

— Открой, — потребовал Римо, проводя кончиками пальцев по моему боку и бедру.

Я подняла крышку, и мое дыхание замерло, когда мои глаза заметили ожерелье с кулоном в форме крыльев. Это была прекрасная часть тонко обработанного золота. Замысловато великолепный. Я осторожно вынула его.

— Где ты его взял? Ты не выходил из дома.

— Я заказал его у местного ювелира вскоре после того, как отпустил тебя.

Мои губы приоткрылись от удивления. Римо помог мне надеть ожерелье, и холодное золото осело в ложбинке между моими грудями.

— Губительно великолепно, — пробормотал Римо, поглаживая мою кожу.

Я с любопытством посмотрела на него.

— Ты погубил меня ради других девушек.

Меня захлестнула волна собственничества. Римо был моим.

РИМО

Я смотрел, как Серафина гладит наших детей по головам, терпеливая, любящая, хотя они оба плакали несколько часов подряд. Она пела им, шептала сладкие слова. Она оставила свою семью ради них, чтобы они были в безопасности, чтобы они получили жизнь, которую они заслужили, жизнь, для которой они были предназначены.

Я видел выражение ее глаз, когда она прощалась со своим близнецом. Серафина пожертвовала многим ради наших детей.

Ее тело было слабее моего. Она не была такой суровой, жестокой или бесстрашной.

Но боже, она была сильный.

Когда Невио и Грета наконец уснули, она выпрямилась, склонившись над кроваткой, и, заметив меня, слегка напряглась, но подошла ко мне. Она была странно тихой сегодня, и я знал, что что-то беспокоило ее, но я не говорил об эмоциях, если мог помочь.

Серафина остановилась в коридоре.

— Я здесь уже три недели, но до сих пор не знаю, кто мы друг другу.

Я прижался к ее плечам, глядя на нее сверху вниз.

— Ты Ангел, а я твоя погибель.

Мои губы растянулись в кривой улыбке. Она почти сердито покачала головой.

— Кто я для тебя? Твоя любовница? Твоя девушка? Приятное отличие от обычных шлюх?

Мой собственный гнев усилился.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Ничего, — тихо ответила она. — Я хочу знать правду. Мне нужно знать, чего от тебя ожидать.

— Я люблю смерть. Я люблю проливать кровь и причинять боль. Я люблю видеть ужас в глазах людей, и это никогда не изменится, — прошептал я резко, потому что это было правдой.

Она посмотрела на меня.

— Ты самый жестокий человек из всех, кого я знаю. Ты забрал у меня все.

Я кивнул, потому что это было правдой.

— Немногие девушки могут вынести тьму. Я не могу ... я не буду заставлять тебя быть со мной. Ты свободна.

— Вольна делать, что хочу, — прошептала она, теплая и мягкая. Дразнящая. — Даже взять в свою постель другого мужчину?

Взрыв ярости наполнил меня. Я хотел ее для себя, хотел остаться единственным мужчиной, который когда-либо пробовал эти идеальные губы, который когда-либо заявлял на нее права, но больше всего я хотел, чтобы она тоже этого хотела. Я проглотил свою ярость.

— Даже это, — сказал я и продолжил хриплым шепотом, — Я не остановлю тебя. Я не буду наказывать тебя за это.

Она понимающе улыбнулась.

— Но ты убьешь любого, кто прикоснется ко мне.

Я приблизил наши губы.

— Не просто убью, а уничтожу самым жестоким способом за то, что они прикоснулись к тому, чего недостойны.

В ее глазах мелькнул вызов.

— Ты достоин?

Я завладел ее ртом, жестко и отчаянно, прежде чем отстраниться.

— О нет, Ангел. С того дня, как я увидел тебя, я знал, что я наименее достоин из всех.

Я не должен был прикасаться к ней, но я был гребаным ублюдком и взял все, что она хотела дать.

Она подняла голову и посмотрела на меня. Она медленно расстегнула мою рубашку, одну пуговицу за другой, и она подалась под ее изящными пальцами. Она положила ладонь мне на грудь, на сердце.

— Есть ли там что-то, способное на любовь?

Моя гребаная грудь сжалась.

— Что бы там ни было, оно твое. На какую бы любовь я ни был способен, она и твоя тоже.

Она обхватила мое лицо ладонями, ее глаза были свирепыми, почти жестокими в своей интенсивности.

— Ты безнадежен, Римо, — прошептала она, и я горько улыбнулся, потому что знал это.

Она покачала головой.

— Но и я тоже, потому что даже свободна делать, что хочу, я выбираю тебя. Я не ангел. Ангел не полюбил бы такого человека, как ты, но я люблю. Я люблю тебя.

И она поцеловала меня грубо, жестокость, с яростью и любовью, и я поцеловал ее в ответ с той же любовью, с той же яростью.

Эта девушка украла мое черное сердце. С первого взгляда мне захотелось обладать ею. Сначала уничтожить наряд, а потом Данте, потому что это стало непреодолимой потребностью, ненасытной тоской. И в конце концов, Серафина была той, кто владел мной, черным сердцем, осужденной душой, израненным телом.

Каждая чертова часть меня принадлежала ей, и если бы она позволила, я был бы ее до последнего дня.

СЕРАФИНА

Мое сердце горело от эмоций. Свирепо. Римо признался мне в любви. Что-то, о чем я никогда не думала. Этот жестокий человек владел моим сердцем, и я не хотела ничего другого.

Поцелуй Римо был яростным, резким. Потом он отстранился.

— Выходи за меня.

Я замерла. Это был приказ. Римо не был человеком, который просил что-то. Я медленно прислонилась к стене, вглядываясь в его глаза.

Он не дал мне отступить. Он снова поцеловал меня, но уже мягче.

— Выходи за меня замуж, Ангел.

Это все еще не было вопросом, но его голос больше не был доминирующим. Он был мягким, неотразимым, грубым.

— Стать Фальконе? — прошептала я ему в губы.

— Стать Фальконе. Стать моей.

Я улыбнулась.

— Я была твоей долгое время.

— Это значит "да"? — спросил он, его рука скользнула по моему бедру, поглаживая, отвлекая меня.

— Да. — прошептала я.

— Серафина Фальконе, — пробормотал он. — Мне нравится, как это звучит.

Я улыбнулась, потому что это фамилия звучало правильно, более правильно, чем Манчини, когда либо.

Была ли это любовь? Было ли это безумием? Мне было все равно. В любом случае это было совершенство.

Г Л А В А 31

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Я необъяснимо занервничала, когда Римо сказал, что хочет объявить о нашей свадьбе своим братьям и Киаре на следующий день. Мы все собрались на кухне за завтраком, Невио сидел на коленях у Киары, а Грета на моих.

— Вас ждет новая свадьба, — неожиданно сказал Римо.

Все взгляды метнулись от него ко мне. Мои щеки вспыхнули. Я не была уверена, что Савио и Нино думают об этой ситуации. Адамо и Киара любили меня, но двое других ...

— Нам позволят кого-нибудь похитить? Или хотя бы пролить кровь? Поскольку ты уже пробовал товар раньше, традиция кровавых простыней не будет, — протянул Савио, ухмыляясь.

Римо перегнулся через стол и ударил его по голове. Савио только усмехнулся.

— Будь осторожен, я не пролью твою кровь.

Адамо улыбнулся мне, затем закатил глаза Савио. Киара встала и передала Невио Римо, чтобы обнять меня.

— Я так счастлива.

Савио и Нино определенно не выглядели несчастными, но их реакция не была такой восторженной, как у Киары или Адамо, не то, чтобы я ожидала этого.

Когда Савио встал, чтобы ответить на звонок, я последовала за ним, но подождала, пока он закончит, прежде чем подойти к нему. Заметив меня, он с любопытством посмотрел на меня. Он больше не был похож на подростка, особенно теперь, когда у него появилась щетина.

— У нас все хорошо? — спросила я.

— Если ты говоришь об инциденте с супом, то я забыл. Поверь мне, большинство людей хотят сделать мне хуже, особенно девушки, поэтому я научился не держать обиды. — он пожал плечами. — И мы были теми, кто держал тебя в плену, так что у тебя больше причин злиться.

— Правда. Но моя семья похитила твоего младшего брата и чуть не убила старшего, так что мы квиты?

Выражение лица Савио на мгновение напряглось при упоминании моей семьи, и мой собственный желудок болезненно сжался.

— Теперь ты часть нашей семьи. Мне плевать на прошлое. Просто убедитесь, что ты не разобьешь сердце Римо.

— Ты думаешь, это возможно? — поддразнила я.

Его темные брови сошлись на переносице.

— До тебя я бы поставил свои яйца против этого. Честно говоря, я не был уверен, что у Римо есть что-то похожее на сердце.

— Он любит тебя.

Савио отвернулся, явно чувствуя себя неловко.

— Мы братья. Мы умрем друг за друга.— я улыбнулась. — Мы должны вернуться, — пробормотал Савио. — Я не хочу, чтобы Римо подумал, будто мы делаем что-то за его спиной.

Я фыркнула.

— Извини, Савио, ничего не имею против тебя, но у тебя нет ни единого шанса.

Савио высокомерно улыбнулся.

— Признайся, тебе нравится то, что ты видишь.

Он вернулся на кухню прежде, чем я успела выстрелить в ответ. Но почему-то его невыносимое это было почти милым. Это напомнило мне немного Сэмюэля, что было утешительно и болезненно одновременно.

После разговора с Савио я почувствовала себя лучше. Теперь мне оставалось только уладить все с Нино. Мы с ним никогда по-настоящему не относились друг к другу с теплотой, и я не была уверена, то ли потому, что я не нравилась Нино, то ли из-за его характера.

Римо наклонился ко мне, когда я села рядом.

— Он хорошо себя вел?

Савио закатил глаза.

— Он пытался, — сказала я.

— Это все, на что я могу надеяться. Может быть, они испытают твоё терпение, как и мое.

— Воспитание близнецов научит тебя терпению святого. Сомневаюсь, что твои братья смогут проверить меня.

— Посмотрим, — усмехнулся Савио. — И не задерживай дыхание. Римо не скоро достигнет святости.

— Я не хочу, чтобы он был святым, — сказала я, глядя на Невио и Римо, которые смотрели на меня своими невероятно темными глазами.

• — * — •

После завтрака, я спросила Нино, можем ли мы поговорить. Несмотря на подозрительное выражение лица Римо, мы направились в сад.

— Ты не одобряешь нашу свадьбу?

Нино оценил меня без тени эмоций.

— Нет. Я никогда не рассматривал брак как вариант для Римо, но это не значит, что я не думаю, что это хорошо. Это было для меня, несмотря на мое собственное нежелание в отношении брака.

Я кивнула.

— Кажется, я тебе никогда не нравилась.

— Дело не в неприязни, Серафина. Ты была нашей пленницей, врагом, и я не хотел, чтобы Римо потерял себя в этой игре. Я думал, это не сработает. Но я ошибался. Ты спасла его.

— Я не могла позволить своей семье убить его.

Нино покачал головой.

— Это не то, что я имею в виду.

Я ждала, глядя на профиль Нино, который смотрел куда-то вдаль.

— Мы с Римо запутались в том, что невозможно исправить. Чтобы кто-то принял нас такими, какие мы есть, нужно много прощения и любви. Наше прошлое ... оно сломало некоторые части нас.

— Римо никогда не говорит о прошлом.

Нино кивнул.

— Рано или поздно он тебе расскажет. Дай ему время.

— У нас вся жизнь впереди.

РИМО

После секса я держал Серафину в руках, прижимаясь грудью к ее спине, уткнувшись носом в ее мягкие волосы, наслаждаясь ее сладким ароматом.

Она провела пальцем по шрамам на моей ладони. Она часто так делала. Вначале это беспокоило меня, потому что это было частью меня, которой я не делился ни с кем, кроме Нино.

— Мне было девять, — начал я и замолчал, потому что даже с Нино никогда не обсуждал случившееся.

Казалось, всегда не хватало слов, чтобы передать наши общие ужасы. Запах крови заполнил мой нос, как всегда, когда я вспоминал тот день. Вскоре к металлическому запаху присоединился запах горячей ткани и кожи.

Пальцы Серафины на моей ладони замерли.

— Я люблю тебя, несмотря ни на что. Я слышала о каждом ужасе, который ты совершил, и я все еще здесь.

Она была. Я мог себе представить, о каких историях шептались в наряде, и все они были правдой. И Серафина испытала частичку нашей природы, когда я поймал ее, когда я порезал ее.

Глядя на выцветший белый шрам, я все еще чувствовал гребаную боль в груди. Я откинул ее волосы и поцеловал в затылок. То, что она нашла в своем сердце любовь ко мне, несмотря ни на что, то, что она доверила мне наших детей, казалось невозможным.

— Я знаю, кто я. Но мой отец был чудовищем в другом смысле. Ему нравилось мучить людей, которых он должен был защищать, так же, как и своих врагов, а может быть, даже больше. Моя мать любила и боялась его одинаково, и она позволяла ему унижать и мучить ее из-за этого. Позволяла ему делать то же самое с нами. Любовь сделала ее слабой.

Серафина покачала головой.

— Настоящая любовь не делает тебя слабым. Любовь, как это должно быть, делает тебя сильнее. Но нет места страху там, где есть любовь.

Я крепче обнял ее.

— Ты меня не боишься?

— Раньше боялась, но теперь нет и никогда больше.

Я прижался лбом к ее волосам. Мало кто меня не боялся. Мои братья и, возможно, Киара, и это было то, чего я хотел, ради чего я работал.

— В конце концов она возненавидела моего отца больше, чем любила, и решила наказать его единственным способом, который, как она думала, могла.

Я закрыл глаза, вспоминая тот день.

Мама вошла ко мне в спальню в длинной ночнушке, натянутой на живот. Она так и не уложила нас спать и не пожелала спокойной ночи, поэтому я напрягся, увидев ее в дверях. Я подготовил себя и братьев ко сну, пока она лежала на диване, уставившись в никуда.

— Римо, мой мальчик, ты можешь пойти со мной?

Я прищурился. Она казалась слишком заботливой, слишком любящей. Мой мальчик? Она говорила как мать. Она улыбнулась, и я сделал нерешительный шаг вперед, скорее с надеждой, чем с подозрением.

— Нино и Савио уже в моей комнате.

Это меня убедило. Я последовал за ней в спальню. На секунду мне захотелось взять ее за руку, но она никогда так не держала меня, а я уже был слишком большим. Как только я вошел в спальню, она захлопнула дверь и закрыла нас. Мои глаза заметили Нино, стоящего на коленях на полу и баюкающего свою руку. Все было красным. Красные ручейки стекали по его рукам, запястья были широко раскрыты.

Его глаза встретились с моими. Он не издавал ни звука, только плакал, истекая кровью. Кровь. Повсюду. Это забил мой нос.

Я лихорадочно искал Савио и нашел его неподвижным на кровати. Крик застрял у меня в горле, пока я не заметил, как поднимается и опускается его грудь. Не умер.

Мама встала передо мной и схватила меня за руку. Серебро вспыхнуло перед глазами, и я дёрнулся. Мои руки и лицо горели, когда лезвие разрезало меня. Я бил, царапался и ревел, отбиваясь от нее. А потом она остановилась и запах дыма наполнил комнату. Занавески горели. Мы сгорим. Мы все сгорим. Нино начал напевать, раскачиваясь взад и вперед, бледный и потный.

Я бросился к окну. Снаружи послышались крики людей отца. Я сорвал занавески, и пламя задело мои ладони, шею и руки, жадно обжигая мою кожу. Я закричал и разбил окно. Я помог Нино выбраться, потом схватил Савио и выпрыгнул из окна с ним на руках. Кости сломались, и я весь сгорел. Агония, чистая и всепоглощающая.

Глядя в окно, я видел плачущее отчаявшееся лицо нашей матери среди дыма и пламени. Она плакала, потому что я отнял у нее мечь, потому что я не умер с братьями, как мы должны были. Я хотел, чтобы она сгорела, хотел, чтобы она ушла из нашей жизни. Я хотел ее смерти.

Когда я закончил, Серафина молчала. Она сглотнула.

— Как мать может так поступать со своими детьми? Я бы умерла за Грету и Невио. Я никогда не причиню им вреда. И если ты когда-нибудь причинишь им боль, Римо, я убью тебя. Это обещание.

— Надеюсь ты это сделаешь, потому что если я причиню им боль, то заслужу только нож в сердце.

Серафина повернулась в моих объятиях, ее голубые глаза смотрели свирепо и доверчиво.

— Но ты никогда не причинишь им вреда. Я знаю, что нет, и ты защищаешь людей, которых любишь.

Я кивнул.

— Я не буду и никто не будет.

Я уничтожу любого, кто попытается.

Она провела пальцем по шраму над моей бровью.

— Я знаю, что это неправильно, но я хотела бы убить твою мать за то, что она сделала с тобой.

Моя грудь сжалась. Я не сказал ей, что моя мать все еще жива. Я поднес руку Серафины к своему лицу и поцеловал ее ладонь, а затем шрам, который я создал.

— Я не позволю втянуть тебя в мою тьму.

Однажды я убью свою мать. Когда-нибудь мы с Нино будем достаточно сильны, чтобы сделать это.

— Это не только твой выбор.

— Я правлю сотнями людей. Я могу быть очень убедительным, если постараюсь.

Она улыбнулась медленной, яростной улыбкой.

— Поверь мне, я знаю. Ты убедил меня влюбиться в моего похитителя. Но я могу быть очень упрямой.

Я притянул ее ближе.

— Это правда. Ты чуть не поставил меня на колени.

Она подняла идеальную белокурую бровь.

— Почти?

— Ты заставила меня лежать в собственной крови у твоих ног, разве этого недостаточно?

Я спросил, понизив голос.

— Никогда больше так не делай.

— Не буду. Следующая кровь, в которой я искупаюсь, будет не моей.

Понимание мелькнуло в ее глазах. Она вздохнула и поцеловала меня.

— Ты поклялся не убивать мою семью.

— Ангел, я поклялся не убивать их в тот день. Мужчины в твой семье высокопоставленные члены Наряда. Твой дядя гребаный Данте Кавалларо. Если я хочу выиграть эту войну, мне придется убить его, и я выиграю эту чертову войну. Потому что если я этого не сделаю, это сделает Кавалларо, а это значит, что Невио и Грета, ты, мои братья... не будете в безопасности. И мне все равно, скольких мне придется убить, чтобы гарантировать твою гребаную безопасность. Я убью всех, кто угрожает людям под моей защитой. — я коснулся ее шеи, поглаживая нежную кожу. — Ты не можешь получить все. Ты должна сделать выбор.

Она покачала головой.

— Я сделала свой выбор, Римо. Я выбрала тебя и буду выбирать снова и снова.

Черт. Я не заслуживал эту девушку.

СЕРАФИНА

Мы жили в Лас-Вегасе уже два месяца. Я начала чувствовать себя как дома, чем в Миннеаполисе с тех пор, как родила близнецов. Я продолжала посылать Сэмюэлю сообщения, но они стали менее частыми из-за его отсутствия реакции. Каждую неделю я посылала ему короткое сообщение, в котором сообщала, что со мной все в порядке, и фотографию нас с близнецами. Он пока не ответил, но я знала, что он прочитал их, и даже это было маленькой победой. Он не заблокировал меня. Он все еще хотел знать, как у меня дела, хотя теперь я была практически врагом. Война между Каморрой и Нарядом не закончится в ближайшее время, даже если на время все успокоится. Данте, вероятно, что-то задумал, и я была уверена, что Нино и Римо тоже не успокоятся.

Завтра у Римо день рождения, и даже если он его не отпразднует, я хочу подарить ему что-нибудь особенное. Трудно было придумать подарок для того, кто правил западным побережьем и мог купить все, что хотел, потому что деньги не были проблемой.

Мне потребовалось много времени, чтобы придумать что-то, что имело бы смысл и показало Римо, что он значит для меня. Рано утром, после очередной бессонной ночи с

близнецами, я подошла к Нино, который, как обычно, плавал в бассейне. Киара присматривала за детьми, так как они оба были довольно нуждающимися в данный момент из-за их прорезывания зубов.

Нино заметил, что я стою у бассейна и поплыл к краю.

— Что-то случилось?

— У меня к тебе просьба.

Нино вылез из воды. Мои глаза изучали мириады татуировок на его верхней части тела и бедрах. Нино посмотрел на меня с любопытством, и я поняла, что уставилась на него.

— Прости. Я не хотела пялиться, но мне интересно, где ты сделал свои татуировки.

Нино подошел к шезлонгу и взял полотенце.

— Некоторые из них я сделал сам. Те, до которых я не могу добраться, я сделал в тату студии неподалеку.

— Ты делаешь татуировки?

— Да, — сказал он. — А что?

Я колебалась.

— Потому что я хочу сделать татуировку. Ты можешь набить ее мне?

— Это зависит от того, что именно ты хочешь.

— Я хочу, чтобы у меня на шее были ангельские крылья, — сказала я, и румянец залил мои щеки под пристальным взглядом Нино. Я не была уверена, знает ли он прозвище Римо, но мне показалось, что это что-то личное.

— Крылья, я могу сделать ... если у тебя есть рисунок. Ты можете показать мне, где именно ты хочешь татуировку?

Он подошел ко мне, и я откинула волосы в сторону, обнажив затылок и коснувшись этого места.

— Здесь.

— Будет больно, — предупредил Нино.

Я послала ему взгляд.

— Я родила близнецов. Думаю, я справлюсь с иглой.

Нино наклонил голову.

— Это верно. Хотя я не могу оценить силу боли при родах, так как я никогда не испытывал ее, но я предполагаю, что это мучительно.

— Да, — сказала я. — Так ты сделаешь это?

— Если это твое желание, то да. Когда?

— Как можно скорее. Татуировка подарок Римо на день рождения.

Нино снова посмотрел на меня с легким любопытством.

— Мы можем сделать это во второй половине дня. Я могу установить все в одной из комнат.

— Спасибо, — сказала я.

— Поблагодари меня, как только все будет сделано, и ты будешь довольна результатом. — он помолчал. — Полагаю, ты не хочешь, чтобы Римо узнал об этом сейчас.

Я кивнула.

— Если можно.

— Это секрет, который я не прочь сохранить от брата.

Как и обещал, Нино устроил все в гостевой спальне в своем крыле. Я нервничала, несмотря на все мои намерения.

Когда я растянулась на животе на кровати, Нино источал спокойствие. Он продезинфицировал мою шею, прежде чем прикоснуться иглой к коже, и я вздрогнула от первого прикосновения. Вскоре я привыкла к жжению. Нино двигался быстро, тщательно, и я молчала, пока он работал, не желая отвлекать его. Когда он наконец закончил, я села и взяла зеркало, которое протянул мне Нино. Он держал второе зеркало за моей шеей.

Результат был более ошеломляющим, чем я могла себе вообразить. Я не знала, что можно рисовать такие замысловатые рисунки иглой. Перья на крыльях выглядели такими настоящими, что я ожидала, что они будут двигаться на ветру.

— Красиво, — призналась я.

Нино кивнул.

— Римо оценит твоё сообщение.

— Ты знаешь, что он называет меня ангелом?

— Я слышал, как он это говорил, да, и ты двойник его падшего ангела на спине.

— Ты тоже делал эту татуировку?

— Да. — пробормотал Нино.

— Почему сломанные, опаленные крылья? Падший ангел стоит на коленях, кончики перьев искривлены и горят.

Нино внимательно посмотрел на меня.

— Что Римо рассказал тебе о нашем прошлом?

— Он сказал мне, что ваша мать пыталась вас убить и что вы чуть не сгорели.

Лицо Нино напряглось, и он кивнул.

— Римо сгорел, чтобы спасти нас. Я никогда не спрашивал Римо о деталях, почему он хотел сделать татуировку, но я думаю, что это как-то связано с тем днем.

— Спасибо, Нино.

Нино слегка покачал головой.

— Нет, спасибо тебе.

• — * — •

Скрыть татуировку от Римо оказалось непросто. Она была прикрыта волосами, но когда я двигала головой, мне часто приходилось сдерживать себя, чтобы не поморщиться.

В тот вечер, уложив близнецов в постель, Римо притянул меня к себе в спальне, сжимая руками мой зад, прежде чем подняться выше. Он поцеловал меня и коснулся моей шеи. Я отпрянула, вздрогнув, прежде чем смогла остановить себя. Его глаза сузились.

— Что случилось?

Я хотела что-нибудь придумать, но Римо слишком хорошо умел распознавать ложь, а до его дня рождения оставалось всего два часа.

— Это должен был быть твой подарок на день рождения, — тихо сказала я, поднимая волосы и поворачиваясь так, чтобы он мог видеть мою шею.

Римо молчал, и я рискнула взглянуть на него через плечо. Он медленно поднял глаза от моих крыльев со странной улыбкой.

— Крылья.

Я улыбнулась.

— Потому что ты дал мне крылья.

Он покачал головой, его темные глаза смягчились.

— Ангел, — тихо сказал он, проводя пальцами по моей нежной коже. — У тебя все время были крылья. Нужно было только немного подтолкнуть, чтобы их расправить и полететь.

Я повернулась к нему лицом.

— Возможно, но я бы не сделала этого сама.

Сначала мы целовались медленно, но Римо быстро углубил поцелуй, и внезапно мы оказались на кровати, срывая одежду и поглаживая каждый дюйм обнаженной кожи, до которой могли дотянуться. Я толкнула Римо на спину, улыбаясь, и его ответная улыбка, полная желаний и доминирования, послала по мне укол возбуждения.

Наклонившись вперед, чтобы завладеть его ртом для поцелуя, я опустилась на его эрекцию, заставив от ощущения полноты. Римо приподнялся в сидячем положении, прижимая нас грудь к груди, учащенное сердцебиение к учащенному сердцебиению. Я задыхнулась от его движения внутри меня, от ощущения его силы, когда его руки обвилились вокруг моей спины. Я двигала бедрами, глубоко вгоняя его в себя, пока мы целовались.

Мы смотрели друг другу в глаза, как всегда, и эти темные глаза пленили меня с самого начала. Очень часто жестокие и беспощадные, но страстные и трепетные, когда они смотрели на меня, нежные и заботливые, когда смотрели на наших близнецов»

Когда мы оба нашли свое освобождение, мы так и остались завернутыми друг в друга, наше дыхание было прерывистым, тела скользкими от пота. Я провела кончиками пальцев по спине Римо, прослеживая место, где расправились крылья его падшего ангела. Он провел кончиками пальцев вверх, вдоль моего позвоночника, пока не добрался до моей новой татуировки.

Я слегка поморщилась, и прикосновение Римо стало еще мягче. Мое сердце было готово разорваться и выскочить из моей груди, посмотрев в его глаза. Римо внимательно посмотрел на меня, сдвинув брови.

Я вздохнула.

— Прости. После беременности я стала более эмоциональной. Надеюсь, это скоро пройдет. — я прочистила горло и положила ладонь ему на лопатку. — Что означает твоя татуировка? Ты знаешь, почему я сделала свою, но мне интересно, почему ты сделал свою.

В глазах Римо промелькнула настороженность, стены, к которым он привык, делая держать на месте.

— Это сделал Нино. Лет семь назад.

Я кивнула, показывая, что слушаю.

— Это падший ангел, как ты и сказала. Это падение, которое мы с Нино пережили в тот день, когда наша мать пыталась нас убить.

Мои брови сошлись на переносице.

— Падение? Ты спас своих братьев. Как это может означать падение?

Лицо Римо потемнело и исказилось, глаза смотрели куда-то вдаль, затравленные, злые.

— До того дня мы с Нино были невиновны. После этого стали. Мы уже испытали на себе изрядную долю насилия со стороны отца, но оно никогда не действовало на нас так, как в тот день. Пламя того дня опалило наши крылья, и началось наше падение во тьму. Мы стали теми, кто мы есть сегодня. Вот почему падший ангел стоит на коленях в лужах крови.

Я заметила, что падший ангел стоял на коленях в лужах какой-то жидкости, что несколько его опаленных перьев окунулись в нее, но я не поняла, что это была кровь. Какое-то мгновение я не знала, что сказать, как утешить Римо. Хватит ли слов, чтобы исправить

ужасы прошлого?

— Мне жаль, — тихо сказала я.

Взгляд Римо сфокусировался на мне, отрываясь от образов прошлого.

— Это не ты должна сожалеть. И я не прощу ее, как бы часто она ни извинялась. Но она никогда этого не делала.

Я замерла.

— Твоя мать не умерла в тот день?

— Нет. Хотя я и хотел ее смерти, я рад, что она выжила в тот день, иначе Адамо не было бы здесь. Она была беременна им.

Я покачала головой, совершенно сбита с толку тем, что сделала мать Римо.

— Где она?

— В психиатрической лечебнице. — голос Римо понизился и стал злобным. — Мы платим за это, чтобы она могла жить, дышать и существовать, когда она не должна этого делать.

— Почему ты не убил ее? — с кем-то другим я бы никогда не задала такого вопроса, но это был Римо. Убийство было в его натуре, и его слова ясно давали понять, что он ненавидит свою мать.

Римо прижался губами к изгибу моей шеи.

— Потому что, — прорычал он. — По какой-то дурацкой причине мы с Нино слишком слабы, чтобы убить ее. Мы не видели ее больше пяти лет. ...

— Савио и Адамо знают, что случилось?

— Савио уже давно знает. И мы поговорили с Адамо через несколько месяцев после его посвящения.

Я погладила Римо по шее.

— Ты не думал о том, чтобы снова навестить ее и попытаться найти выход?

Римо поднял голову, выражение его лица было суровым.

— Не будет никакого выхода, пока она не умрет. Я не хочу тратить на нее ни секунды своей жизни. Она уже мертва для меня. Ты, Грета и Невио вот что сейчас важно. Мои братья вот что важно. На этом все.

Я поцеловала его, чтобы показать, что понимаю. Я не думала, что это так просто. Их мать все еще доминировала в их жизни, но я уважала то, что Римо не был готов искать решение сейчас. Не мне в это вмешиваться. Однажды ему и его братьям придется встретиться лицом к лицу с матерью, и тогда, возможно, они смогут пройти мимо своих демонов.

Все, что я могла сделать, это показать Римо лучшее будущее. Будущее с семьей, которая любила его. У него всегда были только братья, но теперь у него были и мы.

Г Л А В А 32

• ————— * ————— •

РИМО

Серафина, Леона и Киара были заняты на кухне, выпекая праздничные торты для близнецов, чей первый день рождения был сегодня. Было уже около полудня. Я сомневался, что они успеют приготовить торт к обеду, но ничего не сказал.

— Кажется пустой тратой усилий создавать сложные торты в форме единорога и машины, когда их единственная цель быть съеденными, — прокомментировал Нино, когда

мы вышли из кухни, чтобы дать девушкам просторство.

Они нашли сложные торты в интернете, и были полны решимости воссоздать их для Греты и Невио.

— Мне плевать, но Серафина так чертовски рада тортам, так что, думаю, работа того стоит. Сомневаюсь, что детям будет не все равно. Они только запачкают себе руки о торт и размажут их по лицу, — сказал я, глядя на Грету, которую баюкал на сгибе руки.

Она чувствовала себя совершенно комфортно в моем присутствии, и это было похоже на один из самых больших триумфов в моей жизни, когда ее большие темные глаза смотрели на меня с доверием.

И клянусь своей гребаной честью и всем, что имеет значение, я никогда не сделаю ничего, чтобы предать это доверие. Когда она поначалу опасалась меня, это было похоже на удар ножом в сердце. Я всегда наслаждался страхом в глазах других, за исключением моих братьев, но с моими детьми и Серафиной я никогда не хотел видеть этого снова.

— Я никогда не рассматривал брак как вариант для нас двоих, — задумчиво сказал Нино, когда мы остановились у бассейна.

— Никогда не думал, что найду девушку, которую не захочу убить через несколько часов.

Грета одарила меня зубастой улыбкой, и я погладил ее волосы. Они стали довольно длинными и слегка вьющимися, как волосы Адамо.

— Хм, *моя дорогая*, готова к первому заплыву?

Невио уютно устроился в руке Нино и, как обычно, принялся хвататься за разноцветные татуировки. Я уже догадывался, что он хочет захочет сделать, когда вырастет.

Фабиано уже развалился на розовом поплавке с фламинго, которым пользовался Савио до того, как я запретил ему заниматься проституцией в особняке. Я закатил глаза.

— Это тревожное зрелище.

Фабиано пожал плечами.

— Здесь удобно.

Савио и Адамо играли в водный мяч у водопада в бассейне и, как обычно, пререкались.

Это было первое плавание для детей, так как у нас не было бассейна с подогревом раньше, и теперь он был установлен, когда дети стали частью нашего дома.

Нино медленно вошел в бассейн с Невио. Невио взвизгнул, улыбаясь мне. Мое гребаное сердце наполнилось гордостью. Этот мальчик ничего не боялся. Иногда меня даже беспокоило, насколько он похож на меня. Он попадет в беду, как только научится ходить.

Нино подошел к Фабиано, и Невио протянул руки, желая прокатиться на фламинго с Фабиано. Фабиано поднял на меня глаза, спрашивая разрешения. Я кивнул, выкручивая руку с татуировкой. Между нами это значило больше, чем просто клятву Каморре, больше, чем быть членом мафии.

В тот день, когда Фабиано поклялся мне, Каморре, он стал моей семьей, и я доверил ему своих детей. Я никогда не говорил ему, но понял, почему он вел себя так, когда я пытался вбить клин между ним и Леоной. Он хотел защитить ее, хотел защитить кого-то, кто мог видеть сквозь его гребаную тьму, того, кто любил его, несмотря ни на что.

Серафина изменила мой взгляд на вещи, и если бы это было в моем характере, я мог бы извиниться перед Фабиано за то, как я вел себя.

Фабиано протянул руки, и Нино передал ему Невио, который радостно брыкался ногами, пока не уселся на носу, держась за шею фламинго.

— Надеюсь, ты хорошо почистил эту штуку, — крикнул я Савио, который показал мне палец.

Я спустился по ступенькам в бассейн. В тот момент, когда ноги Греты коснулись воды, ее лицо исказилось, но я издал тихий успокаивающий звук, и она расслабилась. Повернув ее так, чтобы ее голова оказалась на одном уровне с моей, я опустил нас в теплую воду. Грета держалась за меня, критически глядя на воду. Через некоторое время она улыбнулась и ударила ладонью по воде.

Я подошел к поплавку с фламинго, но Грета крепче обняла меня, когда я попытался посадить ее на него. Невио что-то бормотал, его крошечные ножки шевелились, когда Фабиано держал его за талию. И Грета, и Невио были большими любителями лепетать, но они оба не сказали ни слова, кроме слова "мама", и в то время как Невио уже делал свои первые шаги, Грета только ползала. Она была осторожным ребенком и очень напоминала мне Нино.

Невио ухмыльнулся мне, сжимая шею фламинго, прежде чем протянуть руки.

— Папа. Пааап!

На мгновение я застыл, выражение моего лица стало неподвижным. Фабиано усмехнулся, и Нино сжал мое плечо. Я обнял Невио и прижал его к груди. Грета, хихикая, прижала мокрую ладонь к щеке Невио. Я пробрался через воду вместе с ними, опускаясь ниже, заставляя их кричать от радости.

Серафина направилась к нам в душераздирающе сексуальном белом бикини, Киара и Леона следовали за ней. Она опустилась на край бассейна.

— Мама! — Грета сказала, и я передал нашу дочь Серафине. Я подошел поближе и коснулся бедра Серафины. Она подняла брови.

— Что-то случилось? У тебя странное выражение лица.

— Невио сказал папа, — сказал я ей.

Она наклонилась и поцеловала меня, выражение ее лица было таким счастливым, что даже мое жестокое сердце наполнилось теплом.

— Папа, — подтвердил Невио, снова ударив по поверхности ладонью и разбрызгав воду.

Серафина с мягкой улыбкой покачала головой и скользнула в воду, прижимая к груди Грету.

— Это близко к совершенству, — сказал я, указывая на людей, собравшихся вокруг нас. — Каждый, кто имеет значение здесь.

И я, блядь, буду защищать их всех ценой своей жизни.

Тень шока пробежала по лицу Серафины, и она отвела взгляд, моргая. Я обнял ее за шею, сближая наши лица. Она встретилась со мной взглядом.

— Я знаю, ты скучаешь по ним, особенно по брату.

Она кивнула.

— Да, и я хочу, чтобы ты познакомился с Софией и моей мамой. Хотела бы я, чтобы они видели тебя таким, какой вижу я.

Серафина видела меня таким, каким большинство людей никогда бы не увидели, потому что я никогда бы им этого не позволил.

— Я не могу обещать тебе мира. Это не только мой выбор, и между Каморрой и Нарядом много плохой крови. Я не отступлю, особенно когда Кавалларо первым вторгся на мою территорию.

Мне все еще хотелось искупаться в крови Кавалларо, и я знал, что он разделяет это

чувство. Мира никогда не будет.

— Я знаю и могу с этим справиться. Теперь это моя новая семья, и я счастлива, что мы с детьми здесь, где нам и место. — она замолчала и вздохнула. — Я не могу не скучать по своей семье, особенно по Сэмюэлю. Мы всегда были так близки, а теперь я так давно ничего о нем не слышала. Это тяжело.

Я привык справляться со всем, привык, чтобы все шло по-моему, но это было единственное, что я не мог изменить для нее. Я не собирался предлагать Кавалларо мир, даже когда нападение на Арену Роджера было организовано Скудери, но нападение на нашу гонку в Канзасе определенно было его. Он пытал моего брата. Это была еще одна вещь, которую я не мог легко забыть. Я хотел, чтобы они истекали кровью. По крайней мере, Данте гребаный Кавалларо.

Грета и Невио снова хихикнули. Лицо Серафины просветлело, и она улыбнулась мне. Черт. Эта улыбка заводила меня каждый раз.

СЕРАФИНА

Невио был маленьким вихрем, и с тех пор, как он начал ходить, стало только хуже. Это было за день до нашей свадьбы и всего через четыре дня после дня рождения близнецов, и Киара была занята последними приготовлениями, хотя это было небольшое дело. У Адамо была обязанность няньки для Невио, которая в основном состояла в том, чтобы бежать за ним и убедиться, что он не сломает шею или что-нибудь не сломает.

Каждый раз, когда Адамо поднимал Невио на руки, он начинал протестующе выть. Я понимающе улыбнулась Адамо, когда он вздохнул.

— Я могу заменить тебя, если хочешь?

Адамо застенчиво улыбнулся.

— Мне нужен перерыв.

Усмехнувшись, я забрала у него Невио и посадила на бедро, несмотря на его громкий протест.

— Мам, нет. Нет. Нет. Нет!

— Я так ждал, когда они заговорят, — сказал Римо со своего места на одеяле, где он играл с Гретой, пытаясь одновременно работать на своем Айпаде. — Но Невио слишком любит слово "нет", на мой вкус.

” Нет“, ”мама “ и ”папа“ были единственными словами, которые Невио освоил до сих пор.

— Нет! — взревел Невио.

Я рассмеялась Римо покачал головой.

— Невио, хватит.

Невио нахмурился, его губы надулись.

— Нет?

Губы Римо дрогнули.

— Если ты будешь вести себя тихо, я отпущу тебя, — сказала я.

Невио посмотрел на меня, потом на Римо, явно не уверенный, что наше предложение того стоит.

Грета подползла ближе к Римо, и он снова посмотрел на нее. Она прижала руки к его ногам и медленно оттолкнулась, приподняв попку, затем, спотыкаясь, поднялась на ноги.

Римо протянул руку, и она обхватила его указательный палец своей крошечной

ручонкой, а другие пальцы Римо накрыли ее пальцы, поддерживая ее, и мои глаза наполнились слезами.

— Хорошо, — подбодрил ее Римо.

Она посмотрела на него удивленно и все еще неуверенно. Она сделала нерешительный шаг, и он улыбнулся.

— Очень хорошо, *моя дорогая*.

Ее улыбка стала шире, она сделала несколько нескоординированных неуверенных шагов и наткнулась на него. Он замер, когда она вцепилась в его рубашку и палец, глядя на него с абсолютным доверием.

Я опустила Невио на пол, потому что видела, что он хочет присоединиться к ним. Как только его крошечные ножки коснулись пола, он заковылял к Грете и отцу. Римо обернул руку вокруг него.

Грета отпустила рубашку Римо и сделала то же самое движение, когда хотела, чтобы ее подняли. Она по-прежнему предпочитала быть на руках. Римо положил одну руку ей под зад, а другой придержал и прижал к груди. Он протянул руку Невио.

— На руки?

Невио кивнул, и Римо наклонился, чтобы поднять его. Он выпрямился с детьми на бедрах и поцеловал их в макушки. Его глаза нашли мои, и мне было все равно, что он видел мои слезы. Сегодня я с радостью отдала их ему.

В глазах стольких людей Римо был безнадежен.

Он был самым жестоким человеком, которого я знала.

Но каждой клеточкой своего тела я знала, что он никогда не причинит вреда нашим детям. Он защитит их. Они были Фальконе.

Они принадлежали ему. *Нам*.

Мы оба умрем за них, друг за друга.

Завтра я официально стану Фальконе, и мои дети тоже. Я знала, что мы все будем носить эту фамилию с гордостью.

Г Л А В А 33

• ————— * ————— •

СЕРАФИНА

Свадьба была назначена на вторую половину дня. Я выбрала платье в стиле бохо без жемчуга и лифа. Вверх был связан с V-образным вырезом, а юбка свободно струилась по моему телу, касаясь пола мягкими волнами. Мои волосы были распущены и спадали на плечи.

Я позволила себе еще раз взглянуть на свое отражение. Этот день так отличался от моего последнего свадебного дня. Тогда я боялась неизвестности, но была полна решимости сделать то, что от меня ожидали, и выйти замуж за человека, которого едва знала и определенно не любила. Сегодня я была абсолютно уверена в своей любви к будущему мужу. Римо держал мое сердце железной хваткой, и я не хотела бы, чтобы было по-другому.

Любовь может расцвести в самом темном месте, и наша расцвела дико, свободно, неукротимо.

Я не думала, что могу испытывать к кому-то такие чувства; иногда я мечтала об этом или глупо надеялась, но я знала, что это редкий дар в наших кругах.

Я вышла из спальни и пошла по тихим коридорам особняка, который стал моим домом

и убежищем для Греты и Невио. Фальконе. Фамилия, которое мы все будем носить с гордостью. Фамилия, которое наши дети всегда смогут произнести с высоко поднятой головой.

Адамо ждал меня в игровой комнате и улыбнулся, заметив меня. Французские окна были открыты, и в комнату врывался легкий ветерок, теплый и успокаивающий. Адамо был одет в слаксы и белую рубашку и подстрижен, чтобы укротить свои растрепанные кудри. На глаза навернулись слезы, грудь болезненно сжалась.

Это должен был быть Сэмюэль. Я хотела, чтобы он был рядом в один из самых важных моментов моей жизни. Он должен был проводить меня к алтарю. Это всегда должен был быть он, но его здесь не было.

Адамо протянул руку, и я вложила в нее свою. Он сжал ее.

— Однажды твоя семья поймет. Однажды наступит мир.

Я посмотрела на него, на его добрую улыбку и теплые глаза, затем опустила взгляд на ожог на его предплечье, на зажившие порезы. Иногда я все еще видела затравленный взгляд на его глазах, и я задавалась вопросом, скрывал ли он худшую часть своей борьбы от нас. Он почти не бывал дома. Столько боли и страданий во имя мести и чести.

— Хотеть мира после того, что моя семья сделала с тобой?

— Ты выйдешь замуж за человека, который похитил тебя.

Я рассмеялась. Он меня поймал. Если бы кто-нибудь сказал мне в день моей почти свадьбы с Данило, что я когда-нибудь подумаю о том, чтобы стать Фальконе, я бы рассмеялась им в лицо. С тех пор многое изменилось. Тогда я почти не знала эту девушку. Ее заменил кто-то более сильный.

Адамо слегка потянул меня за руку и указал в сторону сада.

— Пойдем. Они все ждут, а ты знаешь Римо. Терпение не его сила.

Нет, терпение не про него, но он ждал меня не раз.

Адамо вывел меня из особняка и повел мимо бассейна к на лужайке, где собрались все.

Мои босые ноги коснулись теплой травы, и тут я заметила Римо в конце прохода под белой деревянной аркой, и чувство правоты наполнило меня. Кроваво-красные розы тянулись по арке, красиво контрастируя с белыми. Киара все организовала с помощью Леоны.

Это не был большой праздник с сотнями гостей, большинство из которых не заботились ни о ком. Были только мы, братья Римо, Фабиано, Киара, Леона и близнецы. Не приглашая всех младших боссов Каморры, Римо рисковал оскорбить многих, но, зная его, ему было наплевать, а его солдаты, вероятно, знали, что лучше не выражать свое недовольство, если они это почувствуют.

В темных брюках, черной рубашке и кроваво-красном жилете Римо представлял собой настоящее зрелище. Высокий, смуглый и жестоко красивый. Его глаза обжигали меня даже издали, и один уголок его рта приподнялся в кривой улыбке, всегда на грани темноты, которую я любила.

— Готова? — спросил Адамо, когда мы подошли к началу длинного прохода из белых лепестков. Я даже не хотела знать, сколько времени Киара и Леона потратили на то, чтобы аккуратно расставить их, но они настояли на этом.

— Да, — я могла сказать это без сомнения, без колебаний.

Все собрались по обе стороны арки. Киара держала на руках Грету, а Нино Невио. Я не могла дождаться, когда они тоже станут родителями.

И тут я заметила белокурую голову, склонившуюся набок, в стороне от остальных, у самой кромки, и мое горло сжалось. Мой взгляд встретился с Сэмюэлем. Он стоял, засунув руки в карманы, с непроницаемым выражением лица. На мгновение я была полностью парализована своими эмоциями. Чистая радость и проблеск беспокойства, потому что между Каморрой и Нарядом определенно не было мира. Я отбросила последнее чувство в сторону, сосредоточившись на том, что мой близнец, мой Сэмюэль был здесь в один из самых важных дней моей жизни.

Мы с Адамо пошли по проходу. Мне все еще хотелось, чтобы Сэм шел рядом со мной, но я понимала, почему он не мог, почему его гордость не позволяла ему передать меня Римо.

Я перевела взгляд с Сэмюэля на человека, который захватил мое сердце с дикой страстью. Темные глаза Римо не отрывались от моих, когда я направилась к нему.

Когда мы подошли, Грета заметила меня и широко улыбнулась. Единственный лепесток прилип к уголку ее рта. Вот почему Киара покупала только съедобные цветы. Она прекрасно ладила с детьми.

Мое сердце переполнено любовью ко всем им. Невио стоял рядом с Нино, вернее, держался за его ногу, но я видела, что он устал стоять на месте. Скоро он будет бродить по саду на нетвердых ногах.

Я отпустила Адамо и взяла протянутую руку Римо. Улыбнувшись Римо, я прошептала.

— Как? Как ты заставил Сэмюэля прийти?

Мои глаза на мгновение метнулись к близнецу, недоверчивые и невероятно счастливые.

Я снова посмотрела на Римо, пытаюсь сдержать эмоции. Римо провел большим пальцем по тыльной стороне моей ладони, его темные глаза наполнились теплом, которым он не одаривал многих.

— Я поклялся, что он будет в безопасности, если придет. Я звонил ему с твоего телефона. Это был сложный процесс.

Я сглотнула. Я могла себе представить, сколько времени и усилий потребовалось, чтобы убедить Сэмюэля приехать сюда и так рисковать. И я знала, что Римо должен будет отпустить часть своей гордости, чтобы сделать шаг навстречу моему брату, врагу. Он сделал это для меня.

— Он пытал тебя, чуть не убил....

Римо сжал мою руку.

— Я делал и похуже. Я забрал тебя у него. На его месте я бы тоже не простил.

— Спасибо, что привел его сюда, Римо.

Я коснулась его груди, надеясь, что он увидит, как сильно я люблю его.

— Что бы там ни было, это твое, — сказал он с мрачной улыбкой.

— И я люблю каждую *частичку тебя*, хорошую, плохую, светлую, темную, даже самые черные твои уголки.

Глаза Римо вспыхнули яростной любовью.

Нино провел церемонию, так как мы не хотели никаких посторонних вокруг, в наш особый день. Разрешение он получил совсем недавно, что не представляло большой проблемы в Лас-Вегасе.

Мы провели церемонию коротко, отказавшись от длинной традиционной речи, прежде чем произнести наши клятвы. Мы выбрали друг для друга кольца, которые еще не видели.

Я взяла Римо за руку и надела кольцо. Это было черное кольцо из карбида вольфрама с инкрустацией из черного дерева. Римо удивленно поднял брови.

— Карбид в два раза прочнее стали, — прошептала я. — Потому что ты самый сильный человек, которого я знаю. — я улыбнулась вспышке обожания в его глазах. — И черное дерево, потому что дерево долговечно и потому что ты дал не только мне корни, но и нашим детям и твоим братьям.

По выражению лица Римо я поняла, что сделала правильный выбор, и облегчение наполнило меня.

Он взял мою руку и надел кольцо в форме двух переплетающихся крыльев, одно из которых было усыпано белыми бриллиантами, а другое черными драгоценными камнями.

— Белое крыло представляет тебя, — тихо сказал Римо, наклоняясь ближе, чтобы только я могла его слышать. — Потому что ты чистое совершенство, мой *ангел*. А черное крыло с черными сапфирами символизирует меня, мою тьму, которую тебе удастся принять.

Римо поцеловал меня, его пальцы коснулись татуировки на моей шее.

— Ты освободил меня, — сказала я хриплым от эмоций голосом.

Он покачал головой, и наши губы соприкоснулись, его глаза потемнели.

— Это меня нужно было освободить.

Я страстно поцеловала его. Освободиться от оков прошлого. Когда мы отстранились, я поняла, что все сделали несколько шагов назад, чтобы дать нам уединение. Мои глаза были прикованы к Сэмюэлю, выражение лица которого было каменным.

Мне нужно было поговорить с ним, обнять его. Римо сжал мою руку, показывая, что все в порядке.

Я направилась к Сэмюэлю, и Римо отпустил мою руку, но мои пальцы вцепились в него, увлекая за собой.

— Ангел, у тебя была одна испорченная свадьба. Ты хочешь добавить кровавую в свой список?

Я взглянула на него.

— Ты не нападешь на моего брата.

Его взгляд скользнул мимо меня.

— Я не нападу.

— И Сэмюэль не нападет на тебя, — твердо сказала я.

Сэмюэль стоял, выпрямившись во весь рост, с суровым выражением лица. Наконец я отпустила руку Римо, и он отступил на несколько шагов, пока я преодолевала оставшееся расстояние между мной и Сэмом.

Я остановилась прямо перед своим близнецом. Я посмотрела на Сэмюэля, и он опустил взгляд на меня, и, несмотря на все, что я сделала, несмотря на все, что он знал, выражение его лица смягчилось любовью и нежностью.

Я начала плакать, потому что не понимала, как сильно я скучала по нему, как сильно я жаждала его прощения.

— Ты пришел.

Я обняла его за талию, и он обнял меня в ответ.

— Я сделаю для тебя все, Фина, даже посмотрю в глаза человеку, которого хочу убить больше всего на свете.

Мы оставались в объятиях друг друга в течение нескольких минут, стараясь, чтобы каждая секунда длилась целую жизнь, потому что мы знали, что в будущем будет мало таких шансов.

Я отстранилась, вглядываясь в его голубые глаза.

— Они не знают, что ты здесь.

— Никто не знает. Если они это узнают ... это будет считаться предательством. Мы на войне.

— Ты слишком рискуешь ради меня, — прошептала я.

— Я недостаточно рисковал. Вот почему мы стоим здесь сегодня. — он вздохнул. — Я получил все твои сообщения. Я читал их и хотел ответить так часто, но я был идиотом. Я был зол и обижен.

Я коснулась его щеки.

— Прости меня.

— Фина, я прощу тебе все. Но его... — Сэмюэль указал на Римо,

— Его я никогда не прощу за то, что забрал тебя у нас, у меня. Ни за один миллион лет.

Я сглотнула.

— Я люблю его. Он отец моих детей.

Сэмюэль поцеловал меня в лоб.

— Вот почему я не всажу ему пулю в голову сегодня, даже если я решил сделать это по дороге сюда.

Любовь Сэмюэля ко мне мешала ему убить Римо, а любовь Римо ко мне мешала ему убить моего близнеца. Мне хотелось, чтобы их любовь заставила их забыть вражду, забыть старую ненависть.

— Ты будешь в безопасности?

— Не беспокойся обо мне, Фина. — он поднял взгляд на человека позади меня. — Мне не нужно спрашивать, будешь ли ты в безопасности, потому что его глаза говорят мне все, что мне нужно знать. Он чертов кровожадный ублюдок, но ублюдок, который убьет любого, кто посмеет взглянуть на тебя неправильно.

Я оглянулась через плечо на Римо, который пристально смотрел на нас. Он выглядел расслабленным для кого-то, кто не знал его очень хорошо, но я уловила легкое напряжение в его мышцах, бдительность в его глазах. Он не доверял Сэмюэлю. Под аркой Нино продолжал бросать оценивающие взгляды в нашу сторону.

— Римо пройдет через огонь ради меня и наших детей, — прошептала я.

Сэмюэль кивнул. Я видела, что ему нужно идти. Он был окружен своими врагами, и даже если я знала, что он в безопасности, потому что Римо объявил его таковым, он чувствовал себя некомфортно.

— Я увижу тебя снова? Я не могу потерять тебя, Сэм.

Сэмюэль прижался лбом к моему лбу.

— Ты меня не потеряешь. Не знаю как, но я постараюсь говорить с тобой по телефону и отвечать на твои сообщения. Но я не могу прийти сюда снова. И ты не можешь прийти на территорию Наряда.

— Спасибо, что пришел.

Он снова поцеловал меня в лоб. Затем, бросив еще один тяжелый взгляд на Римо, он пошел прочь, не поворачиваясь к нему спиной, потому что не доверял обещанию Римо.

Когда он наконец исчез из виду, я резко выдохнула. Горько сладкое счастье наполнило меня.

Римо подошел ко мне сзади, обхватил руками мою грудь и притянул к себе.

— Ты увидишь его снова. Он тебя не бросит. Он такой же упрямый как ты.

Я бросила на него возмущенный взгляд.

— Я не упрямая.

— Конечно, нет.

Он поцеловал мою лопатку, а затем слегка прикусил изгиб моей шеи, заставляя меня дрожать от желания. Мне не терпелось остаться с ним наедине.

РИМО

Серафина практически дрожала от возбуждения, когда я повел ее в нашу спальню после свадебного застолья. Она была прекрасной невестой, свободной, неукротимой и сияющей счастьем. Она была всем, чем должна была быть.

Когда мы вошли в спальню, она толкнула меня к двери и закрыла ее. Приподнявшись на цыпочки, она прижалась ко мне всем телом, запустив пальцы в мои волосы и ощутив вкус моих губ. Блять. Я встретил ее язык голодом и потребностью, когда мои руки обхватили ее задницу через платье, крепко сжимая. Она застонала мне в рот, потерлась грудью о мою грудь. Одна ее рука скользнула вниз по моей груди и сомкнулась на моем члене, который уже был болезненно твердым.

Я покачал бедрами, прижимаясь к ее ладони. Схватив Серафину за руку, я развернул нас, зажав ее между дверью и своим телом, ее рука была поднята над головой, прижата к дереву.

— Такой властный. — поддразнила она, и я заставил ее замолчать более резким поцелуем, прижимаясь к ней, чтобы показать, что ее ждет. Я подобрал ее длинную юбку.

— Подними ее, Ангел, — приказал я.

Она прикусила губу, сдерживая улыбку. Ее пальцы скользнули по ткани, и она подняла ее, открыв тонкие кружевные стринги.

Я опустился на одно колено, мрачно улыбаясь, когда я опустил тонкий кусок белья вниз по ее ногам, открывая ее киску для меня.

— Помнишь, когда я впервые попробовал твою киску?

Она немного расширила свою позицию, делая небольшое нетерпеливое покачивание тазом.

— Как я могу забыть? Это было лучшее, что я когда-либо чувствовала. — ее голос был тяжелым от возбуждения.

— Я сделаю сегодняшней день еще лучше, — пообещал я.

— Пожалуйста, Римо, просто попробуй меня.

Я подсунил ладонь ей под колено и открыл ее, прижав ее ногу к двери. Наконец, я наклонился вперед и лизнул. Отстранившись, я прохрипел.

— О, ангел, ты уже так чертовски готова к моему члену.

Ее глаза сузились.

— Мне все равно. Сначала я хочу твой язык. А теперь замолчи.

Я усмехнулся, до смешного возбужденный ее желанием и властностью. Засунув в нее два пальца, я начал сосать ее клитор. Она вскрикнула, одной рукой сжимая мою голову, в то время как я попеременно посасывал ее комочек и ее мягкие губы, в то время как мои пальцы глубоко работали в ней.

Ее влажность и пьянящий запах ее возбуждения сводили меня с ума от желания, мой член был близок к горению. Я просто хотел трахнуть ее, но сначала она получит то, чего хочет. Ее стоны и всхлипы стали более отчаянными, когда я подвел ее близко к краю, только чтобы освободить клитор и пососать внутреннюю часть ее бедра, мои пальцы замерли.

— Римо, — сказала она, наполовину сердясь, наполовину отчаявшись.

Я сомкнул рот над ее клитором, вонзив в нее пальцы, и Серафина выгнулась, выкрикивая мое имя, когда ее освобождение сотрясло ее тело. Я продолжал толкаться и сосать, пока она не начала дергаться, ошеломленная ощущением. Выскользнув пальцами из ее неё, я погрузил в нее язык, заставив ее издать еще один низкий стон. Я поднялся на ноги, спустил штаны и прижался губами к ее губам, чтобы она могла попробовать себя на вкус.

— Готова к тому, чтобы тебя трахнули прямо сейчас? — прорычал я.

— О да, — простонала она, ее мраморные щеки вспыхнули от желания.

Я приподнял ее к двери, ее платье собралось между нашими телами, когда Серафина обхватила ногами мои бедра. Встретившись взглядами, я вошел в нее одним сильным толчком. Ее стенки сомкнулись вокруг моего члена, и она запрокинула голову назад со вздохом, обнажая свое идеальное горло. Я отметил ее безупречную кожу, мои пальцы впились в ее мягкие бедра, когда я врезался в нее снова и снова.

Она прижалась к моим плечам, ее губы приоткрылись, веки прикрылись от удовольствия. Ее хватка стала болезненной, когда она приближалась к оргазму, ее каблуки впились в мою задницу.

Я застонал, мои яйца напряглись, но я продолжал толкаться в нее, прижимая ее к стене, а затем она замерла с красивым криком. Потребовалось все мое гребаное самообладание, чтобы не быть сметенным с ней. Кряхтя, я продолжал покачивать бедрами, пока она не смягчилась, и ее голова не упала вперед для нескоординированного поцелуя.

— Не устраивайся поудобнее. Я еще не закончил с тобой. — сказал я грубо.

Она улыбнулась мне в губы, ее светлые волосы прилипли к ней и моему лбу, когда я нес ее к нашей кровати. Я бросил ее на матрас, и она возмущенно фыркнула, ее ноги уже раздвинулись в приглашении.

Я покачала головой с мрачной улыбкой.

— На колени.

Она перевернулась, подставляя свои круглые ягодицы, затем опустилась на колени на кровать. Вид ее, ожидающей меня, заставил мой член дернуться.

Я наклонился над ней и укусил за ягодицу, прежде чем притянуть ее к своему члену. Я уловил легкое напряжение ее мышц, то, как она напряглась, но она расслабилась, стала мягкой, когда я скользнул в ее киску, а не в ее задницу.

Мы пробовали несколько раз. Он всегда был моим любимым до нее, но я мог сказать, что Серафина делала это только ради меня. Ей это не нравилось, и, в свою очередь, это потеряло свою привлекательность для меня. Я хотел, чтобы Серафина сходила с ума от похоти, а не напрягалась от дискомфорта.

Я установил жесткий, быстрый ритм, мои яйца шлепали по ее киске. Серафина просунула руку под ее тело и начала поглаживать клитор, при этом проводя ногтями по моему члену, сводя меня с ума.

Наклонившись вперед, я отвел ее волосы в сторону, чтобы увидеть ее чернильные крылья. Я уже был близко, и когда я врезался в Серафину глубже, чем раньше, я, наконец, кончил. Серафина тоже была поймана моим оргазмом и поднялась, ее руки подались, когда ее собственное освобождение ударило ее. Я продолжал вколачиваться в нее, пока полностью не выдохся.

Я шлёпнул ее по заднице, прежде чем выйти и опустился рядом с ней. Она прижалась ко мне, наше дыхание было прерывистым, тела скользкими от пота. Мы обменялись медленным, долгим поцелуем.

Я обнял ее за плечи, и Серафина взяла наши руки в свои. Крылатое кольцо с бриллиантами и черными сапфирами идеально смотрелось на ее длинном пальце. Я заказал его для нее, и ювелиру потребовалось несколько попыток, чтобы получить именно то, что я хотел. Его лоб всегда покрывался испариной в тот момент, когда я наносил ему визит.

Серафина застала меня врасплох своим выбором, но она не могла выбрать лучше. Черный карбид с эбеновым центром не казался чужеродным на моей руке, как я боялся. Я никогда не носил никаких украшений и думал, что никогда не надену. О браке не могло быть и речи. Я никогда не понимал его привлекательности. Я общался с братьями, и в моем распоряжении было достаточно девушек для секса.

Я никогда не любил ни одну девушку, кроме Киары, может быть, но это был другой вид заботы. А потом пришла Серафина, мой ангел, девушка призванная быть мой величайший триумф, и она была ей, но только не так, как я думал.

— О чем ты думаешь? — пробормотала Серафина, ее голос был медленным и расслабленным.

— Что ты мой величайший триумф.

Она посмотрела на меня.

— Я королева. Ты король. И ты использовал меня, чтобы поставить шах и мат.

Ее голос был мягким и дразнящим, потому что она знала, что я не это имел в виду, больше нет.

— Если кому и поставили мат, так это мне, — пробормотал я.

— Ты сбила меня с ног, стёрла мою решимость, захватила мое жестокое черное сердце.

Она подняла голову.

— Ни у кого из нас не был поставлен мат. Мы оба выиграла. Мы есть друг у друга. У нас есть Невио и Грета.

— Чтобы выиграть, нужно было что-то потерять.

Она кивнула, но в ее глазах не было печали.

— Я потеряла. Но потеря чего-то заставляет тебя ценить то, что у тебя есть намного больше. Я ни о чем не жалею, потому что это привело меня сюда. Я люблю тебя всеми фибрами души.

Я притянул ее к себе для поцелуя, все еще ошеломленный тем, что она может любить меня после того, что я сделал. Я легонько провел пальцем по почти невидимому шраму на ее предплечье.

— И я люблю тебя, — хрипло пробормотал я. Я никогда не думал, что произнесу эти слова кому-то, хотя я признался в своих чувствах Серафине раньше. — Потому что ты каждый день бросаешь вызов моей тьме, потому что ты должна бежать, но не делаешь этого, потому что ты дала мне величайший дар из всех, наших детей и себя.

— Я с радостью встречаю твою тьму, потому что твой свет сияет на ее фоне еще ярче, — сказала она.

Я страстно поцеловал ее. У этой девушки было мое жестокое сердце. У неё всегда оно будет.

Я был жесток.

Я был вне искупления, но мне было все равно, пока Серафина ... пока Невио и Грета видели что-то искупительное, когда смотрели на меня. Я бы никогда не предал их любовь и доверие. И если кто-нибудь осмелится отнять их у меня, я покажу этим несчастным ублюдкам, кем я был для тех, на кого мне было наплевать: самым жестоким человеком

Запада.

КОНЕЦ